БОРИС
АКУНИН

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Царь
Петр Алексеевич

Annotation

Тридцатилетие, в течение которого царь Петр Алексеевич проводил свои преобразования, повлияло на ход всей мировой истории. Обстоятельства его личной жизни, умственное устройство, пристрастия и фобии стали частью национальной матрицы и сегодня воспринимаются миром как нечто исконно российское. И если русская литература «вышла из гоголевской шинели», то Российское государство до сих пор донашивает петровские ботфорты. Эта книга про то, как русские учились не следовать за историей, а творить ее, как что-то у них получилось, а что-то нет. И почему.

- Борис Акунин
  -
  - Предисловие
  - Личность
    - Воспитание
    - Характер
    - Частная жизнь
  - События
    - Царь, который не хочет царствовать
    - Первые шаги
    - Большое путешествие
    - Подготовка к войне
    - Тяжелое время
    - Маленькие победы
    - Снова испытания
    - Решающая фаза великой войны
    - Новые триумфы и катастрофа
    - Потерянное время
    - Война затягивается
    - Принуждение к миру
    - Последние годы
  - Перемены
    -
    - Правительственный аппарат

        - Центр и провинции
        - Законы
        - Армия и флот
        - Экономика
        - Сословия
        - Церковь
        - Дипломатия
        - Европеизация
    - Соратники
        -
        - «Забавной и роскошной»
        - «Либсте камарат»
        - «Монстра»
        - Незаменимый
        - Сухопутный адмирал
        - Герой «Малой войны»
        - «Прямой старик»
        - Надежный исполнитель
        - Царский спаситель
        - Мастер темных дел
        - Ловкий человек
        - Государево око
        - Тень, знавшая свое место
        - Чернокнижник с Сухаревой башни
        - Боевые генералы
        - Прибыльщики
    - Заключение. Россия становится империей

Борис Акунин
Азиатская европеизация. История Российского государства. Царь Петр Алексеевич

Рецензенты:
М.В. Бабич, доктор исторических наук (РГАДА)
А.Б. Каменский, доктор исторических наук (НИУ ВШЭ)
И.В. Курукин, доктор исторических наук (РГГУ)

Карты – *М.Д. Романова*
Художник – *И.А. Сакуров*

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами МИА «Россия сегодня», Diomedia и свободными источниками

© B. Akunin, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*** * ***

Предисловие

Период, описываемый в этой книге, очень короток, даже короче царствования Петра I (1682–1725), потому что поначалу монарх правил лишь номинально, и события тех лет изложены в предыдущем томе. Однако тридцатилетие, в течение которого Петр Алексеевич проводил свои преобразования, имеет огромную важность. Оно определило последующую судьбу страны и существенно повлияло на ход мировой, прежде всего европейской истории.

Произошло весьма значительное переустройство российского государства, притом не в результате национальной катастрофы, как в пятнадцатом веке после монгольского ига или в семнадцатом после Смуты, а вследствие сознательно осуществленных реформ. Этот опыт заслуживает внимательного изучения.

Реконструкция государства была вызвана причинами вполне объективными (несовершенством прежней модели), но в ее ходе прослеживается немало и субъективного, идущего от личности человека, который инициировал и возглавил этот процесс, а поскольку личность была довольно причудливой, столь же колоритной получилась и эпоха.

Писать о Петре и его времени оказалось очень непросто.

У нас есть четыре крупных исторических деятеля, отношение к которым окрашено сильными эмоциями: Иван Грозный, Ленин, Сталин – и Петр Великий. Об этих правителях страстно спорят не только историки. Каждое имя здесь – символ, за которым стоит определенная идеология и свой взгляд на государственное устройство.

Из-за Петра ломали и ломают меньше копий, чем из-за трех остальных, но тем чаще на него ссылаются, ставят в пример и назидание. Этим правителем у нас обычно восхищаются, его чтут и любят, однако полного единодушия тут все же никогда не существовало. Да, большинство авторов оценивают первого императора с большей или меньшей степенью восторженности, а тех, кто отказывается признавать за Петром величие, очень немного – но все же они есть, в том числе такие, от которых не отмахнешься.

Приведу две полярные оценки. Они принадлежат не ученым, а литераторам, величие каждого из которых – если уж говорить о

величии – не уступает петровскому.

Благоговейно-признательная точка зрения большинства отражена в хрестоматийных строках Пушкина:

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Но вот у Льва Толстого фигура Петра вызывает омерзение и ужас: «Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живых в землю, заточает жену, распутничает, мужеложствует, пьянствует, сам забавляясь рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных членов и подобиями Евангелий – ящиком с водкой славит Христа, т. е. ругается над верою, коронует б… свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына, и умирает от сифилиса, и не только не поминают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему» (знаменитый фрагмент из черновика к рассказу «Николай Палкин»).

Доблести Петра действительно восхвалялись во все времена: и при монархии, и в СССР, и в постсоветской России. Дело в том, что этот правитель импонирует обоим исстари противоборствующим лагерям – как «государственникам», так и «либералам», но очень по-разному. Первым царь нравится как создатель мощной военной державы, вторым – как западник, повернувший страну лицом к Европе.

В российском массовом сознании образ Петра Первого прочно сформирован одноименным романом другого Толстого, Алексея Николаевича. Это замечательно талантливое произведение показывает царя патриотом и носителем высоких замыслов, однако в более раннем рассказе тот же автор изображает царя совсем иначе – грубым, нелепым, зверообразным самодуром: «Что была Россия ему, царю,

хозяину… О добре ли думал хозяин, когда с перекошенным от гнева и нетерпения лицом прискакал из Голландии в Москву». Когда другой «хозяин», Иосиф Сталин, велел всей стране полюбить Петра, переменил свою точку зрения и писатель, но трудно сказать, как он, хорошо изучивший исторические документы, относился к императору на самом деле.

Должен сказать, что перед началом работы мое собственное представление об исторической роли реформатора было близко к пушкинскому, однако я решил, что отрешусь от всех прежних знаний и буду знакомиться с Петром Алексеевичем словно бы заново, главным образом опираясь не на суждения историков, а на источники, благо их более чем достаточно. Есть и документы, и многочисленные свидетельства современников. Петр – первый русский монарх, который был открыт для широкого общения, много времени проводил за границей и *был всем интересен*. Интересной для мира впервые стала и Россия, на которую в Европе раньше почти не обращали внимания. Об удивительном царе очень много писали, в особенности иностранцы. Есть и русские мемуаристы, конечно, менее свободные в своих суждениях, зато лучше понимавшие суть происходящего. Голоса эти разноречивы, но в своей совокупности дают полную и выпуклую картину эпохи.

Заходя вперед, скажу, что в результате этого обильного чтения мои представления о Петре и мое понимание сути его деятельности существенно переменились, но свои выводы я изложу в самой последней, заключительной главе, и очень возможно, что читатель с ними не согласится.

Остается объяснить, как устроена книга.

Те, кто читал предыдущие части моей «Истории», уже знают, что принцип организации материала от тома к тому меняется. У каждого исторического периода своя специфика, и удобнее вести рассказ, применяясь к этим особенностям.

В данном томе четыре раздела.

Первый целиком посвящен фигуре Петра. Без знания и понимания того, что представлял собой этот человек, трудно было бы понять, почему события шли так, а не иначе. Обстоятельства его личной жизни, черты характера, умственное устройство, система взглядов,

пристрастия и фобии, даже состояние его здоровья – все эти, казалось бы, частности оказывали немалое влияние на жизнь страны, а некоторые из них стали частью национальной матрицы и сегодня воспринимаются миром как нечто исконно российское. Если русская литература вся «вышла из гоголевской шинели», то про российское государство можно сказать, что оно до сих пор донашивает петровские ботфорты.

Второй раздел называется «События». Это последовательное, хронологическое изложение событий царствования, разделенное на 13 временных узлов.

Третий раздел – тематический. В нем вычленены главные направления, по которым жизнь страны изменилась в ходе реконструкции.

Наконец, в четвертом разделе дается групповой портрет членов петровской «команды» – соратников и помощников, без которых государь не осуществил бы ни одного из своих масштабных замыслов. Всё это люди сильные, яркие, дети своей эпохи и в то же время ее творцы.

Эта книга вообще про то, как предки учились не следовать за историей, а *творить* ее, как что-то у них получилось, а что-то нет. И почему.

Личность

Воспитание

Воспитания как такового Петр, в общем, никакого не получил – если иметь в виду под воспитанием сознательную и ответственную подготовку вероятного наследника престола к высшей власти. Это упущение нельзя списать на примитивность тогдашних педагогических представлений, ведь предыдущие цари, Федор и Алексей, на заре жизни прошли весьма неплохую по тем временам выучку, которая сделала их образованными (пусть в старомосковском понимании) людьми и обучила «царскому ремеслу». Но отрочество Петра прошло в весьма специфической обстановке, когда им никто всерьез не занимался, и даже скромным премудростям русского семнадцатого века мальчика учили из рук вон плохо.

Впрочем, раннее детство царевича не предвещало никаких отклонений от давно разработанного порядка. Четырнадцатый по счету ребенок государя Алексея Михайловича появился на свет 30 мая 1672 года. Впечатляющая многодетность монарха (всего у него будет шестнадцать отпрысков) обманчива. Для продолжения династии значение имело лишь мужское потомство, пережившее детский возраст; таких сыновей у царя к моменту рождения Петра было только двое, и оба очень нездоровые – как говорится, «не жильцы».

Третий сын родился крепким, и можно было надеяться, что он выживет. В Кремле от великой радости три дня звонили в колокола и палили из пушек.

«Нормальное царское детство» у Петра продолжалось десять лет, пока правили его отец, умерший в 1676 году, и старший брат Федор Алексеевич, прохворавший всю свою короткую жизнь и скончавшийся весной 1682 года.

В пять лет, как положено, маленького царевича начали учить азбуке, часослову, псалтырю, евангелиям. Учил подьячий Никита Зотов, который, кажется, плохо справлялся со своим делом – оно и неудивительно, если учесть последующую карьеру этого субъекта во Всешутейшем, Всепьянейшем и Сумасброднейшем Соборе. Зотов был человеком никчемным, большим пьяницей. Он не смог научить своего подопечного даже грамотному письму. При всей условности тогдашней орфографии царские записи выглядели чудовищно. «Он пишет

невозможно, – сетует В. Ключевский, – не соблюдает правил тогдашнего правописания, с трудом выводит буквы, не умеет разделять слов, пишет слова по выговору, между двумя согласными то и дело подозревает твердый знак: “всегъда”, “сътърелять”, “възяфъ”».

Еще ужасней был почерк, по чистоте которого тогда отличали образованного человека. В петровских каракулях, совершенно неудобочитаемых, сегодня могут разобраться только специалисты.

Возможно, в дальнейшем царевичу больше повезло бы с учителями, но в мае 1682 года в жизни мальчика случился коренной перелом: он был объявлен русским самодержцем, вначале единоличным, а после стрелецкого бунта – вместе с братом Иваном.

Не буду пересказывать эти политические пертурбации, подробно описанные в предыдущем томе. Сейчас они интересуют нас лишь с точки зрения петровского воспитания и образования. Первое катастрофически исказилось; второе фактически прекратилось.

Тому несколько причин.

Во-первых, статус монарха, пускай номинальный, возлагал на мальчика серьезные, главным образом церемониальные обязанности и заставлял окружающих относиться к нему иначе – какой-никакой, а государь.

Во-вторых, положение Петра после захвата власти царевной Софьей сделалось непрочным и двусмысленным: правительница и ее окружение воспринимали Петра как угрозу. Чем неразвитее и, если так можно выразиться, *глупее* оставался «младший царь», тем меньше было оснований его бояться. Софья и ее фаворит Василий Голицын делали ставку на «старшего царя», недееспособного Ивана, а двор Петра третировали и обделяли деньгами; дельных, толковых людей, из которых могли бы получиться хорошие воспитатели и учителя, близ подростка не было.

Имелась тут и еще одна интересная особенность. В ту эпоху всем вроде бы заправляли мужчины, но Петр вырос в мире, где доминировали женщины. Страной правила царевна Софья Алексеевна, главой оппозиции была царица Наталья Кирилловна. Мужчины обеих партий находились в подчинении. В зрелом возрасте Петр будет начисто лишен обычной для старой Руси мизогинии, выпустит женщин из запертого терема, станет относиться к ним как к равным, а свою

избранницу возвысит до положения соратницы, дав старт грядущему «веку женщин».

Маленький Петр целиком находился на попечении матери, вдовствующей царицы Натальи, и ее родственников Нарышкиных, совершенно не заботившихся об обучении мальчика. К этому времени как раз закончилась начальная стадия учебы, на которой Петр худо-бедно освоил грамоту, Писание и церковное пение. Далее, по уже сложившемуся порядку, он должен был перейти на попечение монахов киевской школы, которые преподавали бы ему грамматику, риторику, философию, диалектику, а также латынь, греческий и польский языки, – именно так, по западнорусской системе, учились его старшие братья и сестры. Однако постичь все эти премудрости Петру было не суждено. Как пишет С. Платонов, царь остался «неучем и невеждой». Получи мальчик стандартное «славянское» образование, вряд ли он впоследствии так жадно тянулся бы к Европе, но вместо греческо-киевской схоластической учености Петр увлечется другой системой знаний – немецкой, прагматической. Этим на всю жизнь и определится направление, в котором будет развиваться его бойкий ум.

Петр I в детстве. *Неизвестный художник. XVII в.*

«Дядьками», то есть воспитателями Петра, в это время были брат царицы Лев Нарышкин, еще один родственник – окольничий Тихон Стрешнев и князь Борис Голицын. Известный мемуарист князь Куракин, хорошо знавший жизнь царского двора, дает всем троим нелестные характеристики: юный Лев Нарышкин (всего на восемь лет старше питомца) «невоздержан к питию» и «гораздо посредняго ума»; Стрешнев – дворцовый интриган и тоже неумен; Голицын хоть и умен, но пьяница и «к делам неприлежной, понеже любил забавы». Мы

увидим, как беспомощно себя проявит нарышкинская партия после 1689 года, когда получит власть над государством.

Находясь на попечении этой троицы, царственный отрок, в общем, был предоставлен сам себе: занимался только тем, что увлекало, и учился только тому, что вызывало любопытство.

Интересы юного царя ограничивались двумя сферами – он любил военные игры и механические устройства.

Сохранились документы, по которым можно восстановить постепенную эволюцию интересов и запросов мальчика, подростка, юноши.

Сначала для него закупали игрушечное оружие, потом настоящее, затем дошла очередь и до более серьезного снаряжения. У десятилетнего царя была «потешная» площадка с деревянными пушками, где он играл в войну с «потешными ребятками», своими сверстниками из детей дворцовой челяди. Но уже через год в подмосковном селе Воробьеве Петр начинает палить из настоящих орудий. В тринадцать лет он строит на Яузе маленькую крепость с башнями и подъемным мостом, она называется Пресбург – стало быть, в этом возрасте царь уже любит все немецкое. «Ребятки» подрастают, их становится больше, счет уже идет на сотни. Часть живет в Преображенской слободе, часть в Семеновской – так зарождаются две будущие гвардейские части российской армии. Эти живые игрушки учатся маршировать, дудят в трубы, бьют в барабаны, устраивают стрельбы. Не нужно впрочем преувеличивать боевую мощь «потешных» батальонов, как это делают некоторые авторы, утверждая, что те сыграли важную роль в августе 1689 года, когда Нарышкины отобрали власть у правительницы Софьи. Преображенцы и семеновцы тогда еще были слабы и не могли бы защитить Петра от московского гарнизона – победу обеспечил раскол среди стрельцов и переход регулярных солдатских частей на сторону «младшего царя». Свою роль петровские «солдатики» сыграют позже.

Не меньше, чем военными забавами, юный царь увлекался всякого рода техническими устройствами – любыми. У мальчика была отличная практическая сметка, острая сообразительность и ловкие руки. В 12 лет он приказывает купить «каменщицкую снасть» – молотки и лопатки. Потом ему прямо в хоромах устанавливают какую-то кованую медную доску – вероятно, верстак. Далее Петр обзаводится плотницким,

столярным, кузнечным снаряжением. Больше всего – до конца жизни – он полюбит токарное дело и впоследствии достигнет в нем изрядного мастерства. Став постарше, юноша велит привезти ему из Европы готовальню и астролябию. Более сложные инструменты требуют знания математики, и Петр начинает учиться точным наукам – бессистемно, но страстно. Известно, что с элементарными правилами арифметики он ознакомился лишь в шестнадцатилетнем возрасте, зато потом сразу перешел к баллистике и фортификации.

Учителя вроде Никиты Зотова таких дисциплин не знали, и Петр начинает окружать себя чужеземцами. В Москве конца семнадцатого века ничего удивительного в подобных контактах уже не было. Царский двор давно привык пользоваться услугами иностранцев, когда требовались какие-то навыки или познания, которыми не обладали русские. В свое время, в середине столетия, патриарх Никон приказал иноверцам селиться в одном месте, изолированно от православных, дабы те не соблазнялись басурманскими богослужениями и обычаями. В результате рядом с Москвой вырос настоящий европейский городок – Кукуй, или Немецкая слобода, где и жили немецкие, голландские, британские, швейцарские офицеры, мастера, коммерсанты, промышленники. От основной резиденции Петра в Преображенском до Кукуя было всего два километра.

Первый нерусский учитель шотландец Пол Мензис (Павел Гаврилович Менезиус) у мальчика появился еще при жизни Алексея Михайловича, который ценил и отличал этого бравого солдата и дипломата. Пробыл он при маленьком Петре недолго, при Софье был выслан из Москвы, однако, кажется, именно Мензис привил мальчику любовь к солдатским играм и симпатию к европейцам.

В подростковом возрасте Петр уже сам истребовал себе учителя-иностранца. Произошло это при следующих обстоятельствах. Когда шестнадцатилетнему царю привезли из Франции астролябию, оказалось, что никто из русских не мог ею пользоваться. Разыскали некоего голландца Франца Тиммермана, который умел по инструменту исчислять широту, но любознательный Петр захотел овладеть этой хитростью сам. Пришлось заодно научиться у Тиммермана математике, геометрии и астрономии.

Потом в старом сарае нашлась диковинная лодка нерусской конструкции, на которой можно было плавать против ветра –

знаменитый ботик. Царю доставили из Кукуя голландца Карстена Брандта. Двадцать лет назад он приехал в Россию по вызову Алексея Михайловича строить первый русский военный корабль «Орел». Судно сожгли люди Степана Разина, план флотского строительства провалился, и Брандт зарабатывал на жизнь плотницким трудом. Но, починив ботик и научив Петра управлять парусами, Брандт стал близким ко двору человеком, обучил своего подопечного множеству полезных вещей и привил ему страстную любовь к мореплаванию. Не будет преувеличением сказать, что это «хобби» определило историческую судьбу России.

Были около Петра в это время и другие иностранцы, у которых он учился тому, что его в данный момент занимало. Интересовали юного царя в основном вещи практические: как метко стрелять из пушки, как чинить часы, как устроить фейерверк. Видные иностранцы, которых в Москве тоже хватало, пока власть находилась в руках Софьи, предпочитали держаться подальше от «нарышкинского» двора, так что петровские «немцы» Преображенского периода – это в основном мастера, люди маленькие. Не воспитатели, а инструкторы.

Петровский ботик. *Коллекция Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге*

В последующие годы Петр с его неуемной любознательностью и активностью обучится еще множеству всяких наук и ремесел, будет свободно говорить на двух иностранных языках (голландском и немецком) и понимать французский, но так и останется человеком неотесанным, грубым – даже по меркам своего небонтонного времени. В зрелые годы он хорошо сознавал этот дефект и сетовал на ущербность собственного воспитания и образования.

Биографы обычно описывают юность реформатора, первые проявления его пытливости с умилением, однако сам Петр, кажется, никакой ностальгии по тем временам не испытывал. В пятидесятилетнем возрасте, заехав в давно заброшенное Преображенское, он внезапно, следуя какому-то странному порыву, приказал сжечь старый деревянный дворец – словно хотел вычеркнуть из памяти раннюю пору своей жизни. (Есть, правда, и другое объяснение, романтическое: в год завершения Северной войны царь предал сожжению дворец, где эта война была объявлена. Но по этой логике правителям пришлось бы истребить слишком много архитектурных сооружений.)

Когда режим Софьи рухнул, Петру было семнадцать лет. К этому времени он уже вытянулся во весь свой великанский рост (201 сантиметр) и был женат, но взрослым назвать его было трудно.

Драматические события августа – сентября 1689 года, когда судьба государства висела на волоске, обошлись, в общем, без участия «младшего царя». Всё, что он сделал – при первом (недостоверном) слухе о стрелецкой опасности по-детски сбежал из Преображенского в Троицу, а в дальнейшем действиями «нарышкинцев» руководил Борис Голицын.

Но вот противостояние завершилось. Софью заточили в монастырь, «старший царь» на соучастие в управлении не претендовал – казалось бы, Петру самое время стать из номинального монарха подлинным самодержцем, однако выяснилось, что он совершенно не готов к управлению государством и даже не имеет

подобных устремлений. «Детство» Петра растянулось еще на несколько лет.

Характер

Воспитание (вернее, его отсутствие), пережитые в детском возрасте потрясения и особенности психофизической конституции – вот факторы, повлиявшие на формирование личности Петра.

Человеку, которому выпала странная судьба родиться в августейшей семье и очень рано взойти на престол, трудно сохранить нормальную психику – на нем слишком сконцентрировано внимание окружающих, очень велик набор стрессов и обязательств. Ощущение своей вознесенности над всеми остальными людьми, не оправданное ничем кроме Божьей воли, создает особый тип психики, для которой свойственны крайний эгоцентризм и ослабленная эмпатия. Впору было бы исследовать патологическое состояние «Синдром самодержца».

Как мы увидим, главный оппонент Петра шведский король Карл XII, сформировавшийся при сходных обстоятельствах, получился личностью еще более диковинной, чем русский государь. В характере Петра странностей тоже хватало, но их и не могло не быть.

Представьте состояние десятилетнего мальчика, который живет своей детской жизнью и даже не считается наследником – царь Федор молод, а есть и еще один брат, Иван, шестью годами старше. Вдруг самодержец умирает, и маленький Петр оказывается в эпицентре свирепой борьбы за власть. Сначала верх берут его родственники Нарышкины, мальчика объявляют государем всея Руси, начинают оказывать ему все подобающие знаки внимания, заставляют участвовать в пышных, малопонятных ему церемониях. Затем происходит кровавый стрелецкий путч. На глазах у ребенка убивают его родственников и приближенных, он слышит истерические крики матери, видит свирепых, страшных людей, находится всецело в их власти. И вот он уже не самодержец, а «младший царь», которого отодвигают на задний план, третируют, унижают. Хуже того – мальчик постоянно опасается за жизнь, потому что взрослые вокруг него все время шепчутся о кознях Софьи, боятся, что Петра убьют или отравят.

> Во времена Московского царства вообще много шепчутся о ядах. Подобные слухи часто возникают в связи с внезапной смертью или странной болезнью венценосной

особы. Поговаривали, что от «злого зелья» умерли первая жена Ивана IV Анастасия и царь Федор Иоаннович, в 1605 году официально объявили, что отравился Борис Годунов. Попыткой отравления иностранцы-современники объясняли и знаменитые петровские судороги (о них речь ниже), несомненно пересказывая то, о чем говорили в России. Голштинский посланник граф Бассевич много лет спустя пишет как о чем-то общеизвестном: «Припадки эти были несчастным следствием яда, которым хотела отравить его властолюбивая сестра София».

На самом деле убийства при помощи яда совсем не старомосковский метод устранения политических врагов – просто в силу недостаточного развития химии. Убивать убивали, но обычно более надежным образом: оружием. Что, впрочем, не мешало августейшим персонам панически бояться яда.

При таком детстве и у совершенно здорового человека возникли бы проблемы с психикой, а Петр здоровьем не отличался. Наследственность у него была очень тяжелая: и царь Алексей (1629–1676), и царь Михаил (1597–1646) без конца хворали и рано умерли. Сын Натальи Нарышкиной казался современникам крепышом лишь по сравнению с совсем уж хилыми сыновьями Марии Милославской. На самом деле Петр хоть и был физически силен, но часто болел, в зрелые годы постоянно лечился и прожил ненамного дольше, чем отец и дед.

В его облике ощущалась явная ненормальность, которую своим взглядом художника подмечает Валентин Серов, готовившийся написать серию петровских портретов: «Он [Петр] был страшный: длинный, на слабых, тоненьких ножках и с такой маленькой, по отношению ко всему туловищу, головкой, что больше должен был походить на какое-то чучело с плохо приставленной головой, чем на живого человека. В лице у него был постоянный тик, и он вечно кроил рожи: мигал, дергал ртом, водил носом и хлопал подбородком».

Речь здесь идет о хроническом тике, на который обращали внимание все, кто близко наблюдал царя. Левая половина его лица время от времени начинала дергаться, а иногда эти приступы переходили в серьезный припадок, когда спазм охватывал шею, глаза закатывались под лоб, начинались конвульсии обеих левых

конечностей. Андрей Нартов, личный токарь царя (очень важная должность при петровской любви к токарному ремеслу), рассказывает в своих записках: «Государь поистине имел иногда в нощное время такия конвульсии в теле, что клал с собою денщика Мурзина, за плеча котораго держась, засыпал, что я сам видел. Днем же нередко вскидывал головою кверху». Приступы происходили и в дневное время, в особо тяжелых случаях приводя к потере сознания. Обычно Петр приходил в себя через один-два часа, но однажды, в феврале 1711 года, пролежал так полтора дня. Граф Бассевич сообщает: «Появление припадков узнавали у него по известным судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его; потом сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько минут. Чтоб не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем, прежде нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, несколько несчастий и всегда сопровождались страшною головною болью, которая продолжалась целые дни».

Петровская болезнь «причиняла несчастья» не только самому царю. Во время припадков Петр иногда впадал в неконтролируемое бешенство, совершая всякие чудовищные поступки. Возможно, впрочем, что последовательность была и обратной: ярость влекла за собой судороги.

В прежние времена было принято объяснять эту нервную болезнь психическими травмами детства. Так, кажется, считал и сам Петр. Нартов пересказывает слова государя: «От воспомянания бунтовавших стрельцов, гидр отечества, все уды во мне трепещут; помысля о том, заснуть не могу. Такова-то была сия кровожаждущая саранча!» Однако современные медики, анализируя симптомы, отвергают психогенную версию. Здесь явно прослеживаются признаки некой хронической невропатологии.

Согласно одной версии, Петр мог страдать синдромом Туррета, серьезным расстройством нервной системы, сопровождаемым моторными тиками. Приступы этой болезни нередко стимулируются

сильным эмоциональным переживанием – как это происходило с царем. Люди с синдромом Туррета гиперактивны, подвержены атакам бешеного гнева и вообще склонны к обсессионно-компульсивному поведению.

Другое объяснение выдвинул американский невролог Джон Хьюз. Он предположил, что тяжелая болезнь, от которой Петр чуть не умер зимой 1693–1694 года, была клещевым энцефалитом, повлекшим за собой осложнение в виде так называемой «кожевниковской эпилепсии». Для этой хронической болезни свойственны и судорожный симптом, и гемипарез (ослабление мыщц одной половины тела), и эмоционально-психические нарушения. Известно, что у людей, страдающих этим видом эпилепсии, бывают периоды неконтролируемого веселья, сменяемые депрессией и страхами. Еще один симптом – склонность к чрезмерной детализации, как мы увидим, очень свойственная Петру.

Петр I. *В.А. Серов*

Следует сказать, что и синдром Туррета, и эпилепсия никак не тормозят интеллектуальную деятельность – наоборот, бывает, что делают ее более интенсивной. Оба болезненных состояния нередко наблюдаются у гениев.

Я уделяю столько места рассказу о петровском недуге, потому что он может объяснять некоторые черты личности царя, давать ключ к его поведению и поступкам. Можно выразиться так: когда у самодержавного правителя спазмы, начинает трясти всю державу. Ну и,

конечно, в железной, иногда иррациональной целеустремленности Петра прослеживаются явные признаки обсессионной компульсивности (например, в злосчастной эпопее Воронежского флота, о которой мы поговорим в свое время).

Итак, что же это был за характер? Каковы его особенности?

Прежде всего в глаза бросаются разнообразные проявления пресловутой гиперактивности – хотя бы просто на физическом уровне. Петр не может долго оставаться на месте, он все время в движении: вечно куда-то спешит, наскоро и неряшливо ест, при ходьбе быстро перебирает своими журавлиными ногами, так что свита сзади вынуждена нестись вприпрыжку. Так же быстро он и ездил – гнал лошадей во весь дух, часто без остановок, даже спал в санях или в коляске. Ему, кажется, было невтерпеж долго оставаться на одном месте. Пишут, что и во время застолья он постоянно вскакивал, выбегал из помещения, потом возвращался.

Царь не мог находиться в роли пассивного зрителя, ему обязательно требовалось участвовать в любом действии. Поэтому, немного понаблюдав, как работает мастер или как оперирует врач, он немедленно сам хватался за инструмент. В 1717 году в Париже регент герцог Орлеанский как-то решил побаловать высокого гостя оперой – Петр очень скоро сбежал из зала, оставив всех в недоумении. При неразборчивом и жадном заимствовании каких угодно европейских новинок русское общество начала восемнадцатого века не пристрастилось к театру, потому что монарх не признавал развлечений, за которыми достаточно было просто наблюдать. Иное дело – самому участвовать в театрализованных шествиях и маскарадах или запускать фейерверки.

Не приходится удивляться, что, придя к власти, Петр совершенно разрушил московский церемониал, при котором государям приходилось бесконечно участвовать в долгих, неспешных ритуалах: сидеть истуканом на троне, часами стоять на молебнах, медленно шествовать во главе пышных процессий.

Но иногда нетерпеливая порывистость Петра мешала осуществлению его замыслов. Так, в 1698 году, во время Великого посольства, главной целью которого были переговоры с Венским двором, с немалым трудом добившись личной встречи с Леопольдом I,

молодой московит произвел весьма несерьезное и невыгодное впечатление – нарушив протокол, которому при церемонном австрийском дворе придавали большое значение, он бросился навстречу императору гигантскими шагами, а потом, совсем уже ошеломив придворных, выбежал в парк, сел в лодку и начал бешено работать веслами. Такое поведение вряд ли помогло русско-австрийским переговорам, и без того трудным.

Нервическая энергичность сохранилась и в немолодом возрасте. Мы в подробностях знаем, как Петр строил свой день, когда не находился в дороге, а жил оседло, в своем любимом невском «парадизе».

> Вставал он в пятом часу утра и, словно разогреваясь, *с полчаса просто расхаживал по комнате*. Потом, после утреннего доклада, усаживался в легкую коляску и мчался по строительным объектам, которых в столице всегда имелось множество. Затем несся в Сенат, оттуда в Адмиралтейство. После недолгого обеденного отдыха снова фонтанировал энергией: принимал решения по многочисленным донесениям, писал свои бесконечные регламенты с инструкциями, занимался «Гисторией Свейской войны». Затем следовал досуг – тоже чрезвычайно активный. Царь работал на токарном станке или занимался каким-то другим ремеслом, потом отправлялся на ассамблею или какую-нибудь шумную попойку. Выходных дней у самодержца не бывало.

Следует сказать, что гиперактивность, какими бы физиологическими или психологическими причинами она ни объяснялась, – очень ценное качество для правителя. Особенно если такой же динамичностью обладает его ум, а у Петра тело вечно не поспевало за стремительностью мысли. У этого человека беспрестанно возникали новые идеи, он ими загорался и немедленно приступал к их осуществлению. Но при этом (спасибо пресловутой обсессионности), увлекаясь новой целью, он не охладевал к прежней, так что с годами поставленные задачи всё множились. Царь был упорен и упрям – иногда до абсурдности, но без этой петровской «упертости» ни одно начинание не было бы завершено. Одна из самых сильных, позитивных

черт Петра состоит в том, что он никогда не опускал руки и не смирялся с неудачей. Наоборот, поражение словно удваивало его энергию.

Не менее ценным порождением огня, всю жизнь опалявшего эту неспокойную душу, была жадная любознательность. Она с одинаковым пылом расходовалась на важные предметы и на чепуху, но сама всеядная широта петровских интересов не может не восхищать.

Петр не имел склонности к отвлеченным наукам и изящным искусствам, его занимало не теоретическое обоснование и не красота жизни, а ее механика, *практическая польза*. Знаменитый мемуарист герцог Сен-Симон, близко наблюдавший сорокапятилетнего Петра в Париже, пишет: «Сей государь поражает своим сугубым любопытством, которое всегда связано со сферами управления, коммерции, образования или полиции. Это всеохватно и касается даже самых мелочей, если в них обнаруживается полезность».

Петр I в Монплезире (загородной Петергофской резиденции). *В.А. Серов*

В первое свое европейское путешествие царь отправился, желая в доскональности изучить кораблестроение, – и преуспел в этой профессии, пройдя выучку у лучших мастеров, голландцев и англичан. Считается, что к тому времени он уже освоил четырнадцать разных ремесел. Но Петр неустанно пополнял багаж знаний и в дальнейшем. Физика, химия, математика, ботаника, зоология, медицина, анатомия, астрономия, геология, география, палеонтология – вот далеко не полный перечень дисциплин, которыми интересовался его стремительный, ни на чем долго не задерживавшийся ум.

Но была в петровской порывистости и оборотная, черная сторона, проявлявшаяся в приступах необузданной ярости. Царь легко впадал в исступление и в гневе бывал страшен – казалось, он на время лишался рассудка, иногда из-за сущих пустяков. В таком состоянии он мог наброситься даже на тех, к кому относился с любовью и уважением. Однажды, пируя дома у Франца Лефорта, Петр кинулся со шпагой на своих ближайших товарищей – Шеина, Никиту Зотова, Ромодановского, причем последнего даже ранил. В другой раз он повалил на пол и бил ногами самого Лефорта, которого чтил больше всех людей на свете. Известны случаи, когда Петр, не помня себя, наносил своей тяжелой рукой и смертельные удары.

Иногда вспыльчивость выливалась в сцены совершенно отвратительные. В голландском городе Лейден царь с огромным интересом наблюдал, как знаменитый медик Герман Бургаве анатомирует труп, – и вдруг заметил, что кто-то из свиты взирает на эту жуткую процедуру с отвращением на лице. Мгновенно рассвирепев, Петр велел чистоплюю рвать мертвеца зубами – и тот ничего, рвал, на глазах у обмерших аборигенов.

Когда требовалось выбить из какого-нибудь подозреваемого признание, Петр не брезговал лично участвовать в пытках, и, если допрашиваемый не сознавался, государь требовал все более жестоких истязаний. Ничем кроме болезненно-истерического возбуждения нельзя объяснить то, что самодержец собственноручно, на глазах у всех, рубил головы стрельцам во время массовых казней 1698 года. До такого, кажется, не опускался и Иван Грозный.

Полагаю, что еще одна особенность петровского характера, прославленная всеми биографами, – бытовая неприхотливость, тоже напрямую связана с нетерпеливостью.

Петр вечно торопился. Ему скучно было разряжаться – и он одевался попросту, как придется: обычно не носил париков, кружевных галстуков и манжетов, не любил перчаток, из обуви предпочитал грубые сапоги. Дома ходил в засаленном халате (вообще не отличался аккуратностью и чистоплотностью). Не лакомился деликатесами – не мог долго сидеть за трапезой. Ел много, как того требовала его великанская конституция и неуемная энергия, но самую простую пищу. В век, когда европейские монархи пытались подражать «королю-солнце» Людовику XIV и пышности Версаля, российский двор производил на иностранцев впечатление невероятной скромности, и это несомненно было благом для разоренной войнами страны. Из всех тогдашних венценосцев русского царя затмевал аскетизмом один лишь Карл XII – тот даже и вина не пил.

Впрочем, Петру, кажется, доставляло удовольствие обходиться малым – это соответствовало его ощущению комфорта. Он, выросший в тесных и низких теремных комнатах, не жаловал просторных помещений и высоких потолков. В Петербурге построил себе маленький домик, а путешествуя по Европе, очень не любил останавливаться во дворцах. В Париже он отказался жить в Лувре и в конце концов поселился в частном доме, где ночевал в гардеробной.

Любопытна дотошность, с которой властелин огромной державы со всеми ее богатствами, вел учет жалованья, получаемого им согласно чину (Петр играл сам с собой в «карьерную игру», постепенно присваивая себе все более высокие звания). В царских записях можно прочесть, что в 1707 году «полковничьего окладу» получено 2 598 рублей, из коих выдано «Анисье Кирилловне» на какой-то штоф 26 рублев, а Авраму-арапу (тому самому, пушкинскому предку) да Якиму-карле на платье 87 рублев 13 алтын 2 деньги.

В связи с «арапами и карлами» нельзя не затронуть тему знаменитого петровского юмора, придававшего специфический колорит всему царствованию.

Все современники и мемуаристы пишут, что царь любил подурачиться, причем разного рода шутовства обставлялись с

невероятным размахом. Были и торжественные празднества – театрализованные шествия, манифестации, живые картины, которые устраивались по серьезным поводам, например по случаю очередной победы, но не меньше энергии Петр тратил на всевозможные безобразия.

Некоторые из развлечений, так сказать, «легкого жанра» были вполне в традициях московского двора – например, придворный штат карликов, «арапов» и прочих людей необычного вида. Карлики сопровождали Петра повсюду, он любил устраивать им свадьбы, во время пиров они неожиданно выскакивали из гигантских пирогов и так далее, но такого рода забавами потешался и тишайший Алексей Михайлович. Петр же находил особенное удовольствие именно в безобразиях – часто совершенно хулиганского толка. Ему нравились шутки самого грубого, низменного сорта: кататься на свиньях, налить кому-нибудь в нос уксуса, насильно упоить гостей до скотского состояния и т. п.

Однажды датский посланник Юст, уже сильно пьяный, отбиваясь от назойливого угощения, обругал государя и даже выхватил шпагу, то есть совершил тягчайшее из преступлений, но никаких последствий не было. Назавтра дипломат и царь попросили друг у друга прощения, потому что ни тот ни другой ничего не помнили и узнали об инциденте только от свидетелей. Этот случай закончился мирно, но так бывало далеко не всегда.

Юмор у Петра мог быть не только грубым, но и злым. Его явно раздражали благонравные московские бояре, которые, разумеется, относились к царским выходкам с осуждением. В отместку дебошир под видом веселья унижал и мучил тех, в ком подозревал недовольство.

> «И в тех святках что происходило, то великою книгою не описать, и напишем, что знатнаго, – рассказывает князь Борис Куракин. – А именно: от того начала ругательство началось знатным персонам и великим домам, а особливо княжеским домам многих и старых бояр: людей толстых протаскивали сквозь стула, где невозможно статься; на многих платье дирали и оставляли нагишом; иных гузном яицы на лохани разбивали; иным свечи в проход забивали; иных на лед гузном сажали; иных в проход мехом надували, отчего един Мясной, думной дворянин, умер. Иным многия другия

ругательства чинили. И сия потеха святков так происходила трудная, что многие к тем дням приуготовливалися, как бы к смерти».

В натуре царя было нечто, требовавшее глума, надругательства, похабства. Одно из самых известных учреждений Петра – Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор был создан еще в начале 1690-х годов, когда царь не правил, а лишь развлекался, но сохранилось это странное учреждение и впоследствии. Царь собрал туда всевозможных уродов, дураков, обжор, пьяниц, скабрезников и год за годом наслаждался этой игрушкой, приводя в ужас обывателей отвратительными дебошами. Как в голове Петра совмещались представление о величии и юродское шутовство – непонятно.

Давая характеристику реформатора, Ключевский говорит: «Петр Великий по своему духовному складу был один из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их». Мне же этот человек представляется невероятно сложным, сотканным из сплошных противоречий. Я бы сказал, что противоречивость – вообще главное свойство этой личности.

Прежде всего озадачивает контраст между фантастической масштабностью замыслов и постоянной зацикленностью на мелочах. Это проявлялось не только в бухгалтерской регистрации расходов в «13 алтын и 2 деньги», а буквально во всем. Петру всегда мало было указать магистральное направление, он должен был составить пошаговую инструкцию, разметить каждый дюйм на обозначенном пути. Повелитель огромной страны, а впоследствии один из вершителей судеб Европы тратил бóльшую часть своего драгоценного времени на детализацию собственных указов, часто на совершенную ерунду. Регламентация уставов и всевозможных правил, скрупулезное расписывание должностных обязанностей самых мелких чиновников, подробные указания, как кому одеваться, как стричь волосы, как бриться, в каких жить домах, как проводить свадьбы и как хоронить покойников, как торговать, какими серпами жать – вот основное времяпрепровождение «самодержавного властелина». Здесь, конечно, можно вспомнить о патологической детализации как части клинической картины кожевнической эпилепсии, но медицинская причина петровской «мелочности» не столь существенна. Важно, что с точки зрения административной методики Петр относился к числу

правителей, строивших государство не по принципу стимулирования инициативы граждан, а по принципу строжайшего регламентирования – не слишком эффективная технология в условиях огромных просторов и плохих коммуникаций. Извечная российская беда – неорганизованность, безалаберность, неисполнительность – исторически объясняется непривычкой проявлять инициативу и думать своим умом; вечное государственное принуждение отбивало эти качества. Петр же пытался справиться с этой хронической болезнью, закручивая гайки еще туже.

Большой маскарад в Москве. *В.И. Суриков*

Петр норовил подвергнуть тотальной регламентации даже то, что предполагает полный отказ от каких-либо правил. Давайте посмотрим, как был устроен Всешутейший Собор. Он вроде бы создавался для всяческих дебошей и беспорядков. Но при этом в его структуре нет ни малейшего люфта для импровизации или отсебятины, правила жестче,

чем в армии, а иерархической стройности позавидовала бы «Табель о рангах».

«Князь-папа» избирался на свою шутовскую должность посредством сложной процедуры и должен был исполнять предписания подробного ритуала. Каждый участник имел определенное звание: дьякон, архидьякон, архиерей, митрополит и т. п. Был определен и штат обслуги: «дураки», «плешивцы», «грозные заики». Существовал список кощунственных обрядов, скрупулезно расписывались наряды, даже матерные прозвища соборян закреплялись за ними на манер титулов. Иными словами, царь установил казенный порядок на территории чистого Хаоса, где культивировались буйство, пьянство и безобразие.

По психологическому типу Петр безусловно был «маньяком контролирования». Вероятно, «жажда контроля» – вообще код для понимания механизма петровских поступков и реакций. Этот человек, кажется, чувствовал себя уверенно и безопасно, только когда он контролировал всё и всех. Если же видел, что контроль утрачен, – впадал в судорожную ярость. Многие мемуаристы пишут, что Петр мог простить оплошность и неудачу, но не обман. Еще болезненнее он воспринимал измену или попытку бунта – именно в таких ситуациях царь становился безжалостен, чудовищно жесток. И обман, и предательство, тем более бунт – это выход из-под контроля.

Не так легко понять и еще одно противоречие, которое ставило в тупик современников. Осознание собственного величия и невероятное высокомерие, при котором царь ни за кем кроме самого себя не признавал права на личное достоинство, сочетались в нем с полным отсутствием спесивости и демократической простотой в общении. «Он удивительно умел совмещать в себе величие самое высокое, самое гордое, самое утонченное, самое выдержанное – и в то же время нимало не стеснительное», – отмечает Сен-Симон.

В отличие от всех прежних московских государей, недоступность которых сакрально оберегалась, Петр был готов общаться со всяким человеком, кто казался ему полезен или вызывал любопытство. В застольях он садился не на почетное место, а где придется, не делал различий между аристократами и простолюдинами, охотно затевал

беседу с ремесленниками, случайными иностранцами, рабочими. Петровская «демократичность» проявлялась и в том, что знаменитая царская дубинка с одинаковой легкостью обрушивалась на спины солдат и генералов, слуг и князей.

Можно предположить, что для самого Петра никакого противоречия между величием и доступностью не было. Он был такого высокого мнения о своем положении, что с этой поднебесной высоты все подданные – хоть вельможа, хоть последний оборванец – казались ему холопами. Как выразился С. Платонов: «В его государстве не было ни привилегированных лиц, ни привилегированных групп, и все были уравнены в одинаковом равенстве бесправия».

Еще один давний предмет споров – вопрос о петровской храбрости. Несколько раз в драматические моменты царь проявлял постыдную трусость – или вел себя так, что были основания его в этом обвинять.

Вспомним, как ночью 8 августа 1689 года он панически, полураздетый, от одного только слуха о стрелецкой угрозе бежал из Преображенского, бросив мать и беременную жену.

Точно так же накануне Нарвского поражения в ноябре 1700 года Петр бросит свою обреченную армию, да и позднее в Белоруссии будет дважды, имея превосходящие силы, поспешно отступать перед небольшой армией Карла, которого он очень боялся (впрочем, небезосновательно).

Сходная история случится на последнем этапе Северной войны, в 1716 году, когда Петр в последний момент отменит десант на шведскую территорию, чем сильно испортит отношения с союзниками.

Вместе с тем царю случалось проявлять нешуточную, даже излишнюю отвагу. По меньшей мере дважды он без трепета подставлял себя под пули: во время захвата двух шведских кораблей в мае 1703 года на Неве (это была первая, пусть скромная победа русских на воде) и в Полтавском сражении, где вражеские пули продырявили царю шляпу и седло.

Петр в Полтавском сражении. *Кадр из фильма «Петр Первый». 1938 г.*

Храбро он себя вел не только на поле брани, где решалось многое, но и в совершенно необязательных ситуациях. Собственно, одной из причин преждевременной смерти царя стала жестокая простуда, полученная поздней осенью 1724 года, когда Петр во время бури бросился в ледяную воду спасать гибнущее судно (если это, конечно, не красивая легенда).

Мало-мальски правдоподобный ответ на эту загадку душевного устройства государя может дать разве что невропатология: панические атаки – один из симптомов предположительного петровского диагноза.

Следующий поведенческий диссонанс, заставлявший очевидцев, в зависимости от ситуации, которую они наблюдали, давать русскому царю диаметрально противоположные оценки, – странное сочетание бесцеремонности и стеснительности.

Сохранилось немало свидетельств того, как болезненно застенчив бывал русский царь во вроде бы не слишком напряженных обстоятельствах: за столом, где его любезно принимали в качестве почетного гостя, или просто на людях.

В сентябре 1697 года в Гааге, во время приема великого посольства Петру, находившемуся в зале неофициально, инкогнито, всего лишь понадобилось пройти мимо депутатов. Сначала царь потребовал, чтобы все отвернулись, а когда голландцы не стали этого делать, он перевернул парик задом наперед, прикрывшись, и пронесся к двери бегом.

Примерно так же он повел себя полгода спустя в Дрездене, выходя на площади из кареты: спрятал лицо под шапкой.

Подобное поведение, видимо, следует объяснять все той же психологической проблемой контроля. Попав в Европу, Петр впервые оказался среди людей, которые были ему неподвластны, а стало быть, неподконтрольны, непредсказуемы. Отсюда и крайняя неуверенность, дезориентация, усиленная отсутствием правильного воспитания – неумением себя вести. Во время первого заграничного путешествия русский царь воспринимался европейцами как властитель далекой варварской страны, как экзотический дикарь – Петр это чувствовал, что усиливало его растерянность.

Позднее, после Полтавы, отношение к российскому монарху переменилось. Его всюду принимали как очень важную персону, всячески с ним носились, угождали ему – и Петр стал ощущать себя иначе. Он не слишком обтесался, оставался таким же бесцеремонным, но от застенчивости не осталось и следа. Петр снова контролировал ситуацию. С европейцами он теперь обращался почти так же, как с собственными подданными, разве что не бил палкой.

Сен-Симон рассказывает, что московит запросто «брал первую попавшуюся карету, чья бы она ни была… садился в нее и приказывал везти себя куда-нибудь в город или за город. Такое приключение случилось с госпожею Матиньон, которая выехала для прогулки: царь взял ея карету, поехал в ней в Булонь и в другия загородныя места; а госпожа Матиньон, к удивлению своему, осталась без экипажа».

> В 1716 году в Данциге, слушая церковную проповедь, Петр замерз и ничтоже сумняшеся, без единого слова, сдернул с бургомистра парик, нахлобучил себе на голову, а потом молча сунул обратно. Точно так же он поступил бы у себя дома.

Очень трудно примирить петровскую любовь к святотатствам с его же религиозностью, а Петр, кажется, был человеком искренней веры: он хорошо знал службу, много и истово молился, любил церковное пение, сам пел на клиросе – и в то же время, кажется, получал особое удовольствие от кощунств – вроде тех, что приведены выше, в цитате из Льва Толстого. Вся эпопея с Всешутейшим Собором выглядит какой-то оргией богохульства и издевательством над авторитетом христианской церкви.

Историки пытались объяснить это борьбой с суевериями, раздражением против чрезмерного влияния патриархата и даже просто злостью на духовенство – «досадой на класс, среди которого видели много досадных людей» (Ключевский), однако некоторые обряды Собора глумились именно над церковными таинствами: венчанием, крещением, соборованием, отпеванием, рукоположением в священство. В формуле осенения благодатью «Святой Дух» заменяли «Бахусом», шутовски искажали «Символ Веры», непристойно переиначивали слова Писания и так далее. Любого другого человека, который позволил бы себе подобные вещи, в те времена сожгли бы на костре.

Как всё это совмещалось и соседствовало в сознании Петра с набожностью? Должно быть, грубая, темпераментная натура требовала таких же грубых, буйных развлечений. Уж отдыхать так отдыхать: с шумом, треском, грохотом, обильными возлияниями, непристойностями, а самой радикальной из непристойностей являлось нарушение священных табу. Глубинного, идеологического содержания искать здесь не следует.

Тема петровской идеологии вообще мало разработана. Сам он никогда ее не формулировал, поскольку не любил теоретизировать. Петр хватался то за одну, то за другую идею, нагромождал планы друг на друга, от каких-то из них потом отказывался, какие-то лихорадочно корректировал, росчерком пера менял жизнь целых сословий, бестрепетно губил гигантоманскими, подчас нелепыми прожектами

десятки тысяч людей; подданные часто не понимали, чего царь добивается и зачем их терзает, однако за всей этой многосторонней, хаотической деятельностью просматривается некая система взглядов, твердое представление о правильном и неправильном.

Попробуем реконструировать мировоззрение реформатора – это поможет нам лучше разобраться в сути его преобразований.

Стержень и главная цель всех петровских начинаний – максимальное укрепление государства, сильно расшатавшегося на протяжении семнадцатого века. Петр считал Служение Государству высшей ценностью – если угодно, национальной идеей. Ради этого он не жалел ни самого себя, ни тем более подданных.

В условиях восемнадцатого столетия государство могло быть сильным, лишь обладая мощной армией и флотом, развитой промышленностью, работоспособной бюрократической машиной, эффективной финансовой системой. Это и есть перечень взаимосвязанных практических задач, которые ставил перед страной реформатор.

Для их осуществления можно было задействовать разные опробованные мировой историей механизмы, самым надежным из которых было бы высвобождение созидательной энергии населения, ставка на естественное стремление людей жить лучше – чем зажиточнее народ, тем богаче и казна. Но Петр выбрал другой путь – сделал ставку на предельно жесткое «вертикальное» управление, основанное на беспрекословном исполнении приказов и страхе наказания.

Подобный метод функционирования требовал возврата к тотальному самодержавию времен Ивана Грозного – что вполне отвечало и складу петровской натуры с ее обсессией лично контролировать всё и вся. «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам Бог повелевает», – говорится в одном из указов Петра, а в воинском уставе заявлено еще более решительно: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». Казалось бы, армейский устав – не вполне логичное место для подобных деклараций, но Петр явно считал иначе. С его точки зрения, правильно устроенная страна должна была жить по

единому, тщательно прописанному уставу – как вымуштрованная армия: маршировать в ногу, по команде делать поворот «кругом», во всем следовать единообразию.

По складу характера Петру не могла не импонировать концепция «регулярного» государства, выдвигавшаяся тогда целым рядом европейских политических философов. Эта система взглядов считала возможным создание идеального социального порядка за счет максимальной рационализации и регламентации управления: мудрый монарх издает ясные установления, послушный народ исправно им следует. Не слишком уповая на сознательность подданных, царь больше полагался на острастку и принуждение.

Служение государству освящалось некоей высшей целью, которую Петр называл «пользой и общим прибытком», то есть у него существовала и концепция всеобщего блага. «Наше единое намерение есть о их [подданных] благосостоянии и приращении пещися», – декларировал преобразователь, однако его представления о народном благосостоянии, кажется, были довольно туманны. Как пишет один из самых обстоятельных петровских биографов Николай Павленко: «Дать четкий ответ на поставленный вопрос не представляется возможным прежде всего потому, что этой четкости, видимо, не было и у самого царя, по крайней мере, мы ее не обнаруживаем в изданных им законах». В идеальном государстве, по Петру (как, впрочем, и по закону Чингис-хана), каждый житель добросовестно и усердно выполняет свои обязанности: крестьяне – пашут, платят подати и несут рекрутскую повинность, рабочие работают в поте лица, дворяне безропотно служат до старости, купцы честно торгуют и охотно делятся с государством барышами, женщины слушаются мужей и рожают много детей, дети учатся быть исправными подданными.

Для такого государства было нужно чрезвычайно дисциплинированное и в то же время не склонное к умничанью население. В идеальном мире Петра монарх – это Отец, а подданные – почтительные и послушные дети. Не случайно в миг наивысшего торжества, после победы над шведами, Петр примет в первую очередь звание «отца отечества» и лишь после этого императора всероссийского.

В записках Нартова есть эпизод, дающий представление о петровских взглядах на правильные взаимоотношения

государя с народом посредством несколько иной аллегории. «Государь, возвратясь из сената и видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: “Когда б послушны были в добре так упрямцы, как послушна мне Лизета (любимая его собачка), тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побои; знать, в ней более догадки, а в тех заматерелое упрямство”».

Точно такой же виделась государю и идеальная семья. Нартов рассказывает, как камердинер Полубояров пожаловался царю на жену, которая уклоняется от исполнения супружеских обязанностей, все время ссылаясь на зубную боль. «В один день, зашедши государь к Полубояровой, когда муж ея был в дворце, спросил ее: “Я слышал, болит у тебя зуб?” – “Нет, государь, – доносила камердинерша с трепетом, – я здорова”. – “Я вижу, ты трусишь”. От страха не могла она более отрицаться, повиновалась. Он выдернул ей зуб здоровый, а после сказал: “Повинуйся впредь мужу и помни, что жена да боится своего мужа, инако будет без зубов”».

К великой досаде Петра, русские были мало похожи на Лизету, и выдирать им здоровые зубы во имя послушания приходилось часто. Одна из самых неприятных черт петровского мировосприятия – отношение к собственному народу. Про Петра можно сказать, что он был россофилом, то есть патриотом страны России, но при этом отъявленным русофобом. Он говорил: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если б я не употреблял строгости, то бы уже давно не владел русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей». Костомаров пишет: «Задавшись отвлеченною идеею государства и принося ей в жертву временное благосостояние народа, Петр не относился к этому народу сердечно. Для него народ существовал только как сумма цифр, как материал, годный для построения государства».

При своей нетерпеливости, при незыблемой вере в силу принуждения Петр желал перекроить народ на «правильный лад» немедленно, сию же минуту. Достичь этого, по убеждению государя,

можно было, заставив людей строить всю свою жизнь по указке начальства, по установленным властью детальнейшим правилам. «Наш народ – яко дети, неучения ради которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают», – писал царь. В 1722 году он издал указ, строго-настрого постановивший, чтобы «никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов». Государю казалось, что достаточно издать правильный приказ – и люди переменятся.

Всю жизнь Петр сталкивался с одной и той же проблемой, приводившей его в гнев и тягостное недоумение: он всячески призывал своих генералов и администраторов, офицеров, чиновников проявлять инициативу, служить делу не за страх, а за совесть – и неизменно сталкивался с пассивностью, непониманием царской воли, нерешительностью, да и просто отлыниванием от дела.

Иначе не могло и быть. Беспрекословное, нерассуждающее повиновение, которого Петр добивался от подчиненных, и инициативная работа во имя общей цели – вещи совершенно несовместные. Оглядка на начальство, приоритет не пользы дела, а одобрения со стороны высших лиц станут вечной проблемой российского государственного аппарата и очень сузят область его компетентности. Брауншвейгский посланник Фридрих Вебер, оставивший ценные записки о Петре, сформулировал это следующим образом: «Там, где у русских господствует страх и слепое повиновение, а не рассудок, там они будут впереди других народов, и если царь продержит еще скипетр свой только двадцать лет, то он уведет страну свою, именно вследствие сказанного повиновения, так далеко, как ни один другой монарх в своем государстве».

Так оно потом и будет, в постпетровской России: с проблемами, которые решаются мобилизационным методом, страна справлялась гораздо лучше, чем с теми, где на одном страхе и повиновении далеко не уедешь.

Лица у мужчин должны быть одинаково безбородыми. *И. Сакуров*

Частная жизнь

Институт самодержавия устроен таким образом, что личная, интимная, а тем более семейная жизнь монарха влияют, причем весьма существенно, на политику. Не был здесь исключением и Петр, при том что государственный интерес всегда был для него неизмеримо важнее частного. Словно в отместку за это судьба подвергала царя – как мужа и в особенности как отца – тяжелым испытаниям.

Пытаясь составить портрет реформатора, я не коснулся темы, которая очень важна для оценки обычного человека: способности любить. Дело в том, что Петр не принадлежал к числу правителей, любовные увлечения которых сказываются на государственных делах. Он отнюдь не был эмоционально холоден, однако умел проводить границу между личным и государственным, а когда объединил одно с другим (в случае с Екатериной), то сделал это, как мы увидим, не от страсти, а по соображениям вполне рациональным.

Петр «на троне вечный был работник», но отнюдь не монах. Адмирал Франц Вильбуа, много лет состоявший при царе, говорит в своих записках: «Он был трудолюбив, но вместе с тем являлся настоящим чудовищем сладострастия. Он был подвержен, если можно так выразиться, приступам любовной ярости, во время которых он не разбирал пола», – стало быть, петровская судорожная порывистость распространялась и на эту сторону жизни. О том же пишет автор первой русской попытки осмысления исторической роли Петра князь Щербатов: «Крепость телесная и горячая кровь чинила его любострастна…» [делали его чувственным]. Впрочем далее сказано: «Он довольствовал свою плоть, но никогда душа его побеждена не была».

> Токарь Нартов с удовольствием пересказывает примеры того, как Петр сохранял в своих амурных приключениях трезвую голову.
>
> В саардамском винном погребе, куда Петр ходил во время учебы на верфи, была красивая служанка, «а как государь был охотник до женщин, то и была она предметом его забавы». «Забава» имела вид вполне прозаический: царь

«во все пребывание свое в Саардаме, когда надобно было, имел ее в своей квартире и при отъезде на приданое пожаловал ей триста талеров» – для царственной особы очень экономно. Петр всегда был скуп на личные расходы.

Позднее, в Лондоне, он связался с «одною комедианткою по прозвание Кросс», расценки которой были существенно выше. Ей пришлось дать 500 гиней, да она еще и осталась недовольна, просила надбавки. «За пятьсот гиней у меня служат старики с усердием и умом, а эта худо служила своим передом», – отрезал Петр.

Нартов пишет, что государь «никогда… сердца своего никакой женщине в оковы не предавал, для того чтоб чрез то не повредить успехам, которых монарх ожидал от упражнений, в пользу отечества своего восприятых. Любовь его не была нежная и сильная страсть, но единственное только побуждение натуры».

Петра женили в январе 1689 года шестнадцатилетним, ненадолго оторвав от игр с «потешными». Сделано это было из соображений сугубо политических. Во-первых, сочетавшись браком, Петр считался бы совершеннолетним, что повышало его статус. А кроме того, «старший царь» Иван Алексеевич был уже женат и его супруга ходила беременной. «Преображенская» партия очень боялась, что, если родится мальчик, правительница Софья захочет провозгласить его государем и потом спокойно регентствовать. Нужно было поскорее обзавестись собственным, «нарышкинским» наследником. Поэтому невесту подобрали главным образом по физическим данным – чтоб была крепка и способна к деторождению. Взяли девицу уже созревшую, тремя годами старше жениха. (Надо сказать, что в этом смысле Евдокия Лопухина не подвела – через год родила здорового мальчика, но к тому времени Нарышкины уже победили и соревнование с женой царя Ивана, с первой попытки родившей девочку, утратило прежнюю актуальность).

Род Лопухиных, к которому принадлежала избранница царицы Натальи Кирилловны, был не особенно знатен, но московские цари семнадцатого века и не стремились родниться с высшей аристократией – чтоб какое-нибудь и без того сильное семейство не возвысилось сверх меры. Невесте, которую с рождения звали

Прасковьей Илларионовной, поменяли и имя, и отчество – она стала Евдокией Федоровной (Евдокией – в память о жене царя Михаила, Федоровной – в честь «Федоровской иконы», которой первого Романова благословили на царство). Девица была «лицом изрядная, токмо ума посредняго». Петр никогда ее не любил. Евдокия, воспитанная по-старинному, совершенно не разделяла увлечений непоседливого супруга, без конца жаловалась на его вечные отлучки и быстро ему надоела. К тому же она оказалась с характером – начала враждовать со свекровью. «Помянутая царица Наталья Кирилловна возненавидела царицу Евдокею и паче к тому разлучению сына своего побуждала, нежели унимала», – рассказывает бесценный хроникер эпохи Борис Куракин (ему же принадлежит ремарка касательно «посредняго ума»).

После того как у Петра появилась постоянная фаворитка, он перестал вовсе интересоваться женой и еще в 1697 году, отправляясь в длительное заграничное путешествие, поручил тем самым людям, кто в свое время устраивал брак – Льву Нарышкину и Тихону Стрешневу, – уговорить Евдокию постричься в монахини. Царю ответили, что супруга «упрямитца». Не подействовали даже угрозы страшного князь-кесаря Ромодановского.

Евдокия Лопухина. *Неизвестный художник. XVII в.*

По возвращении Петр виделся с женой всего единожды. Встреча продолжалась целых четыре часа. Должно быть, царь пытался сам убедить Евдокию смириться с неизбежным. Но женщина отказалась, и тогда ее сослали в суздальский монастырь, где она противилась пострижению еще много месяцев. В конце концов ее сделали монахиней насильно.

> На этом заканчивается история первого петровского брака, но не заканчиваются злоключения инокини Елены (так, уже третьим по счету именем, теперь звалась бывшая царица). На двадцать лет о ней забыли. Она жила в обители хоть и не на свободе, но вполне безбедно, даже обзавелась любовником. Но в 1718 году, во время большого скандала с бегством царевича Алексея, Петр заподозрил Евдокию в сговоре с сыном и затеял расследование. Никаких политических интриг не обнаружилось – лишь факт «блудного сожительства», однако царь обошелся с несчастной женщиной жестоко: заточил в далекий Ладожский монастырь, а ее возлюбленного капитана Степана Глебова подверг истязаниям и казнил мучительной смертью – посадил на кол. На свободу Елена-Евдокия вышла лишь после смерти Петра и его второй жены, в 1728 году, и умерла, окруженная почетом. Рассказывают, что ее последние слова были: «Бог дал мне познать истинную цену величия и счастья земного». Если это не легенда, значит, к концу жизни Лопухина все же поумнела.

Та, ради которой Петр столь быстро охладел к законной супруге, умом тоже не отличалась. Зато она обладала очень важным достоинством – была существом из иного мира, который казался юному царю таким привлекательным.

Анна, ровесница Петра, была дочерью жителя Немецкой слободы Иоганна Монса, владевшего мельницей и аустерией. Известно, что царь познакомился с этой девицей через своего приятеля и собутыльника Франца Лефорта – вероятно, осенью 1691 года. «Анна Ивановна Монс, – повествует Нартов, – была дочь лифляндскаго [на самом деле вестфальского] купца, торговавшаго винами, чрезвычайная красавица, приятнаго вида, ласковаго обхождения, однакож посредственной

остроты и разума». Дело несомненно было именно в «обхождении» – веселость, бойкость и учтивость немки совершенно покорили неотесанного юношу, никогда прежде не видевшего подобных женщин.

Предположительный портрет Анны Монс. *Неизвестный художник. XVII в.*

Связь получилась долгой, десятилетней, причем со стороны Петра, кажется, было и сильное чувство. «Анна Ивановна» разбогатела, построила себе в слободе роскошный дом, ее называли «Кукуйской царицей». Москвичи, разумеется, басурманку ненавидели, иностранцы искали у нее протекции, но влияния на государственные дела фаворитка не имела – во-первых, Петр этого не поощрял, а во-вторых, она и не пыталась играть какую-то политическую роль. Эта женщина любила деньги, но не власть и высоко не метила. Да и царственный любовник, кажется, ей был не мил. Впоследствии Петр говорил, что подумывал жениться и сделать немку царицей, однако Анна то ли по глупости, то ли по безрассудной смелости завела тайный роман с саксонским посланником Кенигсеком. Дело раскрылось случайно: весной 1703 года саксонец утонул в Неве, и в его бумагах была обнаружена любовная переписка. С этого времени Петр связь разрывает и Анна Монс перестает играть какую-либо роль при дворе.

> Удивительно, что царь с его бешеным нравом и болезненным отношением к измене не предал неверную любовницу казни. Более того – когда несколько лет спустя опальная фаворитка имела дерзость ходатайствовать о замужестве с другим посланником, прусским, Петр хоть и разгневался, но опять как-то умеренно: лишь на время посадил Анну под арест, а потом дал согласие. Нартов пишет, что государь проявил такое великодушие, «чтоб она… со временем почувствовала угрызение совести, колико она против него была неблагодарна». Вскоре (в 1714 году) несостоявшаяся царица умерла. По уверениям Нартова, она, «опомнясь о неоцененной потере, раскаивалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно» так сильно, что довела себя до чахотки.

Мягкость, проявленная Петром по отношению к неверной фаворитке, вероятно, объяснялась тем, что в 1703 году у царя появилась новая пассия.

Петр опять полюбил не соотечественницу, а иностранку. История ее жизни напоминает волшебную сказку.

Марта Скавронская родилась на самом низу тогдашней социальной лестницы – в семье не просто крепостного крестьянина, а крестьянина-беженца, вынужденного бежать из родной Литвы в Ливонию. Ее родным языком был польский. В трехлетнем возрасте девочка потеряла родителей и оказалась в рижском сиротском приюте. (Так повествует о ранних годах будущей императрицы Франц Вильбуа, оставивший очень подробный рассказ о взлете Екатерины, но существуют и иные версии ее происхождения, расходящиеся между собой. Источники сходятся только в одном: происхождение это было очень скромным.)

Каким-то образом Марта попала служанкой в дом известного ливонского просветителя, лютеранского пастора Иоганна Глюка, переводчика библии на латышский язык, а в дальнейшем основателя первой российской гимназии. Однако просвещать сироту пастор и не думал – она так и останется неграмотной.

В 1702 году Глюк служил священником в Мариенбурге (современный латвийский Алуксне), когда город был взят русскими войсками. Восемнадцатилетняя (по другим сведениям, шестнадцатилетняя) Марта только что вышла замуж за шведского солдата-кавалериста Иоганна Раабе (по другим сведениям, Крузе), но его часть накануне покинула крепость.

> Впоследствии, годы спустя, ко всеобщему неудовольствию выяснится, что муж ее царского величества жив-здоров и даже находится в России – кавалерист попал в плен под Полтавой. Вообще-то это означало, что царский брак недействителен, но Петра подобные мелочи смутить не могли. По словам Вильбуа, бедного Раабе-Крузе отправили «в самое отдаленное место Сибири», где через несколько лет законный супруг царицы и умер.

После падения Мариенбурга Марту ждала обычная участь молодых полонянок – она стала добычей победителей. Согласно распространенной и вполне правдоподобной версии, хорошенькая ливонка попалась на глаза самому главнокомандующему Борису Шереметеву, который отобрал ее у солдат для собственных нужд. Несколько месяцев спустя нашелся новый ценитель красоты – у

пожилого фельдмаршала Марту отнял царский фаворит Александр Меншиков. Вильбуа пишет: «С этим последним ей было приятнее, чем с первым. Меншиков был моложе и не такой серьезный». Еще некоторое время спустя красавица приглянулась часто бывавшему у Меншикова царю. Это само по себе пока еще мало что значило – мы знаем, как относился царь к мимолетным связям. После первой ночи он отдарился рублем и уехал, однако через некоторое время истребовал наложницу у Меншикова уже для «постоянного пользования».

Петр забирает у Меншикова Марту Скавронскую. *Лубок. XIX в.*

Эти мелкие детали исторически существенны. Во-первых, из-за того, что давняя симпатия царицы к Меншикову сыграет очень важную роль в борьбе за власть после смерти Петра. А во-вторых, неприглядный старт отношений между Петром и его будущей женой дает нам ключ к пониманию главного свойства Марты Скавронской: эта необразованная, совсем простая женщина обладала быстрым умом,

удивительной цепкостью и природным психологическим даром. Она сумела понять то, чего, вероятно, не сознавал и сам Петр: какими качествами должна обладать его идеальная спутница.

Дальнейшее восхождение Екатерины Алексеевны Веселовской (так Марту стали звать после перехода в православие) было небыстрым, но верным.

Несколько лет она довольствовалась ролью постоянной любовницы, ведущей себя очень скромно и никого не раздражающей. Петр бывал у нее все чаще и чаще – в обществе этой женщины ему было спокойно и легко. В 1708 году он ценит «Катерину Веселовскую» еще не очень дорого – завещает ей три тысячи рублей, «ежели что мне случится волею Божиею».

Затем выясняется, что Екатерина годна не только для любовных утех и отдыха, а может давать ценные советы, в том числе по вопросам государственным. «Он назначал аудиенции своим министрам и обсуждал с ними в присутствии Екатерины самые важные и самые секретные дела, – рассказывает Вильбуа. – Но вот во что трудно поверить: этот государь, отношение которого к женщинам было хорошо известно… не только признал эту женщину способной участвовать в качестве третьего лица в беседах с его министрами, но даже хотел, чтобы она высказывала при этом свое мнение, которое часто оказывалось решающим или компромиссным между мнением царя и мнением тех, с кем он работал». Екатерина обладала врожденным тактом, очень хорошо чувствовала, когда ей нужно промолчать и когда можно говорить – и если уж говорила, то дельно и к месту.

Петр не выносил малейшей непокорности – его спутница была всегда покладиста, весела, неконфликтна. И нисколько не ревнива. Даже начав вести семейную жизнь, царь продолжал заводить «метресок». Екатерина относилась к этим интрижкам с добродушным юмором. Петру незачем было что-то от нее скрывать – он всегда мог рассчитывать на ее понимание и поддержку.

Уже говорилось, что Екатерина умела купировать приступы петровских судорог – ее голос и прикосновения оказывали на больного благотворное психотерапевтическое воздействие.

Огромное значение имело и то, что Екатерина легко и много рожала. Этим она выгодно отличалась от первой фаворитки Анны Монс, не принесшей Петру потомства. Государь все хуже относился к

Алексею, сыну от Лопухиной, все чаще задумывался о другом наследнике, и плодовитость Екатерины позволяла надеяться, что проблемы с продолжением династии не возникнет.

Может быть, самым ценным достоинством Екатерины была ее готовность сопровождать царя в его бесконечных поездках. Она всегда находилась рядом – или приезжала по первому зову. Притом никогда не роптала и не жаловалась на тяготы. По выражению С. Соловьева, Екатерина была «походной, офицерской женой» – то есть именно такой подругой, в которой нуждался Петр.

Главный поворот в судьбе Екатерины свершился именно в походе: в 1711 году она была с Петром во время несчастной турецкой кампании и проявила себя так блестяще (об этом – в свое время), что царь в благодарность учредил орден Святой Екатерины, а в феврале 1712 года венчался с «сердешненьким другом Катеринушкой».

Новой высоты Екатерина Алексеевна достигла в мае 1724 года, когда Петр устроил для жены особую церемонию коронации. Год спустя титул коронованной императрицы станет формальным основанием того, что Екатерина Первая окажется самодержицей всероссийской.

> Многие находили петровскую избранницу вульгарной, невоспитанной да и не очень-то красивой. Дочь прусского короля Вильгельмина, девочкой видевшая Екатерину, оставила весьма нелестное описание русской царицы: «Она была мала ростом, толста и черна; вся ея внешность не производила выгодного впечатления. Стоило на нее взглянуть, чтобы тотчас заметить, что она была низкого происхождения. Платье, которое было на ней, по всей вероятности, было куплено в лавке на рынке; оно было старомодного фасона и все обшито серебром и блестками. По ее наряду можно было принять ее за немецкую странствующую артистку… На царице было навешано около дюжины орденов и столько же образков и амулетов, и когда она шла, все звенело, словно прошел наряженный мул».
>
> Но для Петра не имело важности, что думают о его браке окружающие. Он с Екатериной был счастлив.

Однако в последние месяцы жизни Петра эта многолетняя идиллия была разрушена. Екатерина приблизила к себе – неординарный поступок – брата прежней фаворитки Анны Монс, к тому времени уже умершей. Кто-то из недоброжелателей царицы донес, что она находится в связи с камергером Виллемом Монсом. Расчет, вероятно, строился на том, что царь вспомнит об измене другой представительницы этой фамилии. Сомнительно, что Екатерина с ее умом и осторожностью пошла бы на такое безрассудство, но царь поверил в неверность жены и пришел в ярость. Монса арестовали по обвинению в воровстве и каком-то мелком взяточничестве, после чего сразу же казнили. Петр повез жену к эшафоту и показал голову ее предполагаемого любовника, торчавшую на колу. Екатерина бесстрастно заметила: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности», но отношения между супругами разладились. Вплоть до самых последних дней смертельной болезни царь жену к себе не подпускал. Неизвестно, какая участь ожидала бы Екатерину, проживи Петр дольше.

Если супружеская и любовная жизнь царя была драматичной, то его родительская судьба состояла из сплошной череды трагедий. Первая жена родила ему двоих (по некоторым источникам, троих) мальчиков, вторая не то двоих, не то (опять-таки по неподтвержденным сведениям) четверых, но ни один из сыновей не пережил отца. Из шести дочерей четыре умерли в детском возрасте. В эпоху, когда детская смертность была очень высокой, горюющие родители обычно утешались неисповедимостью Божьего промысла, но главное потрясение – утрата первенца – было делом рук самого Петра.

Царевич Алексей появился на свет в 1690 году. Его ранние годы пришлись на эпоху, когда Петру было совершенно не до воспитания наследника, и мальчик находился на попечении матери, Евдокии Лопухиной, брошенной жены. Ей и ее окружению любить царя было не за что. Все надежды на лучшее будущее связывались у них со временем, когда Петра не станет и на престол взойдет Алексей Петрович.

В восемь лет царевич лишился матери, сосланной в монастырь, и остался наедине с грозным отцом, но и теперь Петр почти не виделся с сыном, всегда занятый если не большими делами, то своими сумасбродными забавами. Правда, он распорядился дать Алексею европейское образование. Мальчика научили французскому и

немецкому, основам математики, географии и истории. Иногда, как бы спохватываясь, царь брал сына на войну, пытался приобщить его к армейским и государственным заботам, но делал это со своей обычной гневливой нетерпеливостью, вызывавшей у робкого, скрытного подростка лишь парализующий ужас.

«Как грустно!» *Рисунок И. Сакурова*

Впоследствии, письменно отвечая на письменный же вопрос отца: «Что причина, что не слушал меня и нимало ни в чем не хотел делать того, что мне надобно?», Алексей объяснил это так: «Моего к отцу моему непослушания и что не хотел того делать, что ему угодно, хотя и ведал, что того в людях не водится и что то грех и стыд, причина та, что со младенчества моего несколько жил с мамою и с девками, где ничему иному не обучился, кроме избных забав, и больше научился ханжить, к чему я и от натуры склонен». Но главной причиной, по-видимому, было то, что сильный, деспотический характер Петра подавлял в мальчике

всякую волю. Страх – вот единственное чувство, которое Алексей испытывал по отношению к родителю.

> Приведу эпизод, демонстрирующий всю силу этого безумного страха.
>
> Вернувшись из Дрездена после курса инженерного обучения, Алексей должен был пройти экзамен у отца. Петр велел показать чертежи, исполненные сыном. Чертежи были, но, по-видимому, Алексей рисовал их не сам. Выйдя из комнаты, он вдруг испугался: что если государь велит сделать новый чертеж прямо сейчас? Спасение только одно – повредить себе руку. Потеряв от ужаса голову, царевич схватил пистолет и попытался прострелить себе ладонь…

Как свойственно слабым натурам, Алексей Петрович находил утешение в пьянстве, а спьяну нес лишнее в своем ближнем кругу. Серьезных людей там не было, все такие же болтуны, которые, разумеется, мечтали о том, как царевич станет самодержцем. Дальше разговоров дело не шло.

Наконец, близ Алексея появился человек более или менее решительный, хоть тоже неумный – некто Александр Кикин, бывший соратник Петра, попавший в опалу за непомерное взяточничество. Кикин подал молодому человеку новую идею: бежать за границу и там, в покое и безопасности, дождаться отцовской смерти, когда корона сама упадет в руки.

В 1711 году царь женил сына на немецкой принцессе Софии-Шарлотте. В 1715 году у молодой четы появился сын Петр (будущий Петр II), но роды были тяжелыми, и женщина умерла. Однако ее родная сестра была замужем за австрийским императором, и Алексей мог надеяться, что его как близкого свойственника приютят при венском дворе.

Положение царевича делалось все более тяжелым. Отец был в нем разочарован, грозил лишить наследства «яко уд гангренный». Писал: «За мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный». Алексей отвечал, что он и не хочет царствовать, просил отпустить его в монастырь, ибо он из-за слабого здоровья

«непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я».

Петр, находившийся в то время в западной Европе, потребовал сына к себе для окончательного разговора. Этим вызовом Алексей и воспользовался для осуществления кикинского плана: из России выехал, но не к отцу, а к шурину, австрийскому императору Карлу VI. Это произошло осенью 1716 года.

Не буду сейчас останавливаться на описании сложной политической ситуации, в которой произошел этот международный скандал, – об этом будет подробно рассказано в свое время, но бегство наследника, конечно, стало для отца очень тяжелым ударом. Он, так болезненно переживавший всякую неверность, был предан и опозорен собственным сыном на глазах у всей Европы!

Насчет того, что ему будут рады в Австрии, неопытный в европейской дипломатии царевич заблуждался. Император не захотел ссориться с могущественным русским царем и помог его эмиссарам выманить эмигранта обратно в Россию. Алексей не соглашался ехать, боялся наказания, но австрийцы пригрозили разлучить его с любовницей Евфросиньей, к которой молодой человек был очень привязан. Это решило дело.

На родину беглец поехал, получив от отцовских посланцев, Петра Толстого и капитана Румянцева, заверения, что ему ничто не грозит – кроме лишения прав на престол, которого Алексей и сам не желал. В сохранившемся письме Евфросинье он мечтает, что его «от всего уволят» и что «нам жить с тобою, будет бог изволит, в деревне и ни до чего нам дела не будет».

Очень возможно, что в первоначальные намерения Петра действительно входило лишь отрешение сына от престолонаследия. Алексея заставили подписать акт отречения от прав, после чего был обнародован соответствующий манифест.

Но затем повторилось то же, что было двадцатью годами ранее, после стрелецкого мятежа, когда болезненная подозрительность заставила Петра устроить повторное расследование. Там, где не было ничего кроме инфантильности, безответственности и пустых разговоров, царю мерещился некий огромный заговор, объединивший всех его врагов. Начались аресты знакомцев Алексея, а заодно под

следствие попала и его монахиня-мать (это, как уже было сказано, закончилось для нее личным горем).

Взялись и за самого царевича. Его не только допрашивали, но подвергали пыткам – небывалое дело в истории российской монархии. Разумеется, истязали и остальных. Люди это были слабые, не храброго десятка, готовые признаться в чем угодно, только бы не висеть на дыбе. Чтоб избежать мук, каялся в том, что было и чего не было, сам Алексей. Однако никакого злодейства кроме досужей болтовни и составления планов эмиграции так и не выявилось. Худшую вину возвел на себя сам царевич – сознался, что желал отцу смерти. Тем, вероятно, он себя окончательно и погубил.

Царевич Алексей. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Нескольких человек, объявленных соучастниками (не очень понятно чего именно), предали казни, но что было делать с родным

сыном государя?

Петр принял совершенно беспрецедентное решение: отдать царевича под суд духовных и светских властей. Преступления, в которых обвиняли Алексея, могли караться только казнью, но церковные иерархи уклонились от вынесения страшного вердикта. Зато сенаторы и министры, угадывая желание государя, 24 июня 1718 года вынесли смертный приговор.

Два дня спустя при так и не установленных обстоятельствах Алексей скончался в камере Петропавловской крепости. Может быть, его финал и не был насильственным, но очень уж быстро и удобно нашелся выход из неразрешимой ситуации: проливать на эшафоте царскую кровь было нельзя; заменить смерть на тюремное заключение тоже опасно. Из тюрьмы ведь можно и выйти, и неизвестно, какие силы сделают ставку на осужденного царевича, если его отец вдруг умрет.

Скорее всего правы те историки, кто полагает, что Алексея умертвили. Но если он умер и сам по себе, вследствие перенесенных пыток, все равно виноват в этом Петр, второй сыноубийца средь русских царей после Ивана Грозного (но тот хоть пролил кровь наследника сгоряча и, в общем, ненамеренно).

В момент смерти царевича, в 1718 году, Петру казалось, что судьба династии надежно защищена: у Екатерины, к тому времени уже законной царицы, рос мальчик Петр-младший. Но в следующем году малыш, не отличавшийся крепким здоровьем, скончался. У царя произошел тяжелый припадок его всегдашней болезни, он три дня ничего не ел и не показывался на людях.

Потом Екатерина произвела на свет еще одну, последнюю дочь (она умрет ребенком), и через некоторое время стало ясно, что детей у августейшей четы больше не будет.

У Петра возникла проблема – кому оставить державу?

Выбор был трудный. Все сыновья умерли. Был внук, но Петр испытывал к нему сложные чувства, поскольку на мальчике лежала тень ошельмованного и замученного отца. Были дочери, но малолетние и к тому же рожденные вне брака – до того, как Екатерина стала законной женой.

Царевен Петр рассматривал главным образом как полезный государственный актив – средство для заключения выгодных союзов. С

этого времени возобновляется традиция бракосочетаний с иностранными правящими домами, в свое время прервавшаяся по двум причинам: во-первых, из-за строгого отношения московитов к иноверию, а во-вторых (и это главное), из-за низкого международного престижа Московского царства. Невесты и женихи из слабого «варварского» государства, имевшие нагрузку в виде своей «схизматической» религии, никому не были нужны.

Теперь всё переменилось. Россия стала важной страной, одной из великих, ну или почти великих держав, и оказалось, что иностранные женихи совершенно не возражают против того, чтобы российские невесты сохраняли приверженность вере предков.

Матримониальный спрос был так велик, что политическую ценность приобрели даже племянницы Петра, тихо жившие в скромном подмосковном дворце Измайлово со своей вдовствующей матерью. Тем больше выгод можно было извлечь из царских дочерей – Анны (р. 1708) и Елизаветы (р. 1709).

Обе они оставят, каждая на свой лад, след в российской истории.

Анна Петровна будет сосватана за гольштейн-готторпского герцога, умрет двадцатилетней, но успеет родить сына, будущего Петра III, от которого пойдут все последующие Романовы (полностью династия будет называться «Гольштейн-Готторп-Романовы»).

Елизавете Петровне отец прочил блестящую партию – хотел выдать за французского короля. Из этого проекта ничего не вышло, Елизавета останется незамужней, зато со временем займет российский престол.

В начале 1720-х годов Петр, похоже, колебался – кому передать корону. Умирать император и «отец нации» не собирался, он был еще не стар, но ему хотелось законодательно утвердить за собой право выбора наследника – контролировать даже то, что случится после его смерти.

Так в 1722 году был принят новый закон о престолонаследии, отменявший традиционный принцип старшинства по первородству и утверждавший за государем право назначать преемника собственной волей. Самодержавие стало еще тоталитарнее.

Отмена института «естественного наследника», столь важного для монархии, было довольно рискованным шагом, за который Россия

заплатит в восемнадцатом столетии многочисленными переворотами: переход власти к следующему правителю почти всякий раз будет сопровождаться заговорами и потрясениями.

Вероятнее всего Петр провел эту реформу, собираясь завещать власть жене – не случайно вскоре после этого состоялась ее торжественная коронация. Безродная Екатерина не имела бы иного выбора кроме как беречь новый формат государства. Возвращение к старине для нее было бы гибельно.

Однако вышеупомянутое «дело Виллема Монса», разразившееся осенью 1724 года (почти наверняка интрига, удачно осуществленная врагами императрицы), заставило царя усомниться в правильности этого решения. Так и вышло, что в конце января 1725 года, когда царь уже находился в агонии, придворные не знали, кому достанется корона: вдове, внуку или кому-то из дочерей.

Теперь, ознакомившись с личностью и частной жизнью человека, возглавившего реформы, перейдем непосредственно к событиям, которые приведут к созданию новой государственной формации. Она окажется довольно прочной и просуществует двести лет, вплоть до 1917 года.

События

Царь, который не хочет царствовать
Сентябрь 1689 – февраль 1694

Власть, за узурпацию которой Петр так ненавидел сводную сестру Софью, досталась ему не без волнений, но бескровно в начале осени 1689 года. «Младший царь» просто сидел в подмосковном Троицком монастыре и ждал, пока закончится миграция перебежчиков из лагеря Милославских в лагерь Нарышкиных. Милостиво принимал всех прибывающих, ни во что не вмешивался. Когда правительница наконец осталась одна, всеми брошенная и бессильная, Петр написал «старшему царю» брату Ивану письмо (скорее всего просто подписал), в котором была обозначена формула нового политического режима: «А теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем… Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшие пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре». То есть Ивану объявлялось, что он будет фигурой сугубо декоративной и его даже не станут извещать о принимаемых решениях.

12 сентября 1689 года новая власть «учинила по приказам» собственных судей – выражаясь по-современному, сформировала правительство, и Петр сделался не титульным, как в предыдущие семь лет, а настоящим царем. Однако никакого желания править семнадцатилетний государь не проявлял. На несколько лет государство оказалось под властью нарышкинского клана, их родственников и сторонников.

Самой важной особой в новой администрации стал 25-летний Лев Нарышкин, возглавивший Посольский приказ, брат Натальи Кирилловны (генерал Патрик Гордон называет боярина «первым министром»). Родственник царицы Тихон Стрешнев получил Разрядный приказ, ведавший государственными назначениями; Петру

Лопухину, дяде молодой царицы Евдокии, досталось управление делами царского двора; возвысился двоюродный брат Натальи Кирилловны окольничий, а затем и боярин Иван Головкин – иными словами, это было правительство родственников. Все прочие должностные лица, по выражению Куракина, остались «без всякаго повоире [pouvoir – власти] в консилии или в палате токмо были спектакулеми [зрителями]». Самый толковый деятель из окружения «младшего царя», сыгравший ключевую роль в перевороте, – Борис Голицын был не связан с Нарышкиными ни родством, ни свойством и потому оказался всего лишь главой приказа Казанского дворца (генерал-губернатором Поволжья).

При равнодушном Петре и больном Иване главой государства фактически сделалась бездеятельная царица Наталья, мало во что вмешивавшаяся. Ключевский пишет: «Всплыли наверх все эти Нарышкины, Стрешневы, Лопухины, цеплявшиеся за неумную царицу». Современник Куракин сообщает: «Правление оной царицы Натальи Кирилловны было весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И в то время началось неправое правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная».

Дела пошли еще хуже, чем при Софье и Голицыне. Замерла внешнеполитическая деятельность, в совершенный упадок пришла регулярная армия. Правительство не желало расходовать деньги на содержание полков «иноземного строя», их число резко сократилось. При Василии Голицыне страна держала восемьдесят тысяч солдат, а всего пять лет спустя, ко времени Азовских походов, их останется тысяч тридцать. Войско вновь, как в шестнадцатом столетии, теперь в основном состояло из мало на что годного дворянского ополчения и казачьих отрядов.

Вместо реформ страна, наоборот, откатилась назад. Всё вновь обустроилось по-старинному. Большое влияние приобрел патриарх Иоаким, человек суровых, консервативных взглядов. Он не любил иностранцев и боролся с их засилием, выслал из России иезуитов, стал жечь на кострах еретиков и «колдунов». В 1690 году Иоаким умер, понадобился новый глава церкви. Петр был за кандидатуру псковского митрополита Маркела, слывшего человеком просвещенным, но Наталья Кирилловна и ее родственники решили, что у Маркела «слишком много учености» (пишет Гордон), и поставили патриархом казанского

митрополита Адриана «ради его невежества и простоты». В это время, стало быть, Петр никаким влиянием еще не пользовался и настоять на своем не умел.

Царь даже не переселился в кремлевский дворец, а продолжал оставаться в Преображенском, где ему жилось вольготней, и вовсю предавался забавам. Разница состояла только в том, что теперь он мог это делать с меньшими ограничениями и бóльшим размахом.

Например, Петр стал активно общаться с иностранцами, да и те, в свою очередь, уже не опасаясь вызвать неудовольствие Софьи, вовсю старались угодить юному царю. Это сближение происходило вовсе не так быстро, как изображают в исторических романах и фильмах. Поначалу Петр все-таки был вынужден соблюдать определенные правила. Он стал одеваться по-европейски, «от башмаков и чулок до парика», лишь после смерти сурового Иоакима, да и в гостях у иностранца (генерала Гордона) впервые побывал лишь через месяц после кончины патриарха – в апреле 1690 года. Со временем визиты в Немецкую слободу участились. Тогда же в жизни Петра появился Франц Лефорт, русский офицер женевского происхождения. Это был человек веселый, обаятельный, гораздый на выдумки, многое повидавший. По аттестации Куракина, которого так приятно цитировать, Лефорт был «слабаго ума и не капабель [неспособный]», зато «денно и нощно был в забавах». Неотесанный юноша, у которого развязность легко сменялась застенчивостью, буквально влюбился в этого блестящего кавалера. «Он ввел Петра в иноземное общество в Немецкой слободе, где царь нашел полную непринужденность обращения, противоположную русской старинной чопорности», – пишет Костомаров. Вскоре в жизни Петра появилось еще одно сильное увлечение – Анна Монс. В начале 1690-х годов царь, кажется, проводил больше времени на Кукуе, чем в своем скучном дворце. Тогда же сформировались его прочные пристрастия: к европейскому образу жизни (вернее, кукуйскому, то есть довольно специфическому), к шумным попойкам – говоря шире, ко всяческому нарушению постылых старомосковских обычаев.

Непохоже, чтобы под влиянием Лефорта и прочих подобных весельчаков царь научился чему-то полезному – разве что немного объясняться по-немецки, да и то по большей части просто вставлял в

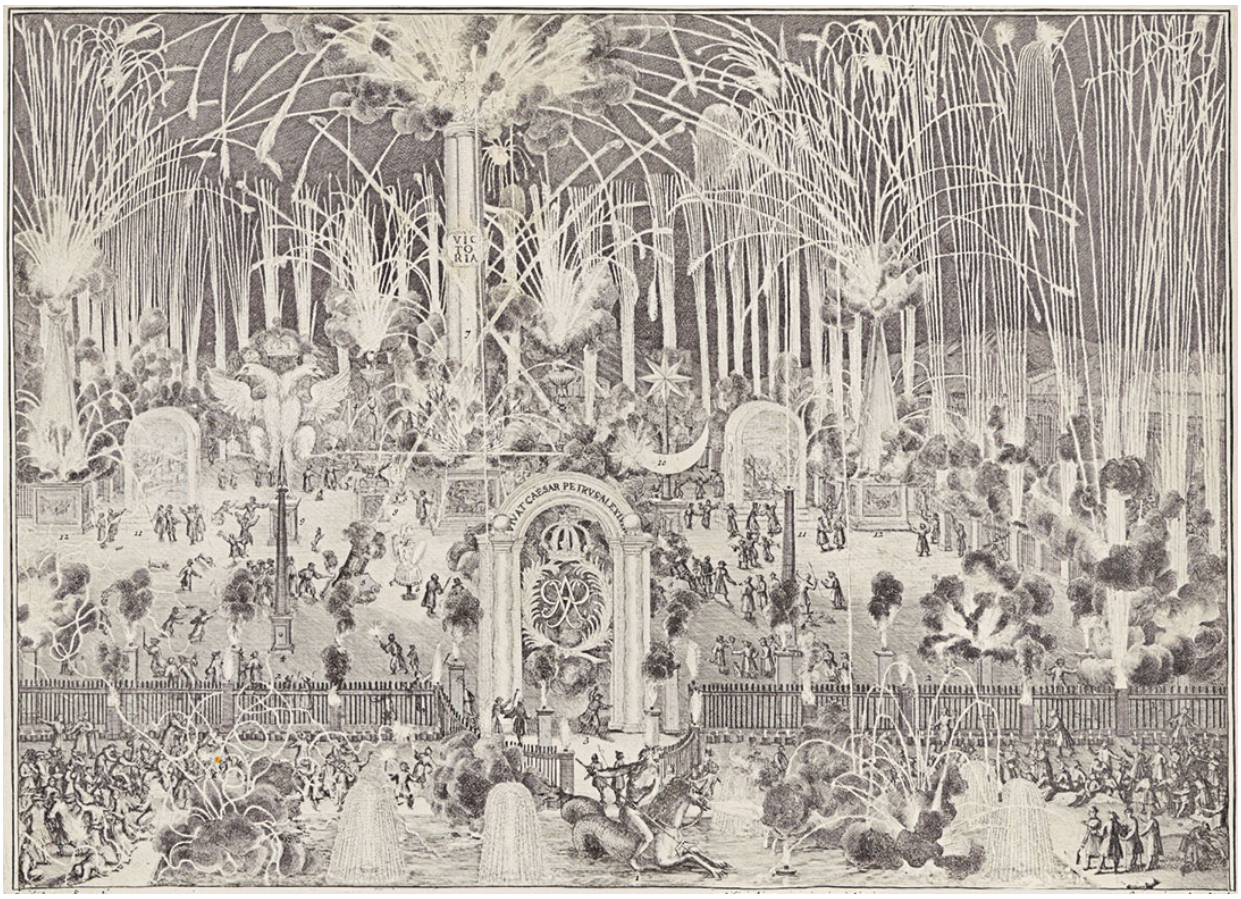
русскую речь отдельные иностранные слова и выражения, иногда безбожно их перевирая.

Кажется, главным увлечением Петра в это время были фейерверки. В ежедневных записках Гордона царь в основном упоминается в связи с очередным салютом. «Как тогда обычай был на конец кроновала или на маслянице на Пресне, в деревне их величества, по вся годы, потехи огненныя были деланы, – рассказывает и Куракин. – И, правда, надобное сие описать, понеже делано было с великим иждивением, и забава прямая была мажесте́ [величественная]».

Военные игры, которыми продолжал развлекаться Петр, по-прежнему оставались не более чем забавой, просто теперь выросли ее размеры.

Осенью 1690 года состоялось ристалище, в котором участвовало не менее двух тысяч человек: «потешные» и дворянская конница против стрелецкого полка.

Год спустя игра повторилась в еще большем масштабе: стрелецкой армии противостояла армия западного строя («потешные», солдаты, драгуны и рейтары). И все же маневрами назвать эти хаотические перепостроения, временами переходившие в беспорядочную потасовку, а заканчивавшиеся массовым пьянством, трудно.



Московский фейерверк. *Офорт А. Шхонебека. 1697 г.*

Пожалуй, единственным важным событием на этом поприще стало создание двух первых гвардейских полков, Преображенского и Семеновского (около 1691 г.), на основе которых через некоторое время возникнет настоящая армия.

Ненамного больше прока было и от другого царского увлечения – корабельного строительства. Оно тоже пока не выходило за рамки высочайшего хобби. Петр построил несколько небольших галер и плавал на них по Москве-реке. Затем переместился на просторное Плещеево озеро в ста пятидесяти километрах от Москвы – там можно было строить большие лодки и маневрировать под парусами. В 1691 году на озере заложили настоящий военный корабль, постройкой которого руководил самый серьезный из петровских собутыльников Федор Ромодановский, ради такого случая произведенный в адмиралы. Корабль построили, с помпой спустили на воду, устроили пальбу из пушек, но никакого практического смысла в военном флоте на Плещеевом озере, конечно, не было.

Петру хотелось на большую воду, на морской простор. Выбирать не приходилось. Морской порт, куда заходили настоящие европейские суда, у России имелся только один – в Архангельске. Туда Петр летом 1693 года и отправился.

Это была первая дальняя поездка царя и его первое знакомство с морской стихией, которую он полюбит на всю жизнь.

Архангельск принимал за навигацию несколько десятков купеческих кораблей. В то лето их прибыло около сорока. Для царя была выстроена яхта с 12 маленькими пушками, и на этом суденышке Петр провожал англо-голландский караван в открытое море. Потом он еще сорок дней дожидался прибытия конвоя из Гамбурга и за это время заложил верфь для постройки первого русского корабля (небольшого, на 24 пушки). Тогда же в Голландию был отправлен заказ на покупку 44-пушечного фрегата.

Вся эта активность по-прежнему не имела серьезного вида, поскольку ни один, ни два собственных корабля никоим образом не решили бы проблему самостоятельной внешней торговли. С. Платонов справедливо называет петровские морские усилия этого периода «пустошным делом».

Но поездка на море имела два важных последствия. Во-первых, Петр определил себе главную цель жизни: завладеть морем. И во-вторых, на обратном пути из Архангельска он, по-видимому, и подцепил предположительный энцефалит. Во всяком случае весь конец осени и начало зимы царь был так тяжко болен, что при дворе началась паника. Что если он умрет? Тогда самодержцем останется один Иван, а с ним вернутся Милославские и грозная Софья…

Петр выжил, хоть и на весь остаток жизни обзавелся своими нервными припадками. Но 4 февраля 1694 года скончалась его мать, еще совсем не старая, сорокадвухлетняя Наталья Кирилловна. Хотел того ее сын или нет, но теперь он должен был заниматься государственными делами сам.

Можно сказать, что Петр стал самодержцем в три этапа: в 1682 году по титулу, в 1689-м по положению, а в полном смысле – лишь с 1694-го.

Первые шаги
1694–1696

Поначалу серьезных перемен в правительстве не произошло. «Хотя его царское величество сам вступил или понужден был вступить в правление, однако ж труда того не хотел понести и оставил все своего государства правление министрам своим», – пишет Куракин. Правда, утратил первенствующее положение никчемный Лев Нарышкин, «понеже он от его царскаго величества всегда был мепризирован [презираем] и принят за человека глупаго», однако сохранил за собой должность главы Посольского приказа.

По старой памяти Петр вернул и приблизил Бориса Голицына, но тот «пил непрестанно, и для того все дела неглижировал», так что пришлось заменить его все тем же Тихоном Стрешневым, который был хоть и не семи пядей во лбу, но по крайней мере трезвого поведения. Невероятно возросло значение царского друга Лефорта, который получил высшие чины – адмирала и полного генерала, однако на какую-либо власть не претендовал.

В первые месяцы самостоятельного царствования Петра продолжались все те же увеселения и игрища. Теперь не нужно было выпрашивать у матери денег, Петр мог сам распоряжаться казной, и весной он снова отправляется в Архангельск, теперь с огромной свитой. Там как раз достроили первый русский корабль, за ним спустили на воду и второй, вскоре прибыл заказанный в Голландии фрегат. Царь объявил, что флот создан, и придумал для него трехцветное сине-бело-красное знамя, попросту поменяв местами цвета с флага великой морской державы Голландии.

Траты были немалые и при этом бесперспективные. Флот на далеком северном море никак не мог решить главную политическую проблему России – отсутствие незамерзающих европейских портов. Поняв это, Петр вскоре охладеет к идее создания беломорской эскадры, немногочисленные архангельские корабли (всего их построят шесть) будут переоборудованы в обычные торговые суда.

Наплававшись по морю и чуть не утонув там во время шторма, царь в начале осени вернулся в Москву, где предался другой любимой

забаве – играм военным, придав им невиданный размах.

В подмосковной деревне Кожухово построили большую крепость, куда засели семь с половиной тысяч стрельцов. Вторая армия, девять тысяч солдат европейского строя при поддержке дворянской конницы, должна была взять эту «твердыню». Нечего и говорить, что сам государь состоял в «европейском» войске, в качестве «бомбардира Петра Алексеева». Это и предопределило исход дела: гарнизон посопротивлялся некоторое время, а затем капитулировал.

С одной стороны, Кожуховское действо, длившееся целых три недели, сохранило все приметы прежних потешных побоищ – с хмельными безобразиями, с шутами и карлами, с личной перебранкой «командующих», но в то же время состоялось и нечто вроде боевых учений. Саперы строили мосты, взрывали мины, засыпали рвы, артиллеристы стреляли из пушек глиняными гранатами, пехотинцы штурмовали укрепления, конница совершала маневры. Нешуточными были и потери – несколько десятков убитых и покалеченных.

Кожуховские маневры. *А.Д. Кившенко. 1882 г.*

Самым же серьезным следствием маневров было то, что Петр уверился, будто в его распоряжении находится мощная армия, с которой можно затеять и настоящую войну.

Ломать себе голову над тем, где бы повоевать, не приходилось: Россия уже почти десять лет находилась в состоянии войны с Османской империей, просто боевые действия давно не велись.

> Напомню, что первая русско-турецкая война (1672–1681) разразилась из-за столкновения интересов на Украине. После ряда кровопролитных боев обе стороны поняли, что легкой победы не будет, и заключили перемирие, договорившись о разделе сфер влияния.
>
> Однако в 1686 году правительство Василия Голицына сочло выгодным присоединиться к антитурецкой «Священной Лиге» (Австрия, Польша, Венеция), получив в виде компенсации за помощь признание прав на Смоленщину, Левобережную Украину и Киев. Расплачиваться пришлось дорогостоящими походами в Крым (1687, 1689). Это, собственно, была не столько попытка завоевания, сколько военная демонстрация, и в этом качестве она вполне достигла цели: Россия исполнила свои союзнические обязательства и закрепила за собой серьезные территориальные приобретения.
>
> Правительство Нарышкиных никаких активных действий против Турции не вело и, как уже было сказано, сильно сократило военные расходы.

Историки очень старались найти глубокие резоны, которые обосновали бы политический замысел Азовской эпопеи Петра: он-де стремился избавиться от турецкого плацдарма, угрожавшего безопасности России, или же получить выход к Черному морю. На самом деле турки содержали Азовскую крепость не для нападения, а для обороны: чтобы контролировать устье Дона и сдерживать грабительские набеги казачьих флотилий. В стратегическом же отношении захват этого пункта не давал России ничего кроме доступа к бесполезному в торговом смысле Азовскому морю. Взятие Азова имело бы смысл, если бы за ним последовало занятие Керчи для выхода в

Черное море, а затем и контроль над проливами, ведущими в Средиземноморье, однако с этой гигантской задачей, как известно, Россия не сможет справиться и во времена, когда ее мощь достигнет апогея, а Турция придет в совершенный упадок.

В конце же семнадцатого века всерьез вынашивать подобные планы мог только безумец. Османская империя, в одиночку противостоявшая целой европейской коалиции, выводила на поля сражений 200 тысяч пехотинцев и 180 тысяч всадников, не считая 60 тысяч вассального крымского войска.

Похоже, что главным мотивом для возобновления боевых действий было всего лишь желание молодого царя проявить себя в «великом деле» и испытать свою армию в истинных, а не потешных сражениях.

События ускорило известие о том, что в Стамбуле (в феврале 1695 года) сменилась власть и что новый султан Мустафа II намерен бросить все свои силы против «Священной Лиги». В такой ситуации можно было надеяться, что турки не пришлют в Азов подкреплений и вообще махнут рукой на не слишком важный для них город, а потом будет видно, какая из этого выйдет польза.

По выражению Костомарова, Петр решился на дерзкое предприятие «со свойственной его юношескому возрасту отвагой, недолго размышляя».

На бумаге план кампании выглядел прекрасно. Объявили публично, что целью похода опять является Крым, как во времена Василия Голицына. В том направлении, к низовьям Днепра, действительно для отвлечения внимания отправилось большое, но разномастное войско Бориса Шереметева, в которое собрали дворянскую конницу, гарнизонные части и казаков украинского гетмана Ивана Мазепы.

Все лучшие силы – солдаты и отборные стрельцы – были переброшены к Азову. За последние пять лет, невзирая на петровскую любовь к военным забавам, русская армия заметно усохла. В 1689 году, при Софье, на Крым ходила армия в 112 тысяч человек. Теперь под Азов шли 30 тысяч войска «первого сорта», и еще 25 тысяч качеством похуже было у Шереметева, то есть произошло двукратное сокращение.

Готовились вроде бы основательно: построили струги, чтобы плыть до места по воде, назначили поставщиков продовольствия и

фуража, мобилизовали конную тягу. Чтобы избежать заторов, разделили армию на три «генеральства», которыми командовали Франц Лефорт, Патрик Гордон и начальник «потешных» Автоном Головин.

Но настоящая война оказалась труднее Кожуховских учений. К месту вовремя прибыл один Гордон, маршировавший без хитростей, сухим путем. Остальные две дивизии столкнулись с множеством проблем: часть стругов никуда не годилась, поставщики подвели, начался падеж лошадей. Солдатам пришлось тащить пушки и возы вручную. Добирались больше двух месяцев, так что обмануть турок демонстрацией Шереметева не получилось.

В крепости стояло немалое войско, семь тысяч человек. Проблем с продовольствием и боеприпасами у него не возникало – не имея кораблей, русские не могли контролировать водные коммуникации. Укрепления были серьезные: каменные стены, перед ними земляной вал с 15-метровым рвом, деревянный частокол. На берегах Дона высились две башни, между которыми были натянуты железные цепи – чтобы казачьи лодки не могли выйти в море.

Штурм Азова. *Р. Портер*

Гарнизон в «каланчах» был маленький. Донские казаки-добровольцы лихой атакой взяли одну, из второй турки ушли сами.

Эта скромная победа так и осталась единственным успехом за всю осаду.

Сам Петр играл в то, что он здесь человек не главный, а простой бомбардир. Трудно сказать, чем объяснялся этот маскарад, к которому он будет прибегать постоянно: назначать начальниками других, а самому оставаться вроде бы в тени. Скромность была совсем не в характере царя, скорее речь может идти о неуверенности и страхе совершить какую-нибудь непоправимую ошибку. Так или иначе, система, при которой армия вместо главнокомандующего имела трех автономных военачальников и царя-бомбардира, ни за что не отвечавшего, но во все вмешивавшегося, работала плохо. Генералы ссорились между собой, не приходили друг другу вовремя на выручку.

Но хуже всего было то, что русская армия продемонстрировала скверные боевые качества.

Артиллерия две недели палила по крепости, но так и не пробила брешей.

Саперы вели подкопы – и от неопытности подрывались на собственных минах.

Днем войско располагалось на послеобеденный сон. Однажды турки в этот час устроили вылазку, перебили несколько сотен человек, попортили орудия, а девять даже утащили с собой.

5 августа русские предприняли штурм – получился разброд и конфуз. Храбрецы бодро вскарабкались на стены, малодушные остались сзади, кричали «ура!», но в огонь не шли, отсиживались во рву. Сказались низкая дисциплина, плохая выучка, отсутствие настоящего офицерского корпуса.

Не лучше вышло и со вторым штурмом 25 сентября. Подкоп под стену снова не удался. Штурмующие действовали разрозненно, что позволяло туркам перебрасывать подкрепления из одной точки в другую. Батальон преображенцев прорвался было в город, но не получил подмоги и был вынужден отступить.

Через два дня, утратив надежду на победу и израсходовав припасы, русская армия сняла осаду.

Отступали не лучше, чем наступали. Многие утонули на переправе через Дон, многие умерли от голода и болезней – осень в степях выдалась холодная.

Одним словом, первый военный опыт Петра закончился еще бесславнее, чем крымские походы Василия Голицына, над которыми некогда так глумились в селе Преображенском. Отвлекающий маневр Шереметева удался и то лучше: на Днепре хоть взяли четыре маленькие турецкие крепости.

Правда, царь, точь-в-точь как шестью годами ранее Василий Голицын, объявил стране о великой победе и устроил триумфальный въезд в столицу. В качестве трофея москвичам торжественно предъявили одного-единственного пленного турка.

Рубеж 1695 и 1696 годов стал для Петра переломным. Проявилось самое ценное качество сложного петровского характера, которое не раз выручит его и в дальнейшем: после поражения этот человек не опускал руки, а начинал действовать с удесятеренной энергией.

Царь решил на следующий год снова идти к крепости, которая не далась с первого раза – но теперь уже не на «авось», а с гарантией результата. Для этого был разработан ясный план действий. Царь правильно определил главные причины неудачи: то, что Азов не был блокирован с моря, и недостаточно сильная армия. На исправление этих ошибок Петр и направил все усилия. Игры закончились, началась тяжелая работа. Именно в этот момент Петр стал из «потешного» правителя настоящим.

В верховьях Дона, близ Воронежа, на границе Великой Степи с Великим Лесом, быстро построили верфи, согнали туда огромное количество крестьян, 26 тысяч человек, и начали с небывалой скоростью строить флот. Невзирая на морозы и лишения, от которых несчастные работники умирали массами, работы кипели днем и ночью. Дисциплина поддерживалась самыми жестокими мерами: тех, кто пытался бежать, ловили и вешали. Можно сказать, что это был первый опыт «гулагстроя» в отечественной истории. Оказалось, что принудительной мобилизацией, репрессиями и страхом можно добиться впечатляющих результатов – во всяком случае, на коротком отрезке времени. В будущем Петр будет использовать эту методику постоянно.

К весне на воду спустили 1300 (!) стругов для транспортировки войск, а кроме этих больших плоскодонных лодок, привычных для русских плотников, еще построили по голландским образцам военную

флотилию: 23 гребные галеры с пушками и 4 брандера – отпугивать турецкие корабли.

Казне гигантская затея обошлась очень дорого, при этом суда из мерзлой древесины получились плохими, для однократного использования, но ради взятия Азова царь был готов на любые жертвы. Жертвы его вообще никогда не останавливали.

Армию пополнили противоположным, но, пожалуй, еще более эффективным способом – не через принуждение, а через правильное стимулирование. Было объявлено, что все крепостные и холопы, кто запишется в солдаты, получат свободу. В Преображенское, к месту сбора, немедленно хлынули толпы добровольцев. Если в прошлом году едва набрали тридцатитысячное войско, то теперь под ружье встали 70 тысяч человек.

На фоне всех этих эпохальных событий современники почти не заметили смерти (в январе 1696 года) «старшего царя» Ивана V, забытого всеми еще при жизни. Петр стал единоличным монархом, но это совершенно ничего не изменило.

Полки погрузились и отправились на юг в конце апреля.

Теперь осада была организована правильно – таким образом, что и штурма не понадобилось.

Прежняя ошибка с разделением главнокомандования была исправлена. Петр по-прежнему не взял на себя этой миссии, но назначил «генералиссимусом» боярина Алексея Шеина, который хорошо проявил себя во время первой осады (он тогда командовал преображенцами и семеновцами). Вести флотилию царь поручил адмиралу Лефорту. Оба военачальника не обладали стратегическими талантами, но других командующих взять было негде. Себя Петр скромно произвел в галерные капитаны.

Военные корабли полностью блокировали Азов с моря. Турки, у которых, видимо, совсем не было разведки, такого не ожидали. Запоздалое подкрепление из Керчи – четыре тысячи воинов с припасами – не решилось прорваться через строй галер и брандеров.

По периметру твердыни русские построили высокую, вровень со стенами, земляную насыпь. Оттуда орудия повели методичный обстрел городских укреплений. Под прикрытием этого огня понемногу засыпали рвы. После этого было уже нетрудно захватить турецкий вал –

внешнее кольцо обороны. Не дожидаясь генерального приступа, турки начали переговоры о сдаче.

18 июля крепость, всего год назад казавшаяся неприступной, капитулировала. Так Петр получил очень важный урок: гарантия военного успеха – хорошая подготовка и, выражаясь по-современному, правильная логистика. Отходя от этого золотого правила из-за вечной своей нетерпеливости, он будет терпеть неудачи. Придерживаясь – побеждать.

Азовские походы 1695-1696 гг. *М. Романова*

В связи со взятием Азова имел место один небольшой, но примечательный эпизод, показывающий, насколько болезненно Петр относился к предательству.

Во время первой неудачной осады в турецкий лагерь перебежал голландец русской службы Яков Янсен, какой-то военный специалист (в разных источниках его называют то моряком, то инженером, то артиллеристом). Не бог весть какое событие, не бог весть какая фигура, но царя взбесило двойное предательство: не только присяге, но и вере. Дело в том, что Янсен, ради карьеры перекрестившийся в православие, с такой же легкостью принял в Азове мусульманство. К тому же ходили слухи, что это Янсен выдал страшную тайну: русские-де после обеда всегда спят. Тогда-то турки якобы и совершили ту злополучную вылазку, перебив солдат и захватив орудия.

Судьба изменника занимала на переговорах о капитуляции важное место. Царь требовал выдать Янсена, турки не соглашались – ведь он стал их единоверцем. В конце концов выдали, но взамен выговорили всему гарнизону свободный выход с оружием, семьями и имуществом.

Триумфально въезжая в Москву, царь предъявил подданным не трофеи и не толпу захваченных турок, а опять одного-единственного пленника. Бедного Янсена провезли по городу в чалме и цепях, а потом предали мучительной казни колесованием. Смысл демонстрации был очевиден: хуже предательства преступлений не бывает.

Азовский трофей. *Рисунок И. Сакурова*

Даже апологет петровского величия Н. Павленко пишет: «Пышность встречи победителей не соответствовала реальному значению одержанной победы».

Победа Петра, в самом деле, была скорее личной, чем исторической. Молодой царь доказал себе и подданным, что умеет добиваться поставленной цели, и это, конечно, много значило. Гораздо больше, чем обладание Азовом. Пожалуй, следовало бы сказать, что владение этим приморским городом обошлось России гораздо дороже его взятия.

Небезосновательно приписывая успех второй осады действиям Воронежского флота, Петр сделал из этого факта вывод, казавшийся ему несомненным: кораблестроение на Дону нужно развивать.

Денег у государства на это не было, и царь ввел еще одну новацию. Флот должно было построить всё население, на собственные деньги. Бояре и дворяне – по одному кораблю с каждых десяти тысяч

крепостных хозяйств. Духовное сословие – с каждых восьми тысяч. Купцам и горожанам предписывалось коллективно оплатить двенадцать судов. За каждый корабль отвечало специально учрежденное «кумпанство» – всего их набралось пятьдесят два. По сути дела был учрежден колоссальный дополнительный налог, который лег на страну огромной тяжестью.

За время царствования Петр пытался осуществить немало гигантских проектов, в том числе несбыточных или очень странных. Какие-то из них проваливались, другие при всей фантастичности получались (например, строительство новой столицы на дальней окраине, среди пустынных болот), но эпопея Воронежского флота, пожалуй, не имеет себе равных.

В течение полутора десятилетий измученная, бедная страна тратила огромные человеческие и материальные ресурсы на строительство и поддержание призрачного флота, которому было негде плавать. На воду спустили 215 кораблей, в том числе очень больших, линейных. По большей части суда просто сгнили в пресной воде. Море они видели только маленькое и мелкое – Азовское, а повоевать ни одному так и не довелось.

Историки, которые склонны находить глубокий смысл во всех решениях Петра, предполагают, что эти чудовищные расходы были не совсем напрасны. С помощью-де Воронежского флота во время тяжелой Северной войны царь удерживал Турцию от нападения на Россию. Мол, лишь боясь этакой силы, турки вели себя смирно. На самом деле султану бояться донских кораблей было незачем. Они не смогли бы выйти в Черное море – узкий Керченский пролив надежно охранялся. Мы увидим, что, решив воевать с Россией, султан Ахмед III не испугается странной речной эскадры – а та не доставит ему никаких неприятностей. После событий 1711 года Воронежский флот свернули, понапрасну потратив миллионы рублей, погубив тысячи крестьян и вырубив вековые леса.

Нет, ничем кроме страстной петровской любви к кораблестроительству это расточительство объяснить, пожалуй, нельзя.

Польза от Воронежского флота если и была, то очень скромная. В 1699 году 46-пушечный корабль 3-го класса отвез в Константинополь царских послов, и все там очень удивились: надо же, у московитов есть настоящий корабль. А кроме того, для строящегося флота требовались

кадры, поэтому Петр начал посылать за границу на обучение молодых дворян. Так появились первые российские морские офицеры.

Воронежская затея повлекла за собой и еще одно важнейшее событие, не столько флотского, сколько всероссийского значения. Царь увлекся строительством кораблей так сильно, что захотел и сам освоить эту профессию. Сделать это можно было только в Европе.

Большое путешествие
Конец 1696 – август 1698

Начало самостоятельного правления Петра сопровождалось множеством небывалых прежде деяний, но ни одно из них не могло сравниться с затеей, которая созрела в царской голове на исходе победного 1696 года: отправиться в Европу лично, чтобы посмотреть собственными глазами на этот «большой Кукуй». Русские цари никогда прежде за пределы своего государства не выезжали – разве что во время войны, с армией. Да и в Европе подобные визиты августейших персон были большой редкостью. В эпоху, когда огромное значение придавалось протоколу и декору, такая поездка монарха неминуемо становилась очень сложным и громоздким делом, ну а кроме того, всякий правитель боялся оставить государство без присмотра.

Петр решил обе проблемы беспрецедентным образом, с поразительной легкостью. Чтоб обойти церемониальные сложности, царь решил путешествовать инкогнито – под именем «преображенского урядника Михайлова», якобы сопровождающего официальное посольство в качестве волонтера. Что касается управления, оно было доверено надежному человеку Федору Ромодановскому, который получил невиданный титул князя-кесаря и неограниченные полномочия.

Главной причиной удивительного предприятия были любознательность и любопытство Петра, но это не значит, что у посольства не имелось и более серьезных целей.

Одной из них, сугубо практической, была закупка современного оружия и инструментов, а также массовая вербовка необходимых России специалистов: моряков, кораблестроителей, инженеров и офицеров. Другая цель касалась большой политики. Заплатив дорогую цену за Азов, Петр задумался о дальнейших действиях. Логичней всего было продолжать войну с Турцией, но не автономно, а в координации с европейскими союзниками. Важнейшим из них был германский император Леопольд I. К нему в Вену направлялось Великое посольство, официальной миссией которого объявлялось «ослабление врагов креста господня: салтана турского, хана крымского и всех

бусурманских орд». Дипломатическая подготовка к наступательному и оборонительному альянсу с императором и Венецианской республикой была уже проведена, так что успех казался гарантированным.

То ли по этой причине, то ли, что вероятнее, удовлетворяя петровскую любознательность, посольство наметило довольно странный маршрут в Вену: не напрямую, а кружным путем через всю северную Европу. Царю хотелось попасть в Голландию, страну корабельных верфей.

В начале марта 1697 года огромный караван в тысячу саней тронулся в дорогу. Номинально посольство возглавляли Франц Лефорт, глава Посольского приказа Федор Головин и самый опытный из русских дипломатов дьяк Прокофий Возницын. Первым лицом считался Лефорт – должно быть, Петр полагал, что европейцу будет легче найти общий язык с другими европейцами.

Месяц добирались до первого большого иностранного города – Риги, уже семьдесят лет принадлежавшей шведской короне.

Ливонский генерал-губернатор Эрик Дальберг, старый вояка, известный своей суровостью, принял посольство строго по протоколу. Он, конечно, знал, что под видом простого волонтера скрывается сам царь (особенного секрета из этого и не делалось), но решил: уж инкогнито так инкогнито. Когда «урядник Михайлов» со своей любовью к фортификации принялся рассматривать в подзорную трубу крепостные укрепления, которые в это время как раз перестраивались по новейшей инженерной науке, губернатор сделал ему строгое замечание. С Петром так обращались впервые, он страшно оскорбился и впоследствии обиды не забыл.

Таким образом, Европа встретила своего поклонника не слишком приветливо.

Долго Петр в Риге не задержался, переместившись в маленькую Курляндию, где герцог Фридрих-Казимир принял высокого гостя гораздо любезнее, поскольку был очень заинтересован в хороших отношениях с русским соседом.

В начале мая в Кенигсберге у царя состоялась встреча с уже более или менее значительным европейским монархом курфюрстом Фридрихом III (вскоре он станет первым прусским королем). Беседовали неофициально и тайно. Немец предложил военный союз,

направленный против Швеции, но Петра в 1697 году это еще не интересовало, а курфюрсту незачем было воевать с Турцией, поэтому точек соприкосновения не нашлось.

> Есть любопытный документ – письмо прусского сановника фон Фукса, дающее представление о том, как Петр держался в самом начале своего большого турне: «Я уже сообщал Вашей Курфюршеской Светлости, что у него прекрасные глаза, исключая гримасы; все части лица достаточно правильные. Всеми своими действиями он показывает, что не любит ни роскоши, ни спеси. Его одежда так проста, что дальше некуда, так что по ней его никогда нельзя принять за монарха величайшего государства в мире… Он проявил исключительную непринужденность по отношению ко всем нам, говоря с каждым достаточно непосредственно и так, будто бы мы были всю жизнь знакомы. Он немного говорит по-фламандски, но при этом его вполне можно понять. Правда, его манера вести себя, особенно за столом, немного отдает варварством, поскольку, да будет мне, как правдивому историку, дозволено рассказать обо всем, он еще чистит себе нос пальцем, и одежда маркграфа Альберта, который сидел рядом с ним, носит следы этого».

Примерно так же – как к занятному дикарю – к московскому царю будут относиться все, кто с ним встречался. Если Петр рассчитывал, что его Азовская победа впечатлила Европу, он ошибся.

В Бранденбурге «волонтер» изучал артиллерийское дело. У этой задержки имелась еще одна причина: в соседней Польше происходили выборы короля, и русских очень интересовал исход. Там соперничали две партии. Одна была за французского принца Франсуа-Луи де Бурбон-Конти, другая за саксонского курфюрста Фридриха-Августа. Если бы верх взял первый, Польша наверняка вышла бы из антитурецкой коалиции, поскольку Франция стремилась поддерживать хорошие отношения с Константинополем. Русские старались помочь Августу и даже обещали прислать ему в помощь войско. Однако курфюрст справился сам: в его распоряжении имелась собственная

отличная армия, находившаяся вблизи от польских границ. Это и решило дело.

Успокоившись насчет польских дел, Петр двинулся дальше – не на юг, в сторону Вены, а на север, в Голландию, куда и прибыл в начале августа. Великое посольство, которое двигалось слишком медленно, нетерпеливый путешественник оставил позади. Его сопровождала лишь маленькая свита из нескольких человек.

Остановился «Михайлов» не в Гааге и не в Амстердаме, где могли бы состояться переговоры с правительством республики, а в городке Саардам – потому что там находилась знаменитая верфь. Корабли Петра интересовали явно больше, чем политика.

Царь Петр в Голландии. *Гравюра. XVII в.*

История про «Саардамского плотника» обросла многочисленными легендами, но на самом деле Петр провел в Саардаме всего восемь дней и вряд ли мог за это время много там наплотничать. Затем до Амстердама добрались послы, и царь к ним присоединился.

Четыре месяца русские оставались в этом городе, тщетно пытаясь договориться с голландским правительством о союзе и сотрудничестве. Встречного интереса со стороны Генеральных Штатов не было, так что

в дипломатическом отношении приезд в Нидерланды оказался бесполезным.

Зато Петр получил то, чего так страстно хотел: прошел полный курс кораблестроения на амстердамской верфи, где специально для царя с начала до конца, от закладки до спуска на воду, построили фрегат «Петр и Павел». «Волонтер Михайлов» попробовал свои силы во всех видах работ, получил соответствующий диплом и остался очень доволен.

Однако и теперь он отправился не в Вену, а в противоположную сторону.

Петр несколько раз встретился с голландским штатгальтером Вильгельмом, одновременно являвшимся королем Англии. Лондону, как и Гааге, заключать союз с Москвой было незачем, но английские купцы вели с Россией выгодную торговлю, поэтому Вильгельм был сама любезность. Поняв, чем можно заслужить расположение странного московита, король подарил Петру яхту и пригласил в Англию, прислав для встречи дорогого гостя целую эскадру. Политического смысла в этой поездке опять-таки не было, но Петру сказали, что кораблестроительное дело в Британии поставлено еще лучше, чем в Голландии, – и в январе 1698 года царь уплывает в Лондон.

Наскоро осмотрев достопримечательности английской столицы, царь поселился в пригороде, потому что там находилась верфь, и три с половиной месяца постигал уже не практику, а теорию кораблестроения. В позднейшие годы Петр станет относиться к Британии враждебно, но при первом знакомстве островная держава произвела на него самое лучшее впечатление – прежде всего тем, что всё здесь было подчинено интересам флота. Царь побывал в знаменитом Вулвичском военно-морском арсенале, на заводе, где лили корабельные пушки, в госпитале для моряков и с завистью сказал, что лучше быть адмиралом английским, чем царем московским. Другие знаменитые учреждения Британии – парламент и Оксфордский университет – одобрения у Петра не вызвали.

В Голландии был сделан первый портрет Петра, впоследствии презентованный английскому королю и ныне хранящийся в Хэмптонкортском дворце. Пышно-царственным и величественно-спокойным царя вопреки истине изобразил модный живописец Готфрид Кнеллер, но корабли на заднем плане наверняка пририсованы по личному желанию позирующего

Гостеприимство англичан окупилось с лихвой – царь отдал им лицензию на ввоз в Россию табака и пообещал способствовать распространению курения, занятия среди русских малопопулярного, а в недавние времена и уголовно наказуемого (при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче за употребление «богомерзкого зелья» били кнутом и «урезали нос»). Маркиз Томас Кармартен (тот самый сановник, кто организовал дарение Петру чудесной яхты) получил разрешение ввозить в Россию ежегодно сначала полтора, затем два, а потом и три миллиона фунтов «травы никоцианы» по мизерной пошлине 4 копейки с фунта, притом трубки могли продаваться беспошлинно. Табак отечественного производства (его выращивали на Украине) объявлялся вне закона.

Если Иван Грозный, учредив кабаки, пристрастил свой народ к пьянству хотя бы во имя пополнения казны, то Петр научил подданных курить ради выгоды англичан.

Впоследствии лондонский монопольный договор 1698 года не продлили как явно убыточный для России.

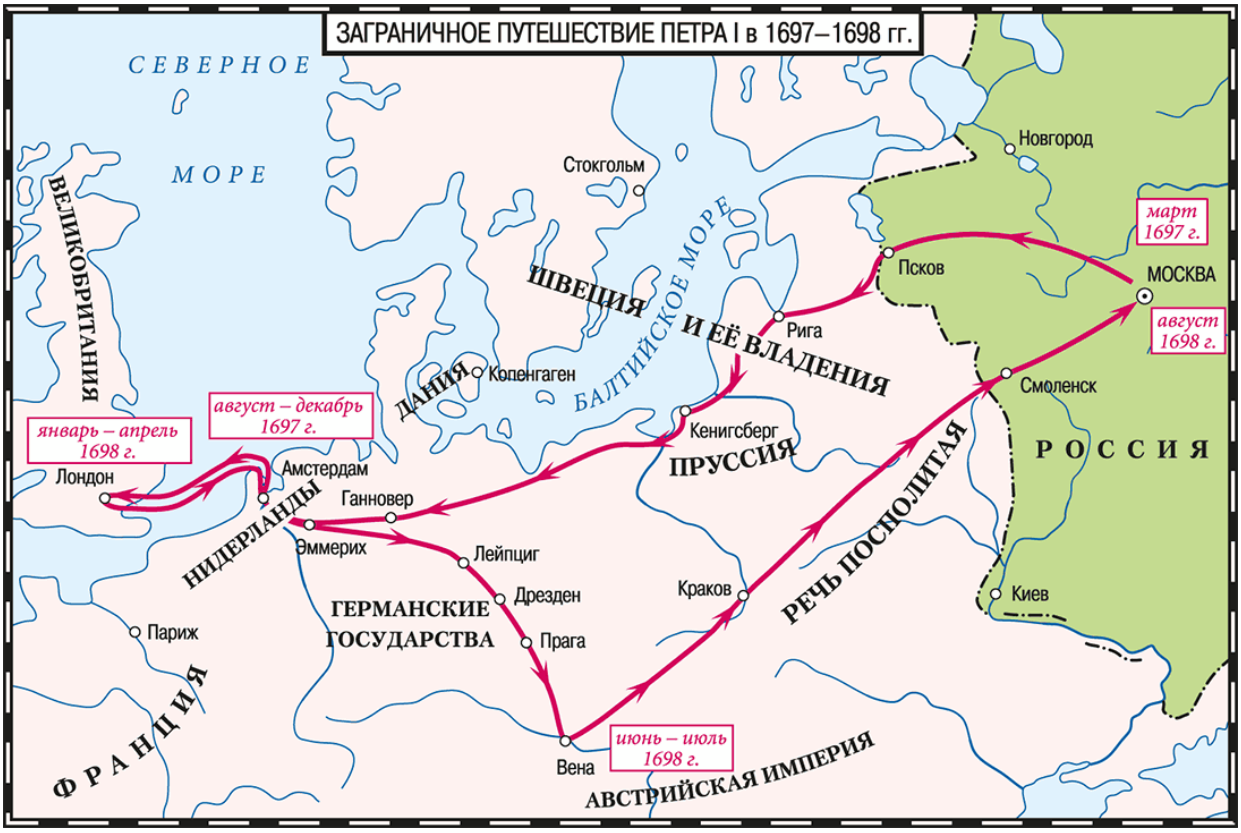
Из Англии царь вернулся в Голландию и, вероятно, опять задержался бы там, но тут начали поступать тревожные вести об изменении международной ситуации. Пока Петр пятнадцать месяцев кружил по Европе, удовлетворяя свою любознательность, обучаясь разным нецарским ремеслам и откладывая визит в Австрию (там ведь не было моря), главная политическая цель Великого посольства оказалась упущенной. Если весной 1697 года император желал военного союза против турок, то к следующему лету задули иные ветры.

Великие державы начали готовиться к новой большой войне, от которой зависело будущее всей Европы. Франция при Людовике XIV сделалась слишком сильной и претендовала на европейское лидерство, что угрожало интересам Англии, Голландии и Австрии. Ситуацию обострила болезнь Карла II Испанского. После его смерти огромная колониальная империя с ее неисчислимыми богатствами должна была достаться племяннику – сыну Людовика, женатого на сестре бездетного испанского короля. Случись это, французская гегемония в мире стала бы неоспоримой. Однако на другой сестре Карла Испанского был женат Леопольд Австрийский, что тоже давало основания претендовать на испанское наследство. Чтобы развязать себе руки, Леопольд должен был замириться с Турцией, а Англия и Голландия всячески этому способствовали. На фоне столь монументальных событий предварительные обещания, данные малозначительной России, конечно, ничего не значили.

Петр, опережая посольство, поспешил в Вену, чтобы лично воздействовать на императора, но даже самый выдающийся дипломат (каковым царь никак не являлся) не справился бы с этой задачей. Император принял гостя учтиво и устроил в его честь череду празднеств, что не изменило существа дела. Союзники – Австрия, Венеция и Польша – выходили из войны. Петр требовал, чтобы по крайней мере при заключении мира были учтены интересы России. Никаких гарантий этого он не получил. Русских представителей пригласили участвовать в грядущем переговорном процессе, но дали понять, что каждый там будет за себя. Хуже того – стало ясно, что Австрии выгодно продолжение русско-турецкой войны, поскольку это оттянет силы Порты с Балкан на другой фронт.

Миссия, с которой Петр отправился в Европу, была катастрофически провалена. Вместо соучастия в дележке владений Османской империи Россия теперь рисковала остаться с этим все еще сильным противником один на один.

Наконец поняв, что в Вене ничего не добиться, Петр решил ехать в Венецию. 15 июля 1698 года он уже садился в карету, когда пришла страшная весть с родины: стрелецкие полки взбунтовались и идут на Москву. Вместо Италии царь заторопился в Россию.



Маршрут «Большого путешествия». *М. Романова*

Оставлять самодержавное государство на такой долгий срок без самодержца было, конечно, очень рискованной идеей. В мае, когда Петр еще находился в Амстердаме, поступил первый тревожный сигнал, к которому царь отнесся без должного внимания. Князь-кесарь сообщил, что в столицу самовольно явилась депутация от стрелецких полков, отправленных на службу к западной границе (таким образом правительство убрало подальше от Москвы воинский контингент, которому не доверяло). Для Петра, травмированного страшными детскими воспоминаниями о буйстве столичного гарнизона, стрельцы с их приверженностью старине и неуправляемостью были олицетворением всего, что он ненавидел. В свою очередь, и члены этого воинского сословия остро ощущали нерасположение верховной власти, особенно по контрасту с тем привилегированным положением, которым они пользовались при царе Алексее и в особенности при царевне Софье. На короткое время, летом 1682 года, стрельцы даже стали ведущей политической силой, совсем уже уподобившись турецким янычарам. Как те запросто свергали султанов и визирей, так и

стрельцы позволяли себе врываться в Кремль, убивать царских родственников, да еще требовать за это награды.

Под Азовом стрелецкие полки показали, что их боевые качества невысоки, а тактические навыки безнадежно устарели. Разосланные по дальним крепостям, разлученные с родным городом и семьями, стрельцы, разумеется, были недовольны. Долгое отсутствие государя породило в их среде разные будоражащие воображение слухи: царь-де сгинул в чужой стороне и больше не вернется. Челобитчики от полков, 175 человек, отправились в Москву вроде бы с жалобой на тяготы, задержку жалования и прочее – на самом же деле выяснить, правда ли, что Петр пропал.

Власти сурово отчитали нарушителей дисциплины, но не наказали, а лишь велели возвращаться к местам службы. Стрельцы вернулись, убедившись, что царя в столице до сих пор нет и в скором времени его не ждут.

Одним словом, получив от Ромодановского сообщение, что инцидент улажен, Петр успокоился совершенно напрасно. От искры, которой стали принесенные делегатами вести, в стрелецких полках произошел взрыв.

Близ Великих Лук, на литовской границе, были сосредоточены войска, посланные для поддержки «русского» кандидата на польский трон Фридриха-Августа, в том числе здесь стояли четыре стрелецких полка, не бывшие дома больше трех лет. В начале июня, когда стало ясно, что саксонский курфюрст благополучно занял престол, из Москвы пришел приказ: солдатам и дворянам можно расходиться по домам, а стрельцы пусть остаются служить дальше.

Тут и разразился мятеж. Откуда-то появилось письмо царевны Софьи (кажется, фальшивое) с призывом всем идти на Москву, встать лагерем у стен Новодевичьего монастыря, где содержалась свергнутая правительница, и звать ее «против прежнего на державство» [то есть властвовать, как в прежние времена]. При царевне стрельцам, конечно, жилось несравненно лучше, чем при Петре.

На кругу решили полковников прогнать, выбрать собственных командиров, двинуться походом на столицу, перебить там всех иностранцев (как же без этого), бояр тоже перебить, посадить на трон матушку Софью, а Петра, если он не сгинул и вернется – убить.

Если бы стрельцы находились близко от Москвы или если б их было больше, всё это могло получиться. Но мятежников в четырех полках насчитывалось всего 2 200 человек, а путь от границы – хоть стрельцы двигались налегке, быстрым маршем – потребовал времени, и правительство, преодолев первоначальную растерянность, успело приготовиться.

17 июня близ Нового Иерусалима, в полусотне километров от Кремля, дорогу бунтовщикам преградили четыре тысячи солдат под командованием генералиссимуса Шеина и генерала Гордона.

Умирать никому не хотелось. Начались переговоры. Стрельцы уверяли, что явились просто повидаться с семьями, а потом мирно вернутся обратно на службу, но было ясно, что добром это гостевание не закончится – смутьяны перебаламутят всю Москву. В свою очередь генералы уговаривали стрельцов выдать зачинщиков и идти назад, на границу, суля прощение.

Скоро стало понятно, что боя все же не избежать: стрельцы не уйдут, а солдаты их не пропустят.

У стрельцов было всего несколько легких пушчонок, у Шеина – 25 полевых орудий. Артиллерия и решила дело. Первый залп был предупредительный, поверх голов; второй – прямо в людскую гущу. После четвертого стрельцы кинулись врассыпную, но конница их всех переловила. На том восстание и закончилось.

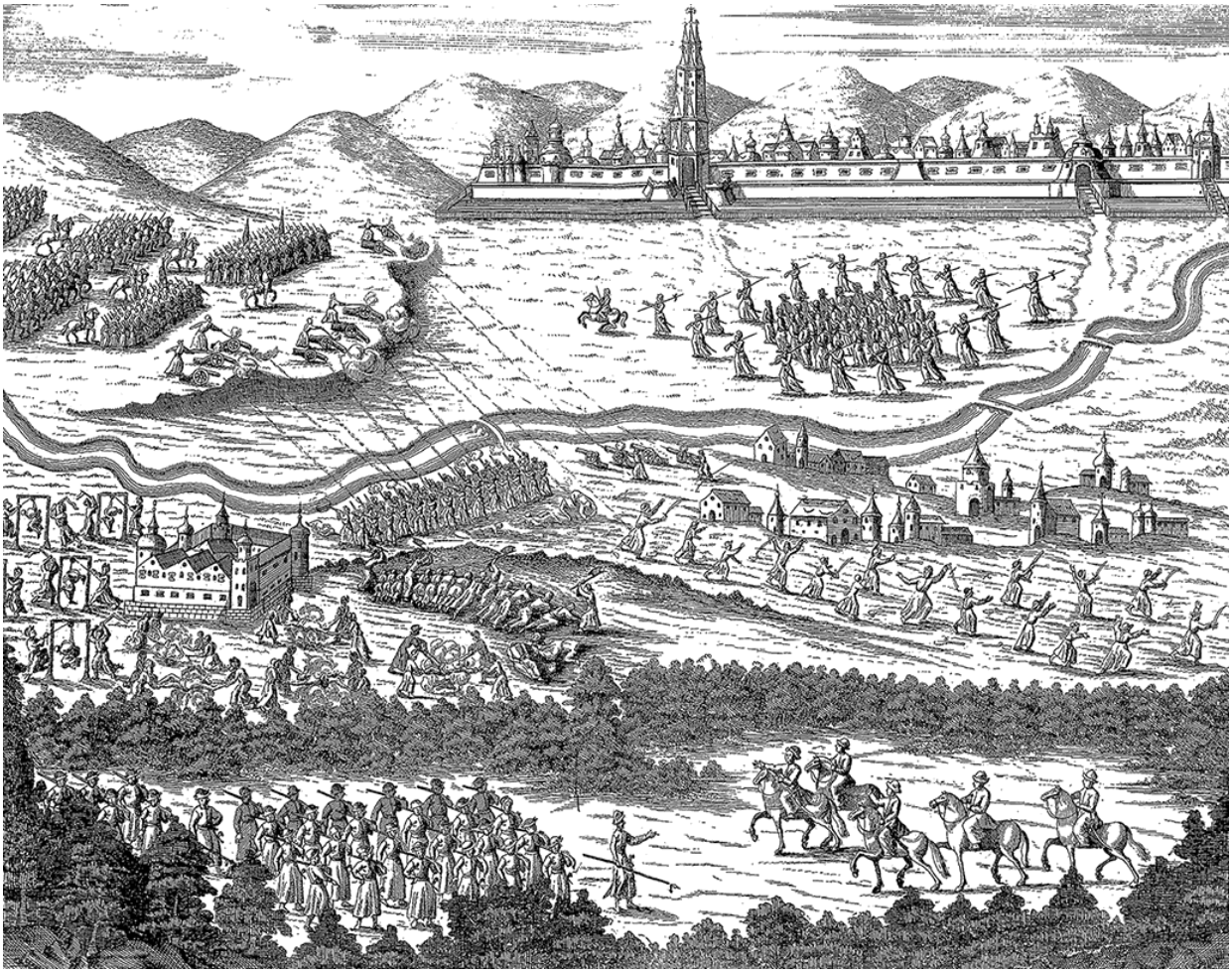
Разумеется, было проведено следствие, выявлены заводилы и наиболее активные участники. Всех их, 130 человек, безжалостно казнили. Прочих оставили под стражей. Царю доложили, что всё хорошо, порядок восстановлен.

Между получением известия о восстании и донесения о его подавлении прошло пять суток, в течение которых царь несся без остановок и преодолел пятьсот километров. Сообщение о победе он получил в Кракове, но не успокоился, как в прошлый раз, а лишь замедлил темп движения.

Петр твердо решил, что пора возвращаться. В Москву он прибыл 15 августа 1698 года после полуторагодовалого отсутствия.

Результаты большого европейского путешествия были неутешительными. Внешнеполитическая ситуация сильно ухудшилась, внутриполитическая тем более. Правда, удалось завербовать почти

тысячу иностранных специалистов. Петр, собственно, и сам стал отчасти иностранцем, в чем скоро убедилась вся страна.



Сражение со стрельцами у Новоиерусалимского монастыря. *Гравюра из «Дневника путешествия в Московию (1698–1699)» И. Корба*

Подготовка к войне
Осень 1698 – осень 1700

Насмотревшись на европейскую жизнь и решив, что она лучше русской, Петр страстно захотел сделать Россию Европой, а русских европейцами. Дело представлялось молодому царю не очень сложным: подданных надо переодеть по-западному, обрить им бороды и издать некоторое количество указов, а кто ослушается – наказывать.

На следующий же день по прибытии, прямо 26 августа 1698 года, Петр взялся за работу со всегдашней своей нетерпеливостью. В Преображенское явились придворные выразить свое счастье в связи с высочайшим возвращением. Царь встретил их одетый в немецкое платье, с ножницами в руках. Европеизацию он начал с первых «лиц» страны: генералиссимуса Шеина и князь-кесаря Ромодановского, откромсав им бороды. Потом дошел черед и до остальных бояр. Растительность на лице сохранили только двое – Тихон Стрешнев и князь Михаил Черкасский, с точки зрения Петра, люди старые и перевоспитанию уже не поддающиеся. Затем бритье пошло вширь. Непонятливых, кто смел показаться царю на глаза, не обрившись сам, встречал с ножницами уже не Петр, а шут. Пошли указы, по которым брадобритие объявлялось обязательным для всех мужчин, включая даже духовенство.

Для русского мужчины той эпохи борода была предметом гордости, и если в стране не случилось всеобщего восстания, то по традиционной причине, которую век спустя сформулирует известный остроумец Петр Полетика: «В России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение – дурное их исполнение». Проследить за исполнением указа о тотальном брадобритии было некому, да никто особенно и не старался. Столкнувшись с глухим сопротивлением, эта законодательная мера со временем приняла другой вид. Правительство решило превратить брадобритие в еще один инструмент вымогательства денег у населения. Желающие сохранить бороду должны были платить за эту роскошь: от ста рублей в год с богатого купца до копейки с крестьянина. Для русского духовенства, без бород вовсе невообразимого, сделали исключение. Но и взимание этого

«налога на роскошь» тоже не работало. Деньги текли не в казну, а главным образом в карманы надзирающих и проверяющих – тоже вполне обычная история. В результате обрилось одно только служилое сословие, целиком зависевшее от одобрения или неодобрения начальства либо (в армии) обязанное соответствовать определенным правилам.

Та же участь ожидала указы о запрете русской национальной одежды. В «немецкое и венгерское» платье переоделись лишь дворяне, а в мундиры – военные люди. Основная масса населения не имела ни денег, ни желания менять лапти на башмаки и армяки на камзолы.

Тем не менее новшества, которые Петр начал активно внедрять в бытовую сторону русской жизни, произвели целую культурную революцию, о которой я более подробно расскажу в соответствующей главе.

Другое дело, за которое царь сразу по возвращении взялся с неистовой энергией, к европеизации и модернизации никакого отношения не имело, а наоборот возвращало Русь ко временам Ивана Грозного.

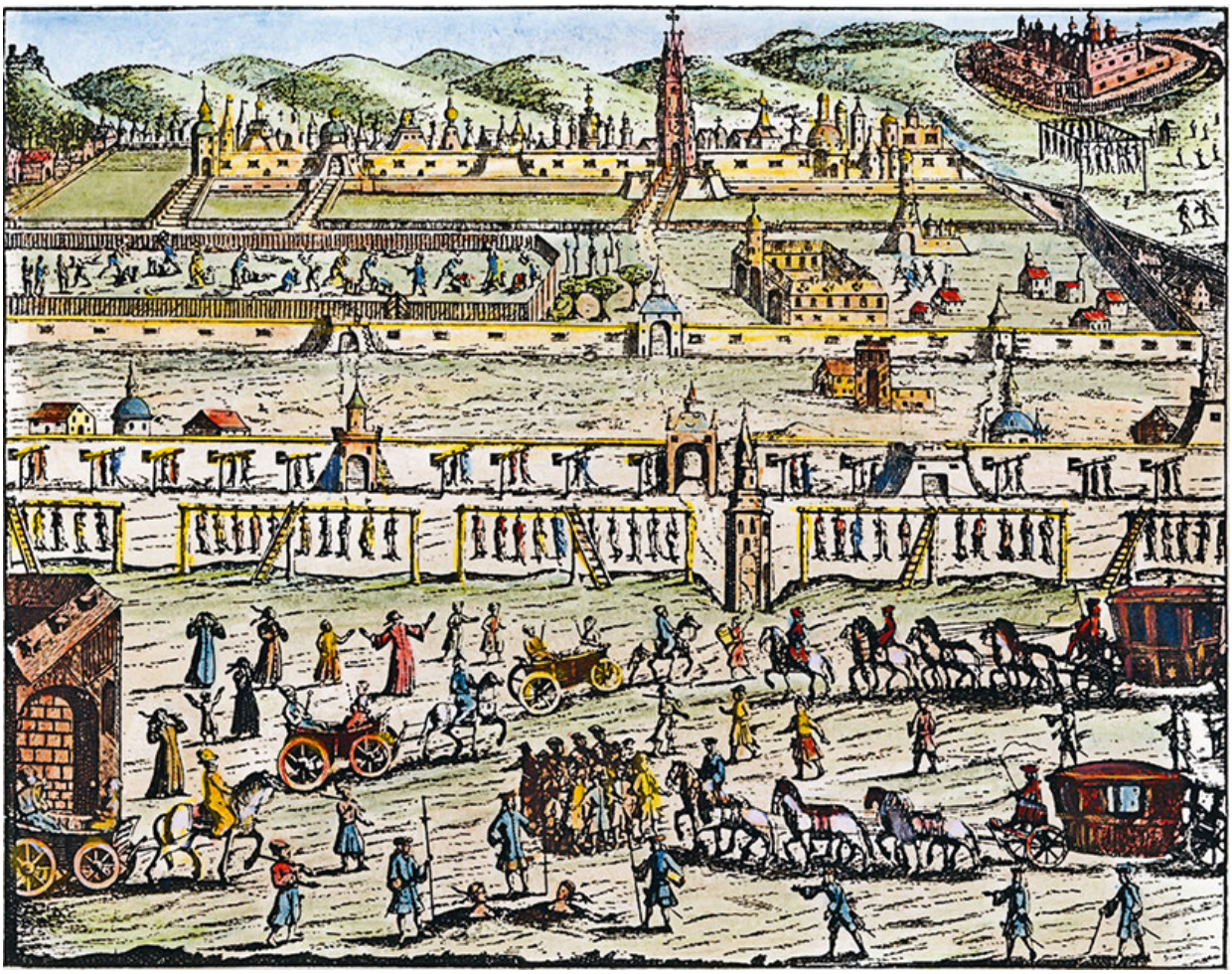
Петр затеял повторное следствие по делу о стрелецком бунте. Расправа, учиненная князем-кесарем по свежим следам восстания, показалась царю слишком мягкой. Он подозревал, что истинные масштабы заговора остались нераскрытыми.

Никому не доверяя, Петр возглавил расследование лично. Всех стрельцов, содержавшихся под стражей по тюрьмам и монастырям (около 1 700 человек), привезли для допроса. Заработали одновременно два десятка пытошных застенков. Во многих случаях истязаниями руководил сам государь. Его больше всего интересовали доказательства соучастия Софьи. Такие показания, конечно, вскоре были выбиты – правдивые или нет, неизвестно. Кто-то после третьей пытки огнем рассказал про письмо от царевны с призывом идти в Москву. Самого письма не обнаружилось, и стали выяснять, через кого оно могло быть передано. Поскольку монастырь был женский, под подозрение попали служанки и посетительницы Софьи.

Раньше пытали мужчин, теперь взялись и за женщин. Те назвали царевну Марфу, часто бывавшую у Софьи и якобы выносившую от нее какие-то бумаги.

Своих сестер, Марфу и Софью, Петр допрашивал сам – слава богу, без пыток. Ясности эти беседы не прибавили. Марфа всё отрицала. Отпиралась и Софья, хотя Петр привез к ней в келью на очную ставку покаявшихся свидетелей-стрельцов. Так эта линия расследования ничего и не дала.

Проливать царскую кровь Петр не решился, но покарал сестер сурово. Марфу насильно постригли и продержали в монастырском заключении до самой смерти. Так же поступили и с Софьей, условия содержания которой сильно ужесточились. Бывшая правительница угасла в каменном мешке шесть лет спустя. Мстительный младший брат распорядился повесить прямо перед кельей трех стрельцов с бумагами в руках – якобы теми самыми письмами. Несколько месяцев мертвецы раскачивались прямо за окном.



Стрелецкие казни. *Гравюра. 1699 г.*

С рядовыми участниками мятежа Петр обошелся без подобных изысков. С 30 сентября начались публичные казни. За три недели кровавый спектакль повторился шесть раз.

Подробное описание экзекуций оставил секретарь австрийского посольства Иоганн Корб (Петр настоял, чтобы при казнях присутствовали иностранные послы). Особенное впечатление на всех произвел день самых массовых расправ – 17 октября. «Эта казнь резко отличается от предыдущих; она совершена весьма различным способом и почти невероятным: 330 человек за раз, выведенные вместе под роковой удар топора; эта громадная казнь могла быть исполнена потому только, что все бояре, сенаторы царства, думные и дьяки, бывшие членами совета, собравшегося по случаю стрелецкого мятежа, по царскому повелению были призваны в Преображенское, где и должны были взяться за работу палачей». О том же сообщают и другие свидетели. Петр потребовал от приближенных доказательства преданности: все должны были рубить стрельцам головы собственной рукой. Некоторые вроде Александра Меншикова проделали это охотно и без каких-либо колебаний. Кому-то стало дурно. Князь Борис Голицын никак не мог попасть несчастному стрельцу топором по шее. Отказались только, к их чести, Франц Лефорт и командир Преображенского полка Иоганн фон Блюмберг, сославшись на то, что у них на родине подобных обычаев не водится. Рассказывают, что царь тоже не погнушался палачеством и убил пять человек.

Всего обезглавили, колесовали и повесили 799 осужденных, чьи трупы гнили по всей Москве до следующей весны. Многие умерли от пыток. Остальных Петр помиловал – но тоже на свой лад. Корб пишет: «Царь не хотел излишней строгости, особенно потому, что он имел в виду молодые лета многих преступников или слабость их рассудка; люди эти, так сказать, более заблуждались, чем погрешили. В пользу этих преступников смертная казнь была заменена телесным наказанием другого рода: им урезали ноздри и уши, чтобы они вели жизнь позорную, не в глубине царства, как прежде, но в разных пограничных варварских московских

областях, куда в этот день, таким образом наказанных, сослано было 500 человек».

Оправдывая чудовищную жестокость этой расправы, некоторые авторы предполагали, что она была вызвана не просто параноидальной ненавистью царя к стрельцам, а дальним государственным замыслом: Петр вернулся из зарубежного вояжа с великим планом новой большой войны и в ее преддверии желал установить в государстве железный порядок, выжигая огнем и страхом потенциальное недовольство.

Впрочем, в вопросе о том, когда именно Петр стал готовиться к балтийской экспансии, полной ясности нет. Как уже было сказано, впервые об этом с ним заговорил бранденбургский курфюрст Фридрих III еще весной 1697 года, но царя тогда интересовало не Балтийское море, а Черное.

Однако летом следующего года после дипломатической неудачи в Вене, когда выяснилось, что европейцы воевать с турками больше не будут, по дороге домой Петр заехал в гости к саксонскому курфюрсту Фридриху-Августу, который только что стал польским королем под именем Август II, и там во время трехдневной дружеской попойки монархи наверняка пришли к какой-то предварительной договоренности об антишведском союзе.

Король-курфюрст относился к тому типу людей, которые очень импонировали молодому Петру. Красивый, статный, светский, настоящий европеец и к тому же государь, это был такой Лефорт в квадрате. У Августа с Петром оказалось много общего. Во-первых, они были сверстники – одному двадцать восемь лет, другому двадцать шесть. Оба любители шумных гуляний, оба великаны, обладавшие недюжинной физической силой. Но во время первой встречи Петр, вероятно, смотрел на нового друга снизу вверх.

Август всюду побывал, всё на свете перепробовал. В Испании он участвовал в корриде, в Германии бился с французами, в Венгрии побеждал турок. Отменный наездник, танцор, охотник и фехтовальщик, он слыл легендарным ловеласом (рассказывают, что после короля осталось три с лишним сотни бастардов). Петр прямо влюбился в этого блестящего человека – до такой степени, что обменялся с ним

одеждой и шпагами, да потом в таком наряде и вернулся в Москву.

В описании Нартова историческая встреча выглядит следующим образом: «Во время стола приметил Август, что поданная ему тарелка серебряная была не чиста, и для того, согнув ее рукою в трубку, бросил в сторону. Петр, думая, что король щеголяет пред ним силою, согнув также тарелку вместе, положил перед себя. Оба сильные государя начали вертеть по две тарелки и перепортили бы весь сервиз, ибо сплющили потом между ладонь две большия чаши, если бы шутку сию не кончил Российский монарх следующею речью: «Брат Август, мы гнем серебро изрядно, только надобно потрудиться, как бы согнуть нам шведское железо».

Кто сильнее? *Рисунок И. Сакурова*

Стало быть, монархи предавались не только разгулу и молодецким забавам, но и обсуждали будущую войну. Ничего сумасбродного и

залихватского в этих планах не было – Швеция в тогдашнем ее состоянии представлялась соседям легкой добычей.

Времена, когда Европа трепетала перед шведским оружием, казалось, ушли в прошлое. В 1670-е годы шведы неудачно воевали против датчан с пруссаками и с тех пор вели себя смирно. Король Карл XI был занят только внутренней политикой: укреплял центральную власть, враждовал с собственным дворянством, а кроме того в целях экономии сильно сократил регулярную армию, в основном полагаясь на призывников, которых то собирали для службы, то распускали по домам. (Ниже я подробнее объясню суть этой реформы, сейчас же важно то, что, с точки зрения соседей, шведы совершили большую глупость и очень себя ослабили.) Изоляционистская политика Карла XI оставила Швецию без союзников. Хорошие отношения у Стокгольма были только с маленьким Гольштейн-Готторпским герцогством, но и это создавало одни только проблемы, потому что герцогство враждовало с Данией. В довершение ко всему в 1697 году король-реформатор умер, и на шведском престоле оказался 15-летний подросток, не обладавший настоящей властью и к тому же, по доходившим из Стокгольма слухам, склонный к разным безобразиям.

А между тем во времена былого могущества Швеция, стремясь превратить Балтику в свое «внутреннее озеро», отняла у сопредельных стран много ценных владений: у Польши – Ливонию, у Дании – Сканию (Сконе), у России такой необходимый ей выход к морю. В Германии шведская корона владела землями, на которые зарился крепнущий Бранденбург (он вскоре станет королевством Пруссия).

Если западная Европа собиралась делить испанское наследство, то в восточной половине континента стали готовиться к дележу шведского.

У Петра к соображениям государственным, вероятно, присоединялись и личные: он только что перенес унизительное дипломатическое фиаско в Вене, а тут вместо одного европейского союза намечался другой. Зная петровский характер, можно предположить, что и афронт, полученный от шведского губернатора в Риге, тоже сыграл свою роль. Царь этой обиды не забыл. Осаждая Ригу в 1709 году, он лично откроет канонаду по городу и напишет в реляции: «Сего дня о пятом часу пополуночи бомбардирование началось Риги, и первые три бомбы своими руками в город отправлены, о чем зело

благодарю бога, что сему проклятому месту сподобил мне самому отмщения начало учинить».

Балтийский регион в 1700 г. *М. Романова*

Как бы там ни было, исторический процесс, определивший судьбу восточной и северной Европы, начался с застолья двух молодых монархов, похвалявшихся друг перед другом своей силой. Со временем выяснится, что сила у них разного качества. Польский король войдет в учебники всего лишь с эпитетом August der Starke – Август Сильный, а Петр станет Великим.

Начинать новую большую войну, не окончив прежней, было невозможно, и главные усилия российской внешней политики в это время сосредоточены на замирении с Турцией.

На мирном конгрессе в Карловицах, где страны «Священной Лиги» вели переговоры с Портой, присутствовал и русский посол дьяк Прокофий Возницын, но союзники не оказывали ему никакой поддержки (как было сказано выше, Австрия, а вместе с ней посредничающие державы Англия и Голландия желали, чтобы война между Россией и Турцией продолжалась). В результате заключенного договора Австрия получила большие территории в Венгрии, Трансильвании и Словении, Венецианская республика обогатилась Мореей и Далмацией, Речь Посполитая вернула себе часть украинских земель – в общем, по выражению Ключевского, союзники «хорошо себя удовольствовали». Россия же осталась ни с чем – и без приобретений, и без мирного договора. Возницын с большим трудом добился лишь «армистициума» (перемирия) на два года.

Это значило, что мира с Турцией придется добиваться в одиночку. Петр решил использовать главный свой аргумент – угрозу нового нападения и с этой целью активизировал строительство Воронежского флота. Всю зиму 1698–1699 годов на донских верфях лихорадочно строили военные суда.

Самое представительное из них, 46-пушечная «Крепость», должно было отвезти в Константинополь посольство во главе с думным дьяком Емельяном Украинцевым. Этой демонстрацией новых возможностей России царь рассчитывал устрашить турок и побудить их к сговорчивости. Посол получил задание не только закрепить в договоре захват Азова, но, если получится, выторговать Керчь – тогда русским открылся бы путь в Черное море.

Петр придавал этому плаванию такое большое значение, что сам сопроводил посольство до Керченского пролива, взяв в поход все

лучшие корабли.

В апреле 1699 года эскадра из 18 вымпелов появилась в виду Керчи. Петр шел капитаном на корабле «Апостол Павел». Турки согласились пропустить только «Крепость», и то под конвоем. Через море поплыл один русский корабль, остальные повернули обратно.

И все же эффект до некоторой степени удался. В Константинополе были неприятно удивлены тем, что у русских появились серьезные корабли. Хорошо зная обыкновения султанского двора, Украинцев захватил с собой еще запас взяток «на раздачу» – мехов, рыбьего зуба, китайского чая. Неизвестно, что больше подействовало – запугивание или задабривание, но переговоры о мире в конце концов завершились успехом. Торг продолжался долго, целых десять месяцев.

Но Петр в это время не бездействовал. Помимо явной дипломатической игры вовсю разворачивалась другая, тайная. Параметры антишведской коалиции и планы грядущей войны обретали все более конкретные очертания.

Курфюрст Бранденбургский, с которого всё началось, в альянс не вошел. Он готовился участвовать в войне за испанское наследство, поскольку император Леопольд пообещал за это признать Пруссию королевством. Зато к Августу и Петру изъявил готовность присоединиться Кристиан V Датский. Датчан встревожила горячая дружба между юным шведским королем Карлом XII и гольштейн-готторпским герцогом Фридрихом, заклятым врагом Копенгагена. У Дании была довольно большая армия, а главное – мощный флот, которого не имели ни Петр, ни Август.

Последний мог участвовать в альянсе только силами принадлежавшей ему Саксонии, но не Речи Посполитой, которая в вопросах объявления войны королю не подчинялась. Однако саксонская армия числилась из лучших в Европе. В ней насчитывалось около тридцати тысяч солдат, тысяч двадцать было у короля датского, русские могли собрать войско по меньшей мере такое же, как у союзников, вместе взятых. Преимущество над шведами получалось сокрушительное.

Кроме того можно было надеяться на мятеж прибалтийского дворянства, очень недовольного так называемой редукцией Карла XI – насильственным изъятием поместий в пользу казны. Предводитель недовольных Иоганн фон Паткуль, бывший офицер шведской службы,

перешедший на службу к Августу, обещал, что с началом боевых действий поднимется всё лифляндское рыцарство. Паткуль был человек огромной энергии и выдающегося красноречия. Он и стал истинной душой тайного сговора, курсируя между столицами.

Осенью 1699 года союзники заключили тайный договор, по которому Дания должна была нанести удары в Скандинавии (где ей принадлежала Норвегия) и в Голштинии, саксонцы вторгались в Прибалтику, где их поддержала бы местная знать, а Россия атаковала Ингрию и Карелию. Победа обещала быть быстрой и легкой.

Петр выдвинул только одно условие, совершенно резонное: его страна вступит в войну не раньше, чем будет подписан мир с Турцией. Однако уже было ясно, что ждать этого недолго, поэтому Дания и Саксония собирались напасть, не дожидаясь союзника.

Тем временем в Москву прибыл посол юного Карла XII, не подозревавшего о заговоре против Швеции. По дипломатическому этикету новый монарх должен был известить соседей о своем короновании и подтвердить все существующие договоры.

Петр принял посланника гостеприимно, уверил его в искренней дружбе и послал в Стокгольм сердечные поздравления. Впоследствии шведский король будет вспоминать поведение царя как самое низкое коварство.

К началу нового 1700 года тайные приготовления были завершены.

Тяжелое время
Начало 1700 – лето 1702

Агрессоры нанесли удар без политесов и дипломатических нот.

Первым выступил Август. В начале февраля 1700 года его армия вошла в Лифляндию, захватила крепость Динамюнде, охранявшую устье Даугавы, и осадила Ригу. Однако расчет на поддержку местного дворянства не оправдался – оно сохранило верность шведской короне, а опытный губернатор Дальберг сумел отстоять город. Ригу надежно защищали новые укрепления – те самые, которые в свое время не дали рассмотреть Петру.

Август какое-то время побыл в действующей армии, потом соскучился и занялся охотой, а в июне вообще отбыл в Варшаву, где было интересней и веселей. К штурму саксонцы не приступали, уверенные, что сдача Риги – вопрос времени. Однако гарнизон и не думал капитулировать.

Вернувшись, Август повоевал еще немного – взял небольшую крепость Кокенгаузен. Осадной артиллерии у него не было, да и денег не хватало, а содержание армии обходилось дорого. Король стал торопить русского союзника с вступлением в войну. Петр отвечал: как только получу из Константинополя известие о мире, немедленно начну.

Всё это было досадно, но пока не тревожно. Тем более что на другом фронте, датском, дела шли неплохо.

Дания выступила несколько позднее Саксонии, в марте, и атаковала Гольштейн-Готторп, где находились шведские войска. Наступление развивалось успешно, противник всюду отступал, самую сильную голштинскую крепость Тённинг осадил сам датский король Фредерик IV (он взошел на престол всего полгода назад).

Петру не терпелось присоединиться к союзникам, русские войска тайно стягивались к Новгороду, но константинопольские переговоры всё тянулись и тянулись.

Чтобы усыпить подозрения шведов, в Стокгольм отправили посольство и даже назначили «резидента», то есть постоянного дипломатического представителя – в знак прочности отношений. Однако, готовя почву для будущего объявления войны, Петр предъявил

королю и список претензий, не забыв вспомнить оскорбление, нанесенное в 1697 году рижским губернатором. Шведского посла в Москве царь, однако, уверял, что не собирается присоединяться к агрессии против доброго соседа Карла, и даже сулил в случае падения Риги заставить Августа вернуть ее обратно. (Надо признать, что все участники антишведской коалиции вели себя, мягко говоря, некрасиво. Карлу XII было за что их всех презирать и ненавидеть.)

Любезности закончились 8 августа, когда от дьяка Украинцева пришла долгожданная весть о подписании договора. Султан в конце концов отказался от разрушенного Азова, рассудив, что при запертом Керченском проливе можно не бояться русского присутствия в устье Дона. Главное же – был подписан мир на тридцать лет.

Прямо назавтра русская армия отправилась в поход. Россия вступила в войну, которую потом назовут Великой Северной.

По иронии судьбы чуть ли не в тот самый день, когда Петр дал приказ начать боевые действия, далеко на западе, близ Копенгагена, произошло событие, придавшее делу совсем иной оборот. Карл XII впервые продемонстрировал Европе свой уникальный полководческий дар.

Пришло время рассказать о главном противнике, с которым Россия будет вести трудную борьбу в течение двух последующих десятилетий.

Начну с шведской армии, которую так низко оценивали союзники и которая скоро будет считаться лучшей в Европе.

Отец Карла XII реорганизовал вооруженные силы королевства на первый взгляд очень странным образом, но эта система как нельзя лучше соответствовала национальной ментальности и хозяйственному устройству Швеции.

Защитников страны содержали крестьяне. Несколько дворов оплачивали расходы на одного солдата. При этом он имел и собственный участок земли, где трудился все время, за исключением ежегодных сборов, когда проходил военную подготовку, причем учили там не маршировке, а боевым навыкам.

В результате шведский солдат отличался инициативностью и самостоятельностью, у него было сильно развито пресловутое «чувство локтя», так как земляки и соседи служили вместе. По тому же

принципу комплектовался и офицерский корпус, просто у командиров земельные наделы были больше размером, согласно чину.

«Поселенная» система комплектации была хороша еще и тем, что в мирное время армия обходилась очень дешево, а с началом войны быстро мобилизовалась.

Имелись и обыкновенные регулярные полки, но очень высокого качества, потому что, в отличие от других европейских стран, никого туда не загоняли насильно – вербовали только добровольцев.

Шведских солдат отличала высокая религиозность – они были истовыми протестантами и строго соблюдали все церковные предписания. Трудно сказать, удавалось ли им благодаря этому спасать души, зато очень укрепляло дисциплину. Войско Карла XII будет выгодно отличаться от всех других армий почти полным отсутствием мародерства, поэтому население оккупированных стран обычно относилось к шведам без враждебности.

Когда началась война, оказалось, что небольшая Швеция с населением меньше полутора миллионов человек обладает внушительными вооруженными силами: 34 тысячи солдат и 15 тысяч матросов.

Армия была во всех отношениях превосходная, а когда разразилась война, выяснилось, что ее возглавляет гениальный полководец.

Фигура Карла XII своей яркостью и противоречивостью не уступает петровской. Это были во всех отношениях достойные противники. И, точно так же, как у Петра, черты личности Карла оказали заметное влияние на ход больших событий, поэтому имеет смысл познакомиться с этим человеком поближе.

Впрочем, самое существенное обстоятельство к особенностям характера шведского короля отношения не имело: он тоже был тоталитарным правителем покорной страны, то есть российско-шведская война была противостоянием двух самодержавий. Политическую реформу, превратившую Швецию в абсолютную монархию, провел Карл XI, который в 1693 году был законодательно провозглашен «самодержавным королем, ни перед кем не отвечающим за свои действия». Все сословия должны были безропотно склоняться перед короной. Когда же новый король начнет одерживать одну за другой блестящие победы, на родине к нему станут относиться не

просто как к самодержцу, а как к полубогу. Возникнет настоящий культ, которым только и можно объяснить невероятное терпение шведов в долгой и очень тяжелой войне. Даже то, что король много лет не вернется на родину, странным образом будет лишь повышать священный трепет шведов перед бесплотным государем – совсем по Лао-цзы: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует».

Карл XII. *М. Даль*

Правда, в начале царствования Карл, вступивший на трон в апреле 1697 года неполных пятнадцати лет, не обладал вообще никакой властью – страной управлял регентский совет. Молчаливый, замкнутый мальчик дисциплинированно присутствовал на всех заседаниях, но ни во что не вмешивался. Однако через полгода произошел мирный переворот. Депутаты Риксдага, надеясь, что с королем-подростком жизнь дворянства станет привольнее, потребовали отмены регентства. Так Карл стал настоящим монархом. Во время церемонии миропомазания произошел инцидент: король нарушил установленную церемонию, вырвав из рук архиепископа корону, и водрузил ее на себя сам. Для Карла этот жест был исполнен глубокого символизма – нет никого и ничего выше монаршей воли.

> Впрочем, в следующие два года никакого особенного властолюбия он не выказывал и вел себя странно. С одной стороны, Карл установил при дворе очень строгий и чинный ритуал, насаждая благоговение перед особой государя, с другой – подрывал эту чинность сумасбродными выходками. Приступы буйного веселья охватывали юного короля, когда к нему в гости приезжал жених, а затем и муж его старшей сестры голштинский герцог, совершенный шалопай, которого Карл обожал. (Между прочим, этот Фридрих является родоначальником всех российских императоров, начиная с Петра III, поскольку приходился ему родным дедом.) Приятели полуголыми носились на конях по Стокгольму, крушили дворцовую мебель и посуду, рубили на спор головы телятам и овцам прямо в апартаментах, били на улице стекла, срывали с прохожих парики, а однажды король промчался верхом на олене. Всё это очень напоминало безобразия юного Петра – разве что без пьянства, поскольку Карл не брал в рот спиртного.
>
> Потом зять-немец уезжал, и к королю возвращалась всегдашняя чопорная, холодная вежливость.

Карл, безусловно, был личностью аномальной, сотканной из противоположностей. Буйство и неумеренность в порывах сочетались в нем с глубокой, доходившей до полного фатализма религиозностью и монашеским аскетизмом. Король не только отвергал вино, но и всю

жизнь не имел дела с женщинами. Он носил самую простую и грубую одежду, не признавал никаких бытовых удобств, был сверхчеловечески вынослив, нечувствителен к физической боли – казалось, что этот человек не из плоти, а из железа.

По-видимому, он вовсе не знал чувства страха. Наоборот, опасность лишь повышала Карлу настроение, он был явным адреналиновым маньяком.

Для отдыха и развлечения король играл в шахматы или предавался математическим исчислениям. У него была идея отменить десятичную систему, поставив в основу число 64, поскольку оно является и кубом, и квадратом, и при повторном делении на два превращается в единицу. При этом Карл обожал мальчишества – на биваках возился с офицерами, дурачился, зимой играл в снежки.

Он очень мало кого любил и славился ледяным бессердечием, но если к кому-то привязывался, то безоговорочно и всей душой. Кажется, таких людей на свете было только двое – старшая сестра Хедвига и ее муж Фридрих Гольштейн-Готторпский. Оба рано умерли, Карл очень тяжело переживал их смерть и потом стал уже окончательным сухарем.

И силой, и слабостью шведского короля историки называют феноменальное упрямство. Этот человек существовал по законам и принципам, которые сам себе установил – и никогда от них не отступался, даже если упорство сулило катастрофу. Он руководствовался железными правилами не только в повседневной жизни, но и в государственной политике, что в конечном итоге стало причиной его поражения, поскольку политика, лишенная гибкости, это оксюморон. Никто из европейских монархов не соблюдал данные обещания с такой скрупулезностью – и не приходил в такое неистовство, сталкиваясь с обманом. Карла считают одним из величайших полководцев истории, в одном ряду с Александром Македонским или Наполеоном, однако шведский король отличался от них тем, что *он не был завоевателем*. Все походы и сражения Карла XII – не нужно об этом забывать – были совершены в ходе оборонительной войны, целью которой было лишь сохранение шведских территорий. Карл не согласится уступить ни единой пяди отцовских владений даже в тот период, когда чаша весов явно склонится в сторону врагов и безрассудное упрямство будет сулить гибель всей Швеции.

Выше я написал, что Карл любил шахматы, однако нужно пояснить, как именно он играл: всегда только атаковал, причем не ферзем, а королем. Так же он действовал и в европейской войне.

Современные психиатры, анализируя личность Карла XII, приходят к выводу, что его поведение соответствует симптоматике синдрома Аспергера, болезни аутистического спектра: трудность в общении с людьми, резко ограниченная эмпатия и скудость эмоций, нечувствительность к боли, фиксированность главных интересов, патологическое упрямство, проблемы с вербальностью (Карл славился легендарной молчаливостью). Некоторые поступки шведского короля, как мы увидим, действительно никак не назовешь нормальными, но бывало, что эти эскапады приводили к триумфу, а безумство такого рода обычно называют гениальностью.

Разумеется, не следует воспринимать Великую Северную войну как конфронтацию предположительного эпилептика с предположительным аутистом. Среди абсолютных монархов люди с совершенно нормальной психикой вообще редкость – такой уж это нездоровый образ жизни. Однако без учета личностных аномалий Петра I и Карла XII трудно было бы объяснить как некоторые действия этих правителей, так и политические маневры подвластных им государств.

Еще одна тема, которой нельзя не коснуться перед описанием драматических событий 1700 года, – полководческий талант Карла, настоящего новатора в области военного искусства.

В семнадцатом веке европейские армии в основном придерживались так называемой голландской военной школы. Ставка делалась на линейную тактику, при которой строй действовал как единая машина, а каждый солдат был в ней винтиком. Муштровка считалась залогом боевой учебы: чем меньше рядовой думает, тем лучше. Когда шеренги под плотным огнем, яростным натиском или при сложном рельефе местности сбивались, солдаты терялись, начинали метаться или разбегаться. Ну и, естественно, всякое перемещение получалось медленным, громоздким.

Карл делал ставку на боевые качества каждого солдата. Шведы отлично умели атаковать россыпью, так же быстро отходить назад и перегруппировываться. Солдаты метко стреляли и ловко управлялись

со штыком. Обычно, выпустив заряд, шведская пехота не тратила время на перезарядку, а кидалась вперед, врукопашную. При этом, когда требовалось, она использовала и приемы коллективного боя: одновременный огонь тремя шеренгами (с колена, пригнувшись и в полный рост), противокавалерийское каре и караколирование (дав залп, первая шеренга перебегала назад, затем стреляла вторая, третья и так далее).

Однако любимым родом войск у Карла, мастера быстрых ударов, была конница. Во имя скорости шведские кавалеристы отказались от доспехов и перед наскоком не замедляли ход для стрельбы, а сразу кидались в рубку. Атакуя, конница плотно смыкалась, опрокидывая любой строй.

Самым ценным качеством армии Карла была ее фантастическая по тем временам управляемость. Тогда все движения подразделений обычно определялись заранее составленной диспозицией, и потом, во время сражения, изменить что-либо было трудно. Управлять войсками командующий уже почти не мог – лишь посылать в гущу боя свежие части. Карл XII разработал отличную систему оперативной связи, которая при высокой дисциплинированности солдат позволяла использовать одни и те же полки для выполнения новых задач – из-за этого шведская армия всегда казалась более многочисленной, чем была на самом деле.

Пехота Карла. *Р. Нётель*

Вот каков был противник, с которым предстояло иметь дело датчанам, саксонцам и русским. Недооценка вражеского войска и в особенности шведского предводителя обойдется союзникам очень дорого.

Первой за легкомыслие была наказана Дания.

Король Фредерик IV, уверенный в беспомощности мальчишки Карла, увел всю армию в Голштинию, а для защиты своей столицы оставил только флот, более сильный, чем шведский.

Датская эскадра перегородила единственный судоходный фарватер, по которому шведы могли бы провезти десант к Копенгагену, и пребывала в безмятежности.

13 апреля 1700 года семнадцатилетний Карл попрощался с домашними – бабушкой и сестрами, сказав им, что поедет в загородный дворец. На самом деле король отправился воевать. Больше ни родственницы, ни столица его никогда не увидят.

Три месяца Карл потратил на то, без чего воевать нельзя: на добывание денег. Для этого ему пришлось брать ссуду, собирать налоги за год вперед и вымогать добровольно-принудительные пожертвования у городов и провинций. Тем временем проходила мобилизация, полки пополнялись солдатами.

Только в середине июня армия была готова к отправке за море.

Проблему с заблокированным фарватером Карл решил, впервые применив свой основной оперативный метод: риск на грани безумия. Шведская эскадра поплыла мелководным фарватером, которым прежде пользовались только лодки. Бóльшая часть кораблей (если быть точным, восемнадцать) либо не прошли, либо сели на мель, но Карла это не остановило. Он высадился в семи милях от Копенгагена всего с 4 000 солдат, сам прыгнув в первую шлюпку.

Никак не ожидавшие такого демарша датчане растерялись и дали Карлу время укрепиться, а затем к нему подошли подкрепления. Оборонять Копенгаген было почти нечем, и Дания запросила мира.

8 августа 1700 года король Фредерик согласился на все условия – поразительно умеренные. Имея в заложниках столицу противника, Карл мог требовать земель и контрибуций, но заявил, что Швеции чужого не нужно. Датчане лишь вернули голштинскому герцогству все занятые территории и оплатили военные издержки. Юный Карл считал, что таким образом подает миру пример истинной рыцарственности.

Август Сильный очень испугался. Он не мог справиться даже с Ригой, а тут вдруг оказался один на один со всей Швецией – ведь датский союзник капитулировал, а русский лишь обещал помощь, дожидаясь мира с турками. Без датского флота ничто не могло помешать шведам высадиться в Прибалтике. А страшнее всего был Карл, над возрастом и неопытностью которого недавно все потешались. Мышонок обратился львом.

Саксония попыталась заключить перемирие, но Карл желал наказать ее за вероломное нападение. Тогда Август снял осаду Риги и отправился на зимние квартиры.

Так же собирался поступить и Карл, отложив продолжение войны на следующий год. И тут – еще не зная ни о поражении Дании, ни об отступлении Августа – в драку ввязался истомившийся от бездействия Петр. По скверному примеру союзников, он вторгся в шведскую Ингрию, не озаботившись объявлением войны.

Хуже момента нельзя было и вообразить.

Как только до Швеции дошло известие о новом враге, Карл погрузил армию на корабли и отправился в Эстляндию, берегов которой он достиг в середине октября.

Как же распорядился Петр двумя месяцами, прошедшими с начала военных действий?

Заранее выработанный план предполагал взятие двух шведских опорных пунктов: Нарвы и Нотебурга. Нарва имела для русских особую притягательность, поскольку это был самый ближний к русским землям морской порт. С шестнадцатого века Москва неоднократно стремилась овладеть Нарвой и, бывало, даже брала ее, но удержать не могла. К тому же через этот город лежал путь на Ригу, где – как полагал Петр – сражается союзник Август.

Для похода готовили большую армию – 63 000 человек, набрав 29 новых полков из добровольцев. Примерно треть не успела дойти до места (как потом выяснится, и слава богу), но все же к шведской крепости прибыло около 40 000 солдат со 184 пушками.

Однако что это была за армия?

Она представляла собой довольно печальное зрелище и мало чем отличалась от той, что с таким трудом взяла Азов. Современных полков хорошей боеготовности насчитывалось всего четыре: Преображенский, Семеновский, Лефортовский и Бутырский. В остальных служили новобранцы, не умевшие отличить «лево» от «право». Немногим лучше были офицеры, лишенные всякого военного образования. Иностранные профессионалы, очень немногочисленные, плохо знали русский, не доверяли своим солдатам, а те, в свою очередь, не доверяли чужакам. Дворянская поместная конница не модернизировалась со времен Ливонской войны XVI века – не ведала ни порядка, ни дисциплины.

Плохо было и с генералитетом. Сам Петр, как обычно, прикидывался рядовым офицером, хоть без него ничего не решалось. Двумя корпусами командовали Автоном Головин и кукуйский немец Адам Вейде. Первый считался вроде бы старшим, но в то же время не главным. Оба были храбры, но не имели опыта войны с современным европейским противником.

Время для похода было отвратительное – осенняя распутица. Обоз в 10 000 телег растянулся на несколько дней пути, полки едва плелись. К осаде еле-еле приступили только в середине октября, когда Карл XII уже высаживался в Ревеле. Правда, шведская армия, получив известие о наступлении Августа на Ригу, сначала двинулась на запад, но известие оказалось ложным. Это дало русским несколько дополнительных недель, однако осаждающие плохо воспользовались отсрочкой.

Крепость, собственно, состояла из двух частей: самой Нарвы и, на другом берегу реки, Иван-города. Брать надо было обе твердыни одновременно. Гарнизон под командованием полковника Хеннинга Горна состоял всего из двух тысяч человек, но двадцатикратное численное преимущество мало что значило, пока не пробиты стены, а с этой задачей русская артиллерия справиться не смогла. Не хватало калибра, порох отечественного производства оказался некачественным, довольно скоро закончились и боеприпасы. Осада затягивалась.

Тем временем Карл, убедившись в безопасности Риги, повернул на восток. На пути шведов стоял заслон из дворянской конницы Бориса Шереметева, занимая удобную для обороны позицию на краю крутого оврага. Произошло несколько стычек, в которых шведы неизменно одерживали верх, притом нападали все время в разных пунктах. У Шереметева создалось ощущение, что шведов очень много, на стойкость своих иррегулярных частей он не надеялся и в результате 17 ноября ушел без боя, открыв Карлу дорогу к русскому лагерю.

Беспорядочное отступление конницы и преувеличенные слухи о размере шведской армии заставили Петра принять решение, о мотивах которого уже триста лет спорят историки.

Царь внезапно покинул свое войско и спешно уехал в Новгород – весьма необычный поступок в канун генерального сражения. Еще нестандартней было другое решение: Петр назначил нового главнокомандующего. При ставке находился фельдмаршал саксонской службы герцог Карл де Круи, прибывший с посланием от Августа. Это

был опытный генерал, участвовавший во многих сражениях, но совершенно не известный русской армии да и сам плохо ее знавший. «Оный герцог в приятии сей команды крепко опрошался [протестовал], однако же его величество те его резоны апробовать не соизволил», – сообщает современник.

Оправдывая бегство Петра, его почитатели называют множество уважительных резонов, самым весомым из которых является намерение организовать оборону русской территории от грядущего шведского вторжения. Но тогда непонятно, почему было не отступить вместе со всей армией, оставив какую-то ее часть для арьергардного боя. Вероятно, прав С. Соловьев, когда предполагает, что царь так бы и поступил, если б рядом не оказалось «настоящего европейского фельдмаршала».

Вот наглядный пример того, как сугубо частный фактор – особенности личности и психического состояния самодержавного правителя – может роковым образом влиять на исторические события. Думается, поведение Петра было вызвано панической атакой психогенного свойства, наложившейся на глубоко укорененную веру в «европейское всемогущество» – европейской-де армии может противостоять только европейский же полководец.

Внезапное назначение. *Рисунок И. Сакурова*

Петр уехал ночью, а войскам зачитали невразумительный приказ, что царь «имеет выехать из лагеря для знатных и нужнейших дел, а паче для свидания с королем польским».

Король польский находился от Нарвы в полутора тысячах километров, а вот король шведский был уже совсем рядом.

Он привел с собой лишь половину своей армии, оставив другую половину охранять тылы. Восемь с половиной тысяч шведов шли налегке, без обозов и почти без артиллерии – иначе они увязли бы в ноябрьской грязи.

На первый взгляд, затея атаковать укрепленные позиции, занятые почти впятеро сильнейшим неприятелем, может показаться безумной, но на самом деле исход сражения был решен еще до его начала.

Если так можно выразиться, нарвскую битву не столько выиграли шведы, сколько проиграли русские.

Их численное превосходство сводилось на нет чрезмерной растянутостью линии обороны и разделением лагеря на три автономные, лишенные связи группы. К этому нужно прибавить полный паралич воли со стороны командования и низкий боевой дух, подорванный отъездом государя и назначением какого-то непонятного герцога. Помогла шведам и погода: началась снежная метель, дувшая русским в лицо и сильно затруднявшая обзор. Оборонявшиеся не видели, как малы силы противника.

В первом своем большом сражении Карл не проявил особенной изобретательности, разве что воспользовался для наступления прикрытием снежного заряда. Собственно, всё главное решилось первой же атакой. Шведы напали на русский правый фланг, опрокинули его и обратили в бегство. Слабая шереметевская конница помчалась к мосту через реку, разнесла его, многие утонули. В пехоте тоже началась паника, солдаты стали кричать, что «немцы» изменили, и переубивали офицеров-иностранцев. Герцог де Круи, испугавшись, что его тоже убьют, крикнул: «Пусть черт воюет с такими солдатами» и предпочел сдаться шведам.

Побежали, однако, далеко не все даже на правом фланге, где держали оборону Преображенский, Семеновский и Лефортовский полки, лучше обученные и хорошо знавшие своих офицеров. Устоял и левый фланг, которым командовал генерал Вейде.

Однако сообщения между двумя этими очагами обороны не было. Наутро сначала правый фланг, а затем и левый капитулировали. Карл согласился отпустить основную часть русской армии и даже велел саперам восстановить мост – король боялся, что русские увидят, как мало шведов, и передумают сдаваться. Неприятельских генералов и старших офицеров Карл на всякий случай изолировал от солдатской массы и оставил в плену.

Разгром был чудовищный. 19–20 ноября 1700 года русская армия потеряла всю артиллерию и знамена, осталась без командиров и превратилась в бесформенную толпу.

Международный престиж России, и прежде не слишком высокий, совсем пал. Над русским царем и его бегством потешалась вся Европа.

Зато Карл был повсеместно возвеличен и провозглашен «новым Александром» – все вспомнили, что Македонскому во время первой победы тоже было восемнадцать лет.

От большой славы у шведского короля совсем закружилась голова. Он окончательно и уже навсегда уверился в своей богоизбранности и непогрешимости.

Издевательская шведская медаль 1700 года, на которой изображено, как Петр бежал, теряя шапку и, подобно евангельскому тезке, «плакася горько»

Казалось бы, после такой победы следовало добить поверженного противника: окончательно вывести Россию из войны, как прежде это было сделано с Данией. Советники предлагали Карлу сделать именно это: пользуясь тем, что Петр остался без армии, перезимовать на русской территории, поддержать сторонников царевны Софьи, учинить среди московитов внутреннюю смуту, как сто лет назад, и продиктовать условия мира. План был совершенно разумный и легко осуществимый, но Карл, всех выслушав, поступил по-своему.

Утратив интерес к восточному фронту, король отправился на запад воевать с Августом. Многие авторы пишут, что Карлу просто показалось скучным тратить время на русские дела, тем более что новых сражений здесь не предполагалось. Королю хотелось *настоящих* побед над первоклассной армией на глазах у всей Европы. Хотелось ему и наказать вероломного саксонского курфюрста.

Вероятно, всё так и было, однако справедливости ради нужно сказать, что в решении Карла имелось и рациональное зерно.

Застревать на востоке, оставляя в тылу непобежденного Августа, к которому в любой момент могла присоединиться Польша, было опасно. К тому же содержание армии требовало огромных расходов, и в этом смысле поход в богатую компактную Саксонию был гораздо выигрышнее, чем долгие скитания по бедным российским просторам.

Самое же главное – Карл был уверен, что после нарвского разгрома царь оправится не скоро, если вообще оправится.

В этом король жестоко ошибся. Если говорить о величии, то первый шаг к нему царь Петр Алексеевич сделал зимой 1700–1701 годов, когда судьба его страны висела на волоске. До сих пор на российском троне сидел взбалмошный, капризный, временами легкомысленный, временами чудовищно жестокий деспот, больше всего занятый собственными забавами, которые иногда совпадали с интересами государства, а иногда нет. В опрометчивую войну со Швецией тоже ввязался монарх легковесный, плохо сознающий слабость своей армии, силу будущего противника и ненадежность союзников. Бегство из-под Нарвы и вовсе было поступком стыдным.

Но начиная с 1701 года появляется новый государь, повзрослевший, возмужавший и не склонный к авантюрам. Думается, Петр был искренен, когда годы спустя поблагодарил шведов за нарвскую «науку» и назвал их своими учителями. Истинная сила, как известно, проверяется не победой, а поражением, и Петр проявил себя правителем сильным.

Первым делом царь стал укреплять приграничные города и монастыри, а также приводить в порядок свое побитое, обезглавленное войско. Одновременно по всей стране был разослан указ о новом воинском наборе – уже не добровольном, а принудительном, по одному рекруту с определенного количества дворов.

Даже когда стало понятно, что Карл границу не перейдет и уводит свою армию прочь, Петр не позволил никому расслабляться. К этому времени уже выяснилось, что мириться шведы не намерены, что, разгромив Августа, они обязательно вернутся – надо было к этому готовиться.

Из-под Нарвы прибрела нестройная толпа в 23 тысячи человек. Их перераспределили, снарядили, сформировали еще десять полков, и к весне подо Псковом собралась новая армия. С офицерами по-прежнему

дело обстояло плохо. Российские вербовщики нанимали их по всему Западу, но дело шло туго – спрос на наемников повсеместно возрос в связи с назревающей всеевропейской войной.

Еще труднее было восстановить утраченный артиллерийский парк. Не хватало пушечной меди, и Петр без колебаний покусился на святое: велел снимать с церквей колокола. Благодаря этой невиданной мере уже в 1701 году в армии было больше орудий, чем до Нарвы, – триста новых стволов.

Всё это, конечно, требовало гигантских расходов, но Петр и тут поступил решительно: велел уменьшить содержание серебра в монете и увеличил выпуск денег вчетверо. Об инфляции задумываться было некогда, да и тогдашние финансисты еще плохо понимали ее опасность.

Страх перед шведами начал понемногу отступать, когда стало ясно, что Карл оставил в Ингрии очень мало войск. Уже в январе 1701 года русские попробовали предпринять довольно робкую вылазку к приграничному Мариенбургу, но были отбиты с уроном. Шведы ответили небольшим рейдом на Псковщине. Этим всё и кончилось. Русские нападать не решались, слабо веря в свои силы, у шведов же на активную войну не хватало солдат.

Правда, шведская эскадра в июне 1701 года произвела диверсию против Архангельска, желая уничтожить единственный русский порт и тем самым отрезать противника от притока европейских товаров. Семь вымпелов внезапно появились перед Новодвинской крепостью, защищавшей подходы к городу, но защитники отбили нападение и даже захватили два небольших корабля, севшие на мель. Петра спасение Архангельска очень окрылило. Он писал: «Где чего не чаяли, Бог дал».

Но главным даром для России в 1701 году было то, что у нее появилась возможность залечить раны и окрепнуть, пока грозный враг воюет на западе.

Король невозмутим среди Хаоса. *Иллюстрация из вольтеровской «Истории Карла XII»*

В феврале Петр ездил к польскому королю в Литву, уговаривал его не заключать сепаратного мира и обещал помощь деньгами и войсками, хоть у самого с тем и другим было туго. Поскольку казна пустовала, пришлось забирать деньги у монастырей и у частных лиц. Во вспомогательный корпус, отправленный на выручку Августу, собирали все боеспособные части, за которые не будет стыдно перед союзником.

Спасало то, что после Нарвы шведский король словно погрузился в спячку и долго простоял на одном месте. Мы увидим, что лихорадочная активность будет постоянно сменяться у него странной пассивностью, иногда очень продолжительной. Соратники говорили, что король действует лишь по наитию Свыше. Действительно, возникает впечатление, что Карл постоянно прислушивался к некоему внутреннему голосу, который считал голосом Бога. Если Всевышний молчал, впадал в бездействие и Карл, дожидаясь следующего «знака».

После нарвского триумфа Бог не посылал своему избраннику знака целых полгода. Вместо того чтобы теснить врага, Карл охотился, веселился, по-мальчишески валял дурака: играл в прятки, строил снежные фортеции и так далее.

Казалось, его не интересует, что саксонцы усиливаются. В исполнение договора генерал Аникита Репнин привел из России обещанные подкрепления, 20 тысяч человек – половину составляли те самые счастливцы, кто опоздал к Нарве. Саксонский главнокомандующий фельдмаршал Штейнау был приятно удивлен качеством и вооружением русского контингента (особенно ему понравилось, что «при целом войске нет ни одной женщины и ни одной собаки»). Осмелев, Август вновь отправил армию к Риге.

Но в начале лета Карл вдруг проснулся. Из Швеции прибыли свежие резервы, и король пошел в наступление.

Штейнау поступил рационально и логично: с частью армии занял укрепленные позиции на берегу Даугавы – там, где шведам предстояло делать переправу.

> В битве на Даугаве 9 июля 1701 года Карл XII блестяще продемонстрировал свой полководческий почерк.
>
> Штейнау считал, что понимает тактику юного полководца, который непременно кинется в атаку во главе передового отряда, невзирая ни на какие препятствия. На

этом фельдмаршал и построил диспозицию. Он намеренно оставил на своем берегу место для высадки шведского авангарда, чтобы потом раздавить его превосходящими силами. Гибель или взятие в плен шведского короля означали бы победу в сражении и во всей войне.

Снежного бурана, облегчившего победу под Нарвой, летом ждать не приходилось, но Карл устроил искусственный туман: множество костров из мокрой соломы обеспечили в месте переправы плотную дымовую завесу. Под ее прикрытием шведы переправились через реку на плотах, заслоненных от пуль толстыми щитами.

Карл действительно оказался на противоположном берегу одним из первых, и солдат с ним высадилось немного, но это были отборные части – гвардейские гренадеры. Король правильно рассчитал, что Штейнау позволит авангарду беспрепятственно форсировать Даугаву, и верил в стойкость своей гвардии.

Всё так и вышло. Саксонцы трижды атаковали плацдарм, понесли большие потери, но опрокинуть гренадеров в воду не смогли, а тем временем прибывали все новые и новые батальоны. Когда их набралось достаточно, шведы перешли в наступление и обратили уставшего неприятеля в бегство.

Гром этой победы был еще оглушительнее, чем Нарвской. Вся Европа восхищалась гением, который из крайне неудобной позиции сумел разбить вдвое бóльшее вражеское войско – притом не каких-то диких московитов, а опытных саксонцев. (Кстати говоря, русские полки в этой битве никак себя не проявили – вероятно, у Репнина была инструкция уклоняться от участия в сражениях.)

Август немедленно очистил Прибалтику и стал слать парламентеров, прося мира. Но Карл считал, что курфюрст наказан недостаточно, желал лишить его польской короны и оккупировать Саксонию.

Шведы вторглись в Польшу (хотя та формально по-прежнему в войне не участвовала) и заняли Варшаву. Речь Посполитая разделилась надвое – часть панов сохранила верность своему королю, но шляхетство северных областей взяло сторону Карла. Начиналась одна

из тех польских междоусобиц, которые никогда быстро не заканчивались.

В кампанию 1702 года Карл углубился еще дальше в Польшу, пошел на Краков, куда перенес свою ставку Август. Саксонцы отступили, надеясь, что шведский король увлечется преследованием и оторвется от главных сил. Так и вышло. Карл погнался за отходящей вражеской армией с 10-тысячным корпусом. Саксонцев и их польских союзников было около 28 тысяч.

> Ровно через год после битвы на Двине, 9 июля 1702 года, состоялась баталия, прошедшая примерно по тому же сценарию. Саксонцы укрепились на возвышенности близ Клишова (к северо-востоку от Кракова), защищенные болотом и лесом. Приготовились, что Карл, как обычно, пойдет напролом, но шведы внезапно поменяли всегдашнюю тактику и произвели обходной маневр. Натиск польской конницы разбился о сомкнутый строй пикинеров.
>
> Судьбу боя решила шведская кавалерия, впервые продемонстрировавшая здесь свою удивительную дисциплинированность и управляемость: Карл перемещал эскадроны, как фигуры на шахматной доске, и при этом – невероятно – подразделения не теряли строя.
>
> Саксонцы побежали. В этом сражении Карл пережил большую личную трагедию – ядром был убит его зять и единственный друг Фридрих Голштинский.

После Клишова шведского короля стали называть величайшим полководцем современности и даже «арбитром Европы», поскольку считалось, что он может изменить участь другой войны, еще более масштабной, которая происходила в западной части континента. Отныне к Карлу постоянно будут являться посланцы обеих враждующих сторон с самыми заманчивыми предложениями. Но триумфатор ни одним не заинтересуется. Им будет владеть только одна обсессия: добить ненавистного Августа.

«Таким образом, – пишет С. Соловьев, – Август был драгоценный союзник для Петра не силою оружия, но тем, что возбудил к себе такую ненависть и такое недоверие шведского короля; он отвлек этого

страшного в то время врага от русских границ и дал царю время ободрить свои войска и выучить их побеждать шведов».

Только этим и оставалось утешаться.

В 1702 году положение России казалось безнадежным. Один союзник, Дания, сдался; второй союзник разгромлен; враг грозен; собственная армия никуда не годится – ни толковых полководцев, ни знающих офицеров, ни обученных солдат.

И все же именно с 1702 года начинается медленное движение в обратную сторону. Россия понемногу переходит в наступление.

Маленькие победы
1702–1704

После Нарвы шведский король исполнился такого пренебрежения к Петру, что оставил для защиты пограничных с Россией владений очень мало войск. У командующего генерала Вольмара фон Шлиппенбаха ни в какой момент не имелось более 8000 солдат, а обычно бывало меньше – и это для большой территории, соответствующей современной Эстонии и Ленинградской области. С другой стороны Финского пролива, в Карелии, шведы сколько-нибудь значительных воинских контингентов вообще не держали.

Как только царь оправился от первого потрясения и понял, что активных действий противника можно не опасаться, он начал сам готовиться к наступлению.

Поначалу план Петра, по-видимому, заключался в том, чтобы снова идти на ту же злополучную Нарву, заветный ключ к морю. Во всяком случае, целый год на том направлении, в Ладоге, русские копили силы и припасы.

Однако затем у Петра возникла другая идея, вероятно, продиктованная осторожностью: чем опять подступаться большими силами к Нарве, которую трудно взять, да еще, не дай бог, забеспокоится и вернется Карл, лучше «откусывать от шведов по кусочку». Новая стратегия строилась на сравнительно небольших ударах, общей целью которых был постепенный, ползучий захват приморских земель. Скорее всего у Петра уже тогда возник, казалось бы, совершенно фантастический замысел построить на шведской территории некий город-порт в месте, более удобном для обороны, чем Нарва, – например, в устье полноводной и глубокой реки Невы.

Чтоб Шлиппенбах не мешал, его нужно было постоянно держать в положении обороняющейся стороны. Эта задача была возложена на Бориса Шереметева с его дворянской конницей, которая так плохо показала себя в 1700 году, – но других войск в то время, собственно, и не было, поскольку все мало-мальски годные полки отправились на подмогу Августу.

Для разорения вражеского края и нападения на небольшие шведские отряды сил Шереметева было вполне достаточно. Шлиппенбах едва успевал от них отбиваться. Со временем русские становились смелее, у них появилось больше уверенности и опыта, подошли новонабранные полки, и Шереметев наконец дерзнул встретиться со Шлиппенбахом в первом настоящем бою.

Численное преимущество было огромное. У деревеньки Эрестфер 29 декабря 1701 года 18 000 русских сошлись с 3000 шведов, и чуда не случилось. Шлиппенбах не обладал талантами своего короля. После упорного боя он в беспорядке отступил, потеряв треть людей и всю свою артиллерию (которая, впрочем, состояла только из шести пушек).

Бой у мызы Эрестфер. *М.Б. Греков*

При таком соотношении сил победа выглядела не слишком славно, но она была первая. В Москве целый день палили из пушек и трезвонили в колокола. Шереметев был произведен в генерал-фельдмаршалы и получил недавно учрежденный орден Андрея Первозванного (очередное европейское новшество, раньше на Руси орденов не было).

В марте была захвачена небольшая крепость Мариенбург (современный латвийский Алуксне). Гарнизон в ней стоял

маленький, но замок находился на острове посреди озера, и армия Шереметева застряла здесь на две недели. Наконец, после продолжительной канонады, шведы согласились уйти – на условии, что их выпустят с оружием. Однако двое офицеров, не желая сдаваться, взорвали пороховой погреб. Считая это нарушением договоренностей, Шереметев забрал всех, включая и горожан, в плен.

Этот маленький эпизод заслуживает упоминания, потому что одну из полонянок звали Мартой Скавронской. Через 23 года она станет самодержицей всероссийской.

В ходе боев и стычек русское войско понемногу становилось настоящей армией. Рядовые солдаты с их стойкостью, выносливостью, поразительной неприхотливостью и дисциплинированностью изначально обладали хорошими боевыми качествами, но некому было обучать их боевой науке. Роль учителя взяла на себя сама война. Офицеры постепенно осваивали свое ремесло, совершенствовались и генералы. Тот же Борис Петрович Шереметев, немолодой уже человек, доселе ничем особенно не блиставший, за короткий срок вырос в отличного полководца – методичного и осторожного, действовавшего наверняка.

18 июля 1702 года близ границы, у Гуммельсгофа, он решился напасть на Шлиппенбаха уже всего лишь с трехкратным превосходством – и снова заставил шведов с уроном отступить. Это позволило проникнуть глубоко в Ливонию, уничтожить там несколько сотен деревень. Война велась безжалостно, со ставкой на полное разорение противника.

Успехи крепнущего русского оружия очень ободрили Петра. Со второй половины 1702 года он начинает планомерное наступление на шведские опорные пункты. Лето царь провел в Архангельске вместе с гвардией – опасались, что враг снова, как в предыдущем году, попытается уничтожить единственный работающий порт, но тревога оказалась ложной, и царь окончательно убеждается, что шведы оставили Россию в покое.

В октябре большая русская армия (12 тысяч в осадном корпусе и еще 20 тысяч на подступах) появилась у серьезной крепости Нотебург, защищавшей вход в Неву со стороны Ладожского озера. Эта твердыня

была ключом ко всей Ингрии, но шведы держали там малочисленный гарнизон. Правда, стены были крепки, пушек много, а сама крепость находилась на острове, поэтому взять ее оказалось очень непросто. После двухнедельного обстрела из крупнокалиберных орудий войска пошли на штурм – на лодках, с лестницами. Шведы, которыми руководил родной брат ливонского командующего подполковник Густав Шлиппенбах, полегли почти все (из четырехсот пятидесяти уцелело меньше сотни), но дорого продали свои жизни. Русские взяли Нотебург после тринадцатичасового штурма, положив две тысячи человек. Петра потери не расстроили – он торжествовал, что «жестокий орех счастливо разгрызен», и на радостях даже отпустил с почетом горстку захваченных пленных. Крепость так и была наречена: Шлиссельбург, Город-Ключ. (Пристрастие Петра давать географическим пунктам иностранные имена, вероятно, объяснялось внутренним желанием превратить Россию в этакую новую Германию, где всё будет не так, как в старом нескладном Московском царстве, а геометрически ровно, по-военному дисциплинированно и по-европейски называться.)

«Малая война» в Прибалтике 1701–1704 гг. *М. Романова*

Взятие Нотебурга действительно было важным стратегическим шагом. Выход к морю теперь закрывала лишь крепостца Ниеншанц, и этот орешек «жестоким» не являлся. Сюда Петр в конце апреля 1703 года прибыл с 25-тысячной армией, и после недолгого обстрела комендант без боя выговорил почетную капитуляцию.

> Четырьмя днями позже бой все же состоялся – небольшой, но исторический. Не подозревая о падении Ниеншанца, в Неву вошли два маленьких шведских корабля (десять и восемь пушек). Русские взяли их внезапным абордажем, на лодках – этот скромный успех считается первой победой отечественного флота. Петр, конечно, не мог упустить такого случая – исполнилась его давняя мечта о настоящем, а не потешном бое на воде. Самодержец всея Руси находился в одной из лодок, которые непосредственно участвовали в схватке. Сам он потом напишет: «Понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи; только осталось 13 живых»; гордый царь объявил эту стычку «никогда бываемою викториею».
>
> Этот эпизод интересен с точки зрения спора о петровской храбрости. Когда царь паниковал, как это произошло под Нарвой и повторится позднее, это всегда был страх не за свою жизнь, а за провал дела, которому он себя посвятил, и еще, видимо, желание уйти от ответственности за поражение. Если же риск касался только его самого, Петр обычно выказывал себя храбрецом.

К этому времени царь уже твердо решил основать русский порт где-то неподалеку. Ниеншанц показался ему неподходящим (сейчас это северо-восточная окраина Санкт-Петербурга). Новую крепость заложили 16 мая 1703 года несколько ниже по течению Невы, на острове побольше, который нарекли Петропавловским в честь апостолов Петра и Павла, а будущий город – Петрополем, вскоре переименовав на немецкий лад в Питербурх, а затем более торжественно в Санкт-Петербург. «Между островы теми малый есть островец, на самом разсечении полуденныя и средния струи стоящий; тот островец судился быти угодный к новой крепости, понеже и мал

собою, так что лишней на нем земли, кроме стен градских, не останется; и однак не так мал, чтоб не доволен был дать на себе места фортеции приличнаго, и вкруг себя глубину имеет корабельным шествиям подобающую», – торжественными словесами описывает высокопреосвященный Феофан Прокопович основание будущей столицы Российской империи.

Прежде всего новому городу нужно было обеспечить защиту от шведского нападения – главным образом с моря, поскольку флота у русских не было. В том же году на острове Котлин, прикрывающем фарватер, начали строить крепость Кронштлот («Коронный Замок»), а на Ладоге, близ крепости Олонец, наскоро поставили верфь и литейный завод для изготовления пушек. По Неве корабли могли оттуда идти до Финского залива. Первым военным судном будущего Балтийского флота стал фрегат «Штандарт», спущенный на воду уже в сентябре 1703 года.

На суше фельдмаршал Шереметев тем временем занимал маленькие шведские крепости, отодвигая границу все дальше от «Питербурха».

В это горячее время Петр отлучился в Воронеж, чтобы основать новую большую верфь и опять закладывать корабли, которые сгниют без пользы в речной воде. Эти фантомные боли будут истощать казну еще в течение нескольких лет.

Однако скоро царь вернулся на северо-запад и стал готовиться к новой кампании. Окрепшая уверенность русской армии и накопленный боевой опыт позволяли браться за более крупные задачи.

Победы, одержанные Россией в следующем 1704 году, можно считать уже не маленькими, а «средними».

Таковых было две.

Сначала взяли Дерпт (нынешний эстонский Тарту) – большой и важный город. Гарнизон здесь был вдесятеро сильнее, чем в Нотебурге, который так дорого дался Петру два года назад, но осадное мастерство русских очень выросло. Шереметев встал под городом в начале июня и вызвал неудовольствие государя своей медлительностью, так что Петр взял руководство в свои руки. 3 июля началась канонада и продолжалась 10 дней, потом войска пошли на штурм и после 10-

часового боя, потеряв людей не больше, чем в маленьком Нотебурге, и истребив две трети шведов, заставили остальных сдаться.

Одновременно войска осадили Нарву.

Теперь дело пошло совсем иначе, чем четыре года назад. Порох был качественный, осадных орудий хватало. Тот же комендант Горн, произведенный Карлом в генералы, на предложение сдаться ответил пренебрежительно и скоро получил урок, из которого стало ясно, что русские уже не те, что прежде.

> Инсценировка, разыгранная у стен Нарвы 8 июня, была удивительна и по своей дерзости, и по чистоте исполнения.
>
> Зная, что крепость ждет подмоги извне, Петр переодел четыре полка в синие мундиры, издали похожие на шведские, и изобразил попытку прорыва. Горн никак не ожидал от презренных варваров подобной изобретательности и выслал в поддержку большой отряд, который понес серьезные потери, а командир даже угодил в плен. Петр очень веселился, что «умных дураки обманули».

Поручить командование трудной осадой отечественному генералу царь все же не решился. Он по-прежнему свято верил в «настоящих европейских полководцев» и доверил управление австрийцу Георгу Огильви, незадолго перед тем переманенному на русскую службу за большие деньги. Ценность Огильви состояла в том, что он успел поучаствовать в Войне за испанское наследство и успешно осаждал там крепость Ландау. Одним словом, это был совсем не герцог де Круи, и со своей задачей австриец хорошо справился.

Взятие Нарвы. *Н.А. Зауервейд*

9 августа после кровавого, но короткого штурма крепость пала. Рассказывают, что Петр лично влепил пленному генералу Горну пощечину – якобы за напрасное упрямство, но скорее всего в отместку за унижение четырехлетней давности.

Шлиппенбах предпринял попытку выручить Нарву, однако его Петр не боялся. Высланный навстречу русский корпус легко отбросил 4-тысячный отряд шведского генерала, а подкреплений ему взять было неоткуда.

Карл же выручать Нарву не явился. Он слишком увяз в Польше.

Сначала у шведского короля был очередной период апатии. Много месяцев после победы под Клишовом он почти не воевал, а пытался объединить всю шляхту против Августа. Задача была заведомо невыполнимой: Речь Посполитая по самой своей природе не умела

быть единой, всегда находились партии, которые враждовали между собой. За это время саксонцы успели собрать новую армию и даже подошли к Варшаве, но это лишь вывело Карла из спячки. В апреле 1703 года он снова разбил фельдмаршала Штейнау (под Пултуском), уничтожив половину вражеского корпуса и потеряв при этом всего 18 человек убитыми. Но затем шведы осадили хорошо укрепленный Торн и застряли под ним. В осадах Карл был далеко не так хорош, как в открытом поле. Торн капитулировал только в октябре.

Кампания 1704 года началась с того, что Карл вдруг пошел на Львов, находившийся в стороне от главного театра войны. Королю сказали, что этот город никогда никем не был взят с боя, и Карл воспламенился. Львов он захватил лично, лихим кавалерийским наскоком, опять с минимальными потерями, а тем временем Август вернулся к Варшаве и даже занял ее.

Карл немедленно кинулся обратно, горя желанием сразиться, но саксонцы благоразумно отступили от столицы. Впрочем, недостаточно быстро: 28 октября шведский король разбил их под Пуницем и после этого вновь надолго замер.

Еще в феврале 1704 года его польские сторонники объявили Августа низложенным, а в июле шведы чуть не насильно усадили на трон Станислава Лещинского, малоизвестного и довольно тусклого молодого человека, единственное достоинство которого заключалось в том, что он очень понравился Карлу своей скромностью, похвальной нравственностью и в особенности привычкой спать на соломе. Дальнейшие события показали, что этих качеств недостаточно, чтобы усидеть на польском троне, даже при поддержке шведских штыков.

Целых восемь месяцев, пока Петр укреплялся в Ингрии и Ливонии, Карл стоял лагерем близ польско-саксонской границы. В ставку великого человека ездили посланцы от великих держав. Сам король-солнце Людовик XIV просил его о мирном посредничестве; перед Карлом заискивали Англия, Австрия и Пруссия. Последняя предлагала 20 000 солдат в обмен на часть польской территории. Солдат Карлу всегда не хватало, но он отказался – он не мог так поступить со своим другом Станиславом. Со всеми ходатаями Карл держался заносчиво и в конечном итоге всех против себя настроил. Он был гениальным полководцем, но бездарным политиком.

К исходу 1704 года общая ситуация выглядела следующим образом.

В Польше враждовали между собой саксонская и шведская партии. Август собирал новую армию. Карл стоял у него на пути, загораживая путь к Варшаве, где сидел второй польский король Станислав. Конца этому противостоянию было не видно. Пользуясь тем, что враг надолго увяз на западе и оставил без поддержки свой ливонский корпус, русские оккупировали значительную территорию, заняли важные крепости и даже начали строить порт на Балтике. Петр, собственно, ничего больше от войны и не желал. Он готов был мириться, отдав Дерпт и Нарву – лишь бы сохранить драгоценный «Питербурх» и крошечный выход к морю.

Но Карл XII заканчивать войну и не думал.

Снова испытания
1705–1707

Петр хорошо понимал, что все его успехи в Прибалтике – не более чем задворки войны, главные события которой происходят в Польше, и как только Август прекратит сопротивление, вся мощь шведской армии обрушится на Россию. Поэтому летом 1704 года он заключил новый союзный договор, обязавшись давать на содержание армии польских сторонников Августа по 200 тысяч рублей ежегодно и прислать подкрепления. Князь Дмитрий Голицын и украинский наказной атаман Данила Апостол привели около 10 тысяч солдат и казаков, присоединившихся к саксонско-польскому войску. Русские солдаты командующему Паткулю очень понравились («так хороши, что лучше сказать нельзя»), казаки не очень («дикие люди»), а офицеры все еще были малокомпетентны, и пришлось менять их на немецких. Вошел в Польшу и вспомогательный русский корпус Аникиты Репнина, но действовал робко, ибо имел от царя инструкцию «не зело далеко зайти» и «избегать однакож излишней тягости». Петр по-прежнему опасался Карла и не хотел губить с трудом выпестованные полки.

Тем не менее у царя было уже достаточно веры в свои силы, чтобы вынашивать на 1705 год планы большого наступления. 60-тысячная армия под командованием двух фельдмаршалов, Шереметева и Огильви, готовилась к вторжению в Курляндию и Литву.

Однако скоро выяснилось, что русское войско пока не настолько хорошо, как казалось Петру. Отряженный в Курляндию Шереметев сошелся с одним из лучших шведских генералов Адамом Левенгауптом, противником более серьезным, чем Шлиппенбах. К тому же Борису Петровичу изменила всегдашняя осторожность. Прежде Шереметев вступал в бой, позаботившись об очень значительном численном превосходстве, но 19 июля 1705 года под Мурмызой он имел всего полуторное преимущество (двенадцать тысяч против восьми) и не оборонялся, а нападал. За излишнюю самоуверенность пришлось дорого заплатить. Не привычные к атаке русские действовали несогласованно, «бесстройно», после первого успешного натиска увлеклись грабежом обоза и в результате дали себя разбить,

беспорядочно отступив и бросив часть пушек. По выражению Петра, «учинилась потерька»: Шереметев лишился четверти людей и сам был ранен. Эта неудача прервала долгую череду «маленьких и средних» побед. У Левенгаупта было слишком мало войск, чтобы противостоять главным силам русской армии, и ему пришлось отступить, оставив столицу Курляндии город Митаву, откуда Петр уже собирался повернуть в Польшу, на соединение с Августом, однако разразилась новая беда, куда более опасная, чем проигранный бой: в далеком тылу, в Астрахани, восстал стрелецкий гарнизон. Петр с его особенным страхом перед стрельцами пришел в такую тревогу, что послал в Астрахань с частью войск лучшего своего полководца Шереметева да и сам скоро уехал в Москву. Армия, оставшаяся под командованием фельдмаршала Огильви, прекратила наступление и встала в Гродно.

Начиная с осени 1700 года, когда разразилась война, мы следили лишь за ходом тяжелой борьбы со Швецией, но это не означает, что внутри России не происходило ничего примечательного. Кризис назревал уже давно. Восстание разразилось по той же причине, по которой государство сотрясалось мятежами при царе Алексее Михайловиче: бремя затянувшейся войны становилось непомерно тяжелым. Н. Костомаров пишет: «В средине государства, где было войско и где высший класс был за царя, взрыву явиться было неудобно. Бунты начали вспыхивать на окраинах». Можно добавить: на тех окраинах и в той среде, которая имела оружие.

Астрахань в этом отношении была особенно опасна. Удаленная от столицы и князь-кесаря Ромодановского с его шпионами, привыкшая к обособленному полуавтономному существованию крепость во времена разинской народной войны сдалась последней, продержавшись много дольше всех других очагов восстания. Теперь же положение усугублялось тем, что гарнизон здесь в основном состоял из стрелецких подразделений, не любимых Петром и платящих царю той же монетой. В 1705 году из-за оскудения казны стрельцам резко сократили жалованье, и без того мизерное.

> Бунт, как часто бывало, начался со вздорных слухов: что шведы будто бы захватили царя в плен, а царские генералы перешли в чужую веру, потому в Астрахань скоро пришлют много немцев и всех девок насильно выдадут замуж за

бусурман. Эта перспектива очень испугала астраханцев. Решили, что лучше уж насильно выдать дочерей за своих, и началась эпидемия скороспелых свадеб. В один июльский день в городе состоялось до сотни таких лихорадочных венчаний, за которыми, естественно, последовали угощения, так что к ночи перепилась вся Астрахань.

Воевода Тимофей Ржевский был всеми ненавидим за рьяную приверженность петровским новшествам, которые он внедрял с дурной жестокостью – выдирал бороды с кожей, не пускал в церковь одетых по-русски, ну и, как водится, бессовестно лихоимствовал. На воеводу и обрушилась нетрезвая ярость всеастраханской свадьбы. Стрельцы и горожане ворвались в цитадель, учинили разгром. Схватили и убили Ржевского, перебили еще множество немцев и разных начальников. После этого отступать стало некуда.

По памяти разинских времен город объявили казачьим, избрали на кругу старши́ну – «умных людей», первым из которых считался купец Яков Носов. Умные люди надумали немного: послать кого-нибудь в Москву узнать, что там с царем, да позвать на подмогу соседей, донских казаков. Пока же из захваченной казны увеличили стрельцам жалованье.

Донские казаки на призыв не откликнулись и бунтовать не захотели (это случится чуть позже), так что к астраханскому восстанию присоединились лишь ближние городки. После этого астраханцы просто сидели и несколько месяцев ждали, когда прибудут карательные войска.

В общем, бунт получился всегдашний русский: небеспричинный, но бессмысленный и беспощадный. Петр зря так сильно испугался.

Шереметев шел через всю страну с большой воинской силой, но при этом имел приказ по возможности действовать не оружием, а уговорами. Лишь в марте 1706 года фельдмаршал наконец прибыл к Астрахани. Мятежники было поупрямились, но, когда начался бой, очень скоро сдались.

Дальше все тоже было обычно. Сначала власти делали вид, что никого строго наказывать не будут, затем потихоньку арестовали всех

активных участников мятежа и отправили их по пытошным избам. От истязаний и на плахе погибло 365 человек.

Единственным результатом Астраханского восстания был срыв наступления в Польше.

Зато вторжением на территорию Речи Посполитой русские наконец добились того, что Карл вновь счел их достойными своего внимания. В канун нового 1706 года король, в нарушение обычного правила не воевать зимой, вдруг пошел на Гродно и оказался там очень быстро, 13 января. Петр, кинувшийся было из Москвы к армии, опоздал – его войско оказалось отрезано, шведы уже форсировали Неман. Август, находившийся в Гродно, поторопился оттуда уйти, захватив с собой почти всю русскую конницу. Он соединился со своей саксонской армией, но это его не спасло. 2 февраля под Фрауштадтом шведский генерал Реншильд, лихой кавалерийский генерал, действовавший в точности как его король, напал на основные силы противника под командованием генерала Шуленбурга и меньше чем за час, уничтожил или пленил почти всех солдат.

Астрахань. *Гравюра. Конец XVII века*

В конце боя произошел отвратительный эпизод, когда шведы перебили несколько сотен пленных русских солдат, сражавшихся за Августа. Те надели свои мундиры красной подкладкой кверху, чтобы выдать себя за саксонцев, которые носили красное. Обман был раскрыт, и в наказание за нарушение правил войны Реншильд велел устроить кровавую бойню. Была у этого зверства, вероятно, и другая причина: шведы хотели запугать русских, блокированных в Гродно.

Ужаса перед шведами и без того хватало. Август, во время сражения находившийся неподалеку с 12 тысячами войска, не посмел прийти на помощь Шуленбургу и поспешно отступил. А Петр из Минска слал командующему Огильви панические приказы: в сражение не вступать, из Гродно уходить, артиллерию при необходимости бросить. Огильви отвечал, что положение не так уж опасно, что для нападения на укрепленный город у Карла не хватит сил и с 40 тысячами хороших солдат можно держаться хоть до лета, когда подойдут свежие силы. «Что до лета хочете быть, и о сем не только то чинить, но ни же думать», – ответил Петр и уехал в Петербург. Почти в точности повторилась нарвская ситуация 1700 года: царь покинул свою армию, над которой нависал Карл XII.

Но армия была уже не та, да и командование получше.

24 марта, воспользовавшись началом неманского ледохода, который делал преследование невозможным, Огильви вывел из Гродно свое войско и потом не останавливался двенадцать суток, до самого Бреста. Петр праздновал спасение армии, словно великую победу (если сравнивать с ноябрем 1700 года, это действительно был большой успех). Время генеральной битвы с грозным врагом еще не пришло.

Разочарованный Карл вернулся в Польшу. Дал солдатам отдохнуть после тяжелого зимнего похода и отправился в Саксонию добивать Августа. Петр получил новую передышку.

Он воспользовался ею, чтобы усилить оборону Санкт-Петербурга, все еще очень уязвимого со стороны Карельского перешейка. В сентябре 1706 года царь лично повел армию на Выборг, единственную сильную шведскую крепость на финском театре войны. Там засел генерал Георг Майдель с тремя тысячами шведов. У Петра было 20 тысяч людей, но осада провалилась, и пришлось отступать – еще одна

неудача, особенно болезненная для царя, потому что на сей раз он лично взял на себя командование.

Самое худшее, однако, было еще впереди.

После пяти с половиной лет Карл все-таки окончательно одолел давнего врага. Для этого понадобилось всего лишь оккупировать Саксонию – и курфюрст саксонский возобладал в Августе над королем польским.

24 сентября 1706 года был подписан мир.

Август принял все условия. Он признавал польским королем Станислава и отказывался от короны, разрывал союз с Россией, соглашался оплачивать содержание шведской армии и даже, покрыв себя бесчестьем, выдал Карлу служивших у него русских солдат вместе с зачинщиком войны Иоганном фон Паткулем, которого шведы предали мучительной казни.

Переговоры с Карлом велись втайне от Меншикова, который прибыл к Августу с подмогой. В результате возникла очень странная ситуация. Перемирие уже было секретно подписано, а военные действия еще продолжались, и 18 октября под Калишем ни о чем не подозревавший Меншиков даже одержал победу над шведским генералом Мардефельдом, с чем Августу пришлось поздравлять союзника (на самом деле уже бывшего). Когда же Меншиков увел свои полки на зимние квартиры, Август передал Карлу шведских пленных, и условия Альтранштадтского договора были обнародованы.

1706 год закончился для России ужасно. Теперь она оставалась со страшным врагом один на один. Нападение Карла XII было лишь вопросом времени.

А в следующем году снова грянули раскаты грома в русском тылу. Там разразилось новое восстание – опять на окраине, где было много привычных к оружию и враждебных Петру людей.

Как мы помним, в 1705 году Дон не откликнулся на призывы мятежных астраханцев, но теперь кончилось терпение и у казаков. Причиной тому были действия власти, отчаянно нуждавшейся в дополнительных доходах и людских ресурсах для ведения войны.

После покорения Азова вся Донская земля, раньше имевшая открытые границы, превратилась во внутреннюю область России, и Петр решил, что теперь можно повести наступление на казачьи

вольности. Одной из них, очень важной для Дона, было право варки соли, что подрывало государственную монополию. Петр велел эту привилегию отменить.

Вторая древняя традиция – «с Дону выдачи нет» – позволяла крепостным, рабочим, дезертирам уходить в южные степи и чувствовать себя там в безопасности. Во время петровских принудительных мобилизаций эта миграция очень усилилась. Особенно страдали Воронежские верфи, откуда люди бежали тысячами. Немало солдат дезертировали на Дон и от Шереметева, когда тот шел с войсками покорять Астрахань.

Летом 1707 года, ожидая решительного столкновения с Карлом, Петр постановил положить всему этому конец и отправил в городки и станицы верхнего Дона, где скопилось очень много беглых, специальный отряд полковника Юрия Долгорукова. Каратели действовали безжалостно, полностью игнорируя прежние правила взаимоотношений Москвы с Доном. Эта экспедиция и стала искрой, воспламенившей без того взрывоопасную ситуацию.

Почти сорока годами ранее примерно в такой же ситуации, после долгой изнурительной войны, на Дону нашелся сильный вождь, возглавивший недовольных. Не было нехватки в решительных людях и теперь. Бахмутский станичный атаман Кондратий Булавин, в свое время дравшийся с татарами и ходивший под Азов, вместе с еще двумя такими же бывалыми воинами, Хохлачом и Некрасом, собрали ватагу в три сотни человек и сначала захватили реквизированные солеварни, а затем напали на отряд Долгорукова, полностью его уничтожив.

Это было поопасней астраханского мятежа, который так и остался локальным. Булавин, человек энергичный, не собирался сидеть на месте. Он разослал своих людей по станицам, собираясь поднять весь Дон. Атаман намеревался взять Азов с Таганрогом, присоединить к войску всех тамошних подневольных работников и потом идти на Москву. Назревала новая народная война масштаба разинской.

Казацкой старшине, всегда враждебной по отношению к «голытьбе», удалось на время загасить пожар. Войсковой атаман Лукьян Максимов напал на булавинцев прежде, чем они успели развернуться, и разгромил их. Победитель доложил государю, что мятеж подавлен, зачинщики повешены или расстреляны, а еще ста бунтовщикам «урезали носы», но Булавин и главные его помощники

ушли от преследования. Восстание приостановилось, но скоро оно вспыхнет с новой силой в еще более тяжелый для Петра момент.

В остальном 1707 год напоминал затишье перед бурей.

Шведский король оставался в Саксонии, занимаясь экипировкой и пополнением своей армии. Из всех стратегических ошибок, вызванных чрезмерной самоуверенностью Карла XII, самой вопиющей было длительное бездействие перед походом на восток. Поспешное отступление русских из Гродно укрепило короля в мнении, что этого противника опасаться незачем и что разбить его будет легко, торопиться некуда.

Это ощущение усиливалось из-за настойчивых попыток Петра заключить мир со шведами.

Памятник К. Булавину в Бахмуте. *К. Кузнецов*

Страшась грядущего противостояния с Карлом один на один, царь поочередно перепробовал всех возможных посредников: и датского короля, и прусского, и даже далекого французского. Петр обещал присоединиться к любой из враждующих в Испанской войне сторон, которая поможет ему заключить мир с Швецией. Но это предложение никого не соблазнило. В Париже представителю Петра с презрением сказали, что, хоть в царской армии 80 000 человек, но они трусы, которых разгонят 8 000 шведов, – так упала репутация русского оружия после Нарвы.

Большая надежда была на Англию, лучший полководец которой герцог Мальборо собирался ехать в ставку Карла на поклон – договариваться о союзе. Посол Артамон Матвеев, от которого было известно о легендарной алчности «дука Мальбруха», получил от Петра задание посулить герцогу за посредничество очень большую взятку, «тысяч около двухсот или больше». Мальборо заинтересовался, выторговал выгодные условия: княжеский титул, плюс к двумстам тысячам ежегодный доход в 50 тысяч талеров и какой-то рубин невиданного размера.

Ради «доброго мира» Петр был готов обещать что угодно.

Но из поездки «дука» тоже ничего не вышло. Англичанин Карлу не понравился, а сам герцог, посмотрев вблизи на великого героя, пришел к убеждению, что человек он несерьезный и в политике ничего не смыслит.

Петр был готов отдать шведам все захваченные территории, только бы оставить у себя Петербург; готов был даже заплатить за него большие деньги. Если вспомнить, какой невероятной ценой достался России этот пятачок земли в устье Невы, петровское условие никак не назовешь чрезмерным.

Но Карл не хотел мира ни на каких условиях. У него в палатке висела карта России, и он уже составил план кампании. Завершить поход король собирался в Москве, свергнув Петра и поделив его державу на несколько княжеств.

Таким образом в 1707 году речь шла не просто об исходе войны, а о том, быть российскому государству или нет.

В конце лета Карл наконец двинулся из Саксонии в сторону русских границ. У шведов никогда еще не было такой мощной армии – 44 тысячи человек, более половины которой составляла превосходная кавалерия. Кроме того, в Прибалтике у генерала Левенгаупта имелось еще 16 тысяч солдат и 14 тысяч в финском корпусе генерала Георга Либекера.

Армия Меншикова попятилась из Польши в Литву, армия Шереметева отошла к Минску. Давать «генеральную баталию» царь запретил. Вся надежда была на то, что шведы скоро встанут на зимние квартиры, и Карл действительно на какое-то время остановился.

Но в начале января 1708 года внезапно снялся с лагеря и двинулся дальше на восток.

Война между Россией и Швецией вошла в решающую фазу.

Решающая фаза великой войны
1708–1709

В начале 1708 года в точности повторилась прошлогодняя история. Русское войско опять стояло в Гродно, и шведский король попытался неожиданным броском навязать ей сражение, только на сей раз при армии находился сам Петр. Он узнал о приближении врага, когда тот был в шести километрах от города.

И снова царь кинулся бежать, оставив для защиты неманской переправы двухтысячный арьергард под командованием бригадира Мюленфельдта. Два часа спустя появился Карл и атаковал так стремительно, что русские не успели уничтожить мост, а сами в беспорядке отступили. Потом, когда выяснилось, что с Карлом было всего восемьсот кавалеристов, бригадира отдали под суд, как будто это он, а не Петр был главным виновником конфузии. (Мюленфельдт сбежал из-под ареста к шведам, но все же не ушел от своей судьбы – после Полтавы он попадет в плен и будет расстрелян.)

Захватив ключевой стратегический пункт Гродно, Карл мог повернуть оттуда куда угодно: и к Пскову с Новгородом, и прямо на Москву через Смоленск, и на юг, к Украине. Петр стоял с армией около Вильны, не зная, какое направление прикрывать. Он велел уничтожать на пути шведов все деревни, чтобы замедлить продвижение врага и оставить его без продовольствия, приказал готовить к защите внутрирусские города, даже Москву, а сам кинулся в свой любимый Петербург, чтоб укрепить и его.

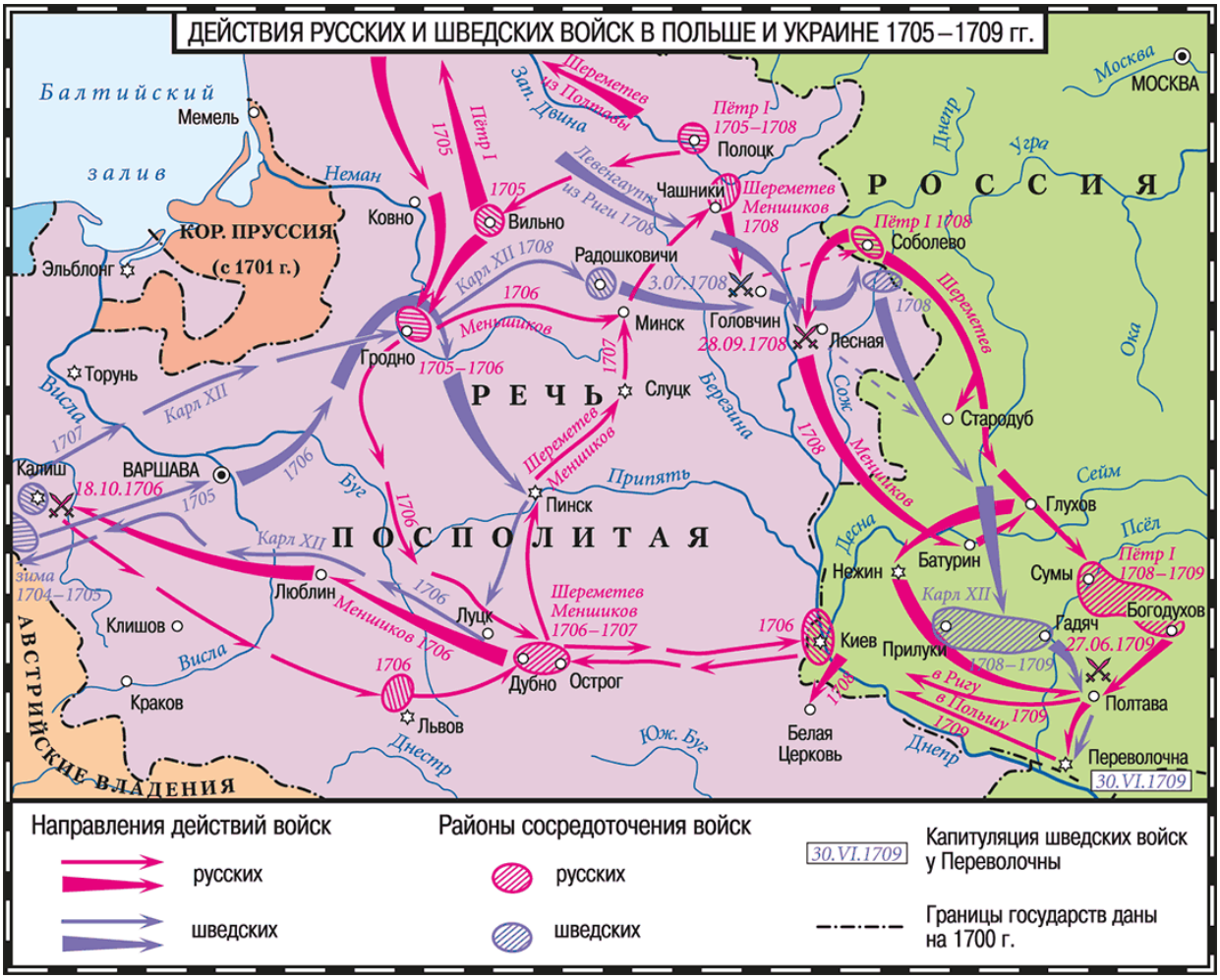
Шведский король же, кажется, не мог выбрать, какой путь предпочесть. Сначала он двинулся в сторону Прибалтики, но затем повернул на восток и вроде бы нацелился на Москву, однако в результате не пошел никуда, разбил лагерь в Радошковичах, недалеко от Минска и, как обычно, после вспышки лихорадочной активности перешел в фазу пассивности.

Так шведы потеряли три месяца.

В июне Карл выступил в новый поход – дальше на восток, к реке Березине. У Головчина, укрепившись, стояла 40-тысячная армия Шереметева. Фельдмаршал, не пасовавший в сражениях с шведскими

генералами, столкнувшись с самим Карлом, будто оцепенел. В ночь на 4 июля 1708 года шведы предприняли сложный маневр, переправившись через заболоченную речку и напав на левый фланг Аникиты Репнина. Тот был опрокинут и разбит, потеряв все пушки, а Шереметев стоял на месте и бездействовал.

Карл, в очередной раз доказавший свою непобедимость, занял Могилев, а русская армия отступила еще дальше, чтобы «оного по возможности держать и переправление чрез Днепр боронить». Отсюда было уже рукой подать до русской границы, но шведский король снова на целый месяц остановился, по-видимому, дожидаясь «голоса свыше».



«Русский поход» Карла XII. *М. Романова*

У шведов, далеко оторвавшихся от своих квартир, начались трудности со снабжением. Из Прибалтики на соединение шел

Левенгаупт с обозами, артиллерией и 16 тысячами войска. Нужно было его дождаться, а еще лучше – пойти ему навстречу.

Вместо этого в конце августа Карл двинулся на восток, навстречу русской армии. 29 августа у местечка Доброе царь Петр, вернувшийся в армию, впервые решился напасть на грозного противника – правда, не на самого Карла, а на правофланговый корпус генерала Рооса, опасно отделившийся от основных сил. Атаку пришлось остановить, как только король повернул на помощь своим войскам, и все же это был первый для русских удачный наступательный бой, что очень воодушевило Петра. Больше всего царя радовало, что такая дерзкая операция была проведена под носом у самого Карла – и ничего, обошлось. «Сей танец в очах горячего Карлуса изрядно станцовали», – торжествующе писал Петр. Продвижения шведов этот бой однако не остановил.

> 10 сентября война чуть не закончилась неожиданным образом. Скучающий Карл с небольшим кавалерийским отрядом опрометчиво напал на превосходящие силы русской конницы. К изумлению короля, враги не побежали, а окружили шведов и перебили их почти полностью, так что в какой-то момент жизнь Карла висела на волоске. Под ним убили двух лошадей, он дрался пешим, из охраны около него оставалось всего пять человек. Спасла Карла лишь привычка скромно одеваться – русские не поняли, кто перед ними. В конце концов подоспела подмога и выручила короля.
>
> Карл остался очень доволен этим приключением, которое его, впрочем, не научило благоразумию.

В начале осени шведская армия находилась всего в двух переходах от Смоленска и менее чем в 500 километрах от Москвы. Если бы Карл в сентябре пошел на российскую столицу, он мог там оказаться через месяц. Это, пожалуй, был наиболее опасный момент всей Северной войны.

Пока русское войско в Белоруссии сдавало города и пятилось к границе, в тылу у Петра полыхало восстание.

Булавинское движение в 1708 году продолжилось с новой силой и разрослось до огромных размеров.

Зиму атаман пересидел в Запорожье, а с приходом весны опять появился в верховьях Дона с отрядом бунтовщиков, который очень быстро увеличивался. Булавин рассылал повсюду свои манифесты («прелестные письма»), в которых звал весь черный люд в казаки, подниматься за «старую веру», против брадобрития, против немцев и так называемых «прибыльщиков» – специальных людей, введенных Петром для изыскания новых государственных прибылей. В прокламациях ради пущего эффекта кроме правды содержались и выдумки – например, что власти велели всем мужчинам и женщинам обривать заодно и интимные места. Писалось в письмах и попросту: «Кто похочет погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конех поездить, то приезжайте!» Подобная агитация действовала отлично. Когда войсковой атаман Лукьян Максимов выступил против Булавина, получилось совсем не так, как прошлой осенью: казаки стали переходить на сторону восставших, и атаман едва сумел убежать в Черкасск. Но Булавин явился и туда. Донская столица сдалась ему без боя, а Максимова и членов старшины выдала мятежникам. Шесть человек, включая самого войскового начальника, были казнены, а Кондратия на кругу провозгласили «атаманом всех рек». На Хопре, Донце, Медведице и Бузулуке под его руку перешли почти 70 городков и станиц. На Тамбовщине, в краю неказачьем, поднялись крестьяне и провозгласили себя казаками. Всего у Булавина и разных его есаулов набралось не меньше 15 000 человек.

Эти отряды двигались во все стороны, расширяя территорию мятежа. Они добрались до Царицына на Волге, где разбили царских солдат, а сам Булавин пошел к Азову. Атаман запрещал в церквях молиться за царя Петра – то есть, кажется, впервые восстание было не «против плохих бояр за доброго царя», а вообще против монархии. Есть сведения, что Кондратий отправил послание турецкому султану с просьбой принять Дон в свое подданство.

Положение стало до такой степени опасным, что Петру в разгар военных операций против Карла пришлось отправить очень большие силы, около 20 тысяч солдат, на подавление Донского бунта. Основной семитысячный корпус вел брат полковника Юрия Долгорукова, убитого Булавиным в прошлом году, – майор Преображенского полка Василий Долгоруков. (Гвардейские звания ценились очень высоко, гвардейским полковником был сам царь.) Петр хотел даже отправиться на Дон,

чтобы лично руководить усмирением мятежа, угрожавшего взорвать страну изнутри.

Однако Булавин, как в свое время Стенька Разин, оказался плохим стратегом. Вместо того чтобы держать силы вместе и вести их вглубь России, где немедленно поднялось бы всё крестьянство, он позволил своим атаманам действовать самостоятельно, а сам, как уже было сказано, собрался идти к пограничному Азову. Это дало царским военачальникам возможность бить повстанцев по частям. Булавинские атаманы – Хохлач, Голый, Драный, Некрас – были разбиты один за другим. Неудачей закончился и азовский поход.

В Черкасске многие зажиточные казаки относились к Булавину враждебно. После череды военных поражений популярность вождя пошатнулась. Составился заговор, и в упорной схватке предводитель восстания то ли был убит, то ли застрелился, чтобы не попасть в плен. Это произошло 7 июля. Восстание, и раньше не слишком централизованное, окончательно распалось на отдельные очаги. Василий Долгоруков и другие каратели гасили их один за другим.

Но в сентябре 1708 года, когда Карл оказался под Смоленском, весь юг России еще пылал. Бои шли и на Дону, и на Волге, и под Воронежем, и под Харьковом. Дольше всех булавинских атаманов продержался Игнат Некрас (или Некрасов), отступивший на Кубань с двухтысячным отрядом и в конце концов перешедший на службу к султану.

14 сентября Карл опять всех удивил. Вместо того чтобы дождаться Левенгаупта или идти ему навстречу, а потом, обеспечив армию всем необходимым, вести наступление на Москву, король вдруг повернул на юг, к Украине.

Существует множество версий, объясняющих это роковое решение, но, учитывая характер Карла, наиболее правдоподобной кажется самая несерьезная: король не желал поворачивать в обратную сторону, он считал, что отступление ниже его достоинства. Влияние «мазепинского фактора» на решение Карла, то есть расчет на поддержку украинского гетмана, кажется, выдуман или, во всяком случае, сильно преувеличен некоторыми историками (об этом чуть ниже).

Корпус Левенгаупта в это время находился уже у Шклова, менее чем в 100 километрах. В этом огромном, медленно двигающемся поезде, было семь тысяч повозок с запасами продовольствия и снаряжения, жизненно необходимых для армии. Даже 16 тысячам солдат охранять растянувшийся на десятки километров обоз было непросто, а каждая речная переправа оборачивалась сложной и опасной операцией. Тем не менее Левенгаупт преодолел Днепр и двинулся следом за королевской армией, но 28 сентября около деревни Лесной дорогу ему преградила армия Меншикова. С войсками находился и Петр, но, по своему обыкновению, формально ими не командовал.

Часть сил Левенгаупта оказалась далеко от места боя, а к русским все время подходили подкрепления, так что в конечном итоге шведам, обремененным своими фурами, пришлось вести сражение с почти 30-тысячным войском. У Левенгаупта со всеми его полководческими достоинствами в такой ситуации шансов не было. Тем не менее он упорно сопротивлялся и отбил все первые атаки. В середине дня произошло то, что редко бывает в битвах: обе армии выбились из сил и устроили перерыв. «…Солдаты так устали, что более невозможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом месте сели, и довольное время отдыхали, расстоянием линий одна от другой в половине пушечного выстрела полковой пушки, или ближе», – говорится в петровской официальной «Гистории Свейской войны».

Перелом произошел, когда к Меншикову подошли новые подкрепления. Под прикрытием темноты оставшиеся шведы ушли, бросив половину обоза. Во время преследования русские захватили и вторую половину вместе с пушками.

Когда остатки вспомогательного корпуса две недели спустя наконец догнали Карла, у Левенгаупта оставалось только 6700 человек, которые лишь увеличили число едоков и без того голодавшей армии.

Петр очень верно потом назовет битву при Лесной «матерью Полтавской победы». Потеря обозов очень ослабила шведскую армию, и вся вина целиком лежала на Карле XII. Объяснить его чудовищную ошибку можно лишь недооценкой врага. Видя, что Петр всюду отступает и не проявляет никакой инициативы, король не ожидал от столь презренного противника перехода к активным действиям. Бой 29 августа, когда русские вдруг, пускай не очень удачно, атаковали шведов у деревни Доброе, не заставил Карла переменить свое суждение. Он

был до такой степени всегда убежден в собственной непогрешимости, что эту уверенность не могли поколебать никакие факты. Мы увидим, что король не извлечет никаких уроков даже из Полтавской катастрофы.

Петр же учиться на ошибках умел очень хорошо. Зная, что не является сильным полководцем на поле брани (и поэтому предоставляя руководить сражением более умелым генералам), царь сохраняет за собой общее руководство войной и с осени 1708 года начинает проявлять выдающиеся стратегические качества. В этом отношении – как стратег – он безусловно превосходил Карла, и боевой победе под Полтавой предшествовала победа стратегическая. Петр согласился дать генеральную баталию только тогда, когда неприятель был максимально ослаблен.

В сентябре, после неожиданного ухода шведов на юг, когда было еще непонятно, что задумал шведский король, Петр делит свою армию на две части. Одна под командованием Шереметева следует параллельным курсом с Карлом, получив приказ ни в коем случае не ввязываться в битву. При этом казаки разоряют деревни и уничтожают всё съестное на пути шведов.

Сражение при Лесной. *Ж.-М. Наттье*

Вторая часть армии, лучшие части, включая гвардию и регулярную кавалерию, идет налегке, без обозов и поклажи, на перехват Левенгаупта. Ведет этот «корволант» («летучий корпус») энергичный Меншиков, а царь его сопровождает. Интересно, что русские к этому времени боятся уже только непобедимого Карла, словно цепенея в его присутствии, а когда короля поблизости нет, начинают воевать смело и предприимчиво. От этого застарелого комплекса их избавит только Полтава.

Победой при Лесной и соединением разбитого левенгауптовского корпуса с главной армией Карла белорусская кампания 1708 года закончилась. Судьба Северной войны будет решаться на юге, в Малороссии.

Эта обширная территория, присоединенная к России недавно, существовала на особом положении, фактически имея статус автономии. В городах стояли русские гарнизоны, но при этом у полусамостоятельного правителя, гетмана, имелось собственное большое войско, своя казна, своя столица – укрепленный город Батурин. Украинское казачество было многочисленно и хорошо вооружено; его верхушка, казачья старшина поставляла гетману администраторов и военачальников. Экономика Малороссии тоже в значительной степени была обособленна от внутрироссийской. Одним словом, это была страна в стране, и у национальной элиты или, во всяком случае, ее части не могло не быть искушения стать страной в полном смысле, то есть отделиться от Москвы. Препятствием был лишь страх перед мощью царской власти. Когда же сила, казавшаяся более грозной, чем московская, – великий шведский король – приблизилась к Малороссии, пришлось выбирать, кого бояться больше: Петра или Карла. В 1708 году ответ казался очевидным.

Таким образом, логическая последовательность событий была не той, как пишут во многих учебниках, а обратной: не Карл пошел на Украину, потому что его призвал изменник Мазепа, а Мазепа изменил, потому что на Украину надвигались шведы.

Переходу гетмана и его окружения на сторону шведов предшествовали обстоятельства, которые создали у Мазепы ощущение, что это для него будет единственным спасением.

> Иван Степанович Мазепа к этому времени был уже стар, ему шел семидесятый год. Родом он был шляхтич, человек для своего времени образованный, многое повидавший и переживший. В молодости он странствовал по Европе, во время гражданской войны несколько раз переходил из лагеря в лагерь и в конце концов благодаря покровительству князя-оберегателя Василия Голицына (кажется, за большую взятку) в 1687 году стал украинским гетманом.
>
> На Украине он правил твердой рукой, жестко расправляясь со своими врагами. Казаки сравнивали его с великим Богданом Хмельницким, говоря «от Богдана до Ивана не було у нас гетьма́на». При этом Иван Степанович был ловким политиком и сумел заслужить расположение молодого Петра. Во время августовского переворота 1689

года новый гетман как раз находился в Москве и один из первых поддержал Петра – тот услуги не забыл. Впоследствии Мазепа верно служил царю, участвуя во всех его военных походах, и был удостоен за свои заслуги орденом Андрея Первозванного.

Петр так доверял своему наместнику, что осенью 1707 года, получив сообщение о тайных планах гетмана от высших украинских чиновников, генерального судьи Кочубея и полтавского полковника Искры, фактически даже не стал расследовать дело, а просто велел выдать доносчиков Мазепе на расправу.

К моменту, когда Карл повернул на Украину, у гетмана появились серьезные причины опасаться за свое положение. В 1707 году на военном совете, когда Мазепа просил прислать ему для защиты от шведов десять тысяч солдат, Петр ответил, что у него нет и десяти лишних человек. Старик так встревожился и расстроился, что потом даже не поехал к царю пировать и жаловался ближним на государеву неблагодарность. Особенно Мазепу задело, что Алексашка Меншиков смеет отдавать приказания украинским полкам через голову гетмана. Ходили слухи (возможно, правдивые), что временщик хочет сам стать малороссийским гетманом.

К личным опасениям Мазепы присоединялась тревога за Украину. Петр вел здесь такую же политику, как на Дону, где насаждение самодержавных порядков привело к булавинскому восстанию. Украинские вольности тоже постоянно ущемлялись. Казаки устали от нескончаемой войны, народ истомился от постоянно растущих поборов, а особенное раздражение вызвало строительство Печерской крепости в Киеве. Петру нужно было укрепить город ввиду возможного шведского нашествия, и власти не церемонились: людей насильно сгоняли на казенные работы, к чему украинцы, в отличие от русских крестьян, совершенно не привыкли.

Долгое время с Мазепой пытались установить контакт не сами шведы, а их союзники из окружения польского короля Станислава Лещинского. Гетман не откликался (так что донос Кочубея и Искры скорее всего был лживым). Старику, по словам С. Соловьева, «больше всего хотелось… в бездействии выжидать, чем кончится в Великороссии борьба между Петром и Карлом». Но вот война пришла в

Малороссию, и надо было что-то решать. Получив известие о приближении Карла, гетман воскликнул: «Дьявол его сюда несет!»

Гетман Мазепа. *С. Земляков*

В это время Мазепу вдруг вызвали в Глухов, где находилась царская ставка. Гетман испугался, что его хотят отстранить или даже арестовать, стал советоваться с ближними полковниками. Те убеждали не ехать и войск против Карла не посылать, а, наоборот, отправить королю грамоту с предложением союза. Генеральный писарь Филипп Орлик составил письмо, адресованное главному шведскому министру графу Пиперу. В этом документе первые люди Украины заявляли, что выходят из московского подданства, просят Карла о защите и готовы встать под его знамена.

До получения ответа Мазепа решил потянуть время. К Меншикову отправился есаул Андрей Войнаровский, племянник и наследник бездетного гетмана, с сообщением, что Иван Степанович захворал и находится при смерти. Меншиков, видимо заподозрив неладное, сказал, что желает проститься с умирающим и поедет к нему сам.

Кроме того, Войнаровский подслушал разговор офицеров, которые говорили: «Завтра эти люди будут в кандалах» (возможно, есаул придумал разговор, чтобы подтолкнуть нерешительного дядю к действиям).

Мазепа в самом деле испугался, вскочил в седло и на следующий день, 24 октября, был уже у шведов. Карл принял перебежчика милостиво, что и неудивительно. Правда, Мазепа привел совсем немного людей, две или три тысячи, но королю не требовались воины, ему было нужно, чтобы украинское население не проявляло враждебности и не мешало шведским фуражирам добывать продовольствие.

Измена Мазепы стала для Петра ударом еще более страшным, чем восстание донских казаков. Было очень важно, кто первый успеет захватить Батурин, гетманскую резиденцию, где хранились казна, боеприпасы, провиант. Меншиков оказался расторопней. Уже 1 ноября он был перед Батуриным, перебил всех, кто там был, забрал всё ценное, а город спалил.

С невероятной поспешностью, уже через три дня, Петр собрал в Глухове духовенство и всю оставшуюся старшину, чтобы низложить гетмана. Новым гетманом вскоре стал казачий полковник Иван Скоропадский.

После этого началась война манифестов, рассылаемых обеими сторонами по всей Украине. Петр с новым гетманом и Карл со старым

гетманом пытались заручиться поддержкой народа.

> Эта агитационная дуэль очень интересна как один из ранних примеров пропагандистской войны. От ее исхода зависело многое: армия, которую поддержит местное население, получала очень важное, а может быть, и решающее преимущество.
>
> Мазепа писал о покушении москалей на казацкие вольности, напоминал о притеснениях и поборах, о непопулярных петровских нововведениях – то есть доводы были в основном абстрактного толка. Петр же главным образом использовал аргументацию практическую. Во-первых, он отменил те подати, которые прежде были установлены Мазепой, заявив, что «ни единого пенязя [гроша] в казну нашу во всем малороссийском крае… брать мы не повелеваем». Во-вторых, пообещал платить казакам за каждого убитого шведа три рубля, а за пленного пять – немалые деньги. Памятуя о том, как крепко стоят украинцы за свою веру, московские агитаторы распустили слух, что Мазепа хочет ввести униатство. На религиозное чувство украинцев должна была повлиять и анафема, которой изменника немедленно предала православная церковь.
>
> Но самой действенной пропагандой, конечно, было то, что подавляющее большинство жителей никаких шведов так и не увидели, поскольку те двигались кучно, зато русские отряды были повсюду. Наглядная демонстрация силы всегда эффективнее слухов.

В общем, Украина за Мазепой не пошла. Как гетман ни старался, в последующие месяцы ему удалось собрать вокруг себя не более восьми тысяч человек. Правда, Мазепу весной 1709 года поддержали запорожцы, враждебно относившиеся к Петру из-за покушений на казацкие вольности, но Сечь находилась в стороне от пути следования шведской армии, и правительственные войска беспрепятственно подавили этот очаг сопротивления, после чего царь упразднил казацкую республику.

Однако, как уже было сказано, Карл и не нуждался в военной помощи. Ему требовалась база для того, чтобы переждать зиму, а потом вести свою непобедимую армию вглубь России. Измена Мазепы помогла шведам обустроиться на зимних квартирах и вызвала переполох в стане неприятеля – вот, пожалуй, и всё значение этого события. После Полтавской битвы граф Пипер, попав в плен, сказал, что никакой тайной переписки с гетманом не велось и Карл повернул от Смоленска на Украину вовсе не из-за Мазепы, а из-за удобства снабжения армии в богатом, не тронутом войной краю. (Возможно, впрочем, что министр пытался рационализировать иррациональное – ведь для того, чтобы решить проблему снабжения, Карлу достаточно было просто дождаться обозов Левенгаупта.)

Зимой повторилось то же, что в прошлом и позапрошлом году. Король неожиданно снялся с лагеря – ему донесли, что у Гадяча появилась неприятельская армия. Русские уклонились от сражения, и Карл решил было идти прямо на Москву через Белгород, Курск и Тулу, но, взяв после тяжелого штурма крепость Веприк, так же внезапно отменил наступление – историки до сих пор спорят, по какой причине. Возможно, из-за сильных морозов, затруднявших поход, а может быть, у короля приключился очередной приступ апатии.

Несколько недель спустя он снова зашевелился, собираясь захватить Белгород, через который проходила древняя дорога на Москву, так называемый Муравский шлях, однако на этот раз помешала рано начавшаяся весна – разлились реки, армия увязла в грязи.

Дождавшись, когда земля подсохнет, Карл в апреле предпринял третью попытку выйти на ту же магистраль, теперь через город Полтаву. Здесь и произошла генеральная баталия, которой так страстно желал шведский король и от которой так долго уклонялся русский царь.

Рассмотрим причину, по которой Петр вопреки своей осторожности и застарелому страху перед грозным шведским полководцем все же решился на этот рискованный шаг – ведь можно было отступать и дальше, понемногу выматывая противника. По мере отступления русская армия, получая свежие подкрепления, увеличивалась бы, а шведская армия, наоборот, сокращалась бы. Она и так очень сильно усохла по сравнению с началом восточной кампании. Тогда, вместе с корпусом Левенгаупта, Карл имел 60 тысяч солдат. В

Полтавском сражении, по данным современного шведского историка Петера Энглунда, король смог вывести в поле лишь 24 300 человек – вот как дорого обошелся армии вторжения долгий поход. Однако у Карла ни в одном предыдущем сражении так много солдат не было (вспомним, что под Нарвой он атаковал укрепленные позиции русских с 8 000 человек). Отчего же Петр поступил нетипичным для себя образом и поставил всё на одну карту?

До сих пор он придерживался совсем иной тактики. Уходил от больших боев, старался изнурить шведов голодом и мелкими стычками. В целом, такой метод отлично работал. Но в мае 1709 года произошло нечто небывалое: великий и страшный Карл оказался не в состоянии взять маленькую крепость, надолго застряв перед ней. В некотором роде повторялась нарвская ситуация 1700 года, только в обратном виде. Теперь Карл, а не Петр растрачивал время, людей и боевой дух своих войск перед неприступной твердыней и оказался зажат между двух огней. Царь увидел, насколько сильнее стала его армия – и насколько ослабели шведы. Если бы стойкость полтавского гарнизона не воодушевила Петра надеждой на победу, отступление несомненно продлилось бы и дальше.

По своим фортификационным параметрам Полтава никак не выглядела «неприступной твердыней». Главную линию укреплений составлял земляной вал с частоколом и рвом. Правда, на подступах еще имелись неудобные для атакующих овраги. В городе стояло семь батальонов пехоты под командованием полковника Алексея Келлина – он был из обрусевших православных иноземцев. Дополнительно комендант вооружил местных жителей. Пушек у него имелось немного, только двадцать восемь.

Первые отряды шведов появились у Полтавы еще в начале апреля, затем подтянулись основные силы. Карлу очень нужно было взять этот населенный пункт, находившийся на пересечении дорог.

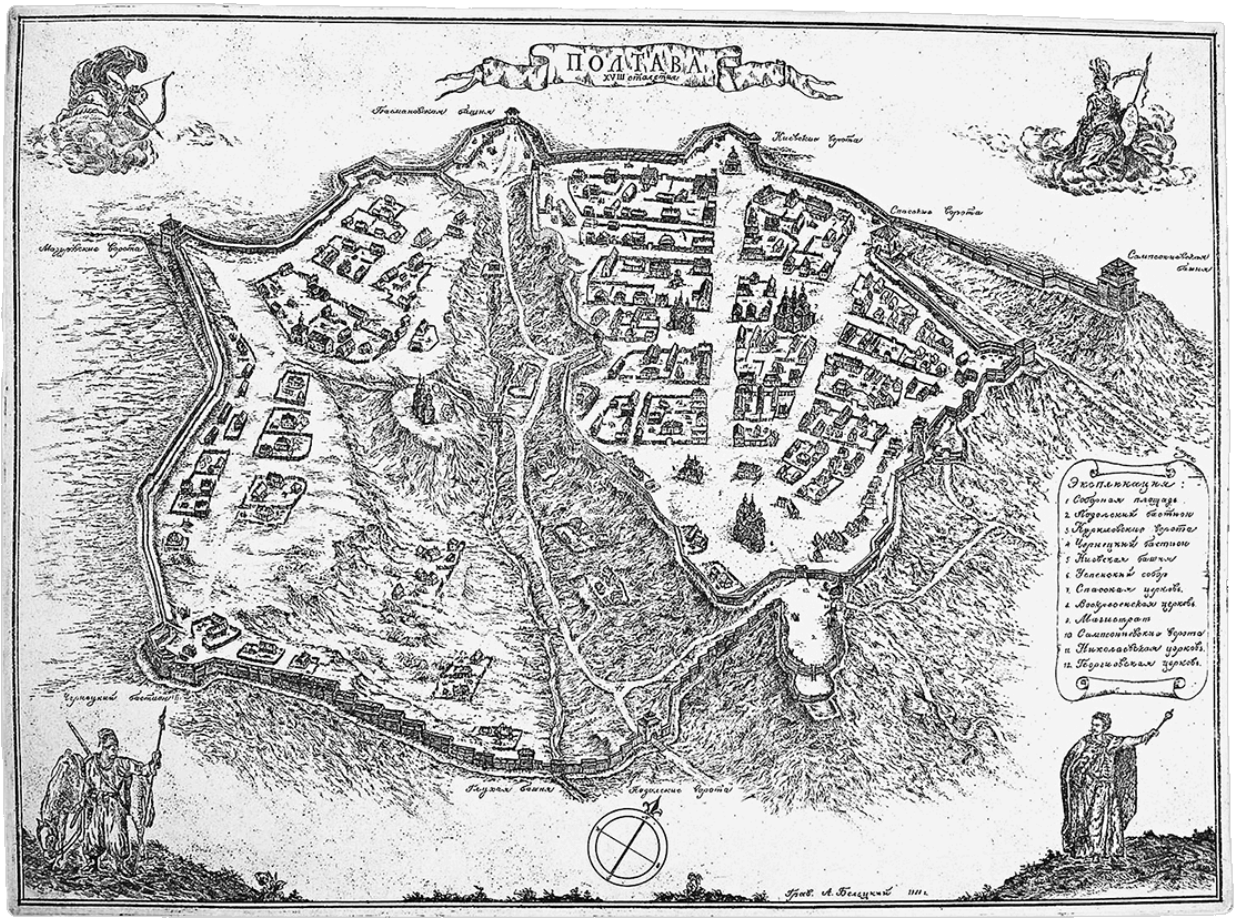
В конце апреля осаждающие дважды ходили на штурм и были с уроном отбиты. Пришлось затевать правильную осаду, но русские не бездействовали, а мешали работам дерзкими вылазками. Как уже говорилось, Карл был гением маневренного сражения, а осадным искусством владел

неважно. Попытки подорвать вал минами не удались – комендант ответил контрподкопами.

Было еще несколько попыток штурма, все неудачные. Самая серьезная произошла 1 июня, когда шведы захватили часть вала, но были выбиты контратакой. Вслед за этим осажденные сами напали на утомленного неприятеля и даже увели у него 4 пушки.

Тогда Карл повел себя нетипичным образом: предложил Келлину почетные условия капитуляции, угрожая в противном случае поголовным истреблением гарнизона. Полковник ответил, что отбил восемь штурмов, с божьей помощью отобьет и девятый: «Тщетная ваша похвальба побить всех не в вашей воле состоит, но в воле Божией».

К этому времени у осажденных, героически продержавшихся больше двух месяцев, появилась надежда на скорое избавление.



Карта Полтавской крепости. *Начало XVIII века*

Поначалу русское командование не рассчитывало, что небольшая крепость надолго остановит шведов. В конце концов лишь упрямство Карла мешало ему обойти Полтаву и двигаться дальше, как королю советовали его генералы. По свидетельству генерал-квартирмейстера Гилленкрока, автора интересных воспоминаний о русском походе, Карл уверенно заявил: «Когда русские увидят, что мы хотим атаковать, то после первого выстрела сдадутся» – и потом, взбешенный, никак не хотел признать свою ошибку.

С середины мая, видя, что шведы крепко увязли, русские начали подтягивать к Полтаве войска. Подошел Меншиков, сумел отправить Келлину небольшое подкрепление. Потом, в конце месяца, появился Шереметев. Доложил Петру (тот находился в Азове), что сложилась многообещающая ситуация, и царь выехал в расположение армии. Коменданту Келлину отправили ободряющее послание, выстрелив из пушки полой бомбой.

Тогда и было принято трудное решение о сражении. 7 июня Петр сообщает в письме: «Понеже сошлися близко с соседьми и, с помощию божиею, будем конечно в сем месяце главное дело с оными иметь».

Он все еще колеблется, тянет время, ждет новых подкреплений, ему кажется, что двухкратного преимущества над шведами недостаточно (и действительно, Карлу случалось побеждать противника, втрое, вчетверо, а то и впятеро сильнейшего). На военном совете думали, «каким бы образом город Полтаву выручить без генеральной баталии яко зело опасного дела», но шведский король, давно ждавший большой битвы, ни за что не дал бы противнику отойти. Он двинул армию в наступление.

К 25 июня стало окончательно ясно, что битвы не избежать. На следующий день Петр расположил войска: в центре Шереметев, на левом фланге Меншиков, на правом генерал Ренне. Зная приемы Карла, готовились обороняться. Построили земляные укрепления, расставили пушки, благо артиллерии у русских было гораздо больше. Потом, после победы, стало считаться, что командовал войсками сам Петр, но перед сражением, исход которого был неизвестен, царь, как всегда, уклонился от ответственности и назначил руководить боем фельдмаршала Шереметева.

У шведов произошло то же самое, хоть и по другой причине: командующим стал не сам монарх, а его лучший генерал Карл-Густав Реншельд. Дело в том, что за несколько дней до долгожданной битвы Карл совершил глупость. Беспокойный характер не давал ему сидеть на месте. Ночью он отправился осматривать передовые посты, зачем-то ввязался в перестрелку с русскими дозорами и был довольно тяжело ранен – пуля раздробила ему стопу. В результате король, всегда очень мобильный во время битвы и принимавший решения по ходу событий, оказался на положении инвалида. Для него соорудили перевозное ложе – походную койку с матрасом, закрепленную между двумя лошадьми. Кроме того на всякий случай рядом находились носильщики – три смены по восемь солдат.

Очень возможно, что неизобретательная, лобовая тактика, которую разработали шведы, объяснялась малоподвижностью Карла. Ну и, конечно, помня о Нарве, король был уверен, что «варварские полчища» разбегутся от первого же натиска железной шведской пехоты.

О Полтавском сражении написано множество длинных исторических исследований, но на самом деле схема этого великого боевого столкновения проста, и пересказать его ход можно очень коротко.

Сражение состояло из двух этапов: на первом атаковали шведы и были отбиты с большими потерями; на втором произошел встречный бой, в котором, после ожесточенной резни, русские довершили разгром и обратили врага в беспорядочное бегство.

Итак, перед рассветом 27 июня 1709 года, еще затемно (обычное для Карла стремление использовать ограниченную видимость) шведская пехота при поддержке кавалерии напала на русские позиции. Неожиданности не вышло, и сходу удалось взять только два редута. Русская артиллерия расстреливала колонны картечью и нанесла им большие потери. Часть шведов на правом фланге, которым командовали генералы Шлиппенбах и Роос, оторвалась от главных сил и была разбита, причем оба военачальника попали в плен. Если бы шведы после провала своей атаки отошли или хотя бы заняли оборону, еще неизвестно, чем бы закончилось дело и уж во всяком случае уцелела бы хоть какая-то часть армии. Но это было совершенно не в характере Карла. Когда русские, перестроившись, сами перешли в наступление (в центре пехота, на флангах кавалерия), король, успевший привести в

порядок расстроенные батальоны, ответил отчаянной атакой в центр русского построения. Тут и произошла главная сеча, хрестоматийно описанная в пушкинской поэме «Полтава»: «Швед, русский колет, рубит, режет. Бой барабанный, клики, скрежет, гром пушек, топот, ржанье, стон, и смерть, и ад со всех сторон». Дух шведов был подорван предыдущей неудачей, силы неравны, русская конница обходила с флангов. Непобедимые солдаты побежали, и Карл на своих носилках остановить их уже не мог.

Неосторожность короля. *Рисунок И. Сакурова*

Оба монарха во время сражения проявили чудеса доблести. Для шведского короля это неудивительно – он был человеком войны и, кажется, вообще не имел инстинкта самосохранения. Карл оказывался в самых горячих местах, куда только могли поспеть его носилки. Королю не везло. Сначала его переносной командный пункт был разбит русским ядром, и короля скинуло наземь. Потом его таскали на перекрещенных пиках. Из 24 носильщиков в конце концов

уцелели только трое. Когда стало ясно, что разгром абсолютен и надеяться не на что, Карла уволокли с поля чуть не насильно.

Но героем вел себя и царь, позабыв об обычной осторожности. Придворные историографы приводят патриотическую речь, которую Петр якобы произнес перед войсками: «Ведало бы российское воинство, что оный час пришел, который всего Отечества состояние положил в руках их – или пропасть весьма, или в лучший вид отродитися России» и т. д. Это несомненно легенда. В разгар сражения такая велеречивость невозможна, да и кто бы услышал эти красивости под грохот выстрелов? Однако Петр считал своим долгом скакать туда, где вражеский натиск был особенно силен. Шведская пуля прострелила ему шляпу, еще одна попала в седло. Рассказывают, что рикошетом даже задело крест, висевший у Петра на груди. В Полтавском сражении государь поставил на карту не только судьбу России, но и собственную жизнь.

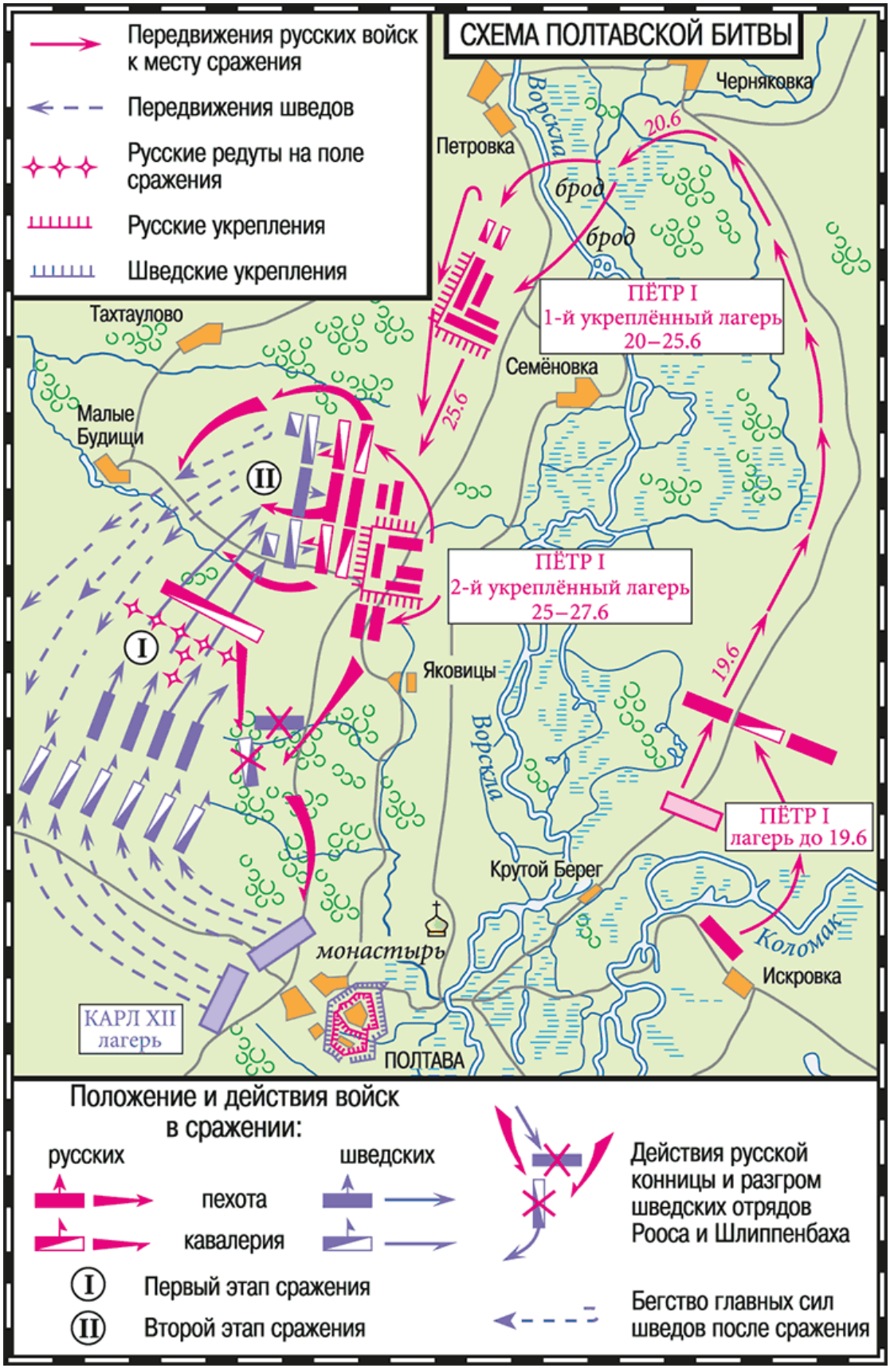


СХЕМА ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ
Передвижения русских войск к месту сражения
Передвижения шведов
Русские редуты на поле сражения
Русские укрепления
Шведские укрепления
Черняковка
Петровка
Ворскла
20.6
брод
брод
ПЁТР I
1-й укреплённый лагерь
20–25.6
Семёновка
25.6
Тахтаулово
Малые Будищи
II
I
ПЁТР I
2-й укреплённый лагерь
25–27.6
Яковицы
19.6
Ворскла
ПЁТР I
лагерь до 19.6
Крутой Берег
монастырь
Коломак
Искровка
КАРЛ XII
лагерь
ПОЛТАВА
Положение и действия войск в сражении:
русских
шведских
пехота
кавалерия
I Первый этап сражения
II Второй этап сражения
Действия русской конницы и разгром шведских отрядов Рооса и Шлиппенбаха
Бегство главных сил шведов после сражения

Схема Полтавского сражения. *М. Романова*

Самые главные события однако произошли не у Полтавы 27 июня, а тремя днями позже у переправы через Днепр, близ городка Переволочна.

В сражении шведы понесли тяжелые потери, около десяти тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, но почти две трети оторвались от преследования. Это, конечно, была беспорядочная, перепуганная и измученная толпа, но через некоторое время из нее опять сформировалась бы боеспособная армия. В погоню кинулся Меншиков с кавалерией и настиг разбитого врага 30 июня. Левенгаупт пытался как-то организовать солдатскую массу, но не успел. Более 16 тысяч шведов вместе с генералитетом были вынуждены сдаться в плен. Так было довершено уничтожение великой армии. Она не была разгромлена – она полностью исчезла. У Карла никогда больше не будет настоящей армии.

Сам король вместе с Мазепой, ближней свитой и несколькими сотнями гвардейцев на лодках переправились через Днепр и побежали в сторону турецкой границы. За ними погнался кавалерийский генерал Волконский, которому было велено обращаться с королем «честно», буде он попадет в плен, а что касается изменника-гетмана, то позаботиться лишь о том, чтоб он не наложил на себя руки. Но догнать беглецов не удалось, они достигли турецкой крепости Очаков.

В плену у русских в общей сложности оказалось почти 23 тысячи шведов, в том числе первый министр граф Пипер и все лучшие военачальники. С генералами Петр обошелся великодушно – некоторым оставил шпагу и пригласил на пир, офицерам было положено содержание, но нижних чинов без церемоний разослали на казенные работы. Не более шестой части пленных шведов вернулись домой – остальные умерли в России.

Русская армия при этом, несмотря на серьезные потери (из строя выбыло около 5000 человек), полностью сохранила боеготовность, и Петр, не теряя времени, стал развивать успех.

Фельдмаршала Шереметева он послал в Прибалтику, осаждать Ригу; Меншикова – в Польшу, прогонять Станислава Лещинского; адмирал Апраксин получил приказ идти на Выборг.

Полтава всё изменила. Теперь русские войска будут повсюду теснить врага и постоянно захватывать новые территории.

Но значение Полтавской виктории не исчерпывалось военными последствиями. Это был не просто перелом в ходе борьбы. С 1709 года Россия словно становится другой страной: иначе себя ощущает, по-другому смотрят на нее и в мире. Пройдет еще 12 лет, прежде чем Петр провозгласит свое царство империей, но фактически Россия стала ею после Полтавско-Переволочненской победы и к прежнему состоянию уже не вернется. Историческое значение Полтавы сопоставимо только с взятием Парижа в 1814 году или взятием Берлина в 1945-м. Переменилась не только судьба России, переменилась судьба всей восточной и северной Европы.

Полтавская битва. *П-Д. Мартен*

Нанеся сокрушительное поражение лучшему европейскому полководцу и лучшей европейской армии, Россия попала в разряд первостепенных военных держав – и это сразу компенсировало отставание во многих других сферах.

В Европе не сразу поверили фантастическому известию, а когда оно подтвердилось, немедленно начали опасаться восточного великана, способного на такие чудеса. Россию теперь называли «Турком Севера» и ждали от нее всяческих ужасов – в то время как Петр пока по-прежнему мечтал лишь о том, чтобы удержать свой любимый «парадиз» Петербург.

Должно быть, царю очень хотелось отпраздновать великую победу в столице, поразив подданных неслыханными трофеями, но этот триумф был отложен до окончания кампании. Прежде всего Петра занимало возрождение антишведского альянса.

В августе он уже в Польше, которая немедленно отвернулась от Станислава Лещинского и вновь признала Августа. Саксонский курфюрст расторг договор с Швецией, собрал армию и поспешил на встречу с царем.

Шведский корпус генерала Эрнста фон Крассова, помогавший Станиславу, отступил в Померанию, а сам Станислав бежал из страны. В сентябре польский сенат в Варшаве приветствовал Петра и благодарил за возвращение законного короля и «вольности».

9 октября в Торне союз возобновился, но теперь Август заключил его не только от имени своего княжества, но и от имени Польши. Прибыл туда и посланник датского короля. Копенгаген тоже присоединился к коалиции, обязавшись немедленно возобновить военные действия на суше и на море. Увиделся Петр и с королем прусским, но тут дело пока ограничилось союзом оборонительным. Австрийский императорский дом, после ряда побед над Францией теперь претендовавший на первенство в Европе, согласился породниться с Романовыми – русскому наследнику царевичу Алексею сватали родную сестру супруги австрийского наследника эрцгерцога Карла, то есть предполагалось, что российский и австрийский монархи следующей генерации будут свояками. Эти матримониальные переговоры, пожалуй, нагляднее всего свидетельствовали о том, как взлетел международный престиж России.

Дипломатические достижения Петра на волне Полтавской победы завершили этот исторический год. На его исходе царь наконец позволил себе устроить пышное празднество. В Москве соорудили не одну, а семь триумфальных арок, через которые парадным строем прошли войска, прогнали свезенных отовсюду пленных шведов, а в самом

конце процессии на белом коне ехал Петр, уже Великий. Ему, должно быть, представлялось, что война выиграна, осталось только добить обезглавленного и обессиленного врага.

Новые триумфы и катастрофа
1710–1711

В следующем году казалось, что дело и правда близится к развязке. У Петра после Полтавы словно раскрылись крылья. Он действовал решительно, причем сразу на нескольких направлениях. Теперь в восстановленном Северном союзе Россия играла не последнюю, а ведущую роль.

Пользуясь тем, что Карл XII застрял в Турции, а без короля и лучших полков, сгинувших под Полтавой, Швеция не способна на сколько-нибудь крупные боевые акции, Петр торопился как можно шире укрепиться на Балтике.

Сильная шведская крепость Выборг, под которой в 1706 году царь так неудачно попробовал свои силы в качестве командующего, была вновь окружена в начале весны 1710 года. Теперь осадой руководил Апраксин, а Петр лишь состоял при эскадре в качестве младшего флагмана. Здесь русские повторили хитрость, один раз уже использованную близ Нарвы и по тогдашним европейским правилам войны не слишком благопристойную: чтобы выйти на выборгский рейд, защищенный крепостной артиллерией, корабли подняли шведские флаги, а экипажи переоделись в шведские мундиры. Уловка сработала. Обложенный с суши и моря гарнизон в июне капитулировал.

Была в Карелии еще одна крепость, Кексгольм, но в сентябре сдалась и она, тоже без боя.

Главный ливонский город Ригу осадили еще в ноябре 1709 года, но зимой такую твердыню брать было трудно, и Аникита Репнин с 7000 солдат ограничился блокадой и артиллерийским обстрелом. Основные силы, до сорока тысяч, подтянулись к маю. Прибыли оба фельдмаршала – Шереметев и Меншиков (Огильви был в плохих отношениях с обоими и еще в 1706 году покинул русскую службу).

Рига имела современные мощные укрепления, сильный гарнизон, шесть сотен орудий, и все же без помощи извне капитуляция была лишь вопросом времени. Шведский флот дважды пытался прорваться, но специально выстроенные береговые батареи этому воспрепятствовали. В городе начался голод, а затем еще и разразилась эпидемия чумы.

Когда Рига в конце концов после семи месяцев осады сдалась, уцелела едва треть жителей, а в строю оставалось немногим больше двух тысяч солдат (из первоначальных тринадцати).

Вскоре вслед за тем русские захватили Пернов (Пярну), столицу Эстляндии Ревель (Таллинн) и остров Эзель (Сааремаа). Курляндское герцогство, формально являвшееся вассальным владением Польши, было захвачено не штыками, а новым русским оружием – политическим брачным союзом. Петр выдал племянницу Анну, дочь покойного Ивана V, за юного герцога Фридриха-Вильгельма, но тот сразу после свадьбы умер. При помощи русских войск вдовствующая герцогиня (ей было 18 лет) стала номинальной монархиней Курляндии, а фактически маленькая страна управлялась из царской ставки.

Сдача Риги. *А.Е. Коцебу*

В начале 1711 года вся южная Балтика от Восточной Пруссии до Финляндии оказалась под русским контролем. Петр писал: «Неприятель на левой стороне сего Восточного моря не точию городов, но ниже степени земли не имеет».

Эти успехи выглядели еще более блестящими по сравнению с тусклыми действиями союзников. У шведов не было войск для помощи

заморским территориям, но хватило сил для защиты отечества. Когда датчане вторглись в провинцию Сконе, их наголову разгромил (27 февраля 1710 года) лучший из оставшихся у шведов генерал Магнус Стенбок с армией новобранцев. После этой конфузии в Копенгагене поняли, что враг еще очень силен, и в дальнейшем старались переложить основную тяжесть войны на Россию. Ничего выдающегося не совершил и Август – если не считать неудачной попытки взять Данциг.

Если до полтавской победы Петру недоставало веры в свои силы, то к исходу следующего года царь впал в другую крайность: ему стало казаться, что он всемогущ и навсегда победоносен. Ничем иным кроме самоослепления нельзя объяснить рискованный шаг, на который царь решился осенью триумфального 1710 года. Прежде так опасавшийся войны на два фронта, потративший огромные суммы на Воронежский флот единственно из-за турецкой угрозы, теперь Петр сам пошел на обострение отношений с Константинополем.

Причиной тому было не только преувеличение собственных возможностей, но и ошибочное представление о слабости Османской империи. Именно так, по-видимому, Петр воспринял нейтралитет Турции во время восточного похода Карла XII и булавинского восстания. Ведь если бы турки тогда воспользовались удобным моментом, чтоб расквитаться за Азов, положение России стало бы критическим.

У Петра сложилось весьма низкое представление о дееспособности турецкого правительства. Оно действительно никуда не годилось. С 1703 года султаном был неумный и вздорный Ахмед III, посаженный на престол взбунтовавшимися янычарами. Однако неучастие Турции в Северной войне объяснялось вовсе не слабостью ее армии и тем более не миролюбием султана. Просто он не вел никакой последовательной политики, будучи игрушкой в руках соперничающих придворных партий. В Константинополе вечно плелись интриги, без конца менялись великие везири, иностранные послы открыто подкупали министров. Участвовал в этой купле-продаже и русский посол Петр Толстой, человек очень ловкий. В январе 1710 года, действуя взятками и подарками, он наконец добился ратификации мирного договора, подписанного десять лет назад и очень не нравившегося туркам.

Камнем преткновения в русско-турецких отношениях стал вопрос о судьбе шведского короля.

Уходя от погони, Карл достиг берегов Буга, за которым начинались турецкие владения, и потребовал у очаковского коменданта Мехмет-паши лодок. Тот не торопился, ожидая разрешения начальства или, может быть, просто бакшиша. В результате подоспела русская кавалерия и сильно потрепала отряд, так что через реку переправились лишь 600 человек – всё, что осталось от армии.

Султан был польщен тем, что такой великий монарх и полководец просит у него убежища. Карлу позволили остаться в Бендерах, приставили почетный караул из янычаров, назначили щедрое содержание. Все ожидали, что после короткого отдыха король кинется в Польшу или даже в Швецию спасать свою державу и набирать новую армию. Так думал и Петр, сразу после Полтавы поспешивший на север, чтобы опередить врага.

Но Карл в несчастье вел себя точно так же, как в победоносные времена – непредсказуемо. Казалось, король не придает особенного значения потере армии. Про свой роковой поход в письме на родину он написал, что всё прошло отлично, только в самом конце приключилась «неудача», которая скоро будет исправлена.

Турки полагали, что лестный, но неудобный гость останется до залечения раны, но Карл никуда не торопился, предоставив Швецию собственной судьбе. Это, конечно, был очень странный правитель. Выздоровев, он развлекался конными прогулками, игрой в шахматы, чтением книжек, военными упражнениями, иногда в воспитательных целях устраивал обыск у офицеров и уничтожал все предметы, с его точки зрения, не нужные военному человеку, вроде кружевных воротников и щегольской обуви. Королевский двор в Бендерах превратился в своего рода туристический аттракцион – турки специально приезжали поглазеть на диковинного монарха. В это трудно поверить, но Карл просидит так в турецком захолустье целых пять лет. Многие историки пытались придумать этому какое-то логическое

обоснование, но убедительного так и не нашлось. Кажется, Карл желал возглавить турецкую армию и вторгнуться с ней в Россию, однако эта мечта была несбыточна, турки не позволили бы гяуру командовать своими войсками.

Узнав об этом подозрительном гостевании, русские сразу стали требовать у турок выдачи заклятого врага. В Стамбуле отвечали, что это противоречит законам гостеприимства, однако соглашались выпроводить Карла восвояси. Толстой добился того, что турецкое правительство подписало соответствующий документ. Дело оставалось за малым – чтобы король согласился уехать. Но Карлу почему-то понравилось в Бендерах. На вежливые, а затем и не очень вежливые просьбы хозяев ехать своей дорогой он совершенно не реагировал.

Его представители при султанском дворе тем временем подбивали везирей уговорить Ахмеда III начать войну с Россией. Денег на подкуп у шведов не было, но на помощь пришли французы, издавна пользовавшиеся огромным влиянием на константинопольские дела. Опасаясь, что Россия, после Полтавы заметно активизировавшаяся в Европе, присоединится к антифранцузской коалиции, посол Людовика XIV использовал все свои рычаги и «чинил туркам великие дачи», подбивая их к войне.

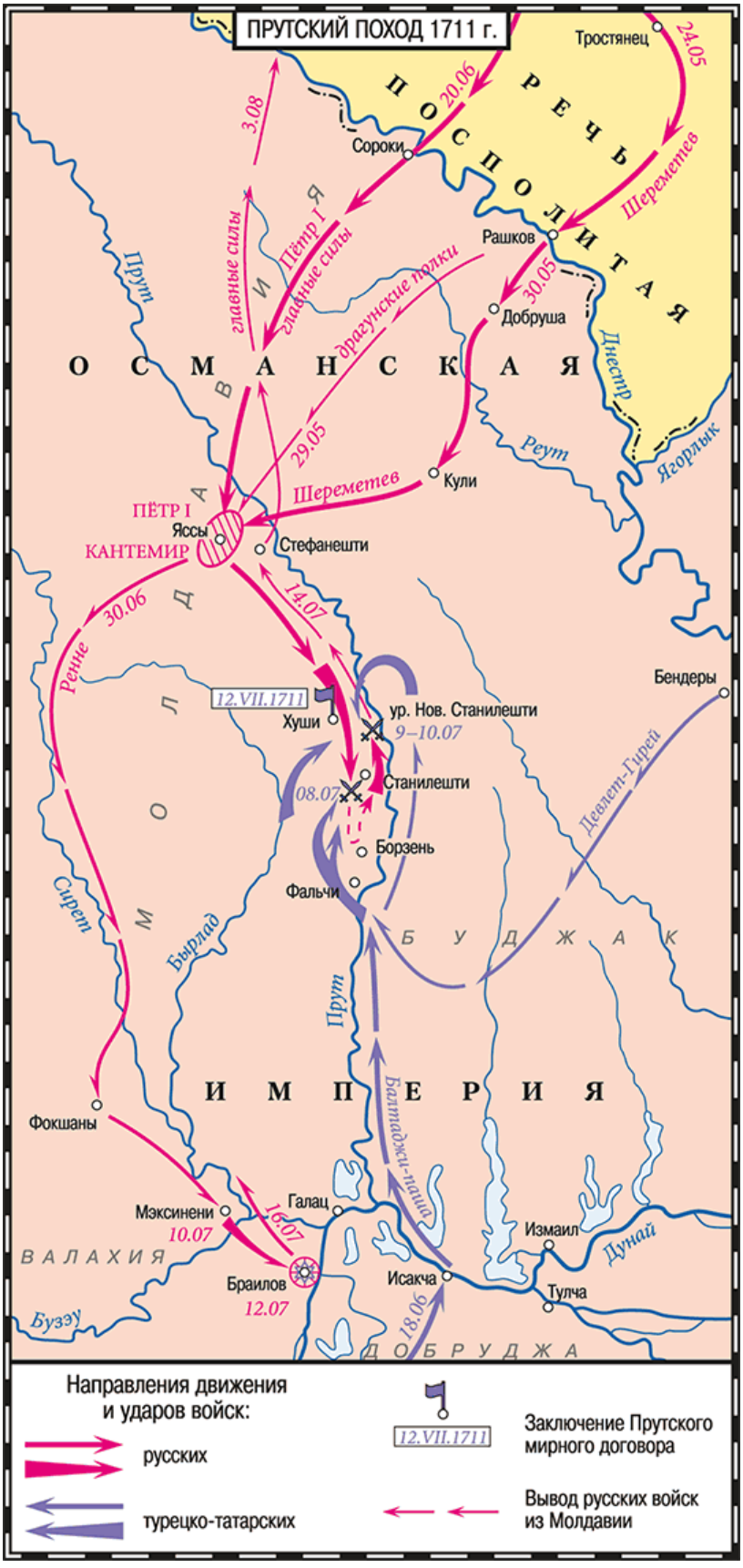
Несмотря на всё хитроумие Толстого, он начал проигрывать в этой закулисной борьбе. В июне 1710 года противник войны великий везирь Чорлулу Али-паша вследствие французско-шведских интриг лишился своего поста, его сменил Кёпрюлю Нумен-паша, заговоривший с русским послом жестче. Новый везирь потребовал, чтобы царь позволил Карлу пересечь Польшу под охраной большого турецкого корпуса. План был расстроен тем, что король не пожелал покидать Бендеры – ни без охраны, ни с охраной. Переговоры зашли в тупик.

Тогда сторонники войны провели на место главы правительства прошведски настроенного Балтаджи Мехмет-пашу, который стал ожесточать султана против России. И как раз в этот момент, в октябре 1710 года, Петр совершил непоправимую ошибку: решил заговорить с Константинополем на языке угроз. В царской грамоте говорилось, что, если шведский король не будет немедленно выдворен, Россия и Речь Посполитая прибегнут к силе оружия.

Это стало последней каплей. 20 ноября 1710 года султан объявил царю войну. Русского посла Толстого он велел посадить в темницу, а

великому везирю – собирать армию, чтобы весной выступить в поход.

Трудно понять, зачем Петр с таким упорством добивался высылки шведского короля из Турции, – для России и ее союзников было во всех отношениях выгоднее, чтобы Карл оставался в отдалении от театра военных действий как можно дольше. В результате же получилось, что царь своей неуклюжей дипломатией достиг того, чего тщетно добивался из Бендер его враг: России пришлось открывать второй фронт.


ПРУТСКИЙ ПОХОД 1711 г.
Тростянец
24.05
Сороки
20.06
3.08
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
Шереметев
Рашков
30.05
Добруша
Днестр
Ягорлык
Реут
Прут
главные силы
Пётр I
главные силы
драгунские полки
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
29.05
Шереметев
Кули
ПЁТР I
Яссы
КАНТЕМИР
Стефанешти
14.07
30.06
Ренне
МОЛДАВИЯ
12.VII.1711
Хуши
ур. Нов. Станилешти
9–10.07
Станилешти
08.07
Борзень
Фальчи
Бендеры
Девлет-Гирей
БУДЖАК
Сирет
Бырлад
Прут
Балтаджи-паша
Фокшаны
Мэксинени
10.07
16.07
Галац
Измаил
Дунай
ВАЛАХИЯ
Браилов
12.07
Исакча
Тулча
18.06
Бузэу
ДОБРУДЖА
Направления движения и ударов войск:
русских
турецко-татарских
12.VII.1711
Заключение Прутского мирного договора
Вывод русских войск из Молдавии

Прутский поход. *М. Романова*

Хуже всего было то, что Петр и теперь оставался в заблуждении относительно турецкой слабости. Он явно рассчитывал на быструю и легкую победу. Приготовления к войне были недостаточными.

Адмирал Апраксин должен был привести в боевую готовность Азовский флот. Вот теперь, казалось бы, должны окупиться пятнадцатилетние затраты на воронежское кораблестроительство – но нет, флот так и останется в закупоренном Азовском море.

Шереметев получил приказ привести из Прибалтики двадцать два полка, а Михаил Голицын с Украины еще десять. Хватить этих сил никак не могло. У одного крымского хана Девлета II Гирея войск было больше – еще до подхода главной турцкой армии.

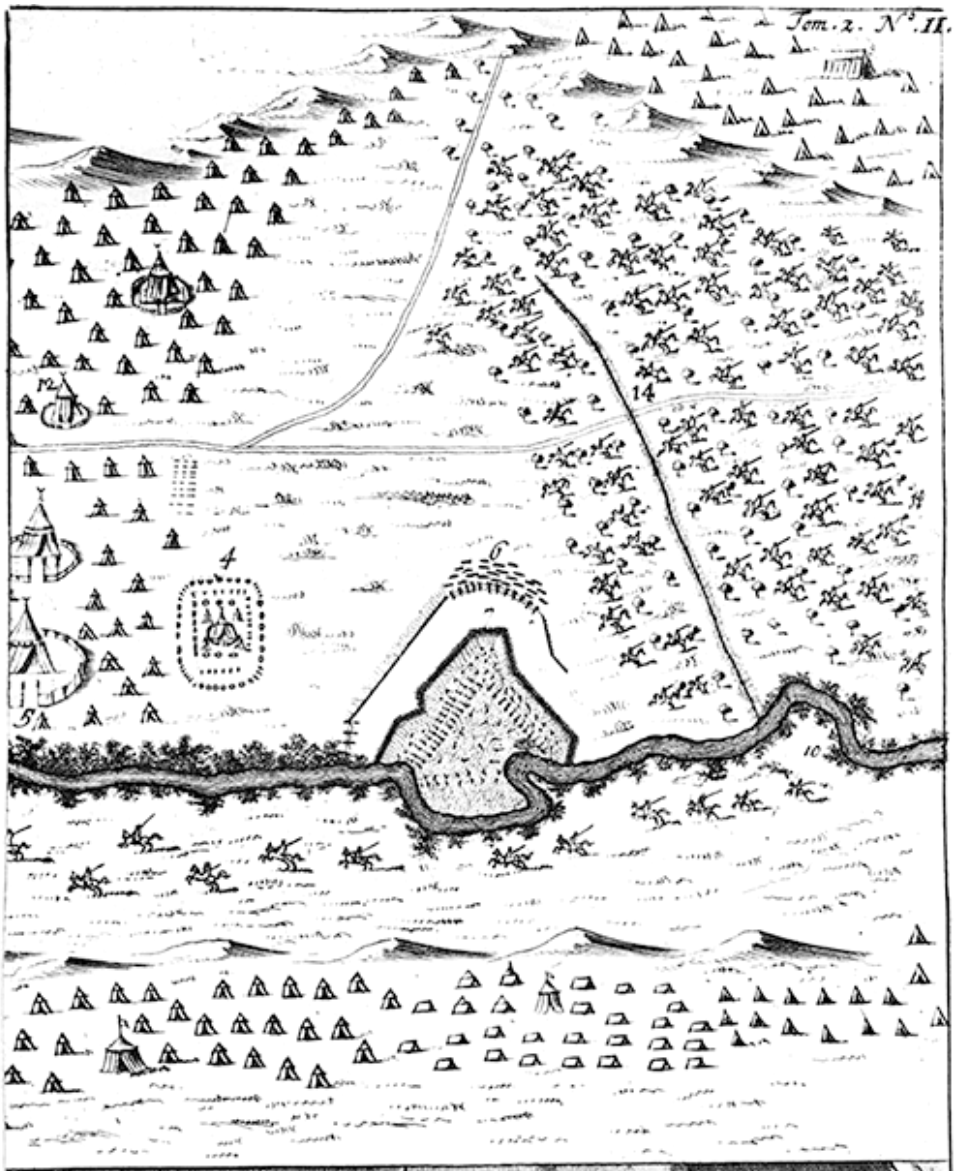
Ошибочен оказался и расчет на новых союзников – валашского (румынского) и молдавского господарей, вассалов султана. Царю обещали, что с приближением русской армии в тылу у турок начнется всеобщее христианское восстание, а господари выступят со своими войсками, однако на деле вышло иначе.

Валашский правитель Константин Бранкован сулил так много, что Петр даже втайне наградил его орденом Андрея Первозванного, но, когда дошло до дела, господарь, чьи земли находились слишком близко к Константинополю, занял выжидательную позицию и ничем не помог. Молдавский Дмитрий Кантемир хоть и выступил, но привел мало людей, к тому же поля его страны опустошила саранча, так что он не сумел обеспечить русскую армию и продовольствием.

Организация снабжения вопреки обычной петровской предусмотрительности вообще была продумана плохо. Петр отправился на войну, взяв с собой пока еще невенчанную жену Екатерину – словно на увеселительную прогулку. В Яссах их торжественно встретил Кантемир, и тут обнаружилось, что не запасено ни провианта, ни фуража.

Состоялся военный совет, на котором большинство генералов-иностранцев предлагали остановиться и дальше не идти, пока войско не обеспечит себя всем необходимым. Но Петра словно подменили, он позабыл о всегдашней осторожности и велел двигаться вперед, на Браилов, чтобы захватить там турецкие склады.

Несколько дней армия медленно шла по июльской жаре, испытывая нужду не только в пище, но и в воде. Отряды крымской конницы налетали со всех сторон и нарушали коммуникации.


14
4
6
5
10

D

Прутская западня. *Гравюра. XVIII в.*

7 июля, на полпути к Браилову, русские вошли в соприкосновение с турецким войском, которое вел сам главный везирь Балтаджи Мехмет-паша. Здесь Петр наконец увидел, до какой степени он недооценивал противника. У него было 38 тысяч, а в турецко-крымской армии насчитывалось примерно 190 тысяч человек. О дальнейшем наступлении не могло быть и речи.

8 июля русские отступали, 9 июля весь день отражали атаки. Удалось отбиться, но, пользуясь огромным преимуществом, неприятель окружил войско и прижал его к реке Прут. Петр с ужасом понял, что угодил в западню, откуда нет выхода. Датский посол Юст Юль в своих записках сообщает: Петр «пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова». Еще бы! Пробиться через впятеро превосходящего противника невозможно, кормить солдат нечем, к тому же на исходе боеприпасы. Вся армия и, что еще ужаснее, сам царь обречены.

К везирю отправили парламентера от фельдмаршала Шереметева с предложением «сию войну прекратить возобновлением прежнего покоя», суля в противном случае «крайнее кровопролитие». Ответа не последовало. Тогда отправили новое послание, уже не грозное, а заискивающее, обещая «полезнейшие кондиции». На это Мехмет-паша выразил готовность послушать, что за кондиции, и попросил прислать важного человека.

Отрядили вице-канцлера Петра Шафирова, хитрейшего и умнейшего из петровских дипломатов. Царь дал ему инструкцию: пообещать туркам возврат Азова; если везирь потребует, вернуть всё и Карлу – кроме Петербурга, который можно обменять на Псков; согласиться на возвращение в Польшу Лещинского. Одним словом, Петр отказывался от всего, лишь бы вырваться из ловушки. Для того чтобы «удовольствовать» везиря, ему и другим «начальным людям» Шафиров мог обещать огромные взятки – больше 200 тысяч рублей. Когда из турецкого лагеря от вице-канцлера пришло сообщение, что турки «приволакивают время», царь в панике написал: «Ставь с ними на всё, чего похотят, кроме шклявства [плена]». Это была настоящая катастрофа. Если бы везирь отказался от переговоров, Петр не избежал бы и «шклявства» – деваться ему было некуда.

Однако случилось то, что царь расценил как чудо. Условия, которые выторговал Шафиров, оказались не столь ужасны. Турки потребовали, чтобы Россия вернула Азов, срыла все построенные вокруг него крепости, в польские дела больше не вмешивалась, а шведскому королю не мешала вернуться в его владения. На том быстро и договорились, после чего Петр, не веря своему счастью, увел изнуренную армию с Прута в сторону Днестра. Преодолев границу, царь отметил возвращение благодарственным молебном и пушечным салютом, будто великую победу.

Удивительная покладистость Мехмет-паши породила слухи о том, что везиря подкупили. У многих авторов можно прочитать, что Екатерина якобы отдала для взятки везирю все свои драгоценности, но это маловероятно. Скорее всего Мехмет-паша был не осведомлен о бедственном положении окруженного противника и не очень верил в боевые качества своей армии. Накануне в неудачных атаках он потерял семь тысяч янычар, и уцелевшие не слишком рвались в бой. Вероятно, везирь рассудил, что лучше синица в руках, да и предлагаемые условия вполне хороши – Турция давно уже не побеждала в войнах.

Иначе считал Карл. Он примчался в турецкий лагерь, как только узнал, что Петр выторговал себе спасение, просил дать ему тридцать тысяч солдат для погони, но было уже поздно. Недоволен остался и султан. Мехмет-паша потерял свой пост и отправился в ссылку, где впоследствии был умерщвлен. Условий договора это, конечно, изменить уже не могло.

Хоть Петр считал, что легко отделался, на самом деле плата за его ошибку была недешевой. Кровь, пролитая в азовских походах, тысячи заморенных на строительстве Воронежского флота работников, миллионы потраченных рублей – всё пропало зря, а решение черноморского вопроса было отсрочено на долгие десятилетия.

Потерянное время
1712–1714

Петр хорошо усвоил горький урок и впредь старался избегать риска, иногда даже перебарщивая по части осторожности. Напряженность в отношениях с Турцией длилась еще долго. Два раза, в конце 1711 года и в 1712 году, султан разрывал перемирие, угрожая войной – сначала из-за проволочек с передачей Азова, затем из-за присутствия русских войск в Польше.

Опасаясь нового столкновения с турками, Петр наконец отдал Азов со всеми пушками, срыл таганрогскую и другие крепости, даже поспешил увести свои полки из Польши в Германию. Но турецкая угроза миновала не из-за петровской уступчивости, а вследствие внешнеполитических причин. Война за испанское наследство заканчивалась, в Утрехте шли мирные переговоры. Австрия, вечный враг Турции, выходила из конфликта очень усилившейся, и в Константинополе заторопились уладить отношения с Россией. 24 июня 1713 года в Адрианополе подписали договор, повторявший Прутские кондиции. Лишь теперь у Петра развязались руки для более активных действий на Балтике.

А там дела шли трудно. Прутская катастрофа и долгая вынужденная пассивность главного участника антишведской коалиции дала шведам возможность оправиться. Удобный момент для быстрого завершения войны был упущен.

Шведское правительство – канцлер Арвид Горн и Сенат – предпринимали отчаянные усилия, чтобы мобилизовать все ресурсы. Было сокращено жалованье чиновникам, вдовствующая королева распродала дворцовое серебро, сестра Карла принцесса Ульрика пожертвовала своими драгоценностями – и собрали новую армию. Даже две: одной (она главным образом действовала против датчан) командовал уже упоминавшийся Магнус Стенбок, другой, сражавшейся с саксонцами, генерал фон Крассов.

Союзники, ссорясь между собой, безуспешно осаждали в Германии шведскую крепость Штральзунд. Меншиков надолго застрял

у Штеттина. Сам Петр прибыл туда, чтобы ускорить дело, – и тоже ничего не добился.

Тем временем Стенбок с семнадцатью тысячами солдат перешел в наступление, оккупировав стратегически важное княжество Мекленбург и взяв его столицу город Росток. В декабре 1712 года под Гадебушем он нанес датчанам тяжелое поражение, истребив почти половину их армии.

Силы все же были неравны. Троекратно превосходящее русско-датско-саксонское войско заставило Стенбока отступить в Голштинию, где он заперся в крепость Тённинг.

В целом же тяжелая германская кампания, по оценке самого Петра, «пропала даром».

Оставив войско на Меншикова, царь весной 1713 года вернулся в Россию. Подписание Адрианопольского мира давало возможность активизировать войну на Балтике. Возник новый план: принудить Швецию к миру, напав с другого фланга – со стороны Финляндии. «Я от верных людей подлинно уведал, – писал Петр, – что ежели до Абова дойдем [тогдашняя финская столица Або, теперешний Турку], то шведы принуждены будут с нами миру искать, ибо все их пропитание из Финляндии есть».

План этот осуществился лишь отчасти.

Без датчан и саксонцев Петр действовал увереннее и успешнее. Правда, и шведских войск в Финляндии было меньше, чем в Германии – не более десяти тысяч солдат, большая часть которых сидела по гарнизонам.

Сначала русские заняли Гельсингфорс (Хельсинки), в то время небольшой городок, а к концу лета, тоже без боя, взяли «Абов». Шведы повсюду отступали. В октябре адмирал Апраксин и генерал Михаил Голицын все же навязали близ Таммерфорса (Тампере) шведскому командующему Карлу Армфельдту битву и заставили его с потерями отступить, а в начале следующего 1714 года Голицын добил шведов под деревней Лаппола. У Армфельдта к тому времени оставалось всего 5000 голодных, измученных солдат; большинство из них были убиты либо захвачены в плен. Русским удалось оккупировать Финляндию, так что в военном отношении кампания увенчалась успехом, но главной своей цели – принудить Стокгольм к сдаче – она не достигла. У Швеции не было ни денег, ни армии, но она продолжала держаться,

казалось, на одном упрямстве Карла. На отчаянные мольбы о мире, которыми короля засыпало правительство, бендерский затворник неизменно отвечал отказом.

Оставался, однако, последний оплот шведской мощи – военный флот. Хоть после основания Санкт-Петербурга русские и понастроили на Балтике немало кораблей, но вступать в бой с противником не решались. Шведы полностью доминировали на море.

Много кораблей с пушками и даже наличие базы для снабжения и ремонта – это еще не флот. Нужны опытные адмиралы, офицеры, матросы. С этим у России пока дела обстояли неважно. Петр навербовал много европейских моряков, но и те были не первого сорта.

> Командующий Балтийским флотом Корнелиус Крюйс был некогда нанят Петром во время большого заграничного путешествия в Амстердаме, где служил мелким портовым чиновником, а теперь сразу стал вице-адмиралом. Хороший администратор, Крюйс никогда не командовал эскадрой в бою, из-за чего произошел инцидент, оконфузивший молодой русский флот.
>
> Летом 1713 года Крюйс с тремя линейными кораблями встретил в Финском заливе три небольших шведских вымпела и погнался за ними. До сражения дело не дошло. Все русские корабли, включая флагманский, сели на одну и ту же мель, причем 50-пушечный «Выборг» вытащить не удалось – пришлось его сжечь.
>
> За этот позор суд приговорил Крюйса к смертной казни, которую заменили ссылкой. Сурово были наказаны и капитаны – все иностранцы.

Поэтому выходить в открытое море русские предпочитали очень большими группами кораблей, на которые шведы не осмелились бы напасть. Так, перевозя весной 1713 года десант в Финляндию, Петр собрал целую армаду из 95 военных галер и 110 транспортных судов. В шведской же эскадре, действовавшей против русских, насчитывалось всего три десятка кораблей.

Однако летом 1714 года возникла ситуация, когда морское сражение стало неизбежно. Нужно было доставить провиант и подкрепления армии, находившейся в Або. Как обычно, для этой цели в

плавание отправилась огромная русская эскадра из сотни кораблей под командой генерал-адмирала Апраксина. Сам царь тоже был здесь под флагом «шаутбенахта Петра Михайлова». Но близ полуострова Гангут фарватер преградил шведский вице-адмирал Ваттранг. У него было недостаточно сил для нападения, но более чем довольно для обороны. Источники оценивают размер шведской эскадры по-разному. Сам Ваттранг в своем судовом журнале перечисляет 20 боевых кораблей – в основном небольших, но это был закаленный, превосходно обученный флот, выстроенный в боевой порядок. Нападать на него было страшно, однако и отступить нельзя – это поставило бы русские войска в безвыходное положение, им пришлось бы уходить из Финляндии.

Петр придумал построить волок через перешеек полуострова и перетащить более легкие корабли на руках. Узнав об этом от местных крестьян, Виттранг отрядил контр-адмирала Эреншельда с частью судов блокировать проблемный участок, а сам с основными силами остался на месте. Разделение и так небольшой вражеской эскадры, а главное штиль, лишивший шведов подвижности, побудили Петра и Апраксина к действию – момент действительно был очень удачный.

Сражение при Гангуте. *Гравюра М. Бакуа*

27 июля 1714 года русский флот принял участие в настоящем морском сражении – первом в своей истории. Гребные суда, не зависевшие от ветра, обошли основную шведскую эскадру почти без потерь. «Господствовал мертвый штиль, а малый ветерок, который дул, был с севера. К нашему величайшему огорчению, эта масса галер прошла мимо нас… Лишь одна галера была прострелена нами и попалась нам в добычу», – пишет шведский флагман. Зато русским «попалась в добычу» вся эскадра Эреншельда: 18-пушечный фрегат и шесть судов меньшего размера. Передовым отрядом командовал «шаутбенахт Михайлов», который, конечно, не мог упустить случая лично поучаствовать в морском бою. Неприятеля взяли на абордаж. Раненый Эреншельд попал в плен.

Победа при Гангуте не означала, что русский флот уже достиг зрелости. Успех был обеспечен огромным преимуществом, да и действовали петровские галеры попросту, без маневрирования и артиллерийской дуэли – воспользовались благоприятными погодными условиями. Осенью того же года, столкнувшись с менее ласковой погодой, генерал-адмирал Апраксин понес от нее куда худший урон, чем от шведов: во время бури утонуло 16 кораблей и несколько сотен моряков.

Все же гангутская виктория означала, что теперь у шведов нет преимущества и на море. Любимое детище Петра город Санкт-Петербург наконец мог чувствовать себя в безопасности.

Это было тем более важно, что незадолго перед тем царь совершил деяние, не имевшее прецедентов в отечественной истории: перенес в юный город столицу. Начиная с 1712 года, когда Россия более или менее оправилась после Прутского потрясения и ослабел накал шведской войны, царь впервые за долгие годы всерьез занялся делами мирными: переустройством государства, гражданскими реформами и строительством. По его собственному выражению, он кроме шпаги взялся и за перо.

Главным из невоенных расходов стало форсированное обустройство невского города. С этого времени туда начинают массово присылать рабочих (в 1712 году – сорок тысяч человек), свозить всевозможные строительные материалы, а области страны облагаются специальным побором на Петербург.

Петр давно уже стремился проводить в любимом городе как можно больше времени, но теперь он делает Санкт-Петербург своей постоянной резиденцией. Официального манифеста о новом статусе города не публиковалось, но считается, что не позднее 1713 года, когда на Неву перебрались двор, основные правительственные учреждения и иностранные посольства, петровский «парадиз» сделался столицей.

О Петербурге будет более подробно рассказано в третьей части тома, сейчас же отметим политический и исторический смысл этого судьбоносного события. Он очевиден: государство переносит центр управления на окраину лишь в том случае, когда собирается расти по этому вектору и дальше. Петербургская Россия, в отличие от России московской, ориентировалась исключительно на Европу. Петр больше не думал ограничиваться одним-единственным балтийским портом. Теперь у него появились планы экспансии на запад – утвердиться в захваченной Прибалтике, а если получится, то и западнее. По меткому выражению В. Ключевского, у Петра зародился новый «спорт» – охота вмешиваться в дела Германии: «Петр втягивался в придворные дрязги и мелкие династические интересы огромной феодальной паутины. Германские отношения перевернули всю внешнюю политику Петра, сделали его друзей врагами, не сделав врагов друзьями… Главная задача, ставшая перед Петром после Полтавы, решительным ударом на Балтийском море вынудить мир у Швеции, разменялась на саксонские, мекленбургские и датские пустяки, продлившие томительную 9-летнюю войну еще на 12 лет».

Царь надолго погружается в германские заботы.

Пока Петр был занят Финляндией, на западном фронте происходили важные события. Шведская армия Стенбока, блокированная в голштинской крепости Тённинг, держалась сколько могла, но, не получая подкреплений и истощив запасы продовольствия, в конце концов капитулировала. Меншиков в сентябре 1713 года с помощью присланной королем Августом осадной артиллерии принудил к сдаче Штеттин. Саксонцы захватили принадлежавший шведам остров Рюген. У Швеции из всех заморских владений в Германии оставалось лишь несколько разбросанных по побережью крепостей: Штральзунд, Бремен, Верден и Висмар.

Теперь, когда Швеция ослабела, нашлись желающие захватить эти богатые города и помимо участников Северного альянса: новый прусский король Фридрих-Вильгельм I и ганноверский курфюрст Георг, в августе 1714 года унаследовавший английскую корону. К тому же наконец завершилась Война за испанское наследство, и ее бывшие участницы заинтересованно следили за дележом шведской державы.

Карл XII в Бендерах. Калабалык. *Неизвестный художник*

Про Карла XII, уже пять лет сидевшего в Бендерах, в Европе начинали забывать. Из Турции доходили странные слухи, по которым можно было предположить, что добровольный эмигрант тронулся рассудком.

> Султан тщетно упрашивал докучного гостя покинуть страну. В 1713 году терпение наконец иссякло. Турки решили выдворить короля силой. К Бендерам явилось целое войско, 12 000 воинов, чтобы сопроводить Карла к границе. Тот ответил, что будет биться до последнего, но свой лагерь не покинет.
>
> Паша оказался в затруднении. У него не было приказа убивать августейшего упрямца, да и янычары относились к Карлу, которого они прозвали «Демир-баш» (Железная Башка), с суеверным почтением, словно к дервишу или благородному безумцу.
>
> Король же забаррикадировался в доме с сорока людьми и готовился к бою. Ему грезились новые Фермопилы.
>
> В конце концов туркам пришлось идти на штурм, и произошла, по выражению Шафирова, «разумная с обеих сторон война», в которой Карл лично размахивал шпагой, порубив кучу янычар, но в итоге был взят живым, со сломанной ногой, отрубленными пальцами и без кончика носа, но очень довольный собой: он не уступил и не сдался. Этот трагикомический эпизод вошел в историю с турецким названием Калабалык («Нелепица»).
>
> Султану стало совестно, что пролилась кровь столь великого человека. Пашу, всего лишь выполнявшего приказ, покарали за непочтительность, а Карл объявил себя больным и к путешествию негодным. Для достоверности он улегся в постель и, несмотря на резвость темперамента, не вставал с нее *полтора года*. Казалось, он твердо решил любой ценой навсегда остаться в Турции.

И вдруг осенью 1714 года турецкий сиделец столь же непредсказуемо выздоровел и сорвался с места. Кажется, до Карла

дошли слухи, что его долготерпеливая страна наконец собирается взбунтоваться против своего полоумного короля.

Безо всяких понуканий, без охраны, всего лишь с двумя адъютантами, Карл под чужим именем за 16 дней пересек с юга на север Европу, где повсюду хозяйничали его враги, и появился у ворот Штральзунда.

Шведы перестали толковать между собой о мире, а для союзников спокойная жизнь закончилась. За послеполтавские годы они так и не сумели додавить безначальную Швецию, теперь же, после возвращения короля-солдата, война должна была вспыхнуть с новой яростью.

Война затягивается
1715–1718

Из Штральзунда, даже не наведавшись в Швецию, Карл сразу потребовал от Сената прислать двадцать тысяч солдат. Правительство отвечало, что страна истощена, денег нет, а рекрутов взять неоткуда.

Тогда король нашел помощника, который пообещал исполнить невозможное. С этого времени главным советником и фактическим главой шведского гражданского правительства становится весьма колоритный персонаж – барон Георг фон Гёрц, под влиянием которого Карл будет находиться все последние годы своей сумбурной жизни.

Гёрц был министром при несовершеннолетнем гольштейн-готторпском герцоге Карле-Фридрихе, племяннике шведского короля. Человек невероятной энергии и изобретательности, большой авантюрист и оптимист в любой ситуации, барон очень понравился Карлу XII – прежде всего тем, что единственный верил в возможность продолжения войны и победы. Он предложил королю такой план действий, что немедленно получил самые широкие полномочия в области и внутренней, и внешней политики. Голштинец фон Бассевич, хорошо знавший Гёрца, объясняет его взлет следующим образом: «Карл XII воображал, что всякое предприятие, не выходящее из пределов человеческой возможности, не может не удасться уму и хитрости Гёрца. “С тремя людьми, подобными ему, – сказал он однажды графу Ферзену [президенту шведского верховного суда], – я обманул бы весь мир”. Карл не думал ни о чем, кроме войны, и Гёрц прибыл в Стокгольм властвовать его именем».

Официально не занимая никакого поста и даже не являясь шведским подданным, голштинский барон развернул кипучую деятельность. Он начал с того, что запретил крестьянам продавать урожай частным образом – только в казну. Затем начеканил необеспеченной медной монеты, изъяв из обращения серебро, – то есть повторил эксперимент царя Алексея Михайловича, который в 1662 году привел к Медному бунту. Но Гёрц ввел одно хитрое дополнение: для обычного населения цены были свободными и, разумеется, очень сильно подскочили, но всем военнослужащим разрешалось покупать

товары по установленной твердой цене. Тем самым, с одной стороны, обеспечивалась лояльность армии, оказавшейся в привилегированном положении, а с другой – у бедняков появился стимул записываться в солдаты. Но Гёрц не полагался только на добровольцев, он велел брать в армию ремесленников и обложил воинской повинностью сельское население.

Барон Георг фон Гёрц. *Гравюра. XVIII в.*

Все эти чрезвычайные меры сулили стране множество несчастий – но не сразу, а в будущем. Карла же будущее не интересовало, ему требовалось войско немедленно. Гёрц обещал выполнить невозможное – и выполнил.

С не меньшей предприимчивостью занялся он и внешнеполитической деятельностью, опять-таки руководствуясь задачами сегодняшними и игнорируя завтрашние последствия. Королю

срочно нужны деньги? Барон добыл их у французского короля, а заодно велел захватывать на море нейтральные корабли, везущие товары в страны антишведской коалиции. К чему это привело, мы сейчас увидим, зато в результате усилий Гёрца у короля очень скоро появились так необходимые ему солдаты – пусть не двадцать тысяч, а только семнадцать, но это все же была армия.

Карл не придумал ничего лучшего, как, уже имея более чем достаточно врагов, напасть на нового – ему хотелось наказать Пруссию, которой без войны досталась часть бывших шведских владений. Весной 1715 года он начал вытеснять прусские гарнизоны с оккупированных померанских территорий.

Пруссия, до сих пор колебавшаяся, вступать ли ей в войну, сразу после этого присоединилась к русско-датско-саксонской коалиции. Перевес сил в пользу союзников, и прежде очень значительный, стал еще больше, к тому же армия у пруссаков была очень хорошая.

На море ситуация тоже изменилась в худшую для Швеции сторону. Как я уже писал, ганноверский курфюрст Георг, только что ставший английским королем, зарился на шведские владения Бремен и Верден, но до сих пор он мог выставить против Карла лишь свою собственную небольшую ганноверскую армию, а Британия с Швецией не враждовала (примерно в такой же ситуации пятнадцатью годами ранее находился саксонский курфюрст и польский король Август). Захват шведами на Балтике купеческих кораблей, большинство которых были английскими, дал Георгу предлог задействовать всю мощь британских военно-морских сил. Флот его величества появился у шведских и датских берегов, готовый помогать союзникам.

За несколько месяцев шведский король сумел настроить против себя почти всю Европу – за исключением одной только Франции, но та после неудачной Войны за испанское наследство утратила былую мощь и могла разве что оказывать Карлу небольшую финансовую помощь. Впрочем, его все эти неприятности совершенно не пугали. Король был счастлив, что у него снова есть армия, и хотел только одного: драться. Из своей главной базы, Штральзунда, он пытался нападать на всех сразу, но на него шли 40 тысяч пруссаков, 24 тысячи датчан и 8 тысяч саксонцев. Карлу пришлось запереться в Штральзундской крепости. В ноябре он сделал дерзкую вылазку, атаковав у Штрезова прусский корпус, но соотношение сил было невозможное (две тысячи солдат

против десяти), да и шведская армия стала не той, что раньше. Атаку отбили, а король был ранен пулей в грудь.

Стало ясно, что Штральзунд обречен. Ночью Карл с несколькими офицерами уплыл из города на лодке, был подобран шведским кораблем и наконец вновь оказался на родине, но в Стокгольм не поехал, а остался на южном берегу, в военном порту Карлскруна, где стал собирать еще одну армию. Сдаваться он не собирался, а достать его в Скандинавии было гораздо трудней, чем на континенте.

В следующем 1716 году антишведская каолиция продемонстрировала, как мало она способна к совместным действиям.

Всем было ясно, что придется перевозить армию через проливы и биться на вражеской территории. Руководство грандиозной операцией решил взять на себя Петр. С весны он активно готовился к этому великому событию: сговорился с Данией о создании совместного десантного корпуса, с Англией и Голландией – о морской поддержке, привел в Копенгаген русскую эскадру, подтянул лучшие полки. План заключался в том, чтобы высадить в южной Швеции 50 тысяч солдат, разбить то небольшое войско, которое успел собрать Карл, и тем закончить бесконечную войну.

Союзники постоянно друг друга подозревали в двоедушии и непрестанно ссорились. Подготовка тянулась и тянулась. Английский адмирал Норрис то обещал содействие, то начинал вести себя уклончиво. В августе объединенный флот из семидесяти вымпелов под командованием Петра, очень гордого такой честью, даже сплавал к шведским берегам, пострелял там из пушек и вернулся обратно. Еще не все войска, предназначенные для десанта, прибыли на место.

В сентябре наконец все вроде бы было готово. И тут произошло нечто странное. Петр, так истово всех подгонявший, вдруг утратил боевой пыл. «Ничто, казалось, не препятствовало теперь высадке в Сканию, – пишет фон Бассевич. – Столько собранных вместе морских и сухопутных сил ручались за успех, и Дания настоятельно требовала ее; но царь, прежде сам так горячо торопивший эту экспедицию, теперь вдруг уклоняется от нее и под предлогами довольно слабыми откладывает все дело до будущего года. Пламенное желание укротить упрямого героя Швеции как бы остывает в нем». Опять – как перед первой Нарвой и дважды при Гродно – Петр не захотел лично биться с Карлом. Казалось бы, полтавскому победителю можно было так уж не

осторожничать, но после Полтавы случился Прут, и Петр очень хорошо запомнил тот горький урок: как можно разом лишиться всего, чего достиг. К тому же, пока союзники бранились и рядились, Карл успел укрепить берега и поставить под ружье 20 000 солдат. Операция по высадке больших масс войск на глазах у такого непредсказуемого, инициативного полководца безусловно была делом опасным, а при плохом исходе Петр потерпел бы фиаско не где-то далеко, на краю света, а на глазах у всей Европы.

И Петр к ярости и возмущению союзников сообщает, что десант отменяется. Русские войска поплыли из Дании обратно в Германию. Царь уныло писал Шереметеву: «И тако со стыдом домой пойдем». Это был серьезный удар по престижу России и ее монарха, но все же не такой, каким стала бы военная катастрофа.

Война зашла в тупик, из которого, казалось, нет выхода. У Петра возникает новый план: принудить Швецию к миру, оставив ее без последнего союзника – Франции.

Годом ранее умер старый Людовик XIV, вступивший на престол еще при первом царе династии Романовых. Появилась надежда, что Франция, традиционно враждебная по отношению к России, много вредившая ей дипломатическими каверзами в Константинополе и помогавшая Швеции субсидиями, теперь изменит свою политику. Регент Филипп Орлеанский, правивший королевством от имени малолетнего Людовика XV, давал понять, что готов улучшить отношения и, может быть, выдаст свою дочь за вдовеющего царевича Алексея. Петру сразу же захотелось большего.

Весной 1717 года он отправился из Голландии в Париж, надеясь добиться многого: получить от Франции признание русских приобретений в Прибалтике, оторвать Париж от Стокгольма и породниться с королевским домом. На непутевом старшем сыне царь к этому времени поставил крест (скандал с бегством наследника за границу был в самом разгаре), да и принцесса Орлеанская выгодной партией Петру не казалась, но он загорелся идеей отдать младшую дочь Елизавету за самого французского короля. Правда, предполагаемым жениху и невесте было по семь лет, но царя это не смущало.

Визит Петра в самую блестящую столицу Европы был обставлен со всем возможным почетом. Французы очень

старались приветить русского царя, новую звезду большой политики, поразить его чудесами и красотами Парижа. Петр же вел себя с всегдашней бесцеремонностью, которая на сей раз воспринималась европейцами не как варварство, а как оригинальность великого человека.

Регент сам нанес высокому гостю первый визит, а затем, что было неслыханно для церемонного французского двора, приехал и король. Петр описал эту встречу Екатерине в обычной для их переписки юмористической манере: «Объявляю вам, что в прошлый понедельник визитовал меня здешний королища, который пальца на два более Луки нашего [придворного карлика]». На следующий день, отдавая визит, царь попросту подхватил мальчика на руки и поднялся так по дворцовой лестнице.

Переговоры продолжались полтора месяца, в течение которых Петр осмотрел всё, что ему было интересно – военные, производственные, механические, торговые и научные заведения. Из всего красивого и изящного – того, чем славились Париж и Версаль – царя привлекли лишь вещи практические: устройство парков и производство гобеленов.

Ему пришлась по душе академия наук, где ученые мужи повели себя очень правильно: не стали утомлять Петра умными рассуждениями, а показали ему работу всяких новоизобретенных машин. Петр выразил желание быть принятым в такое хорошее учреждение, стал членом академии и впоследствии – событие огромного значения – основал в Петербурге ее российский аналог.

В парижском парламенте русского гостя тоже принимали очень почтительно, но желания устроить у себя нечто подобное у Петра не возникло.

Во Франции царь провел время с приятностью, но без особенной политической пользы. Ни в Париже, ни позднее в Амстердаме, где дипломаты обсуждали договор о франко-русских отношениях, от Версаля не удалось добиться ничего существенного.

Русские завоевания Франция не признавала, разрывать союз со Швецией не соглашалась, да и из затеи с династическим браком ничего не вышло. Единственное, что пообещали французы, – посредничество в

мирных переговорах с Карлом, однако за это пришлось убрать русские войска из их главной германской базы в Мекленбурге.

В октябре 1717 года царь вернулся в Россию, где ему предстояло заняться очень неприятным делом: возвращать домой сбежавшего наследника и решать его судьбу. Как уже рассказывалось, закончилось это подозрительной смертью Алексея Петровича, произведшей весьма тягостное впечатление в Европе.

Внешнеполитическая деятельность Петра была малоудачна, но ситуацию несколько поправила кипучая энергия неугомонного барона Гёрца.

Барон придумал, как избавиться от враждебного Стокгольму короля Георга. Новый монарх был в Британии непопулярен, едва говорил по-английски, а его права на корону многим представлялись сомнительными (он был всего лишь правнуком короля, правившего сто лет назад). В 1715 году в стране произошло восстание якобитов, сторонников претендента Якова Стюарта. Оно было подавлено, но недовольство осталось, и гражданская война могла в любой момент разразиться вновь.

Петр с маленьким королем Людовиком. *Л. Эрсан*

Гёрц решил этим воспользоваться и активно включился в британские интриги, суля якобитам военную поддержку. В феврале 1717 года в Лондоне добыли секретную переписку шведского посла графа Гилленборга, из которой следовало, что Карл XII собирается высадиться в Англии с 14-тысячной армией, чтобы свергнуть ганноверскую династию и вернуть Стюартов.

Разразился громкий скандал. Англичане арестовали шведского посла, шведы – английского. До объявления войны не дошло, но Британия объявила Швеции торговую блокаду и отправила к ее берегам флот. Радуясь злоключениям Карла, Петр писал Апраксину: «Ныне не правда ль моя, что всегда я за здоровье сего начинателя пил? Ибо сего никакою ценою не купишь, что сам сделал».

У шведского короля к этому времени накопилось столько ненавистных врагов, что на их фоне русский царь выглядел уже не самым отвратительным. Бассевич пишет: «Гёрц убедил его [Карла] в необходимости примириться с одним из неприятелей, чтобы раздавить прочих, и этот один должен был быть не кто иной, как Петр Алексеевич. Он был могущественнее всех, был человек необыкновенный, единственный в своем роде, как и Карл, следовательно один, достойный его предупредительности и пожертвования провинций, которыми надлежало купить его дружбу». В конце концов Петр одержал победу в честном бою, да и хотел от Швеции не столь уж многого.

Усилия барона Гёрца обратились на то, чтобы убедить Карла заключить сепаратный мир с Россией, тем самым избавившись от самого опасного врага, а потом отомстить вероломному Фредерику Датскому, отобрав у него Норвегию. Тогда Карл войдет в историю как объединитель Скандинавии, да и германские владения тоже можно отбить, если заключить с Россией военный союз и получить русские полки. Разве это не важнее, чем отказ от далеких и маловажных прибалтийских болот?

Карла увлекла величественная перспектива, и он позволил Гёрцу действовать.

В августе 1717 года барон неофициально встретился с российским дипломатом князем Борисом Куракиным (тем самым, автором замечательных мемуаров) и предложил начать разговор о мире.

Сепаратные переговоры, конечно, были нарушением союзнических обязательств, но отношения России с другими участниками коалиции так испортились, что Петра это не смущало. Он очень обрадовался, что дело сдвинулось даже без французского посредничества, и отправил своих представителей на переговоры еще до того, как прибыли шведские.

Мирные «конференции» открылись на Аландских островах в мае 1718 года. От Петра туда прибыли два иноземца русской службы: генерал-фельдцейхмейстер (начальник всей артиллерии) Яков Брюс, очень близкий к царю, и молодой дипломат Андрей Остерман, человек несановный, но весьма умный. Швецию представляли сам Гёрц и бывший лондонской посол Гилленборг, после освобождения из-под ареста произведенный Карлом в статс-секретари.

Поначалу, как принято в дипломатической торговле, обе стороны выставили заведомо неприемлемые условия. Русские потребовали Ингрию, Лифляндию, Эстляндию и южную Финляндию с Выборгом, а также удовлетворение притязаний всех союзников – саксонских, датских, прусских и английских. Шведы в ответ требовали освободить все оккупированные Россией территории. Разумеется, было ясно, что ни первого, ни второго не будет.

В инструкции, которой Петр снабдил послов, предписывалось как можно дольше затягивать «негоциацию», но конгресса ни в коем случае не прерывать – царь считал, что время работает против Карла и побудит его к большей уступчивости (довольно странное заблуждение для человека, хорошо знакомого с феноменальным упрямством шведского короля). Резоннее были предположения Остермана, который отправил царю свое «партикулярное малоумное мнение», где в частности писал: «Король, как государь войнолюбивый, сам мало имеет попечения о своих интересах и единственное удовольствие находит в том, чтоб каждый день с кем-нибудь драться или, когда нет к тому удобного случая, верхом скакать. По всему надобно думать, что он находится не в совершенном разуме; а как он упрям, это видно из прежних его поступков… Швеция долго содержать большого войска не может; король принужден будет с ним из Швеции куда-нибудь выступить, чтоб у чужого двора лошадей своих привязать, иначе прокормить его невозможно». В «партикулярном мнении» высказывалось пророческое предположение, что Карл скоро «свернет себе шею».

Как было издавна принято в русской дипломатии, расчет строился и на подкупе. Петр велел посулить Гёрцу взятку до ста тысяч рублей, такой же суммой следовало прельстить и Гилленборга, пообещав также освобождение его родного брата, взятого под Полтавой.

Гёрцу приходилось отлучаться, ездить к королю, чтобы уговаривать его на уступки.

Постепенно в позициях обеих сторон наметились некоторые сдвиги. Шведы заговорили об «эквиваленте» в обмен на территориальные потери. На польский престол должен вернуться Станислав Лещинский. Россия приведет в Польшу 80 тысяч солдат, чтобы действовать заодно со шведами. Вместе они заставят прусского короля вернуть Штеттин и принудят к союзу, поделившись с ним польскими землями. Дания отдаст Швеции свои владения на

Скандинавском полуострове, и Россия пришлет для этой операции 20-тысячный корпус.

Петр был готов отказаться от Августа, который не имел большой важности и в прошлом сам изменял союзу, но не желал ввязываться в новую европейскую войну. Всё, на что он соглашался, – предоставить Карлу двадцать тысяч вспомогательного войска. Однако теперь главной целью шведского короля было наказание Дании и завоевание Норвегии. В ноябре, снова съездив в Швецию, Гёрц привез ответ: участие России в антидатском союзе – непременное условие договора. Барону так же твердо было сказано, что об этом не может быть и речи, да и Польшу, пожалуй, Лещинскому тоже не отдадут.

По сути дела переговоры зашли в тупик, но Гёрц еще на что-то надеялся. Он пообещал русским, что решит все трудные вопросы в течение месяца, и уплыл уговаривать Карла. Возможно, барону это и удалось бы, но к королю он не попал.

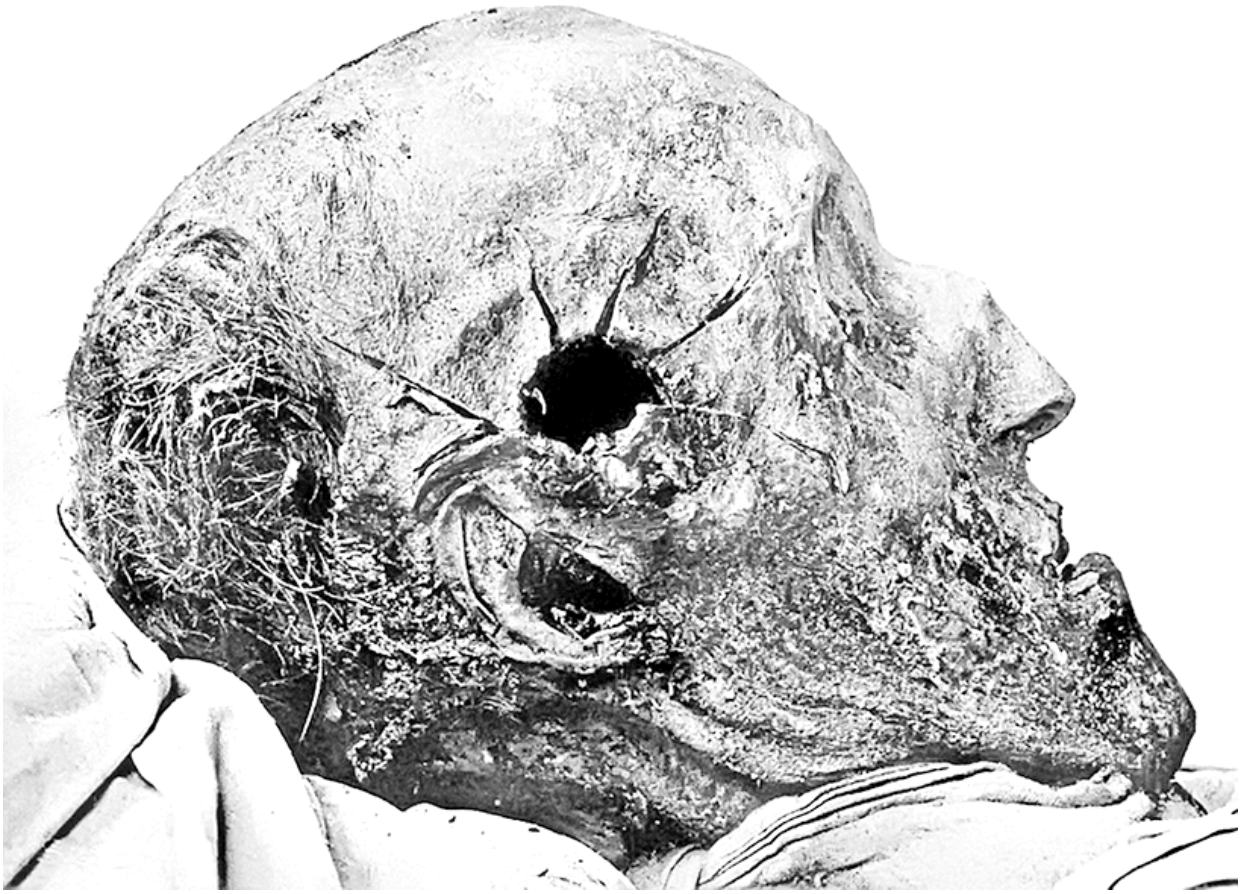
30 ноября 1718 года случилось то, что предсказывал рассудительный Остерман.

Пока на Аландских островах шли «негоциации», Карл не сидел сложа руки. Он отправился завоевывать Норвегию с теми силами, которыми располагал. Осадив датчан в пограничной крепости Фредриксхальд, король, как всегда, без особенной нужды отправился на передовую линию и был убит наповал случайной пулей. Даже странно, что это не произошло многими годами раньше.

Смерть главного милитариста парадоксальным образом не прекратила войну, а продлила ее. Дело в том, что шведы люто ненавидели Гёрца, а вместе с ним и всех голштинцев за те притеснения, которым страна подвергалась по инициативе этого чужака, прозванного «великим везирем». На освободившийся престол претендовал племянник Карла юный герцог Карл-Фридрих Гольштейн-Готторпский, но против него выступили все природные шведы и возвели на престол принцессу Ульрику-Элеонору, младшую сестру убитого короля.

Барона Гёрца немедленно арестовали, отдали под суд и казнили. Вся его деятельность была предана осуждению, Аландские переговоры были скомпрометированы и прерваны.

Все смертельно устали от войны, но она никак не желала заканчиваться.



Голова Карла XII с дырой от пули, сфотографированная в 1916 году при вскрытии гробницы

Принуждение к миру
1718–1721

Карла XII не интересовало, что будет после него, а может быть, он считал себя бессмертным (это объяснило бы многое в его поведении). Поэтому никаких распоряжений касательно престолонаследия диковинный монарх не оставил. Из-за этого и произошло столкновение между партией принцессы и партией герцога. Но в Швеции была еще одна влиятельная сила: уставшие от самодержавного самодурства сословия, представленные риксдагом. Они, конечно, выступили против ненавистных голштинцев и поддержали Ульрику, но лишь взамен на отказ от абсолютизма. Она была избрана парламентом и обещала согласовывать с ним все свои действия. Год спустя Ульрика уступила корону своему мужу Фредерику Гессенскому, и тот тоже правил совместно с Советом Совета – органом, составленным из представителей парламента.

Теперь политика Швеции становится последовательной и целеустремленной, а не следует за перепадами в настроениях сумасбродного монарха. Утрачивает она и воинственность, но это вовсе не значит, что шведы были готовы заключить мир на любых условиях. У страны еще хватало сил, чтобы защитить свою территорию от вторжения.

Смена режима в Швеции не принесла России выгод – совсем наоборот. Если Карл считал царя наименее вредоносным из врагов, то новое правительство придерживалось противоположного взгляда. Оно считало, что европейские противники менее опасны и в первую очередь помириться нужно с ними, а с Россией следует вести себя жестко.

Аландские переговоры не возобновлялись полгода, а когда Швеция снова прислала на острова уполномоченных, они заговорили по-другому. Россия могла получить только Петербург и прилегающую к нему Ингрию, но все прочие занятые земли – Финляндию, Эстляндию, Лифляндию – должна была вернуть.

Скоро стало ясно, что шведы просто тянут время, благо из-за переговоров Петр перестал вести активные военные действия. Параллельно Стокгольм вступил в отношения с другими участниками

коалиции, проявляя предельную уступчивость. Многоумный Остерман подал царю новую записку, озаглавленную «Всеподданнейшее генеральное рассуждение, касающееся до учинения мира с Швециею», где предлагал прекратить фактическое перемирие: «Швеция пришла в совершенную нищету, нет ни денег, ни людей; и если бы царское величество первым вешним временем [то есть в начале весны] нанес Швеции сильное разорение, то этим не только покончил бы войну, но предупредил и все другие вредные замыслы».

Петру идея понравилась – после того, как не стало Карла, он шведов уже совсем не боялся.

Летом 1719 года Россия предприняла довольно необычный военно-дипломатический демарш: отправила Остермана с визитом в Стокгольм, а одновременно с тем у шведских берегов появился большой флот. Высадился десант под командованием генерал-майора Ласси, пять тысяч солдат, и принялся опустошать страну. Русские отряды спалили и ограбили два города и сотни деревень, появившись даже вблизи Стокгольма. Остерман спрашивал у правительства, не изменится ли теперь позиция Швеции на переговорах?

Позиция действительно изменилась, но не сильно: королева соглашалась отдать Нарву и Эстляндию, но не Лифляндию и не Финляндию. Петру такой уступки было недостаточно. Получалось, что акция устрашения не дала ожидаемого результата.

Неудача объяснялась тем, что к этому моменту Швеция уже договорилась с главными союзниками Петра об условиях мира. Английскому королю отдали Бремен с Верденом – Георг не только заплатил за это миллион талеров, существенно пополнив пустую шведскую казну, но и пообещал помощь британского флота. Швеция и Англия стали союзниками. В последующие месяцы Швеция уладила отношения с Августом, который не получил ничего, поскольку Саксония и Польша были слишком ослаблены войной и опасности не представляли. В договоре содержалась многозначительная фраза: «Стороны соединятся, дабы привести в надлежащие пределы могущество российского царя». (Если вспомнить, что Петр соглашался пожертвовать интересами Августа, удивляться коварству последнего не приходится.) Сложнее было примирить интересы Дании и Пруссии, которые обе претендовали на германские владения Швеции, но в конце концов удалось и это, причем Берлин заплатил в виде компенсации за

Штеттин еще два миллиона талеров. Прусский король, недовольный тем, что Петр распространяет свое влияние в Германии, также выразил готовность присоединиться к антироссийскому союзу.

На фоне всех этих событий, еще до подписания формальных договоров с российскими союзниками, Швеция в сентябре 1719 года прекратила Аландский конгресс.

Россия не просто оставалась со Швецией один на один. Возникла реальная перспектива новой большой войны. В Балтийское море уже вошла английская эскадра адмирала Норриса, демонстрируя готовность защитить шведский берег от нового русского десанта.

Однако Петр достаточно хорошо знал реалии европейской политики, чтобы понимать: это именно демонстрация, и ни Англия, ни другие европейские державы, уже поделив добычу, ради шведских интересов воевать не станут. То же писали царю и Брюс с Остерманом: «Шведское государство как по внешнему, так и по внутреннему состоянию своему принуждено искать мира с царским величеством. Единственная надежда для Швеции была на помощь английскую да на субсидии ганноверские и французские; но у этих держав, кроме шведских, своих домашних дел довольно».

Значит, требовалось еще нажать на Стокгольм. Средство было известно.

Петр приказал адмиралу Апраксину продолжить высадки в Швеции, проявляя при этом осторожность и избегая боевых столкновений с англичанами. Но адмирал Норрис и не имел приказа стрелять по русским, поэтому сопротивление оказывали только шведские корабли, которые теперь нечасто выходили в море из-за безденежья и нехватки матросов. Русский же флот воевал всё лучше и уверенней.

В мае 1719 года близ острова Сааремаа он одержал первую полноценную победу в парусном артиллерийском сражении. Эскадра Наума Сенявина после упорного боя захватила три вражеских корабля, в том числе большой линейный с 52 орудиями.

В апреле 1720 года русские высадили на Аландских островах целую десантную армию и атаковали оттуда шведское побережье, опять разорив множество населенных пунктов.

В июне 1720 года Балтийский флот снова одержал победу в морской битве. У острова Гренгам (Аландский архипелаг) галерная

эскадра Михаила Голицына переманеврировала и разбила большое соединение шведского вице-адмирала Шёблата. Четыре вражеских фрегата были взяты на абордаж, но успех дался нелегко: почти три четверти русских галер были уничтожены. Главное значение Гренгамской победы, впрочем, заключалось не в результатах самого боя. Петр пришел в восторг оттого, что сражение было дано «при очах английских», то есть вблизи британского флота, и адмирал Норрис ничем не помог союзнику. Стало окончательно ясно, что Англия вступать в войну не будет.

Поняли это и в Стокгольме. Сразу после Гренгамского сражения на Совете Совета заговорили о том, что с Россией придется заключать мир.

Король Фредерик I отправил в Санкт-Петербург адъютанта с извещением о своем вступлении на престол и с предложением начать переговоры.

Сражение при Гренгаме. *А.Ф. Зубов*

Они начались в апреле 1721 года и были непростыми. Россия, которую представляли те же Брюс с Остерманом, выставила прежние требования: отдать Прибалтику и часть Финляндии. Шведские послы ответили, что об этом не может быть и речи, поскольку со времен Аландского конгресса положение сильно переменилось. Карл XII был один против четырех монархов и враждебной Англии, а теперь в одиночестве оказалась Россия, Англия же в союзе с Швецией. В подтверждение последнего тезиса на Балтике вновь появился адмирал Норрис с тремя десятками кораблей.

Русские на всякий случай отвели свой основной флот подальше, шведам же было сказано: британцы не пришли вам на помощь в прошлом году, не придут и в этом.

Вскоре резонность этого тезиса подтвердилась. Генерал Ласси с галерной эскадрой беспрепятственно курсировал вдоль шведского берега, захватывая торговые суда и делая высадки. Так они сожгли еще пятьсот деревень, три городка и тринадцать заводов.

Давление на Швецию оказывалось и иными, дипломатическими средствами. Голштинский герцог Карл-Фридрих, вынужденный вернуться на родину, не оставил притязаний на шведский трон, и Россия сблизилась с ним, обещая содействие. Нового короля Фредерика, такого же иностранца, в Швеции не жаловали, положение его было непрочно.

Все эти факторы – ненадежность английских союзников, разорительные рейды русского флота, шаткость королевской власти, а также полное истощение людских и материальных ресурсов – вынудили Стокгольм смириться с неизбежным. Мир был подписан 30 августа 1721 года.

Все территории, которых добивался Петр, были уступлены: Ингрия, Лифляндия, Эстляндия, острова Эзель (Сааремаа), Даго (Хиума) и Карелия с Выборгом.

В обмен Россия пообещала более не поддерживать голштинского претендента, заплатить компенсацию в два миллиона ефимков (талеров) и продавать шведам ежегодно на пятьдесят тысяч рублей зерна без пошлины.

> Для разоренной, голодающей Швеции денежный вопрос был очень важен. Боясь какого-нибудь надувательства со стороны русских, королевские представители присоединили к договору до комичности подробное уточнение касательно предстоящих выплат. Там, в частности, поясняется, что два миллиона – это «двадцать сот тысяч», что монета должна быть полновесной, ни в коем случае «не дробной» (еще заплатят медной мелочью!), да чтоб счет шел не на какие угодно талеры, а непременно на цвейдрительштиры, «которых три сочиняют в Лейпциге, в Берлине и в Брауншвейге два помянутых ефимка», и так далее, и так далее.

Сан не позволял Петру лично участвовать в переговорах, но все время, пока они длились, царь не мог усидеть на месте и постоянно находился неподалеку, в пределах быстрого морского сообщения. Петру, кажется, не верилось, что «долгобывшая и вредительная война» в самом деле завершается. Получив от своих уполномоченных на утверждение проект окончательного документа, он ответил: «Присланную от вас образцовую ратификацию с великим нашим удовольством и увеселением слушали, и все пункты, в том трактате содержанные и чрез ваши труды постановленные, мы всемилостивейше апробовали».

Всё получилось так, как он хотел. Про Ништадтский договор будет объявлено: «Еще Россия так честного и прибыточного мира не видала и во всех делах славы так никогда не имела» – и это правда.

Петр победил.

Цена победы, однако, была невероятно высока. Как пишет В. Ключевский: «Упадок переутомленных платежных и нравственных сил народа… едва ли окупился бы, если бы Петр завоевал не только Ингрию с Ливонией, но и всю Швецию, даже пять Швеций». Почти 300 тысяч мужиков были оторваны от работы для солдатской службы, и многие из них погибли от пуль, болезней, лишений. Еще 70 тысяч умерли на принудительных работах. Затраты на войну съедали до 90 % бюджета и, конечно же, целиком ложились на плечи народа – податное бремя постоянно возрастало и в итоге, считая косвенные налоги, увеличилось в три с половиной раза! Именно в эпоху Северной войны сформировался извечный российский парадокс, когда государство

одерживает победы и возвеличивается, а населению от этого становится только хуже.

Еще тяжелее война обошлась Швеции. В 1700 году там проживали примерно миллион четыреста тысяч человек. В походах воинственного Карла сложили голову двести тысяч, то есть примерно половина молодых мужчин. Страна была разорена дотла.

В глобально-историческом смысле Северная война принципиальным образом изменила судьбу восточной и северной Европы.

Здесь появились новые военные державы: Россия и Пруссия, ранее мало что значившие (Прусского королевства, собственно, и не существовало).

Речь Посполитая, все еще очень большая по территории, окончательно ослабела – стало ясно, что скоро она будет растерзана усилившимися соседями.

Итоги Северной войны по Ништадтскому миру. *М. Романова*

Швеция утратила заморские колонии и перестала быть империей, погрузившись во внутренние дела. Однако не было бы счастья, да несчастье помогло – страна навсегда избавилась от тирании и

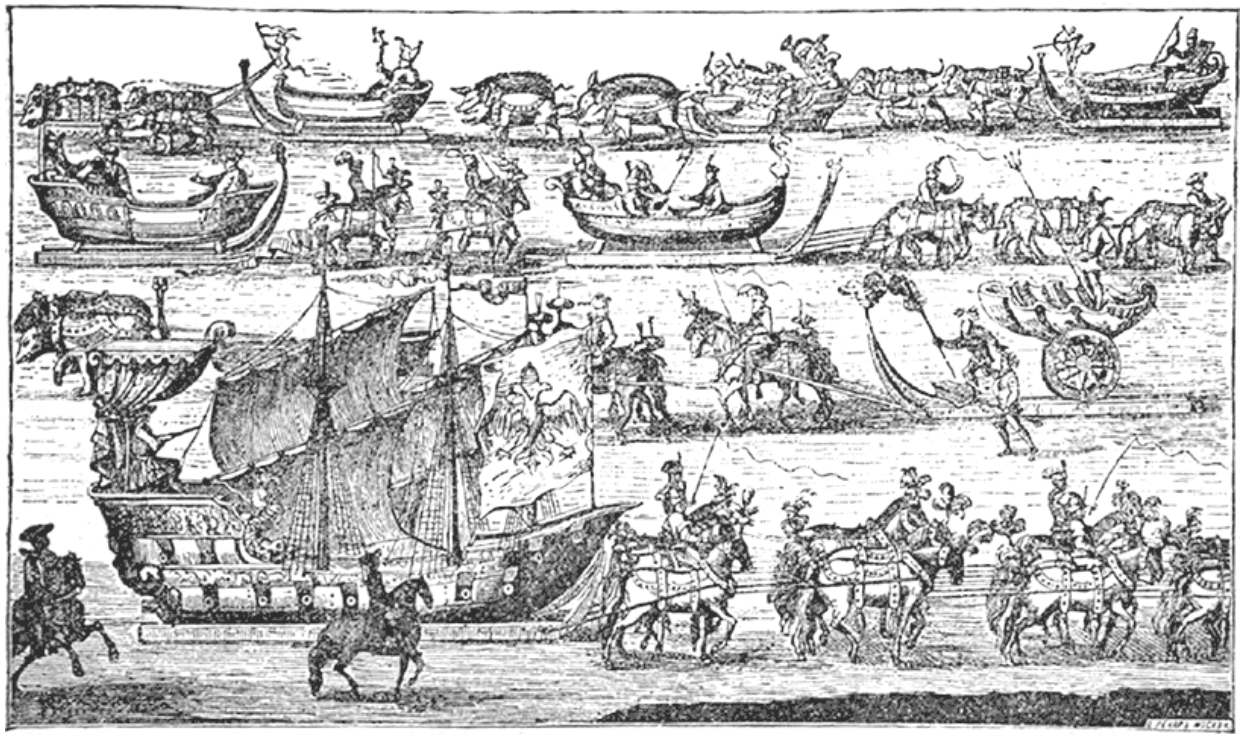
абсолютизма. Нынешние шведы, кажется, рады тому, что в 1709 году потерпели поражение под Полтавой.

Петр, который устраивал пышные празднества и по гораздо менее значительным поводам, затеял многонедельное ликование, начавшееся в Петербурге и завершившееся в Москве.

В новой столице чествовали языческого Януса, покровителя великих начинаний (двуликое божество, пожалуй, как нельзя лучше символизировало неоднозначность петровских свершений). Для старой столицы избрали бога попонятней – Бахуса. В обеих торжественных процессиях царь участвовал лично, нарядившись голландским матросом. Что должна была означать эта аллегория в момент великого национального триумфа, не вполне понятно.

В других городах, вдали от государя, иностранцев и Всешутейшего Собора, тоже праздновали, но по старине, чинно – молебствиями.

На радостях царь выказал мало свойственное ему милосердие. Из тюрем выпустили всех, кроме рецидивистов, должникам простили долги, сибирским каторжникам дозволили вернуться – правда, тех, что с вырванными ноздрями, оставили за Уралом, чтоб своим видом не пугали людей, однако и безносым вышла поблажка, с них сняли цепи.



Торжества по случаю Ништадтского мира в Москве. *Гравюра. XVIII в.*

Случилось и еще одно событие, историческое. В первый день празднований, 22 октября 1721 года, Сенат и Синод всеподданнейше нарекли Петра Алексеевича «Отцом Отечества», «Великим» и «Императором Всероссийским», а страна отныне стала называться Российской империей.

Против «отца» и «великого» другие державы ничего не имели, это было внутреннее дело русских – как они будут называть своего правителя, иное дело – императорский титул. В Европе имелся только один император – германский, и русская дипломатия потратит много лет и пойдет на немалые компромиссы, чтобы другие государства одно за другим признали за русскими монархами императорское достоинство. (Первой, как ни странно, это сделает Швеция, но уже после Петра, в 1733 году.)

Впрочем, иностранцы могли относиться к изменению титульного статуса Романовской династии как угодно. Главное, что сама Россия стала считать себя империей и в дальнейшем всегда стремилась соответствовать этому громкому названию.

Последние годы
1722–1725

Главное внимание Петра теперь обращается на обустройство внутренней жизни. Пока шла бесконечная война, до многого не доходили руки, а что-то было придумано наскоро и теперь пришлось переделывать. О многочисленных преобразованиях последнего петровского периода речь пойдет в третьей части тома, однако новоиспеченный император не ограничивался гражданскими заботами. Сразу же после Ништадтского мира Россия опять засобиралась в большой военный поход, и вызвано это было не очередным порывом кипучей натуры самодержца, а потребностями юной империи.

Империя – это тип государства, которое по своей природе «газообразно», то есть постоянно пытается расширяться во всех возможных направлениях. Если поблизости есть нечто соблазнительное и кажущееся легкодоступным, империя должна занять это пространство. На западе держава уже достигла максимального размера, но оставался восток, и там было куда двигаться.

В московском государстве очень большое значение имели торговые связи с Азией. Транзит персидских и индийских товаров был одной из важнейших статей государственного дохода, а с точки зрения европейских купцов, представлял чуть ли не главную ценность контактов с Россией. Политика Петра была ориентирована прежде всего на торговлю с Западом, но это не означало, что царь готов отказаться от богатств Востока. Даже в разгар шведской войны он не забывал об азиатских интересах.

Под «интересами» следует понимать прежде всего поиск дополнительных денежных средств, которых вечно не хватало. В 1714 году до Петра дошло известие, что в Средней Азии, во владениях хана Хивинского, есть много золота. Немедленно последовал указ отправить новому хану Шергази посольство под предлогом поздравления с восшествием на престол, а на самом деле, чтобы «проведать про город Эркеть [где, по слухам мыли золото], сколько далеко оный от Каспийского моря и нет ли каких рек оттоль или хотя не от самого того

места, однако ж в близости в Каспийское море?». Реки были нужны, потому что по ним передвигаться проще и быстрее, чем через пустыню.

Снарядили экспедицию подполковника Бухгольца, которая двинулась из Сибири на юг и основала несколько опорных пунктов: Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. Слухи о золоте вроде бы подтверждались.

Тогда в 1716 году уже с другого направления, из Астрахани, в степь двинулся большой отряд под командованием преображенского капитана князя Бековича-Черкасского. Это был крещеный кабардинец (в прежнем качестве его звали Девлет-Кизден-Мурза), некогда сопровождавший молодого Петра в первом европейском путешествии, затем получивший морское образование и составивший первую карту Каспийского моря.

Официально считалось, что это посольство, но для мирной миссии у князя было многовато солдат – около четырех тысяч. Задания Бекович получил такие: построить форпост в Закаспийском крае, выяснить всё про золото, устроить торговый путь в Индию, хивинского хана обратить в российское подданство, а его соседа хана Бухары «хотя не в подданство, то в дружбу привести таким же образом». Иными словами, это была военная колониальная экспедиция.

Бекович заложил крепость и вернулся в Астрахань за подкреплениями и приказами.

В следующем 1717 году он пошел через пустыню уже прямо на Хиву. В шести днях пути от города русских встретила большая хивинская армия – хан, разумеется, не поверил, что его идут поздравлять с таким сопровождением. Состоялся бой, в котором сказалось преимущество современного оружия и строя. В трехдневном бою хивинское войско стрелами и допотопными ружьями «побило козаков человек с десять», а само понесло ощутимый урон.

Тогда Шергази-хан изменил тактику. Он согласился принять русских как дорогих гостей, но попросил их разделиться на несколько партий, поскольку в одном месте обеспечить большое количество людей и лошадей водой никак невозможно. Князь Бекович-Черкасский, очевидно, уверенный в том, что после поражения хивинцы будут вести себя смирно, и, памятуя царский приказ о приведении хана в подданство, дал себя уговорить. В результате русских перехватали и

перебили по частям. Погиб и Бекович, чью голову Шергази затем отправил показать хану бухарскому.

В 1717 году Петру было не до того, чтобы отправлять в далекий край новую армию, тем более что сведения о среднеазиатском золоте оказались ложью.

Однако в 1722 году большая война закончилась, а на востоке появилась приманка много привлекательней безводных хивинских пустынь.

Некогда могущественное Персидское царство переживало тяжелые времена. Последний монарх сефевидской династии Солтан-Хусейн (1694–1722), правитель бездеятельный и безвольный, проявлял жесткость только в вопросах религии. Он подвергал преследованиям всех нешиитов, однако не имел ни надежного войска, ни верных наместников, и в результате по всей стране начались восстания. Взбунтовались сунниты, последователи суфизма, зороастрийцы. Восстали и Кавказ, и Курдистан, и Ширван, арабские пираты захватили Персидский залив, а самый опасный мятеж разразился в Афганистане. Весной 1722 года молодой кандагарский эмир Мир-Махмуд разбил правительственные войска и осадил столицу Исфаган. Положение шахиншаха стало безвыходным.

Результат неудачной экспансии. *Рисунок И. Сакурова*

Россия внимательно следила за персидскими событиями. Еще в 1717 году ко двору шаха прибыл российским посланником молодой деятельный офицер Артемий Волынский с заданием не столько дипломатическим, сколько шпионским: разведать местность, состояние персидской армии и флота, укреплений, дорог и прочего. Всё это он должен был делать втайне и записывать собранные сведения в секретный журнал. Любознательность посланника, по-видимому, была замечена, и его сначала изолировали, а затем отправили восвояси, но Волынский углядел главное. В его отчете говорилось: «Здесь такая ныне глава, что он ни над подданными, но у своих подданных подданный, и чаю редко такого дурачка можно сыскать между простых, не токмо из коронованных… Как я здешнюю слабость вижу, нам без всякого опасения начать можно, ибо не только целою армиею,

но и малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда можно».

Петр произвел Волынского в генерал-адъютанты и назначил губернатором Астрахани, чтобы оттуда продолжать наблюдение за Персией. Едва только закончилась шведская война, как Волынский оказался в Петербурге с известиями о том, что «удобнее нынешнего времени не будет».

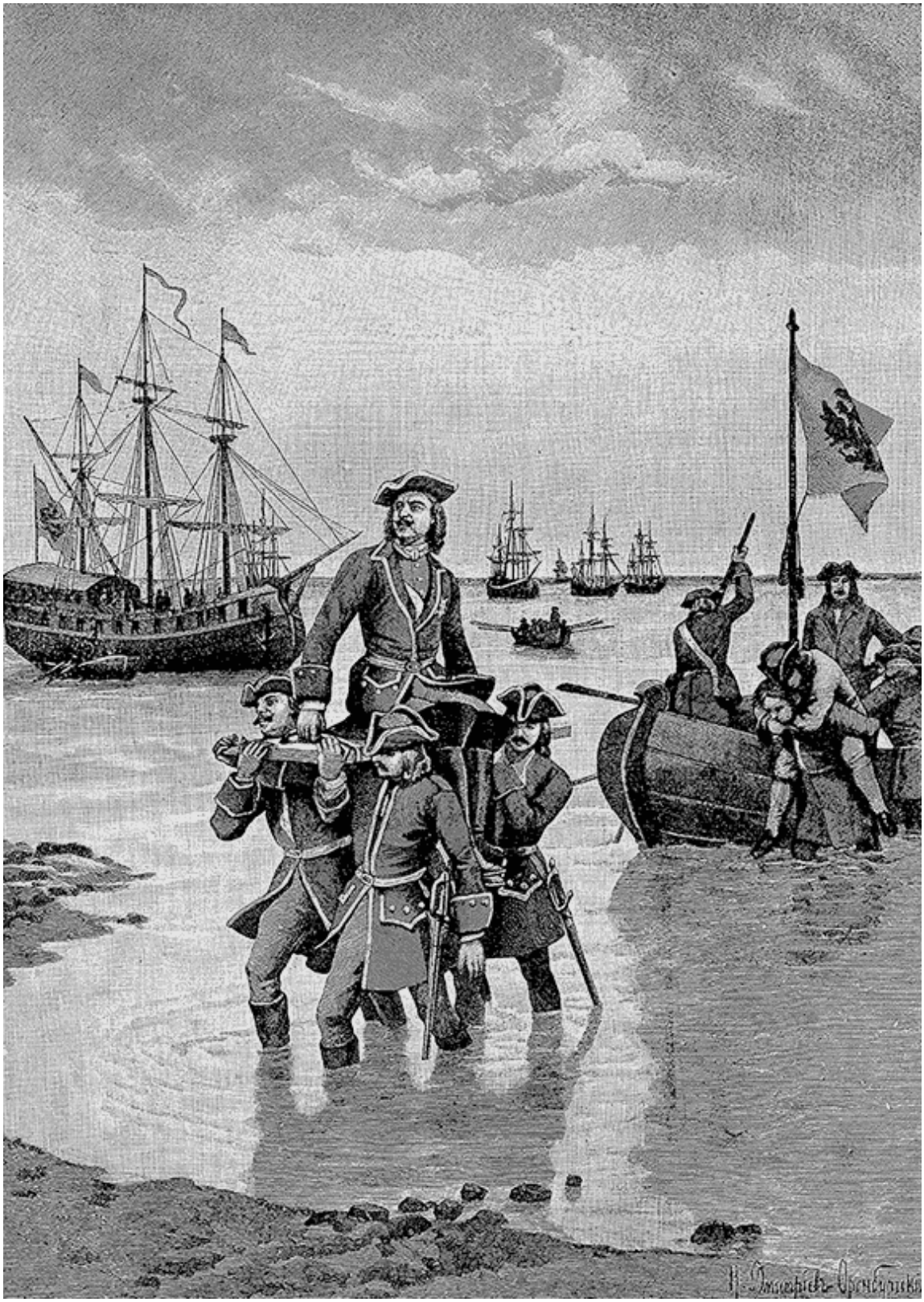
Кроме выгодности момента было еще одно соображение, побудившее Петра действовать быстро: на ослабевшего соседа могла напасть враждебная Турция, тем самым расширив свои владения и обогатившись.

Предлог для вмешательства в персидскую междоусобицу легко нашелся. Восставшие против шаха лезгины незадолго перед тем ограбили в Шемахе русских купцов. Петр объявил, что российское оружие восстановит в Персии мир и порядок. Таким образом вторжение было представлено не как война, а как помощь законному государю против бунтовщиков.

Весной 1722 года царь и царица поплыли по Волге в Астрахань, где строились корабли и куда со всех сторон стягивались войска.

В походе должны были участвовать 30 тысяч солдат, 5 тысяч моряков и большое количество иррегулярной конницы, калмыцкой и татарской.

В июле вся эта армия морем и сушей двинулась на юг. Серьезному сопротивлению взяться было неоткуда. Персидские вассалы из числа кавказских феодалов склонялись перед такой силой. Застроптивился только владетель маленького дагестанского княжества Утемиш. Петр спалил столицу, часть захваченных пленных повесил, а другим велел отрезать носы. После этой показательной акции всё шло гладко, если не считать тягот от жары и нехватки фуража. Триумфальное шествие завершилось 23 августа 1722 года капитуляцией самого большого города области Дербента.

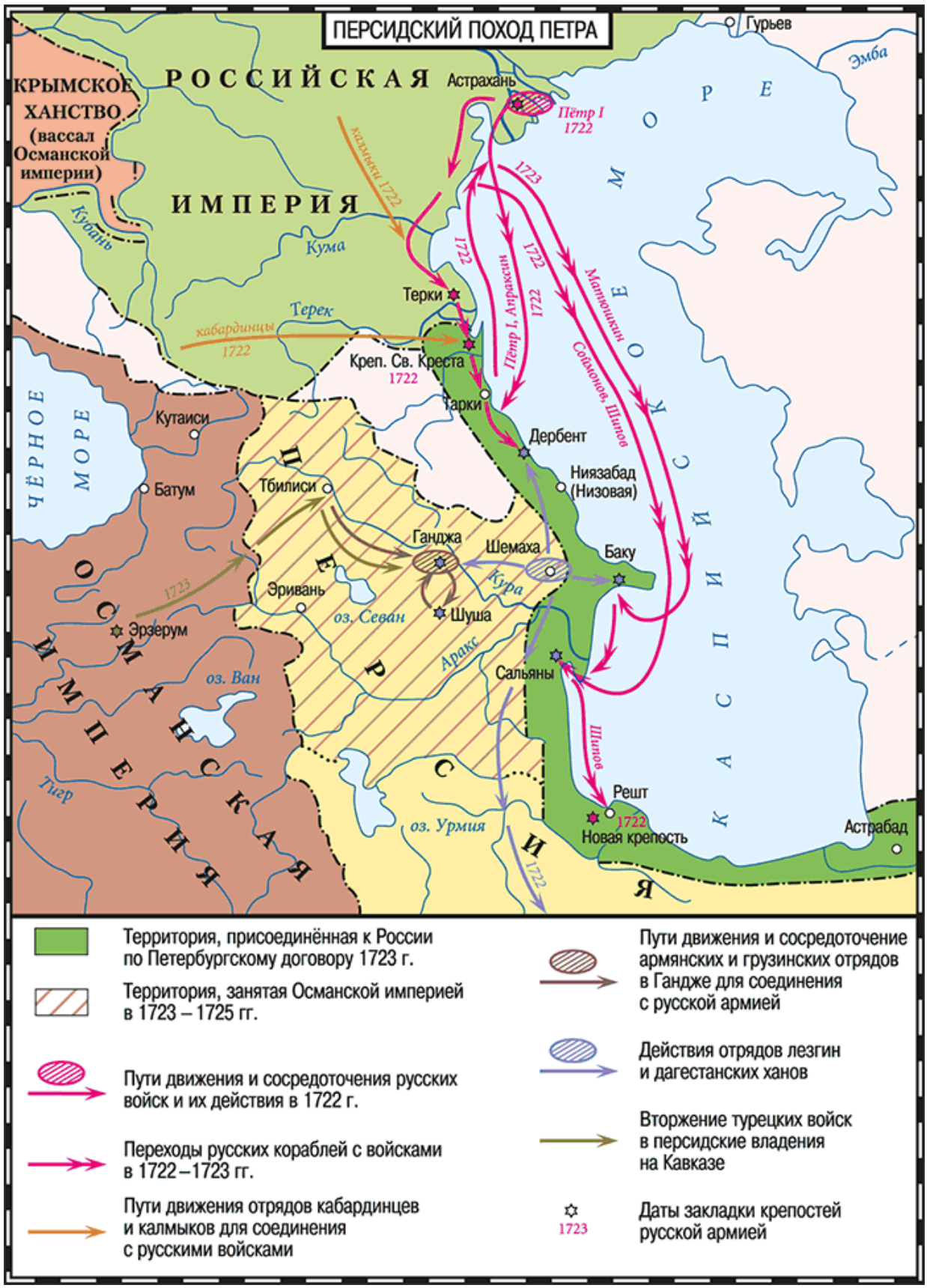


Петр высаживается на персидском берегу. *Гравюра. XIX в.*

Дальше на юг Петр следовать не стал, тем более что приближалось время осенних штормов. Сам император вернулся в Россию, как водится, отметив победу пышными празднествами и фейерверками, а дальнейшее поручил своим военачальникам.

В Персии между тем ситуация все больше запутывалась. В октябре после полугодовой осады капитулировал Исфаган. Шах оказался в плену, династия пала.

В 1723 году два русских корпуса беспрепятственно оккупировали всё западное и южное побережье Каспия: генерал-майор Матюшкин с четырьмя полками легко захватил Баку, а полковник Шипов всего с двумя батальонами вовсе без боя занял Решт.


ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД ПЕТРА
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО (вассал Османской империи)
Астрахань
Пётр I 1722
Гурьев
Эмба
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Кубань
Кума
Терек
калмыки 1722
1723
1722
Пётр I, Апраксин
Матюшкин
Соймонов, Шипов
Терки
кабардинцы 1722
Креп. Св. Креста 1722
Тарки
Дербент
Ниязабад (Низовая)
Баку
Кутаиси
Батум
ЧЁРНОЕ МОРЕ
Тбилиси
Ганджа
Шемаха
Кура
Эривань
оз. Севан
Шуша
Эрзерум
1723
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
оз. Ван
Аракс
Сальяны
Шипов
Решт
1722
Новая крепость
Астрабад
Тигр
оз. Урмия
ПЕРСИЯ
Территория, присоединённая к России по Петербургскому договору 1723 г.
Территория, занятая Османской империей в 1723 – 1725 гг.
Пути движения и сосредоточения русских войск и их действия в 1722 г.
Переходы русских кораблей с войсками в 1722 – 1723 гг.
Пути движения отрядов кабардинцев и калмыков для соединения с русскими войсками
Пути движения и сосредоточение армянских и грузинских отрядов в Гандже для соединения с русской армией
Действия отрядов лезгин и дагестанских ханов
Вторжение турецких войск в персидские владения на Кавказе
1723
Даты закладки крепостей русской армией

Персидский поход и его итоги. *М. Романова*

Персии в ее плачевном состоянии было не до защиты своих провинций. Новый шах Тахмасп, потерявший столицу, отчаянно нуждался в помощи. Его посланец в сентябре 1723 года заключил в Петербурге договор: Петр поможет союзнику войсками, а за это вся каспийская прибрежная полоса от Тарки до Астрабада переходит в российское подданство.

Успех был вроде бы грандиозный, но весьма непрочный. Удерживать новые провинции, находящиеся так далеко от России, было и трудно, и накладно, а после окончания в Персии гражданской войны вряд ли возможно. К тому же российская экспансия в Азии очень усложнила и так трудные отношения с Константинополем. Поэтому послепетровская Россия не стала держаться за свои закаспийские приобретения. Двенадцать лет спустя от них придется отказаться, так что азиатская экспансия Петра Великого оказалась недолговечной.

Вернувшись со своей последней войны в столицу, Петр наконец зажил мирной жизнью, которой не видел почти четверть века.

Начиная с 1718 года царь основную часть года проводил на Неве, бывая в Москве нечасто. Жизнь уже немолодого царя впервые становится более или менее упорядоченной.

Это существование подробно описывает в своих записках придворный токарь Нартов (как уже говорилось, с годами токарное дело стало любимым отдыхом Петра).

> «Обыкновенно вставал его величество утром часу в пятом, с полчаса прохаживался по комнате; потом Макаров [личный секретарь] читал ему дела; после, позавтракав, выезжал в шесть часов в одноколке или верхом к работам или на строения, оттуда в сенат или в адмиралтейство. В хорошую погоду хаживал пешком. В десять часов пил одну чарку водки и заедал кренделем; после того, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; в четыре часа после обеда отправлял паки разныя дела; по окончании оных тачивал; потом либо выезжал к кому в гости, или дома с ближними веселился. Такая-то жизнь была сего государя. Голландския газеты читывал после обеда, на которых делывал свои примечания и

надобное означал в них карандашом, а иное – в записной книжке, имея при себе готовальню с потребными инструментами математическими и хирургическими. Допуск по делам пред государя был [в] особый кабинет подле токарной или в самую токарную… Даже сама императрица Екатерина Алексеевна обсылалась наперед, может ли видеть государя, для того, чтоб не помешать супругу своему в упражнениях. В сих-то комнатах производились все государственныя тайности; в них оказываемо было монаршее милосердие и скрытое хозяйское наказание, которое никогда не обнаруживалось и вечному забвению предаваемо было. Я часто видал, как государь за вины знатных чинов людей здесь дубиною подчивал, как они после сего с веселым видом в другия комнаты выходили и со стороны государевой, чтоб посторонние сего не приметили, в тот же день к столу удостоиваны были».

В основном Петр занят законотворческой деятельностью и всякого рода регламентацией ненавистного беспорядка российской жизни (последнее, как мы увидим в следующем разделе, удавалось очень плохо). Деятельная натура царя, несмотря на учащающиеся периоды нездоровья, побуждала его браться и за множество практических дел – крупных, мелких и совсем мелких.

Строительство Петербурга. *Г.А. Песис*

То он едет проверять олонецкие заводы и лично кует там железо, то отправляется на солеварни в Старую Руссу, то инспектирует земляные работы на Ладожском обводном канале, то вдруг увлекается организацией экспедиции на далекую Камчатку (ту самую, знаменитую, беринговскую). Всё это по-прежнему не мешало Петру предаваться пьянству и обычным шутовским безобразиям. В августе 1724 года император освятил новую церковь в Царском Селе и после этого благочестивого дела устроил грандиозную попойку, где было выпито три тысячи бутылок вина. Петр был уже не тот, что прежде, и потом на неделю слег в постель.

Произошло в это время и два больших династических события, каждое из которых будет иметь важные последствия для государства.

Когда Петра провозгласили императором, Екатерину стали именовать «ее цесаревиным величеством императрицей», но супругу этого показалось мало. Он решил устроить особую церемонию коронования безродной ливонской полонянки. Прежде такое экзотическое для России мероприятие устраивал только Лжедмитрий, короновавший Марину Мнишек.

По мнению многих историков, смысл акта заключался в том, что, предчувствуя близкий конец, Петр решил оставить престол своей верной помощнице, которая продолжила бы его дело. Но, может быть, он просто беспокоился о судьбе Марты-Екатерины во враждебной среде и хотел укрепить ее положение.

Сначала, осенью 1723 года, был издан манифест с перечислением достоинств и заслуг государыни Екатерины Алексеевны, причем главный упор делался на события 1711 года: «А наипаче в Прутской кампании с турки, почитай отчаянном времени, как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей нашей армии и от них, несумненно, всему государству».

Коронация состоялась полгода спустя, и не в каком-то малопонятном Петербурге, что могло бы поставить под сомнение в глазах народа легитимность события, а по-старинному, в Москве, в Успенском соборе, с несказанной помпой и пышностью. Царь не изображал голландского матроса и не устраивал потешных зрелищ, а

вопреки привычке обрядился в нарядное платье, шелковые чулки и шляпу с белым пером.

Вторым знаменательным событием стал брак шестнадцатилетней цесаревны Анны Петровны с тем самым Карлом-Фридрихом Гольштейн-Готторпским, который в 1718 году чуть было не стал шведским королем. (Должно быть, покойный Карл XII, которому принц приходился родным племянником, очень удивился бы такому свойству.) Ни жених, ни невеста никакой роли в российской истории не сыграют, но их сын Карл-Петер-Ульрих, будущий Петр III, станет родоначальником Гольштейн-Готторп-Романовского дома, который будет править страной до 1917 года.

Последний период жизни Петра был полон личных разочарований. Многие его ближайшие помощники оказались казнокрадами. Собственно, воровали они и прежде, но в годину войны их полезность перевешивала этот дефект, теперь же, в мирное время, он стал неприемлем. До бесстыдства нечистые на руку, ненасытные в своей алчности, они тащили в карман всё что можно, ябедничали друг на друга, плели интриги.

Наряд Петра на коронации Екатерины. *Коллекция Эрмитажа*

Главный фаворит Александр Меншиков, увенчанный множеством наград и титулов (он был светлейший князь и герцог), наконец истощил своими лихоимствами терпение Петра и в 1724 году попал в немилость.

Но перед падением Меншиков успел, обвинив в коррупции, свалить главного царского дипломата и истинного прутского спасителя барона Шафирова, приговоренного к смертной казни и помилованного только на эшафоте.

Соратник Меншикова и враг Шафирова обер-прокурор Скорняков-Писарев был разжалован в рядовые солдаты.

Главный борец с коррупцией обер-фискал Нестеров, сам пойманный на хищении 300 тысяч рублей, был колесован.

Однако самым тяжким ударом для Петра была неверность любимой жены, которая завела связь с камергером Виллемом Монсом. Вполне возможно, что на самом деле никакой связи и не существовало (Екатерина была для этого слишком умна и осторожна), но достаточно того, что в измену поверил сам император.

Монс лишился головы, что, конечно, было печально, но в государственном смысле важности не имело, а вот опала, постигшая царицу всего за два месяца до кончины государя, сильно пошатнула положение Екатерины и осложнила вопрос о престолонаследии.

Главной бедой Петра в это время было стремительно ухудшающееся здоровье. О природе этой летальной болезни существуют разные версии, в том числе скандальные. Французский посол Кампредон пишет в Париж, что это следствие плохо залеченного старого венерического недуга (vieux mal vénérien mal guéri); Франц Вильбуа с такой же уверенностью винит «генеральшу Чернышову», заразившую царя гонореей, но всё это, по-видимому, пересказ придворных сплетен. Наверняка известно лишь, что Петр много лет лечился от какой-то болезни мочеполовой системы (вероятнее всего, аденомы простаты), которая в конце концов привела к воспалению и инфекции.

В ноябре 1724 года состояние царя резко ухудшилось. В течение нескольких недель ему становилось то немного лучше, то снова хуже. В декабре он даже затеял пьяное шумство по поводу избрания очередного

«князь-папы» Всешутейшего Собора, но это было последнее гульбище в жизни Петра.

С 16 января 1725 года он слег и больше уже не поднялся. Мучения больного были ужасны, его истошные крики несколько дней разносились на весь дворец. Умирающий пытался задобрить Господа: объявил сначала одну амнистию преступникам, потом вторую, более широкую, простил жену, простил Меншикова, но, кажется, еще на что-то надеялся. Приближенные ждали распоряжений о передаче короны, а их всё не было. Ходили слухи, что император хочет оставить трон не Екатерине, а дочери Анне. Он действительно вдруг велел ее позвать, чтобы продиктовать свою последнюю волю (сам дописать строку уже не мог). Царевна явилась, но отец потерял сознание. Не исключено, что Анну Петровну задержали намеренно. Кампредон в отчете пишет: «Екатерина и ее друзья хорошо знали намерения умирающего государя и опасались переменчивости его настроения под воздействием слабости духа и великих страданий. Царица не покидала его ни на минуту, пока лично не закрыла ему глаза и уста в пять часов утра сего 8 февраля [28 января по русскому стилю]».

Петр на смертном ложе. *И. Таннауэр*

Как всегда бывает после смерти долго правивших диктаторов, даже самых суровых, вся страна погрузилась в страх и скорбь – кроме разве что староверов, считавших Петра антихристом. Тот же французский посол, сторонний наблюдатель, доносит: «Все потрясены этой смертью, и можно со всей истиной сказать, что скорбят о нем так же сильно, как его чтили и боялись при жизни».

Подданные проводили монарха возвышенными и прочувствованными речами.

Преосвященный Феофан на траурной церемонии сказал то, что думали многие: «Какову он Россию свою сделал, такова и будет; сделал добрым любимою, любима и будет; сделал врагам страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славною, славная и быть не перестанет». Посол в Турции Иван Неплюев, из поздних петровских питомцев, то же самое написал не публично, а для себя: «Сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним

словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут; а мне собственно, сверх вышеписанного, был государь и отец милосердный. Да вчинит Господь душу его, многотрудившегося о пользе общей, с праведными!»

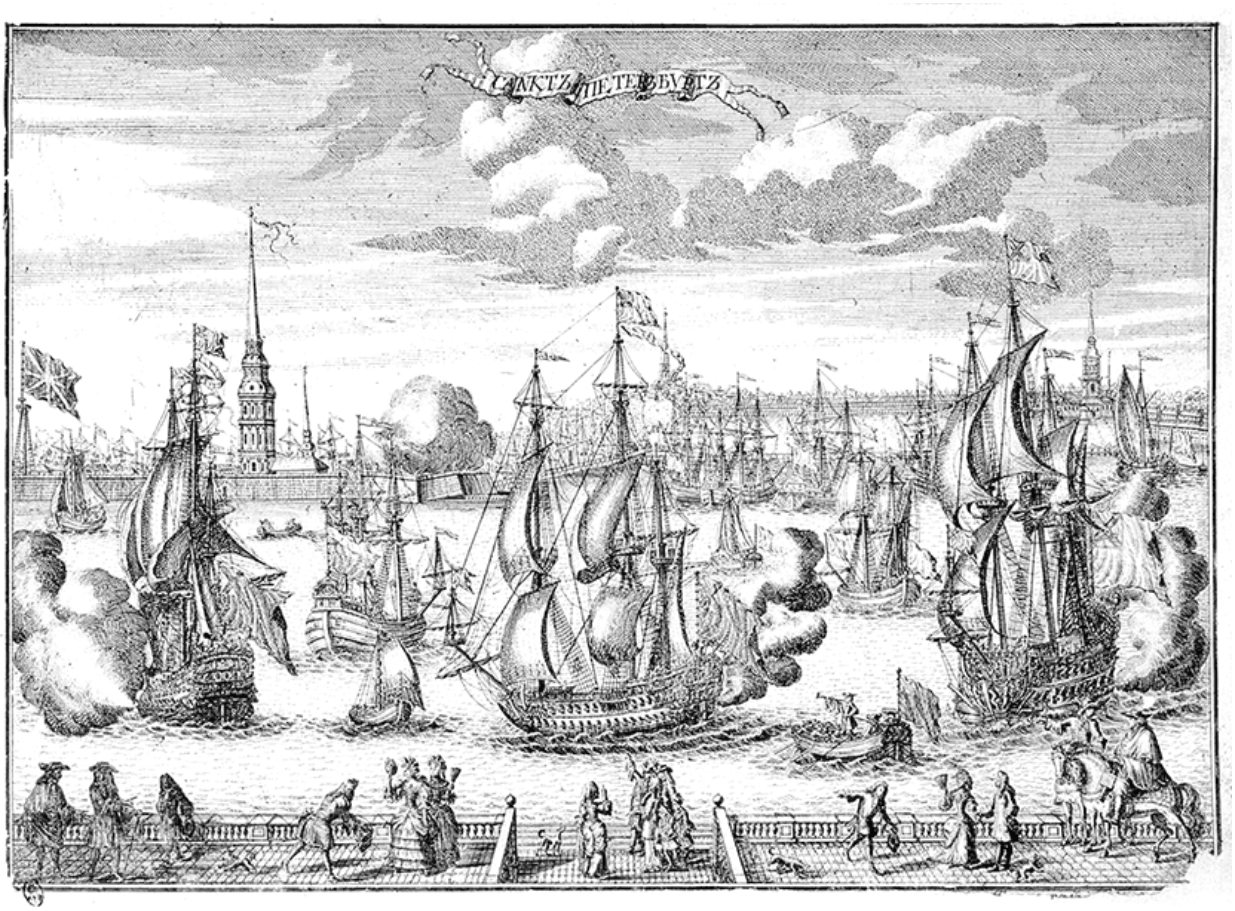
Но самые точные слова, как это бывает с поэтами, нашел Василий Тредиаковский:

> Ах! покинул всех нас Петр, мудростей хранитель,
> Своего государства новый сотворитель.

Именно это Петр и сделал: сотворил российское государство заново. На смену третьей его версии, образовавшейся после Смуты, пришла четвертая, которая просуществует до двадцатого века.

Теперь, когда изложены основные события бурного петровского царствования, пришло время разобраться, в чем, собственно, заключалась суть произошедших перемен.

Перемены



У многих авторов можно прочитать, что целью петровских реформ было превращение полуазиатской страны в европейскую державу, но в такой трактовке заложена подмена понятий. Речь вовсе не шла о смене одной цивилизационной модели на другую. Реформатор стремился превратить свое плохо функционирующее царство в современную военную империю, и слово «военная» здесь ключевое.

Однако задача создания военной империи настолько сложна и многокомпонентна, что для достижения этой цели пришлось переустроить весь старомосковский государственный терем. Тут одно вытекало из другого, всякий шаг требовал продолжения – и часто уводил очень далеко от первоначального плана. Петру с его механистичным, склонным к упрощению умом все время казалось, что тот или иной ларчик открывается очень просто. Царь порывисто и

решительно брался за дело, а потом оказывалось, что начинание плохо продумано, и приходилось что-то перекраивать, достраивать, разламывать и собирать сызнова.

Для того чтобы Россия стала военной империей, разумеется, были необходимы сильная армия и хороший флот.

На их создание и содержание требовалось много денег.

Для того чтобы прибавилось денег, нужно было менять всю финансовую и экономическую систему.

Для этого, в свою очередь, были потребны новые законы.

Для их претворения в жизнь государство нуждалось в новых институтах.

Институты не могли работать без подготовленных кадров.

Подготовка кадров невозможна без системы образования, которая, в свою очередь, тесно связана с культурной революцией.

И так далее, и так далее.

Административно-преобразовательная деятельность Петра чрезвычайно сумбурна и непоследовательна. Она замечательно передает главное противоречие этих странных реформ. С одной стороны, Петру хотелось, чтобы в России всё было «как в Голландии» (он не мог не видеть, что там жизнь устроена лучше); с другой стороны, царь не желал поступаться ни вершком самодержавия – наоборот, всячески стремился его усилить. По-видимому, государь совершенно не понимал, что быстрее всего развиваются европейские страны, сделавшие ставку на частную инициативу, и что главная причина российского отставания – ригидность «ордынской» системы. (Разумеется, в конце XVII столетия в Европе сохранялось еще немало постфеодальных и самодержавных монархий, но со времен Реформации, нидерландской и английской революций всё явственней проступали контуры новой, буржуазной эпохи.) Попытка Петра совместить несовместимое – «европейскую» модель, построенную на частной инициативе населения, с «азиатской» потребностью в тотальном контролировании – не могла получиться очень удачной.

Трудность задачи усугублялась тем, что Петр хватался слишком за многое, мало что продумывая до конца, и у него вечно на всё не хватало времени, а помощники нередко оказывались неумны, неусердны или небескорыстны. Царь легко увлекался новыми идеями и так же легко в них разочаровывался. И всё же фантастическая энергия реформатора

сворачивала горы – подчас чтобы родить мышь, но некоторые из петровских нововведений оказались жизнеспособны или, по крайней мере, живучи. Лучше всего их историческое значение, пожалуй, оценивает Ключевский: «В этой [административной] отрасли своей деятельности Петр потерпел всего больше неудач, допустил немало ошибок; но это не были случайные, скоропреходящие явления. Преобразовательные неудачи станут после Петра хроническим недугом нашей жизни, правительственные ошибки, повторяясь, превратятся в технические навыки, в дурные привычки последующих правителей; те и другие будут потом признаны священными заветами великого преобразователя, хотя он сам иногда сознавал свои неудачи и не раз сознавался в своих ошибках».

Правительственный аппарат

Поначалу Петру Алексеевичу, кажется, не приходило в голову, что его государство построено не слишком удачно и имеет смысл эту конструкцию как-то менять. Царь полагал, что довольно обзавестись полками немецкого строя, спустить на воду побольше голландских кораблей, и Россия станет не хуже западных стран, а пожалуй, что и лучше, ибо русский царь у себя настоящий хозяин, не чета английскому королю, а хоть бы даже и французскому.

Государство какое-то время управлялось по старинке. При монархе по-прежнему существовала Боярская дума, только теперь ее заседания назывались иностранным словом «конзилии». Сохранились не только бояре, но и окольничие, и думные дворяне, и всевозможные дьяки. Делами ведали все те же приказы, которых в самом конце столетия насчитывалось более сорока, причем эта система выглядела запутанно и нелогично. Одни приказы (например, Стрелецкий, Посольский, Ямской) были отраслевыми, другие (Сибирский, Смоленский, Казанский) областными, третьи вовсе диковинными – скажем, Панихидный приказ, просуществовавший до 1696 года. Делопроизводство в приказах было поставлено из рук вон плохо, повсюду процветали волокита и порожденная ею путаница, усугублявшаяся еще и тем, что функции ряда учреждений пересекались и подчас непросто было разобраться, кто чем ведает.

Молодой Петр время от времени начинал перетасовывать эту истертую колоду, то объединяя приказы, то переименовывая, то учреждая новые взамен старых. Расплодились ведомства, порожденные военной активностью: Морской, Артиллерийский, Провиантский, Преображенский приказы, но это мало что меняло.

Во время большого заграничного путешествия, насмотревшись на европейские порядки, города и мануфактуры, царь наконец проникся идеей гражданского строительства. Ему, в частности, очень понравилось, как европейские городские общины управляются по Магдебургскому праву. Если сделать в России так же, сразу начнут развиваться и торговля, и ремесла, и производство, решил Петр и в январе 1699 году – то есть, считая формально, лишь на *шестнадцатом* году царствования – впервые провел нечто вроде административной

реформы: учредил в русских городах бурмистерские палаты (об этом новшестве речь пойдет в следующей главе, посвященной провинциальному управлению). Однако до реорганизации центрального правительства у самодержца, увлеченного планами антишведского альянса, руки в ту пору не дошли.

В тяжелую двадцатилетнюю войну, которая потребует от России крайнего напряжения, страна так и вошла с Думой и приказами. В течение следующего десятилетия все силы Петра уходили на борьбу с Карлом XII, и царю было не до реформ, хотя их необходимость ощущалась все явственней. Особенно острой была нужда в нормальном правительстве, которое ведало бы повседневными государственными заботами во время частых и долгих отсутствий самодержца.

Но даже этой насущной задачей Петр смог заняться лишь после Полтавы, когда шведская опасность немного отступила.

В начале 1711 года, отправляясь в Прутский поход, он учредил «для отлучек наших» новый орган – Правительствующий Сенат, который заменил упраздненную Боярскую думу и существенно от нее отличался.

Сенат получил право самостоятельно издавать указы, наказывая нарушителей любыми карами вплоть до смертной казни. Он контролировал всё судопроизводство, верша «суд нелицемерный»; регулировал бюджет, самостоятельно определяя статьи дохода и расхода; ведал торговлей и казенными промыслами; мог проводить мобилизацию – одним словом, в смысле полномочий это был не совещательный орган при самодержце, как Дума, а полноценное правительство.

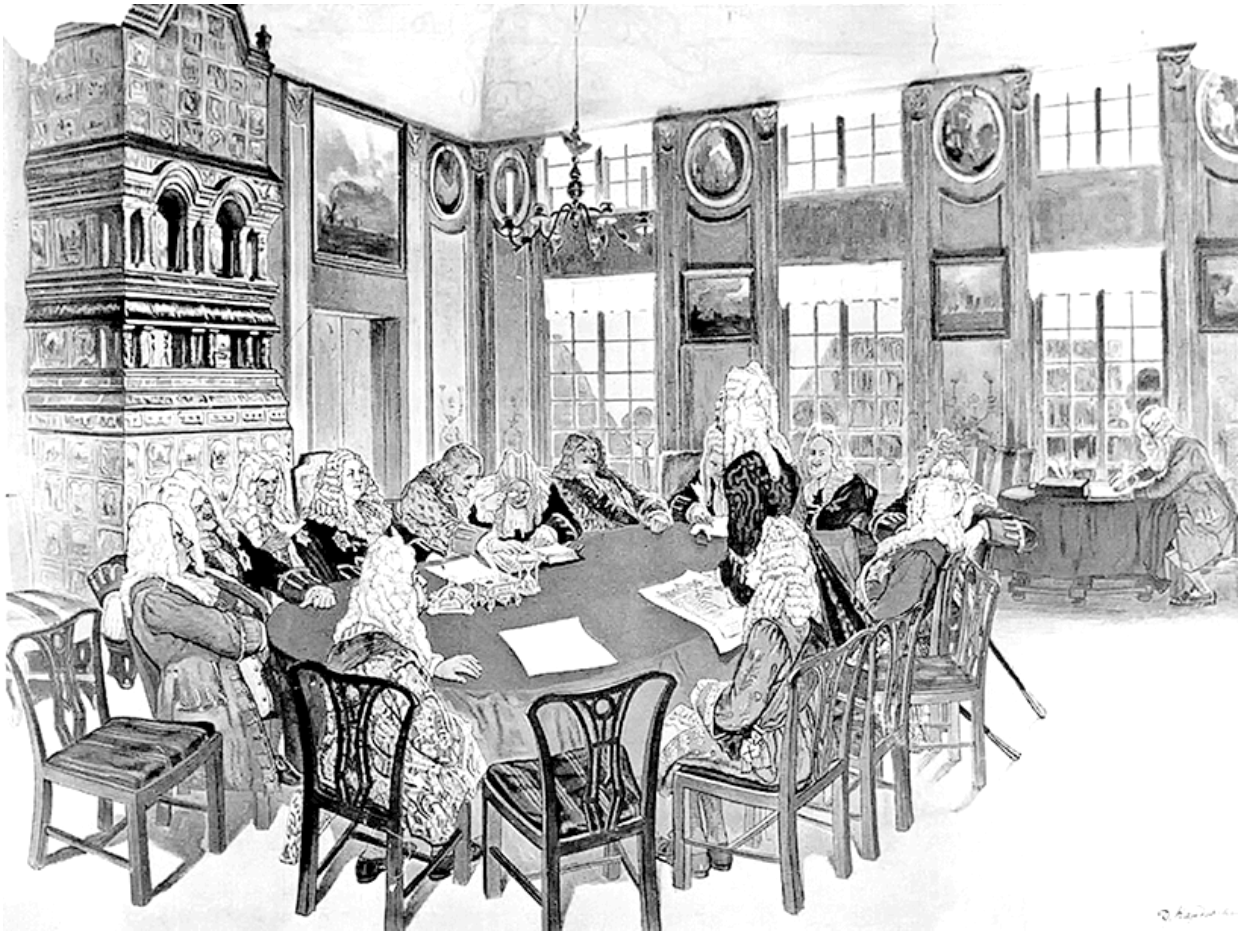
В прежней Думе числилось чуть не сто вельмож, многие попали туда просто по родовитости и никакими делами не занимались, Сенат же состоял всего из девяти членов, на каждого из которых должна была лечь большая государственная ответственность.

> Однако поначалу этого не произошло, потому что первый состав Сената был на удивление слабым. Кто-то вошел туда за прежние заслуги (например, Тихон Стрешнев когда-то был царским дядькой, а у Ивана Мусина-Пушкина при Полтаве погиб сын). Пожилые Назарий Мельницкий и Григорий Племянников скоро умерли. Князь Михаил Долгорукий, похоже, не знал грамоту – на документах за него

расписывался коллега. Еще двое, управитель военных заводов князь Григорий Волконский и генерал-квартирмейстер Василий Апухтин, прямо из Сената угодили под суд за злоупотребления («подряжались чужими именами под провиант и брали дорогую цену, и тем народу приключали тягость»). Самое же странное, что ни один из ближних соратников государя в Сенат не вошел.

В чем тут причина? Во-первых, Петр самых полезных людей взял с собой на войну, а во-вторых, идея учредить правительство на время отъезда, кажется, пришла царю в голову внезапно, и он назначил кого придется. С Петром такое случалось нередко. Собственно, не было даже издано внятного указа о значении и полномочиях Сената – его функции уточнялись впоследствии и неоднократно менялись.

И все же этот внезапно возникший орган, возможно, замышлявшийся как некое временное учреждение лишь на период военной кампании, оказался долговечней всех прочих административных начинаний Петра и сохранился до самой революции 1917 года.



Заседание Сената. *Д.Н. Кардовский*

Дело в том, что существовала объективная необходимость в некоей центральной структуре, которая сводила бы воедино все управленческие нити огромной страны. Несколько ранее, в 1708 году, Петр попытался навести в державе внутренний порядок, но начал не с того конца: не с головы, а с хвоста. Желая наладить систему пополнения казны, он разделил страну на губернии (о чем будет рассказано в следующей главе). Новая провинциальная администрация принялась усердно выкачивать и выколачивать из населения деньги, однако в отсутствие нормального центрального правительства, при сохранявшейся приказной неразберихе, эти средства не доходили до назначения или расходовались не на то, на что требовалось. Царю вообразилось, что достаточно будет, не ломая всю ведомственную систему, учредить некую высшую инстанцию из нескольких человек, приставить к ней представителей каждой губернии – и дела сразу наладятся.

Конечно, ничего не наладилось. Все решения сенаторы должны были принимать коллегиально, и довольно было одного голоса «против», чтобы инициатива блокировалась. Когда выяснилось, что это порождает волокиту пуще приказной, царь повелел довольствоваться при голосовании простым большинством. Тогда проступила другая проблема: сенаторы часто оказывались некомпетентны в рассматриваемых вопросах. Петр отобрал у Сената право издавать законы и поменял состав, назначив сенаторами президентов коллегий (подобия министерств, созданные в 1718 году), но это разрушило главную идею высшего контролирующего органа – получилось, что «министры» контролируют сами себя. До самого конца царствования Петр все время перетасовывал Сенат, неоднократно признавая, что «не осмотря было учинено». Одним словом, большого прока от этого нововведения не получилось. Сенат не мог справиться даже с главной задачей, ради которой в первую очередь создавался, – не составил ведомости о государственных доходах и расходах. Да это было и невозможно, когда часть приказов оставалась в Москве, часть переместилась в Петербург, и бумагопоток между всеми этими ведомствами да плюс еще восемью губерниями порождал чудовищную неразбериху. Малой мерой вроде назначения Правительствующего Сената эти авгиевы конюшни было не расчистить. Пришлось-таки затевать реорганизацию всего центрального управления.

Надо сказать, что к этой большой задаче Петр отнесся гораздо серьезнее, чем к учреждению Сената. Он собирал сведения о том, как устроены правительства в других европейских странах, и, выражаясь по-современному, привлекал экспертов.

> Главный из них был выбран на редкость удачно. В 1711 году, находясь в Саксонии, Петр познакомился с одним из умнейших и просвещеннейших людей эпохи Готфридом Лейбницем, знаменитым философом и ученым. Философы тогда в память об античной традиции считались знатоками в области государственного устройства, и Лейбниц дал царю немало полезных советов, за что был пожалован в тайные советники и получил щедрое жалование. К сожалению, не все благие рекомендации пришлись русскому самодержцу по вкусу, но именно Лейбниц, кажется, первым навел Петра на идею отраслевого управления страной – по тем временам эта

концепция вовсе не казалась такой уж очевидной. Лейбниц писал царю, что хорошо работающее государство подобно исправному часовому механизму, где одно колесико цепляется за другое, и «ежели всё устроено с точною соразмеренностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы». Именно так и следовало разговаривать с Петром – подобная аллегория не могла ему не понравиться, ибо в точности соответствовала петровскому идеалу государства: он – часовщик, Россия – послушный и дисциплинированный механизм.

Термин «министерство» в Европе тогда был еще не в ходу, хотя министры уже существовали, но этим словом называли всякого чиновника, которому давалось некое важное поручение, – например, представлять страну на дипломатическом поприще. В некоторых странах, в том числе в Швеции, на которую Петр взирал с особенным вниманием, готовый учиться у сильного врага всему полезному, каждой отраслью ведала «коллегия», то есть совет компетентных специалистов. Эта форма управления показалась царю, привыкшему никому не доверять, весьма удачной. В самом деле – чем отдавать большое дело на откуп какому-нибудь одному вельможе, который может провороваться, не лучше ли назначить нескольких, и пусть приглядывают друг за другом?

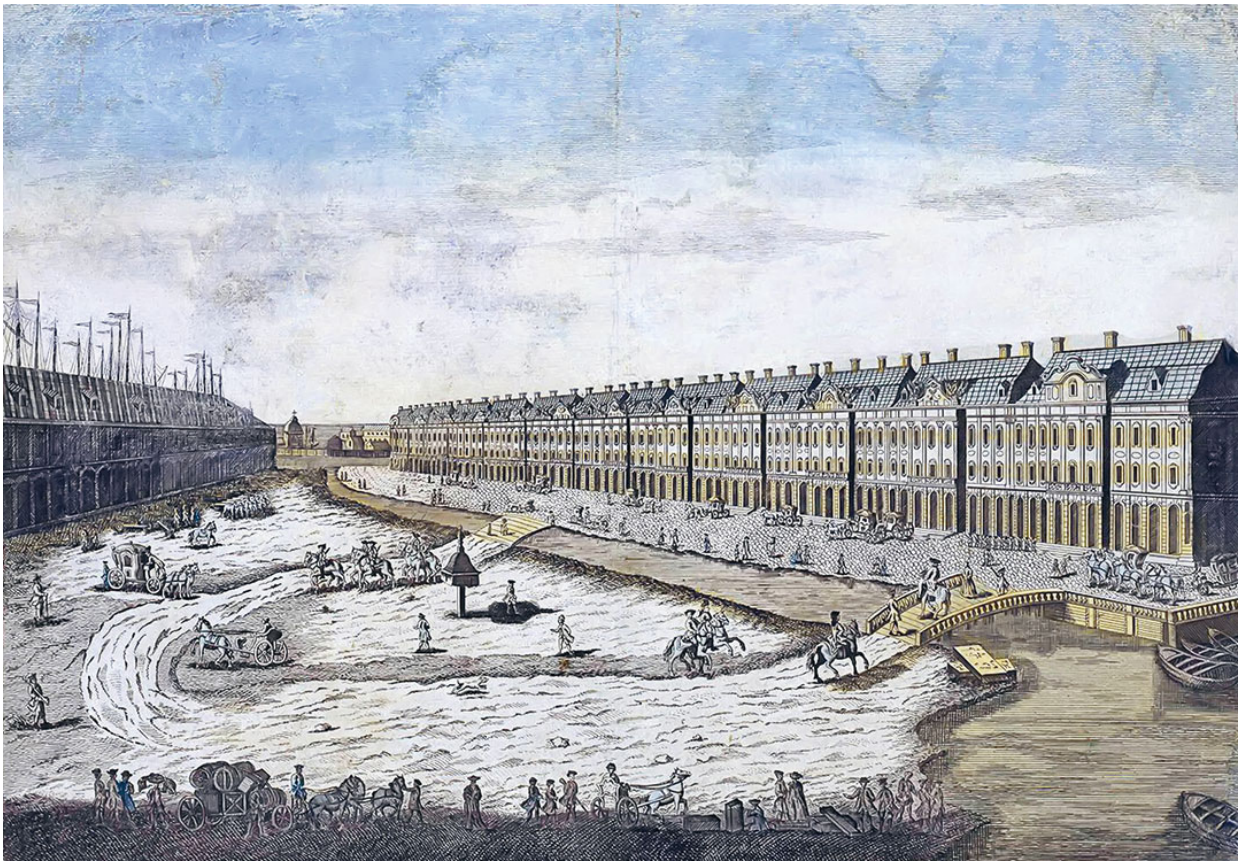
В декабре 1718 года начали действовать девять первых коллегий, разделивших между собой самые важные сферы государственного управления.

Воинская коллегия ведала армией. Адмиралтейская коллегия – флотом и кораблестроением. Коллегия чужестранных дел – внешней политикой. (Эти три коллегии имели статус «первейших».) Камор-коллегия занималась денежными доходами. Штатс-контор-коллегия – расходами. Ревизион-коллегия – контролированием двух предыдущих учреждений. Юстиц-коллегия – выработкой и исполнением законов. Коммерц-коллегия – торговыми делами. Берг-коллегия, поначалу соединенная с Мануфактур-коллегией, занималась промышленностью.

Наконец нашлось дело и Сенату: он должен был проверять и утверждать «приговоры» коллегий, что обеспечивало баланс и соразмерность разных направлений государственной деятельности. Но и коллегии, в свою очередь, имели возможность апеллировать

непосредственно к государю, если были несогласны с сенатским постановлением.

Сразу же возникла кадровая проблема, еще более острая, чем при формировании офицерского корпуса армии и флота, – где взять толковых и знающих бюрократов в стране, которая никогда не управлялась подобным образом. Поэтому Петр придумал двоеначалие: титульным главой (президентом) коллегии назначался русский, а вице-президентом к нему ставился специалист-иностранец. Так, при главе воинской коллегии Александре Меншикове состоял немец Адам Вейде; при адмиралтейском начальнике Федоре Апраксине – норвежец Корнелиус Крюйс; в «чужестранной коллегии» Гавриилу Головкину ассистировал Петр Шафиров, из польских выкрестов, и так далее.



Здания коллегий. *Гравюра. XVIII в.*

Коллегиальность соблюдалась следующим образом: всякий важный вопрос ставился на голосование, в котором кроме двух

руководителей принимали участие коллежские советники. Если мнения раскладывались поровну, президент получал решающий голос.

Со временем система модифицировалась, приспосабливаясь к политическим реалиям и потребностям государства. Менялись названия и формат ведомств, какие-то укрупнялись, какие-то, наоборот, разделялись, появлялись новые «министерства», но главное уже произошло, свершилась настоящая административная революция. В России возникло более или менее профессиональное и работоспособное центральное правительство, в котором каждый соответствовал своей компетенции.

Разумеется, дела не шли гладко, возникало множество проблем. Как часы структура не работала, «колесики» часто мешали друг другу, создавая вредное трение, но такова уж особенность бюрократической машины, с дефектами которой России еще предстояло познакомиться.

На начальном этапе главных напастей было две: катастрофический дефицит чиновничества и хроническая болезнь коррупции.

С первой задачей, как мы увидим, реформатор более или менее справится; со второй не получилось – да и не могло получиться, поскольку коррупция в государстве «ордынского» склада совершенно непобедима. Петр, кажется, и не надеялся истребить ее полностью. Он не считал большим грехом, если чиновник берет взятки с частных лиц. Как объясняет Соловьев, «бедное государство не могло обеспечить жалованьем служащих ему и потому должно было позволить им кормиться от дел». Царь желал лишь пресечь воровство из государственного кармана и никак не мог понять, что коррупция так не работает.

Прямо в 1711 году, при создании Правительствующего Сената, царь учредил новую, доселе небывалую должность: «фискалов во всяких делах». Это были должностные лица, призванные «над всеми делами тайно надсматривать» и докладывать непосредственному начальству, так что донос, поднимаясь по цепочке, доходил до самого государя. Подобный институт «государева ока» характерен для государства «ордынского» типа во все эпохи, еще со времен Чингис-хана. Создание системы особого контроля, дублирующей все органы и уровни власти, при общей безгласности населения и отсутствии местного самоуправления является для властителя единственной возможностью получать альтернативную информацию о жизни страны

и держать административную «вертикаль» в страхе – чтоб не слишком зарывалась.

Обязанности фискалов определялись весьма расплывчато. Они должны были «сыскивать всякую неправду», докладывать о мздоимстве, судебных злоупотреблениях, служебной нерадивости, состоянии дорог, контрабандной торговле и так далее, и так далее – вплоть до чародейства, «содомского греха» и безнравственного поведения.

Во главе ведомства стоял обер-фискал. Ему подчинялись провинциал-фискалы, тем – городские фискалы.

> Петр придумал, как ему казалось, отличный способ побудить фискалов к усердию: если сигнал подтверждался, то на виновного налагался денежный штраф, половина которого шла бдительному доносчику; если же навет оказывался ложным, фискалу за это «досадовать» не предписывалось. То есть «государево око» получало возможность безнаказанно вымогательствовать, не опасаясь за последствия. Посыпался такой поток вздорных доносов, что три года спустя все же пришлось ввести кару за явную клевету. Эти чиновники вызывали повсюду лютую ненависть. Понадобилось даже выпустить особый закон о защите здоровья и достоинства фискалов – слишком часто они подвергались побоям и оскорблениям. Слова «фискал», «фискалить» надолго остались в русском языке как бранные.
>
> В царском указе, правда, объявлялось, что главным фискалом будет назначаться «человек умный и добрый», но где ж было взять таких начальников? К доброте эта должность не располагала, зато ум на ней сразу начинал выискивать лазейки. Самый знаменитый петровский обер-фискал Алексей Нестеров нанес государству ущерб на фантастическую сумму в триста тысяч рублей и закончил жизнь на колесе. Такая уж это была вредная должность.

Ничего нового в учреждении очередной «спецслужбы», конечно, не было – они существовали и при других государях, но никогда еще принцип соглядатайства не утверждался столь солидно и по-европейски формализованно. Скоро доносительство получило повсеместное

рапространение; в расчете на вознаграждение или ради сведения личных счетов все доносили на всех.

Злоупотреблений меньше не становилось, и Петр совершил еще один шаг, совершенно логичный в этой системе координат: в 1722 году он завел второе «государево око» – создал институт прокуратуры. В царском указе о должности генерал-прокурора так и говорилось: «Сей чин – яко око наше». Эта новация понадобилась для того, чтобы к надзору негласному, осуществлявшемуся фискалами, присоединить еще и надзор явный, притом размещенный прямо в правительственных учреждениях.

Генерал-прокурор был приставлен к Сенату. Он не принимал участия в голосовании по государственным вопросам, но мог опротестовывать «неправые» решения, следил за поведением сенаторов и даже имел право помещать их под арест. Точно такой же статус имели прокуроры «министерств»-коллегий, а также прочих правительственных и провинциальных присутствий. Формально задачей прокуратуры было наблюдение за тем, чтобы администрация всех уровней не нарушала законности, но, по сути дела, эта «спецслужба» была поставлена над исполнительной властью, не неся при этом никакой ответственности за неудачи.

Фискальное ведомство вроде бы оказалось в подчинении у генерал-прокурора, но при этом сохранило автономию, и, что очень важно, фискалы получили право доносить начальству о «неправдах» прокуроров, то есть обе службы надзирали друг за другом (эта система соперничества полиций отныне станет константой российской государственности).

Впрочем перед двумя этими структурами ставились разные задачи. Если фискалы следили за уже совершившимися преступлениями и нарушениями, то прокуроры должны были их предупреждать, что предоставляло им несравненно более широкие, почти неограниченные полномочия.

Неудивительно, что генерал-прокурор немедленно сделался самым могущественным и грозным функционером империи. Его трепетали все, а сам он был подотчетен только государю. Эту ключевую должность занял Павел Ягужинский, один из самых ярких и деятельных соратников Петра, ранее служивший у царя денщиком. По «аппаратному весу» он превосходил даже главного фаворита

Меншикова и успешно с ним боролся (благо светлейшего было на чем поймать). В последние месяцы петровского царствования, когда в опалу угодила и императрица, генерал-прокурор фактически стал вторым лицом в государстве.

Нельзя, однако, сказать, что два «ока» надзирали за законностью лучше, чем одно. Шли громкие судебные разбирательства, происходили показательные расправы над казнокрадами, но меньше их не становилось. Петр, как многие автократы до и после него, полагал, что коррупцию можно искоренить одной суровостью наказаний. Однажды после очередного разоблачения взбешенный царь велел приготовить указ о том, что всякий чиновник, наворовавший хотя бы на стоимость веревки, будет на этой веревке и повешен. Но Ягужинский, главный борец с коррупцией, сказал, что в этом случае государь останется без слуг. Мы все воруем, спокойно заявил генерал-прокурор, просто одни больше, а другие меньше; одни явно, а другие тайно.

Если болезнь коррупции оказалась нерешаемой, то с другой, не менее серьезной проблемой – дефицитом управленцев – государство понемногу начинало справляться.

Бюрократическая империя без многочисленной, хорошо организованной бюрократии существовать не может, но эта простая истина утвердилась не сразу. Сначала, учреждая коллегии и провинциальные управления, Петр хотел обойтись минимальным количеством чиновников – прежде всего в целях экономии, да и взять профессионалов было неоткуда, поскольку старые московские приказные для задач нового уровня не годились, а дворяне предпочитали идти в армию – военная служба традиционно считалась более почетной и открывала дорогу к карьере.

Откровенный Ягужинский. *Рисунок И. Сакурова*

Об остроте кадрового кризиса можно судить по письму генерал-прокурора Ягужинского, который в 1722 году доносил царю: «Люди как в коллегии, так и в провинции во все чины едва не все определены; однакож воистину трудно было людей достойных сыскивать».

В последний год жизни Петр совершил акт, значение которого трудно переоценить: в январе 1722 года он осуществил одну из главных и самых успешных своих реформ – ввел «Табель о рангах». Вся государственная служба унифицировалась и стандартизировалась. Идею подал все тот же многоумный Лейбниц, писавший царю о важности чиновничьей иерархии.

> Вводилась лестница из 14 рангов, одинаковых для придворной, военной и гражданской служб. Названия многих чинов – дань петровской германофилии – были труднопроизносимыми, а смысл для русского человека непостижим. Вчерашний приказный, сбривший бороду и втиснувшийся в немецкий кафтан, вдруг оказывался каким-нибудь «асессором», или «актуариусом», придворный кухонный слуга – «кухенмейстером», кладовщик – «келлермейстером» и так далее. Впрочем, мудреность чинов,

вероятно, лишь усиливала магию сакральной причастности к Государственному Аппарату.

Высшие чины по родам службы звучали так: у военных – «генерал-фельдмаршал», у моряков – «генерал-адмирал», у артиллеристов, вынесенных в особую статью – «генерал-фельдцейхмейстер», у статских – «канцлер», у придворных – «обер-маршал».

Продвижение от чина к чину зависело от стажа и заслуг. Родовитость значения не имела – наоборот, даже простолюдин, обретая чин, становился дворянином. Вообще ценность и место подданного отныне целиком зависели от того, какую ступеньку он занимал по «Табелю». Не имевший ранга оставался никем.

Трудно было изобрести более эффективный способ массового привлечения дворян и мало-мальски образованных людей на государственную службу, равно как и лучшее средство для стимуляции служебного рвения. Судьба безродных петровских соратников, поднявшихся на высшие должности, наглядно демонстрировала, что для толкового и старательного человека открываются новые, немыслимые ранее возможности. Эта бюрократическая революция ускорила превращение России в чиновничью империю. Всего через три года в основанной на сенатских данных книге «Цветущее состояние всероссийского государства» будет сообщено, что на службе состоит уже 5 512 чиновников. Конечно, для огромной державы это было немного.

Современный историк Н. Демидова приводит интересные статистические данные по бюрократическому сословию той эпохи. По ее сведениям, служащих было даже больше – около 7 500 человек в 1726 году, просто не все они имели чин. В России тогда приходилось по одному чиновнику примерно на три тысячи жителей – в десять раз меньше, чем, скажем, во Франции.

Служилое сословие будет неуклонно увеличиваться, но расти будет и империя. В середине XVIII столетия на государственном жаловании будет состоять уже 16,5 тысяч чиновников, а к концу монархии – четверть миллиона, но

раздутая государственная машина все равно будет страдать от постоянной нехватки кадров.

Дискриминация между военной службой как наиболее почетной и гражданской как второстепенной все же сохранилась, потому что империя была в первую очередь военной и лишь потом уже чиновничьей. Поэтому человек безродный, попадая на низшую 14-ю офицерскую ступеньку (фендрик), сразу получал потомственное дворянство, а статский чиновник для этого должен был дойти до 8-го класса, что соответствовало чину майора. На армейской или флотской службе из-за частых войн можно было быстрее сделать карьеру и получить больше наград. Со временем, уже в XIX веке, статусное неравенство между военной и гражданской карьерой будет сокращаться, но до конца так и не исчезнет.

Итак, к исходу петровской эпохи в России возникает новый принцип центрального «отраслевого» управления и начинает формироваться обслуживающее его новое сословие – чиновничество.

Центр и провинции

Задача реорганизации центрального правительства оказалась сложной, но тут по крайней мере можно было использовать европейский опыт. Однако главной проблемой российских самодержцев во все времена являлось не «управление правительством», а управление гигантской страной, раскинувшейся от океана до океана. И здесь учиться было не у кого. Никакое европейское государство не имело такой территории. Конечно, у великих морских колониальных держав расстояние от столицы до колонии могло быть и больше, чем от Москвы до Якутска, но путешествие по воде не шло ни в какое сравнение с невообразимо трудным передвижением по заволжскому, уральскому и сибирскому бездорожью. Не было порядка и в сношениях с менее отдаленными областями, очень разными по степени развития, плотности населения, этническому и конфессиональному составу. Все они управлялись по-разному: некоторые непосредственно из центра, где существовало несколько региональных приказов (Малороссийский, Казанский, Сибирский, Смоленский), другие – плохо контролировавшимися наместниками-воеводами. Беда, собственно, была даже не в этом, а в том, что взаимоотношения центра с провинциями строились по очень простому принципу: центр требовал денег для казны, солдат для войны, работников и лошадей для исполнения повинностей, а провинция должна была эти требования исполнять, ничего не получая взамен. При другой государственной модели, которая позволяла бы регионам жить своим разумением, промышленность и торговля, несомненно, развивались бы динамичней, но это подорвало бы самое основу «ордынского» самодержавия. Петр и не собирался менять принцип, ему хотелось лишь, чтобы провинция поставляла центру побольше ресурсов, и побыстрее. Именно этот мотив – увеличения и упорядочения доходов казны – был в основе всех сумбурных реформ местного управления.

В момент наивысшего напряжения национальных сил, когда Карл XII двинулся из Польши на Россию, потребность в деньгах и рекрутах стала особенно острой, и Петр, невзирая на военные заботы, затеял перекройку страны на новый лад.

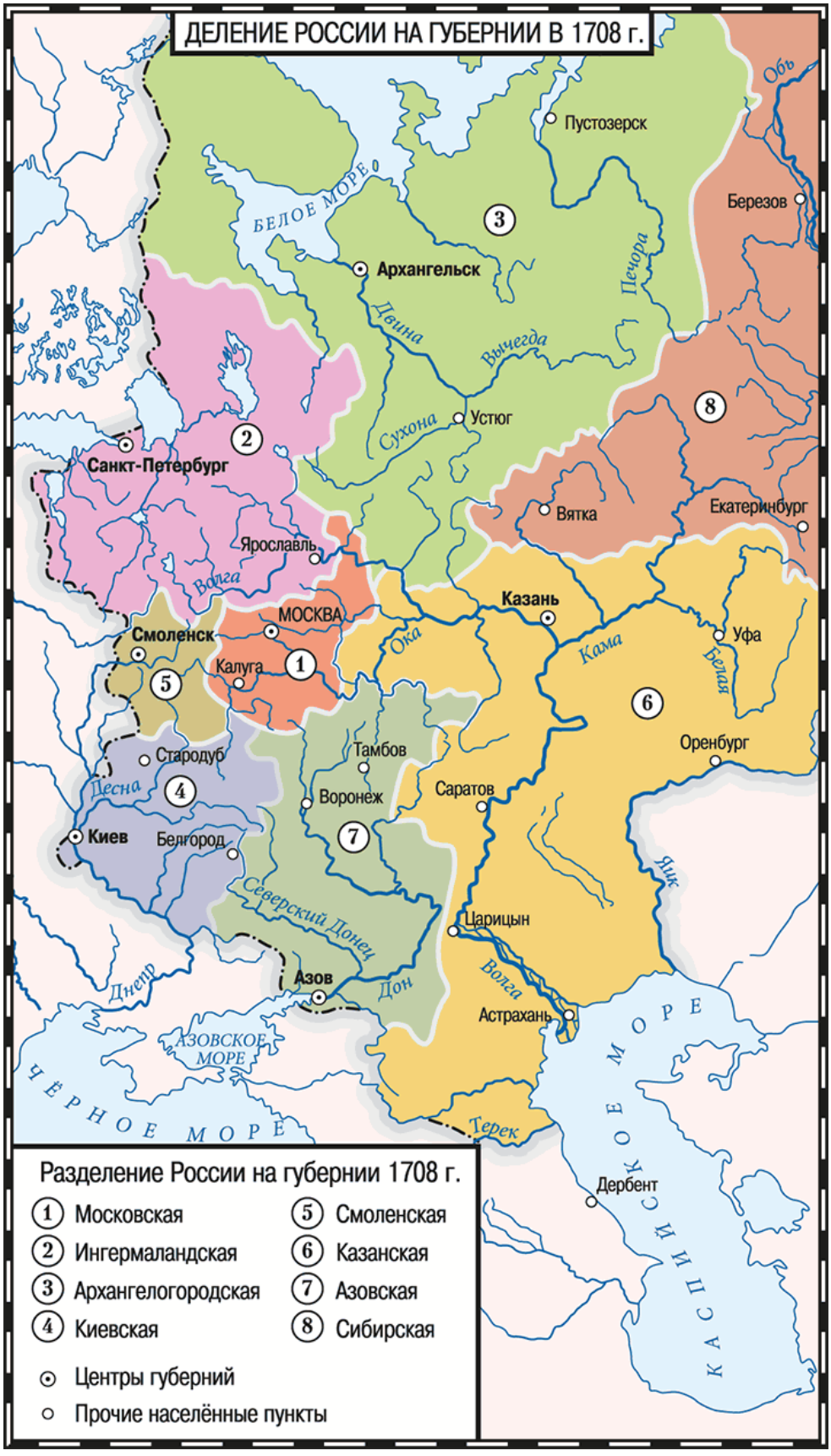
18 декабря 1708 появился указ – как обычно у Петра, написанный наспех и оттого невнятный – о какой-то «новой росписи городов». Россию поделили на восемь «губерний» (новое непонятное слово буквально означало «управление»): Московскую, Ингерманландскую, Киевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Сибирскую и Азовскую. Нагрузка по наполнению бюджета и содержанию вооруженных сил была разделена на восемь частей – что, собственно, и было основной целью затеи.

> По распределению должностей «управителей» (так, на русский манер, пока назывались эти генерал-губернаторы), обладавших всей полнотой административной, судебной и военной власти, видно, кто в этот период входил в число ближайших соратников Петра и за что он ценил каждого из них.
>
> Московская губерния досталась пожилому Тихону Стрешневу, своего рода посреднику между царем и старым боярством. Любимая царем Ингерманландия с Питербурхом – главному любимцу Меншикову. Киевская губерния, близкая к театру главных военных событий, была доверена опытному администратору Дмитрию Голицыну. В Азовскую губернию, где строился флот, был назначен адмирал Федор Апраксин. Малонаселенная, но очень важная для пополнения бюджета Сибирь досталась энергичному (как мы увидим, даже слишком энергичному) Матвею Гагарину. Другая губерния-«кормилица» (за счет морской торговли), Архангельская, была доверена Петру Голицыну, отучившемуся морскому делу в Венеции и привычному к общению с иностранцами. Прифронтовая Смоленская губерния была вверена боярину Петру Салтыкову, лучшему петровскому провиантмейстеру. В неспокойную из-за инородческих волнений Казанскую губернию царь отрядил Петра Апраксина, брата генерал-адмирала, – этот сановник недавно участвовал в подавлении астраханского восстания и «замирении» калмыков.

Несмотря на столь тщательный подбор наместников, из реформы ничего путного не вышло. Неудачной была сама идея устроить восемь

региональных центров для сбора доходов и мобилизации рекрутов, не имея нормально работающего центрального правительства. Сбор доходов увеличился только в Ингерманландии, то есть в непосредственной близости от обиталища власти. Вдали от царя, обладая огромными полномочиями и не имея над собой контроля, некоторые губернаторы предпочитали «работать на собственный карман», а присылаемые ими средства перераспределялись бестолково.

Лишь столкнувшись с этой проблемой, Петр (с 1711 года) приступил к реформе центрального правительства, создав сначала Сенат, а затем коллегии.


ДЕЛЕНИЕ РОССИИ НА ГУБЕРНИИ В 1708 г.
Пустозерск
Обь
Березов
БЕЛОЕ МОРЕ
3
Архангельск
Двина
Вычегда
Печора
Сухона
Устюг
8
2
Санкт-Петербург
Вятка
Екатеринбург
Ярославль
Волга
Казань
МОСКВА
Смоленск
Ока
Кама
Уфа
Белая
Калуга
1
5
6
Оренбург
Стародуб
Тамбов
Десна
4
Воронеж
Саратов
Киев
Белгород
7
Яик
Северский Донец
Царицын
Днепр
Азов
Дон
Волга
Астрахань
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЁРНОЕ МОРЕ
Терек
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Дербент
Разделение России на губернии 1708 г.
1 Московская
2 Ингермаландская
3 Архангелогородская
4 Киевская
5 Смоленская
6 Казанская
7 Азовская
8 Сибирская
Центры губерний
Прочие населённые пункты

Территориальная реформа 1708 г. *М. Романова*

Понемногу начало видоизменяться и региональное управление.

Сначала губернский штат был довольно примитивен. В него кроме главного начальника входили вице-губернатор, областной судья-ландрихтер и несколько чиновников для контроля за разного вида сборами и повинностями. Скоро стало ясно, что эффективно управлять огромной территорией такая структура не способна. Тогда некоторые губернии были разукрупнены, и число их дошло до одиннадцати, но и этого оказалось недостаточно. В 1719 году возникла новая административная единица – «провинция» (то, что сегодня мы назвали бы областью). Центр губернии (собственно, генерал-губернаторства) теперь превратился в столицу военного и судебного округа, а финансовые, хозяйственные и полицейские полномочия были доверены областному начальнику – воеводе. При воеводах появились провинциальные управления – земские канцелярии, где существовало распределение функций. Земский камерир отвечал за сбор податей и пошлин, рентмейстер исполнял обязанности казначея, провиантмейстер ведал главными стратегическими поставками – хлебными. В Санкт-Петербургской губернии (бывшей Ингерманландской) было двенадцать провинций, в Московской – девять, в малонаселенной Сибирской сначала только три, но из-за обширности это число неоднократно увеличивалось и в конце концов дошло до девятнадцати.

Провинция делилась на дистрикты (районы), которыми управляли земские комиссары. Низшим звеном административной инфраструктуры были сотские и десятские – не чиновники, а выборные начальники, формально утверждавшиеся на крестьянских сходах, но фактически обычно назначавшиеся сверху.

Так в общих чертах сформировалась конструкция регионального управления, принципиально не изменившаяся вплоть до настоящего времени. Важным ее элементом стало учреждение почтового ведомства, отделения которого появились во всех мало-мальски значительных городах. Связь между столицей и губернаторами, а также между губернаторами и воеводами стала регулярной и для той эпохи довольно быстрой. Ямской эстафетой (казенными станциями, лошадьми, повозками и ездовыми) могли пользоваться и частные лица – за плату. С 1718 года появились почтальоны, доставлявшие казенные документы.

Про эту службу ганноверский резидент Фридрих Вебер пишет, что она «устроена по немецкому образцу, и почтальоны дуют теперь в рог как умеют, и носят серые кафтаны, на спинке которых пришит вырезанный из красного сукна почтовый рожок».

Таким образом, с сугубо административной задачей возведения властной «вертикали» местного управления петровское царствование вполне справилось.

Менее успешны были попытки Петра придать этому зданию черты «европейскости», то есть внедрить в эту восстановленную «чингисхановскую» структуру (тумен – тысяча – сотня – десяток) элементы общественного представительства.

В 1713 году было приказано учредить в губерниях «консилиумы» из дворян-ландраторов, и чтобы губернатор вел себя там «не яко властитель, но яко президент», решая вопросы большинством голосов. Идея была позаимствована из шведского опыта, но с русской поправкой: ландраторов подбирал сам губернатор, что обесценивало всю демократичность. Подумав, Петр постановил, что ландраторов все же должно выбирать «всеми дворяны за их руками», но из этого ничего не вышло. В конце концов центральная власть поступила наиболее естественным для себя образом: стала сама сверху назначать губернатору советников. Потребного количества назначенцев, впрочем, взять было неоткуда, и довольно скоро «консилиумы» вообще отмерли, так что губернаторы остались неограниченными владыками в своих владениях.

Тем же завершилось и поползновение учредить в России городское самоуправление на европейский манер. Как я уже писал, первым административным начинанием молодого Петра после заграничного турне было введение бурмистерских палат (1699), которые руководили бы городской жизнью: собирали налоги, решали имущественные судебные споры, управляли кабаками и так далее. В ратуше как органе городского самоуправления должны были заседать выборные люди из купцов и промышленников, а государственному наместнику оставались лишь функции воинского начальника да отправление уголовного суда. Петр совершенно верно полагал, что такое устройство местной жизни нанесет сильный удар по коррупции и очень оживит торгово-промышленную деятельность. Однако начавшаяся вскоре война заставила государство отказаться от еще не успевшегося утвердиться

новшества в пользу прежней системы голого администрирования, более простой и привычной.

Когда наступил мир, Петр вернулся к полюбившейся ему идее, тем более что нужно было восстанавливать подорванное войной хозяйство. В начале 1721 года была начата новая городская реформа. Города по своему размеру разделились на пять разрядов (Петр очень любил такие градации). Перворазрядным считался город, в котором не менее 2000 дворов, то есть от десяти тысяч жителей. Таких в России набралось всего одиннадцать: Москва, Петербург, Новгород, Рига, Ревель, Архангельск, Ярославль, Вологда, Нижний Новгород, Казань и Астрахань.

Жизнью города должен был ведать выборный орган магистрат во главе с президентом или, в общинах меньшего размера, с бургомистром. Население делилось на 4 категории: крупные купцы и всякого рода мастера относились к первой гильдии, мелкие торговцы и ремесленники – ко второй, наемные работники числились по разряду «подлых людей» (это слово еще не приобрело обидного смысла, оно означало просто подчиненность), а дворяне и духовные особы существовали наособицу и магистрату не подчинялись. Помимо этого ремёсла и «художества» должны были объединяться в цеха, возглавляемые альдерманами и имеющие собственный устав. В городах побольше на центральной площади предписывалось иметь ратушу, притом непременно каменную и двухэтажную – чтоб все было, как в Европе. Эта реформа вообще пыталась воспроизвести городское устройство, возникшее в Европе еще в Средневековье и к XVIII веку, с развитием капитализма и промышленности, уже становившееся анахронизмом.

Было, впрочем, одно «усовершенствование» типично «ордынского» свойства. Петр не был бы Петром, если бы разрешил городам своей державы действительное самоуправление. В столице учреждался контрольный орган под названием Главный Магистрат, который сам устанавливал, когда проводить местные выборы, а потом вызывал к себе избранных и на месте решал, годны они для своей должности или нет. И лишь получив одобрение этой высшей инстанции, президенты с бургомистрами могли приступать к исполнению полномочий.

При такой постановке дела магистраты так и остались декорацией при настоящей власти – исполнительной, и на практике полными хозяевами городов по-прежнему являлись губернаторы и воеводы. Со временем магистраты стали ведать лишь второстепенными хозяйственными вопросами и разбирать тяжбы между горожанами, а в конце столетия были вовсе упразднены. Городское самоуправление в империи не прижилось, да и не могло прижиться, поскольку противоречило основополагающему принципу «вертикального» государства.

Помимо «великорусских» областей в стране имелись иноэтнические и иноверческие окраины и анклавы, и в управлении ими Петр проявлял известную гибкость.

Главным, недавно еще полуавтономным образованием, своего рода протекторатом была Украина, избиравшая себе гетмана и имевшая собственные вооруженные силы. Измена Мазепы дала царю возможность значительно ограничить прежние украинские вольности. Не удовлетворившись назначением в гетманы своего ставленника (Ивана Скоропадского), Петр приставил к нему наблюдателей, «государевых министров», подчинив им все русские воинские части.

В 1722 году появляется Малороссийская коллегия, «министерство» по делам Украины, отобравшее у гетмана остатки власти и превратившее его в фигуру номинальную. Как раз в это время умер послушный Скоропадский, и старшина попробовала сама выбрать нового гетмана, которым стал популярный Павел Полуботок, но Петр не признал его полномочий и арестовал вместе со всеми приближенными, предъявив совершенно надуманные обвинения. По царскому указу украинское казачество теперь лишалось права избирать себе даже полковников – их отныне назначали сверху. Император, по-видимому, воообще не собирался сохранять институт гетманства, а намеревался превратить Украину в обычную губернию. (Лишь после смерти Петра, в период ослабления центральной власти, Малороссийская коллегия будет упразднена и в Малороссии снова появятся гетманы.)

Народный избранник в Главном Магистрате. *Рисунок И. Сакурова*

Вместе с тем, памятуя о легкости, с которой казачество бралось за оружие, Петр опасался настраивать украинские низы против самодержавной власти и, по выражению Костомарова, «ласкал малороссийский народ», облагая его меньшими тяготами, чем русских крестьян. В 1710 году царь даже выпустил специальный указ, строго запрещавший чиновникам и военным оскорблять украинцев под угрозой смертной казни. В результате недовольство выражала только старшина, а народных восстаний в Малороссии не происходило.

Еще осторожнее Петр вел себя в новоприобретенных балтийских провинциях. Он не стал покушаться ни на административное устройство бывших шведских городов, ни на местный суд, ни на права остзейского дворянства, которому даже были возвращены «редуцированные» владения. В благодарность прибалтийские немцы станут служить Романовым верой и правдой, став одним из прочнейших столпов империи. Петр не пытался искоренять местные языки, не трогал лютеранскую церковь и пообещал покровительство Дерптскому университету – пока единственному в России.

В то же время с иноверцами внутренних областей, поволжскими мусульманами, царь не церемонился. В 1715 году вышел указ о «мурзах, которые креститься не хотят». Таковым воспрещалось владеть

православными крепостными. Зато крестившиеся получали все права российского дворянства. С простолюдинами власть вела себя мягче: крестить татар и башкир насильно запрещалось, но тех, кто добровольно сменит веру, освобождали от податей. (Так же действовали русские воеводы в Сибири, но с мусульманами «метод материального стимулирования» работал хуже, чем с язычниками.)

Главный смысл петровской региональной политики заключался в достижении лучшей управляемости, и с этой задачей административная реформа, в общем, справилась. Во всяком случае, Российская империя стала более слаженным механизмом, чем Московское царство. Но казенная «вертикаль» не умела бороться со злоупотреблениями собственного аппарата, и параллельно с его усилением возрастали масштабы коррупции.

> Чем дальше от самодержца, тем привольнее было наместникам, и самый дальний из них, сибирский губернатор князь Матвей Гагарин, чувствовал себя неограниченным владыкой своей громадной территории. Этот энергичный администратор царствовал в Сибири больше десяти лет. Чем-то он был похож на Петра, одинаково размашистый в добрых и злых деяниях. Он немало способствовал развитию края, разрабатывал новые месторождения полезных ископаемых, исправно поставлял в казну меха и «рыбий зуб», твердую валюту того времени. Гагарин гуманно и с умом обошелся с пленными шведами, сосланными в Сибирь после Полтавы: их было девять тысяч человек, и князь относился к ним как к ценным работникам, берег их, даже содержал за свой счет. Но с не меньшим усердием губернатор ратовал о собственных барышах, обирая купцов, наживался на контрабандной торговле и винных откупах, чем нажил себе сказочное богатство.
>
> Знаменитый обер-фискал Нестеров (как уже говорилось, впоследствии сам казненный за лихоимство) долго интриговал против сибирского наместника и в 1719 году наконец добился его ареста. Петр велел торжественно, при всем дворе, повесить этого своего соратника в знак того, что за воровство пощады не будет никому, и целых семь месяцев

не давал снимать труп с виселицы. Никто, впрочем, особенно не испугался…

Законы

Петр энергично вмешивался во все сферы российской жизни, но нигде его деятельность не была столь кипучей, как в области законотворчества. Тому имелись две причины – объективная и личная.

Обновление государства безусловно требовало новых письменных правил, по которым отныне будет существовать империя. Изменилось самое назначение государства. Прежде оно, по очень точному выражению М. Богословского, ставило перед собой только три задачи: обеспечивать оборону от внешних врагов, блюсти внутреннюю безопасность и собирать необходимые для этого средства. В общественную и частную жизнь подданных оно вмешивалось очень мало. «Регулярное» государство, хотя бы внешне берущее за образец Европу, подобными функциями ограничиваться не могло, а военно-бюрократическая империя, которую строил Петр, и подавно. Как мы помним, согласно петровскому идеалу, держава должна была работать как часы, а это требовало составить строгие предписания и инструкции для каждого «колесика» и «винтика».

Но помимо рациональной мотивации в том извержении законов и указов, который Петр обрушил на страну, безусловно ощущается и характер преобразователя, одержимого страстью к регламентации всего и вся. Царь верил, что ему достаточно расписать жизнь до мелочей, ничего не упустив, обо всем распорядиться, и тогда наконец наступит порядок.

Обстоятельства, правда, были таковы, что всерьез заняться любимым законотворческим делом Петр смог только в самый последний период царствования – раньше он был слишком занят борьбой со шведами.

Впервые самодержец взялся за переписывание российских законов еще в начале 1700 года, под впечатлением от европейского путешествия. Тогда была создана большая комиссия по составлению нового уложения, но скоро началась война и пошла так трудно, что стало не до мирных забот.

Новые законодательные акты выпускались, но бессистемно, по мере надобности. Прошло немало лет, прежде чем у Петра появилось время взяться за дело всерьез – это случилось после Полтавы.

Ключевский подсчитал, что до 1710 года в России появилось около пятисот указов, а после перелома в войне – две с половиной тысячи. Но лишь с 1720 года, покончив с военно-кочевой жизнью и поселившись в Петербурге, государь занялся сочинением законов в ежедневном режиме.

Во многих из них ощутим неповторимый петровский слог и стиль. Царь рассматривал текст закона еще и как своего рода педагогический трактат, поэтому в начале обычно следовало обоснование: понеже обстоятельства (или мировая практика, или предписания разума) таковы и таковы, повелеваем следующее. Однако, не слишком надеясь на умственные способности подданных, в конце Петр обычно переходит к угрозам, очень подробно описывая, как будет караться нарушение данного закона.

УКАЗЪ ЕГО ВЕЛІЧЕСТВА

ІМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКОГО.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВО ВСЕНАРОДНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ПОнеже по Его Імператорского Велічества указу, и по пріговору Правітельствующаго Сената, велѣно къ предбудущему 723 году, собрать со всего Государства, въ губерніяхъ, и въ провінціяхъ съ дворового чісла, противъ каналного разположенія, съ дворцовыхъ, и съ сунодалной команды, и съ помѣщіковыхъ, и вотчінніковыхъ, и съ однодворцовъ, и съ разночінцовъ, и съ ясачныхъ, а съ купечества съ окладу десятои денги, такжде и съ новопоселенныхъ, которые между черкасами, и мордвою, и черемісами жівутъ рускіе, и не были въ окладѣ, и съ реітаръ, и съ копеіщіковъ, и съ воротніковъ, и съ пушкареи, и городовои службы, и съ протчіхъ которые жівутъ на пашняхъ, и тягла платятъ, со всѣхъ равное чісло, кромѣ поповъ, діаконовъ, дьячковъ, и пономареи, и поддіаконовъ, и пѣвчіхъ, и протчіхъ тѣхъ которые дѣйствітелно въ церковномъ служеніи, и ихъ дѣтеи, на генералнои Санктпітербургскои и Ріжскои провіантъ, по дватцети по шти алтынъ по четыре денги, да за отправленнои въ нынѣшнемъ 722 году, въ нізовои отпускъ провіантъ за издерженые, и которые впредь надлежатъ быть на отправленіе тогожъ провіанта въ росходѣ по шти алтынъ по четыре денги, да къ предбудущеи компаніи 723 жъ году, на пріуготовленіе во флотъ морского провіанта, и пріпасовъ, по осми алтынъ по две денги, и того по рублю по осми алтынъ по две денги съ двора, и съ рубля, и пріслать оные денги въ Каморъ Колегію на сроки, въ Генварѣ, въ Февралѣ, а досталные конечно въ Мартѣ мѣсяцахъ, будущаго 723 году, сполна неотложно, и о зборѣ тѣхъ денегъ чінить по прежнімъ печатнымъ указомъ 721, и 722 годовъ, каковы о зборѣ на Генералнои же и морскои провіантъ денегъ, въ губерніяхъ, и въ провінціяхъ публікованы. А ежели изъ которыхъ губерніи, и провінціи тѣхъ денегъ, на вышепісанные сроки сполна непріішлютъ, и за то губернаторы, и віцегубернаторы, и воеводы, и камеріры, а изъ которыхъ губерніи губернаторы и воеводы будутъ во отлученіи, управітели будутъ штрафованы. И сеи указъ въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ въ народъ публіковать, и по селамъ розсылать, и отдавать попамъ съ роспісками, а имъ въ церквахъ оные указы по вся праздніки, и воскресные дни, для вѣдома прихожаномъ чітать, чтобъ всякъ о томъ зборѣ подлінно былъ свѣдомъ, и никомубъ нельзя было прібавіть, или убавіть. А буде воеводы, и камеріры, и камісары, и протчіе зборщіки, зборовъ радѣтелно збірать небудутъ, или кто сверхъ вышепісанного что станетъ брать лішнее, о чемъ по свідѣтелству за оное преступленіе учінены будутъ смертные казни, или сосланы будутъ вѣчно на галеру, съ наказаніемъ и вырѣзываніемъ ноздреи, и лішеніемъ всего имѣнія, такжде и за то, ежели кто о вышепісанномъ зборѣ указовъ печатныхъ розсылать, и въ народъ публіковать, или по церквамъ попы чітать небудутъ, и такімъ презрителемъ учінено будетъ противъ вышепісанногожъ.

Таковъ подлінной Его Імператорского Велічества указъ, за подпісаніемъ Правітельствующаго Сената. Декабря 14 дня, 1722 году.

Печатанъ въ Москвѣ при Сенатѣ,
1722 году, Декабря 17 дня.

Петровский указ

В оформлении законодательной системы Петр снова взял за образец Швецию.

В 1718 году началось составление уставов для коллегий, чтобы для начала навести порядок в самом правительстве. Юстиц-коллегия занялась переводом шведских законов и их адаптацией к российским реалиям. Сотрудникам этого ведомства предписывалось тратить половину присутственного времени на текущие дела, а вторую половину – на составление уложения.

Петровское законодательство стремилось к всеохватности. Это не просто перечень правил, по которым устроено государство с перечислением наказаний за нарушение этих правил, а нечто вроде подробной и мелочной инструкции «правильной жизни».

> Помимо сотен указаний, касающихся вещей действительно важных – уголовного и гражданского права, военных и торговых уставов, промышленности, межведомственных отношений, градостроительства и прочего, – петровское государство произвело на свет массу постановлений избыточных и даже удивительных.
>
> Как можно и как нельзя строить собственные дома; как одеваться; кому носить бороду, а кому бриться; как веселиться и как скорбеть; как лечиться и в каких гробах ложиться в могилу. Иногда вмешательство в семейную жизнь, впрочем, оказывалось и полезным. Например, Петр запретил родителям принуждать сыновей и дочерей к браку, если те не согласны. Тем же указом 1724 года помещикам не позволялось поступать подобным образом с крепостными.
>
> Нельзя без удовольствия читать и петровский «Закон о дураках и дурах» (1722). Царь обеспокоился, что дворяне завещают свое имущество необразованным детям, то есть «дуракам» и «дурам», а те, если состоятельны, потом без труда находят себе пару, «несмотря на их дурачество, но для богатства», отчего плодятся новые дураки. Посему Сенату предписывалось вести учет «дуракам», и буде те окажутся вовсе не способны к обучению, наследства им не давать и

брака не позволять. Более действенного стимула для образования дворянства придумать было трудно.

Мало было издать законы, требовалась система, которая могла бы их применять, – судебная система. Ее в старой Московии, по сути дела, не существовало. На местах исполнительная власть являлась и судебной. Можно было обратиться за правдой и прямо к царю, но его суд редко бывал скорым.

Петр попытался учредить иерархию судов, внешне очень похожую на европейскую: внизу – земские суды, потом провинциальные, потом окружные. Неоднократно выходили указы о том, чтобы никто не обращался с просьбами лично к государю, не подав прошения в установленных учреждениях и не пройдя всех инстанций. Назначением судейских чиновников ведала юстиц-коллегия, что обеспечивало если не независимость судебной власти, то по крайней мере ее обособленность от губернаторов и воевод.

Но сама идея разделения властей была чужда «ордынскому» государству, и продержалась эта полунезависимость очень недолго. Традиционно судебная власть была неотделима от административной. Сама концепция независимой судебной власти казалась диковинной и прижиться не могла. Уже через несколько лет отправление правосудия было возвращено воеводам, которым в помощь придавались асессоры (судейские чиновники), его подчиненные.

Личность Петра, обладавшего крутым нравом, нашла отражение и в системе наказаний. Как я уже писал, составляя законы, царь апеллировал к разуму подданных, но при этом больше полагался на страх. Кары, предписанные новым законодательством, выглядят еще суровее, чем старомосковские, к тому же смягченные в 1680-е годы при правительстве Василия Голицына.

Обширнейший спектр наказаний, несомненно придуманный самим царем, поражает своим многообразием и дает представление о том, что Петр считал легким преступлением, а что тяжелым.

За праздную болтовню в церкви с нарушителей брали денежный штраф – очень немаленький, в рубль. Штрафом же наказывали чиновников за прогулы или неслужебные разговоры.

Нетерпимый к всякому ослушанию, Петр жестоко наказывал нарушителей своей воли – даже в мелочах. Например, после обязательного введения европейской одежды, всякого торговца, продававшего русское платье не тому, кому следовало, ждала каторга.

Человека, наносящего ущерб государству, ждала смертная казнь даже за мелкие шалости вроде подкладывания в казенный груз некачественной продукции.

Впрочем, и в смертной казни существовали градации: от обычной, быстрой до долгой и мучительной, в зависимости от тяжести содеянного.

Просто за убийство вешали, но за убийство офицера ломали на колесе. За святотатство прижигали язык железом, а потом рубили голову. За колдовство сжигали живьем. Так же карали фальшивомонетчиков.

Самое жестокое наказание полагалось за преступление, более всего ненавистное Петру, – измену. Предателей, тайно общавшихся с врагом, равно как и заговорщиков, которые замышляли зло против государя, предавали четвертованию: поочередно отсекали конечности.

Российское население и раньше не испытывало особого уважения к законам, которые всегда вводились не для защиты народа, а для еще худшего угнетения, но по крайней мере прежние законы были немногочисленны и понятны. Теперь же отторжение официального Закона, недоверие к нему, часто непонимание его буквы и смысла становятся константой во взаимоотношениях власти и народа. Вместо того, чтобы укрепить общество некоей системой договоренностей и твердо установленных правил, петровское законотворчество сделало ставку на принуждение и страх. Правами в этом государстве обладал только один человек – государь, он же был высшей инстанцией, решавшей, когда, как и в каком объеме применять тот или иной закон.

Армия и флот

Петровское государство являлось прежде всего военным, главным его институтом были вооруженные силы, и в этой области произошли наиболее значительные перемены.

Войско Московской державы было многочисленным, но слабым. В семнадцатом веке в Западной Европе быстро развивались воинские науки. Возникли тактическое искусство и новый принцип боя, при котором огромные массы войск действовали как единый механизм, сформировался профессиональный офицерский и унтер-офицерский корпус. В России же всё оставалось по старинке. Основную часть вооруженных сил составляли иррегулярные войска – недисциплинированное и плохо оснащенное дворянское ополчение, отряды казаков и «инородцев». Стрельцы как род войск безнадежно устарели и вместо опоры престола превратились в угрозу стабильности. Так называемые полки иноземного строя в годы правления Натальи Кирилловны были по большей части распущены из-за скудости бюджета.

Первые военные кампании Петра (1695–1696) продемонстрировали низкую боеспособность русской армии. Потребовалось напряжение всех сил страны ради взятия второстепенной турецкой крепости Азов. В 1699 году, в канун Северной войны, где России предстояло столкнуться с лучшей армией Европы, австрийский дипломат Иоганн Корб излагает свои впечатления о российской военной мощи следующим образом: «Войска московских царей страшны только для одних татар… Московские цари легко могут вывести против неприятеля тысячи людей; но это только беспорядочные толпы, слабые уже вследствие своей громадности, и, даже выиграв сражение, толпы эти едва могут удержать за собой победу над неприятелем». Вскоре разгром под Нарвой подтвердит эту нелестную характеристику.

Но всего четверть века спустя российская армия числилась одной из сильнейших в мире – и по численности, и по вооружению, и по боевым качествам.

В 1725 году, в мирное время, регулярное войско, согласно С. Соловьеву, насчитывало 210 тысяч солдат и еще 109 тысяч человек

состояли в казачьих и инородческих частях. В ту эпоху более многочисленным войском обладала только Османская империя.

Путь, который пришлось пройти русской армии, чтобы достичь такого состояния, был долгим и трудным. Мы видели, как долго училась она воевать, как нескоро Петр отважился на генеральное сражение со страшным Карлом. Победа досталась не по счастливому стечению обстоятельств, а лишь после того, как «беспорядочные толпы» превратились в настоящую армию. Для этого пришлось решить много непростых задач: создать инфраструктуру мобилизации; обзавестись национальным офицерским корпусом и наладить военное образование; обеспечить воинов хорошим оружием отечественного производства; организовать систему снабжения; разработать уставы, без которых не бывает ни дисциплины, ни порядка – ну и, самое главное, найти достаточно денег для исполнения всех этих задач.

Если гражданская деятельность петровского правительства часто бывала непродуманной и малоэффективной, то в области военного строительства русские, по выражению Петра, «великия прогрессы учинили» и добились весьма впечатляющих успехов за довольно короткий срок – от Нарвы до Полтавы прошло всего девять лет.

Легче всего – сравнительно – решилась вроде бы громоздкая проблема с вооружением. Дело в том, что еще при отце и деде Петра в Туле появились хорошие оружейные мастерские, на базе которых в 1705 году открылся первый казенный завод, еще один, оборудованный по последнему слову тогдашней техники, возник семь лет спустя. Известно, что к 1720 году в Туле ежегодно производилось 22 тысячи ружей и пистолетов – вполне достаточно для армейских нужд. Пушечное литье на Руси было налажено и до Петра, московское войско славилось своей артиллерией. Правда, не хватало сырья, так что, потеряв под Нарвой весь артиллерийский парк, Петр оказался вынужден переплавлять церковные колокола. Но эта проблема была решена с открытием новых месторождений меди на Урале и ускоренным строительством заводов. (О развитии горнорудной и металлургической промышленности будет рассказано в следующей главе.) Очень неважного качества был русский порох, из-за чего пушки не смогли пробить стены Азова и Нарвы, но уже к 1704 году наладилось и это производство.

Поначалу казалось, что трудностей с комплектованием армии не будет. Перед шведской войной в стране накопилось множество «бездельных людей»: вольноотпущенных холопов, бродяг и бывших солдат из ранее расформированных полков. Армия, с которой Петр начал кампанию 1700 года, в значительной степени состояла из «охотников», которых «кликнули» на службу. Таких «новоприборных» полков было двадцать девять из тридцати трех. Строя новобранцы не знали, начальникам (в основном иноземцам) не доверяли и под Нарвой проявили себя никудышными воинами. Со временем те из них, кто уцелел и не дезертировал, конечно, обучились ремеслу и стали настоящими солдатами, но война разворачивалась шире и шире, требовала всё новых людей, и добровольцами эту потребность было не восполнить. К тому же, воюя, армия постоянно несла боевые и небоевые потери.

Пришлось развивать другой способ комплектования – принудительный. Впервые Петр дал приказ о насильственной записи в солдаты еще в январе 1700 года. Тогда это коснулось только холопов, которые остались ничьими после смерти своих хозяев. Но осенью того же года произошел уже массовый рекрутский набор – призвали каждого пятого дворового и каждого седьмого работающего. В дальнейшем подобные призывы случались практически ежегодно. Иногда объявлялся какой-нибудь чрезвычайный сбор – например, для Прутского похода в 1711 году экстренно забрали 20 тысяч рекрутов. Или же вдруг обнаруживалась нехватка в армейских писарях, и следовал царский указ об отправке потребного количества подьячих из гражданских учреждений на военную службу.

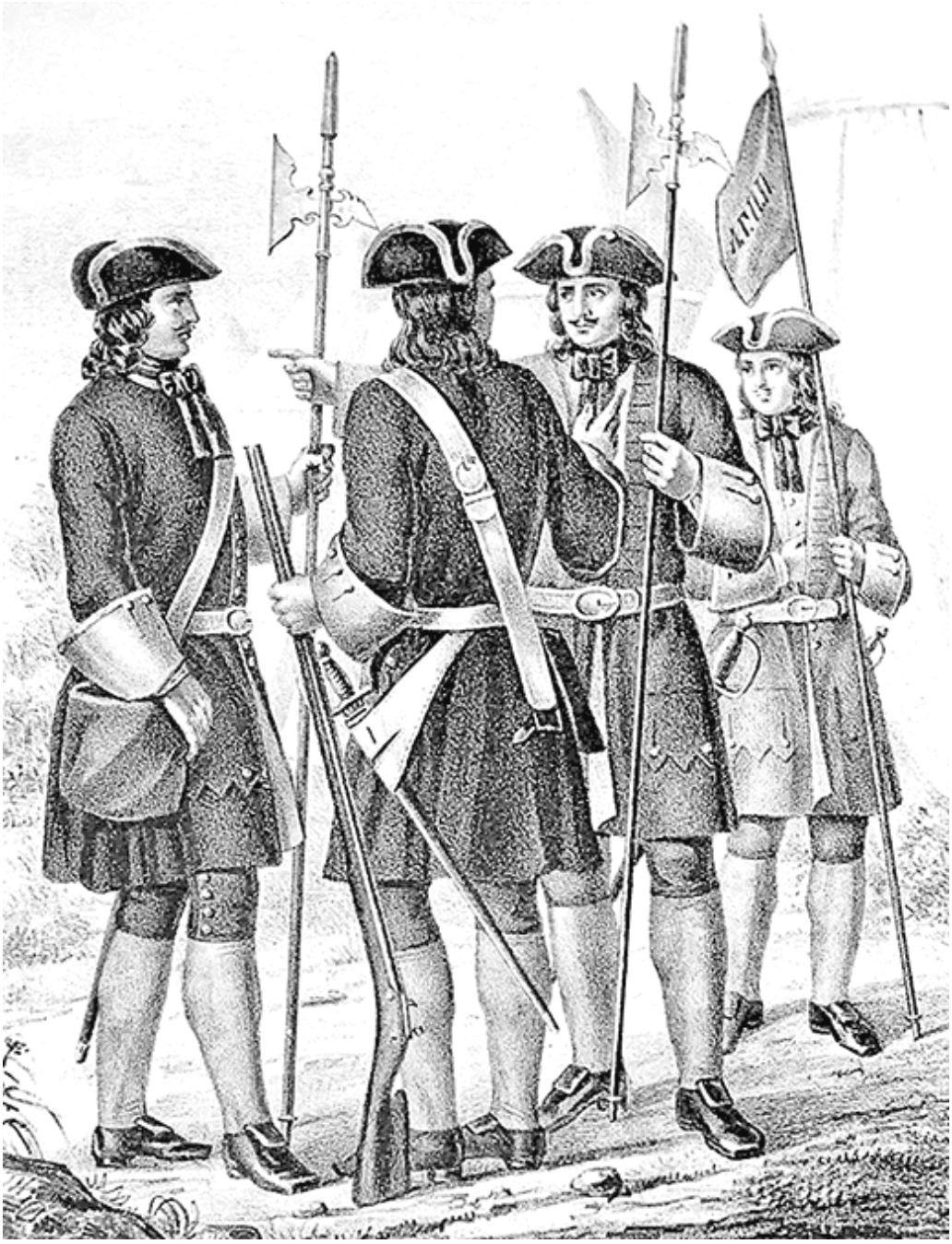
Солдатом или матросом человек становился пожизненно, поэтому рекрутов домашние оплакивали, как покойников. Рекрутская повинность сохранится в России вплоть до введения всеобщей воинской повинности в 1864 году.

Новобранцев перестали сразу рассылать по полкам, а сначала отправляли на «станции» для прохождения азов воинского дела. Набрать людей было легче, чем научить их быть солдатами, и эта проблема долгое время оставалась для русской армии самой болезненной.

Любопытную характеристику состояния русской армии в 1701 году дал саксонский фельдмаршал Штейнау, к которому

от Петра был прислан вспомогательный корпус под началом Аникиты Репнина: «Сюда прибыли русские войска, числом около 20 000. Люди вообще хороши, не больше 50 человек придётся забраковать; у них хорошие мастрихтские и люттихские ружья, у некоторых полков шпаги вместо штыков. Они идут так хорошо, что нет на них ни одной жалобы, работают прилежно и скоро, беспрекословно исполняют все приказания». Об офицерах Штейнау гораздо худшего мнения. «Полковники все немцы, старые, неспособные люди и остальные офицеры люди малоопытные».

Итак, вооружение было хорошее, солдаты тоже, но иностранные офицеры стары и неспособны, а русские неопытны.



Петровские солдаты. *Литография. XIX в.*

Взять опытных командиров в России было неоткуда, оставалось только нанимать иностранцев, и в первую половину петровского царствования на это тратится немало средств. Дело затруднялось тем, что с 1701 года в Европе шла большая война за господство на континенте, и на хороших профессионалов существовал высокий спрос. Такие предпочитали служить «цивилизованным» монархам, в

Россию же обычно соглашались ехать те, что остались невостребованными. Кандидаты на офицерские чины еще как-то находились, но талантливых генералов на «рынке труда» просто не было, а в собственных полководцев Петр пока не верил. Вот почему во главе нарвской армии внезапно оказался странный командующий де Круи, единственным достоинством которого было высокое звание в иностранной армии.

Генералы, впрочем, довольно скоро появились свои, и не хуже европейских: Шереметев, Репнин, тот же Меншиков, но офицерство, костяк армии, еще долго в значительной степени состояло из чужеземцев.

Школы для подготовки артиллеристов, военных моряков и инженеров возникли довольно рано, с 1701 года, но представления о том, что «обычных» офицеров, пехотных и кавалерийских, тоже следует обучать в специальных училищах, еще не существовало. Единственной «кузницей кадров» была гвардия, где дворянские сыновья проходили выучку простыми солдатами, а затем попадали в армию уже на офицерские должности. Пропускная способность тут была ограниченна, и обеспечение армии русским начальным составом происходило небыстро. Впервые царь позволил себе отпустить со службы иностранцев, и то всего двести человек, лишь в 1711 году. Затем вышел указ, что русские должны занимать в полках не менее двух третей офицерского состава. Эта доля все росла и к концу петровского царствования, по мнению некоторых исследователей, доходила уже до 90 %. Армия наконец стала национальной (не говоря уж о том, что многие старослужащие «немцы» к этому времени обрусели).

Проблема снабжения большой армии в голодной стране тоже была нелегкой, и решалась она без затей: всё потребное отбиралось у населения, которому приходилось еще туже затягивать пояса. Единственное новшество заключалось в том, что эти поборы теперь регламентировались. Поставка продовольствия, фуража, конной тяги, повозок и прочего раскладывалась поровну на определенное количество дворов; купеческое сословие вносило свою лепту деньгами, очень немалыми (откуп от рекрутской повинности, например, составлял 100 рублей). Помещики платили налог на армию по 80 копеек с каждого крепостного. В мирное время солдат размещали на

постой, причем каждого пехотинца должны были содержать 35 с половиной обывателей, а кавалериста – пятьдесят с одной четвертью (представить себе половину или четверть обывателя трудно, но Петр любил математические расчеты). Снабжением и тыловым обеспечением ведал армейский комиссариат, в распоряжении которого находились фуражирная, обозная, маркитантская, квартирмейстерская и прочие вспомогательные службы. «Пропитание как людем, так и скоту наиглавнейшыя дела суть», – писал Петр, и «порцион» солдатского питания был довольно щедрым: два фунта хлеба, фунт мяса, две чарки вина и кружка пива в день.

Армия без воинского устава – не армия, а уж с таким монархом можно было не сомневаться, что этот документ будет составлен со всей обстоятельностью. В 1716 году вышел подробнейший трактат в 108 главах, «дабы всякой чин знал свою должность, и обязан был своим званием, и неведением не отговаривался». Петр сам правил и дополнял «Воинский устав», который, разумеется, начинался словом «понеже» и не обходил стороной ни одной мелочи, вплоть до указания, что сержанты должны решать, кому очередь идти в караул, не абы как, а бросая кости.

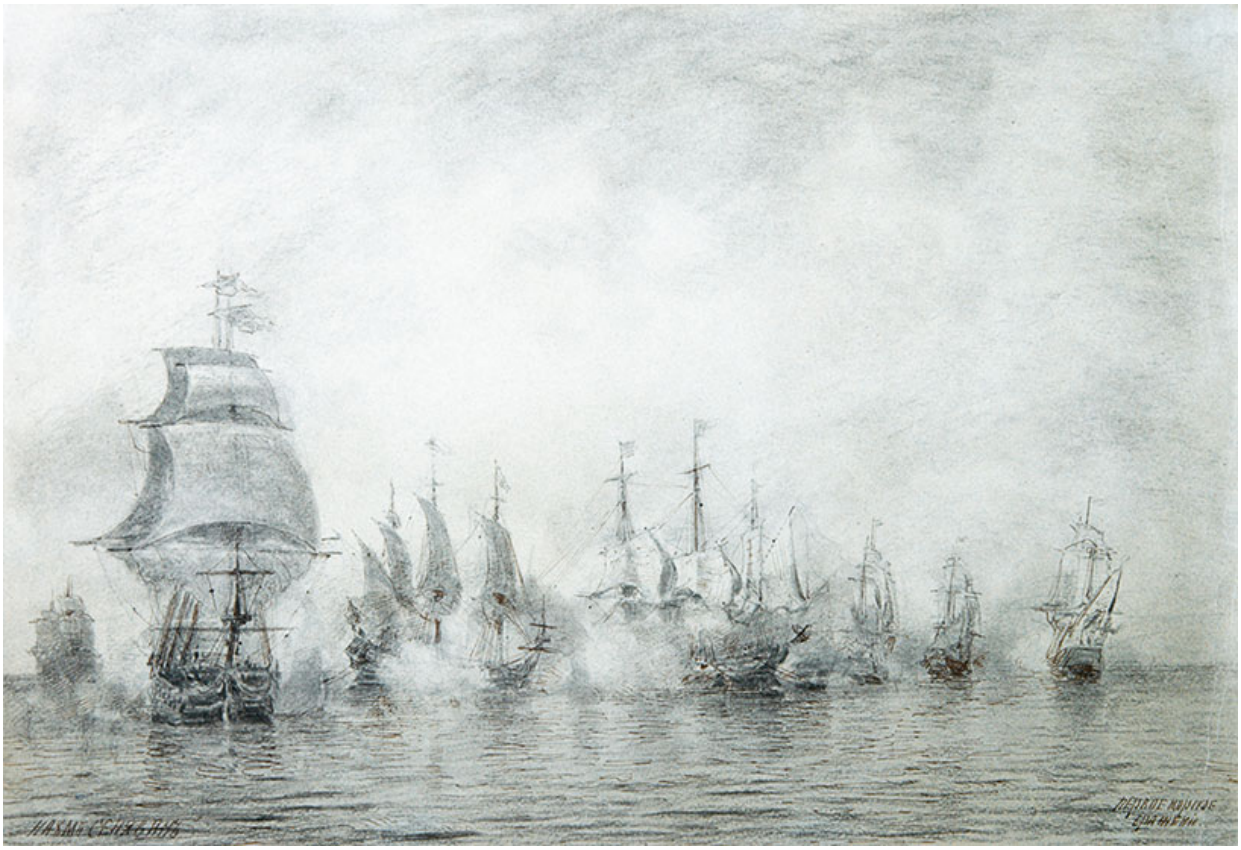
Когда император в 1725 году умер, он оставил стране сильную армию, основные параметры которой – рода войск, тактические единицы (дивизии, бригады, полки, батальоны, роты), иерархия чинов, даже многие команды – сохранялись до двадцатого века, а многое пережило и монархию. Рождение российской армии по справедливости следовало бы отсчитывать не с 23 февраля 1918 года, странной даты, придуманной в советские времена, а с одного из ключевых петровских указов: либо от 21 ноября 1699 года о переходе с ополченско-стрелецкой системы на регулярную, либо от 16 марта 1716 года о введении «Воинского устава».

Но если армию потребовалось коренным образом перестраивать, то флот пришлось создавать совсем с нуля. В Московском царстве его не существовало. В нем и не было нужды. Выхода в Балтийское и Черное моря страна не имела, на Каспии хватало и купеческих судов, а в Белом море всю морскую торговлю осуществляли иностранные купцы, русские корабли далеко плавать не умели.

Начало русского флота похоже на сказку.

Вот мальчик-царь находит в измайловском сарае забытый английский ботик, способный маневрировать под ветром, и плавает в Просяном пруду шириной 500 метров. Потом юноша перебирается на Переяславское озеро (ширина – 6 километров) и строит с плотниками Немецкой слободы лодку побольше. В 1693 году молодой самодержец впервые видит в Архангельске настоящее море и настоящие корабли; тогда же он закладывает первый большой парусник «Святой апостол Павел». В 1696 году под Воронежем начинается масштабное строительство русского военного флота. В 1703 году спущены на воду первые корабли на Балтике.

Двадцать лет спустя, к концу жизни царя, в составе морских сил России 48 линейных кораблей с вооружением от 40 до 100 орудий и 787 военных судов меньшего размера, а общая численность экипажей составляет 28 тысяч человек. Конечно, с мировым лидером, британским флотом, насчитывавшим не менее 200 линейных кораблей, Россия соперничать не могла, но ей вполне хватало первенства в Балтийском бассейне. Всего же при Петре на русских верфях построили около тысячи одних только крупных кораблей, значительная часть которых, правда, без пользы сгнила, не выбравшись за пределы Азовского моря.



Русский флот в сражении. *А.П. Боголюбов*

Дореволюционный морской историк Ф. Веселаго пишет, что поначалу качество отечественных кораблей из-за спешки было скверным – Петр гнался за количеством в ущерб качеству. Лес недосушивали, из-за чего корпус и мачты выходили некрепкими. Такие корабли легко давали течь и неважно маневрировали. Их огневая мощь тоже оставляла желать лучшего – на судах не хватало пушек большого калибра. Первые морские победы, как мы видели, обычно достигались значительным перевесом над противником и по преимуществу посредством абордажа.

Но главной проблемой было даже не качество кораблей (постепенно оно улучшалось), а недостаток опытных моряков. Хорошие матросы получались из архангельских рыбаков и китобоев, но их не хватало. Приходилось насильно мобилизовывать обычных крестьян, никогда не видевших моря и боявшихся его. Таких рекрутов, чтоб не разбежались, держали под крепким караулом, иногда даже заковывали в цепи. Гребцами на галеры, составлявшие основную часть флота, сначала сажали каторжников, но их тоже недоставало и перешли

на «вольных» (которые на самом деле, конечно, были подневольными). Впрочем, тех же обычаев тогда придерживались во всех флотах.

Хорошего морского офицера подготовить было еще трудней, чем сухопутного. На первом этапе существовал только один способ – учиться за границей, и Петр еще с 1690-х годов посылал дворян в Голландию, Венецию, Англию и Францию. Возвращаясь, эти молодые люди должны были пройти экзамен (часто его принимал сам царь), а затем поступали на суда и верфи. Эта практика сохранялась до тех пор, пока в России не появилась собственная система морского обучения.

Примечательно, что первым военным учебным заведением в России стала «Школа математических и навигацких наук» – в 1701 году, когда еще и выхода к морю не было. Преподавали там в основном англичане. К 1705 году число учащихся достигало 500 человек. Правда, готовили там не только моряков, но также инженеров, геодезистов и даже медиков.

В 1715 году царь приказал учредить в Санкт-Петербурге уже сугубо специализированную Морскую академию, и с этого момента количество командированных для зарубежного обучения сокращается. Больше половины офицеров на флоте к этому времени не иностранцы, а русские.

Появляются и отечественные адмиралы – настоящие, а не титульные, как было в самом начале, когда Петр запросто награждал этим пышным званием своих приближенных, что называется не нюхавших моря. В 1690-е годы адмиралами числились и Франц Лефорт, и Федор Ромодановский, и Федор Головин, отроду не водившие кораблей. Адмиралы 1720-х годов – выдающиеся организаторы Апраксин и Меншиков, боевые флотоводцы Наум Сенявин и Матвей Змаевич, опытный портовый начальник Корнелиус Крюйс.

Итак, новая империя обзавелась очень сильной армией и неплохим флотом. Однако России это приобретение обходилось очень недешево. Военные расходы даже в мирное время съедали до 80 % государственного бюджета – с точки зрения современной экономики, пропорция совершенно невообразимая.

Морские кадеты. *Н.А. Коргуев*

В цифрах это выглядело так.

Издержки на сухопутные силы за время правления Петра многократно возросли и к 1725 году превышали четыре миллиона рублей в год. В 1680 году, при старшем брате Петра, на войско расходовали всего 750 тысяч. Ради армии Петр экономил на всем, включая и собственные нужды. По сравнению с тем же 1680 годом расходы царского двора сократились более чем вдвое. Все податное население страны было обложено специальным военным налогом с каждой «мужской души», от грудного младенца до старика. На флот деньги собирали особо, и морское величие обходилось в полтора миллиона.

Государство, тратившее такую долю своего дохода на вооруженные силы, не могло не стать военной империей.

Экономика

Логика петровских преобразований была, в сущности, очень проста. Царю хотелось, чтобы его держава была сильной. Для этого требовались мощные вооруженные силы. Для того чтобы они появились, следовало иметь больше денег. Доходы государства можно увеличить двумя способами: самый простой, неоднократно использовавшийся и предшественниками Петра, – обложить население еще большими поборами; другой, более сложный, – развивать торговлю и промышленность. Первый ресурс имел ограничения, поскольку страна была бедная, а население нищее. Второй, делавший богаче саму страну, сулил гораздо больше прибылей, но не сразу, а в перспективе. Петр хорошо это понимал и сделал очень многое для становления российской экономики, однако военные обстоятельства понуждали царя форсированно эксплуатировать и самый быстрый способ пополнения казны. Промышленность росла, но постоянно возрастало и податное бремя. С петровской эпохи возникает странная ситуация, при которой государство может богатеть, а народ при этом нищать.

Бюджет России при Петре увеличился колоссально – от полутора миллионов рублей в конце правления царя Федора до (по разным оценкам) восьми или даже десяти миллионов в 1725 году. Но значительная часть этого роста была достигнута за счет обнищания народа. В 1710 году, ощущая острую нехватку денег, царь велел учинить ревизию финансов. В то время расходы составляли 3,8 миллиона, доходы – только 3 миллиона, то есть дефицит бюджета превышал 20 %. Тогда Петр велел произвести перепись населения, чтобы никто не мог уклониться от налогов. Раньше подати брали с целого хозяйства («двора»), но обер-фискал Нестеров предложил перейти на «поголовщину», потому что крестьяне-де нарочно не делят имущество, а помещики этому потакают, чтобы приуменьшить количество своих крепостных. Несколько лет понадобилось на то, чтобы собрать «ревизские сказки» и подсчитать количество «душ». Потом, как уже рассказывалось, правительство поступило просто: разложило свой главный расход, содержание армии, на всех податных. Платежеспособность в расчет не бралась, так что далеко не все могли вносить требуемую сумму, и объем недоимок от года к году

увеличивался. С крепостных брали 74 копейки; свободные землепашцы должны были платить на 40 копеек больше; горожан и вовсе обложили податью в 1 рубль 20 копеек. Введение подушной подати увеличило налоговую нагрузку на народ в полтора-два раза против прежнего. Этот побор стал обеспечивать бюджет больше чем наполовину.

> По камер-коллежскому отчету 1724 года видно, из чего складывались тогда государственные доходы. Подушная подать обеспечивала 53 % поступлений. Далее, по степени важности, шли таможенные пошлины, почти столько же давали «пьяные деньги». В 1716 году было дозволено производить алкоголь свободно, выплачивая в казну пошлину по 25 копеек с ведра. Эта мера, вряд ли полезная для народного здоровья, приносила почти миллион рублей в год.
>
> Было и множество мелочных поборов, в совокупности дававших немного: с домашних бань, с пчелиных ульев, «с попов за драгунские лошади» и даже с клеймения шапок и сапог (за год 389 рублей).

Что касается развития промышленности, здесь Петр смотрел на Европу и хотел иметь у себя всё, что было там: такие же производства, заводы, мануфактуры. Стремление к полному самообеспечению собственной продукцией, независимость от всякого импорта стала доминантой государственной индустриальной политики. Затраты, а подчас и целесообразность Петром при этом обыкновенно не учитывались, да и на предприимчивость отечественных предпринимателей он не полагался, говоря: «Хотя что добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не сделают». С принуждением у царя проблем не возникало. Он сам приказывал, что, когда, кому и как производить.

Российских предпринимателей петровской формации трудно назвать капиталистами в полном смысле. В-первых, деятельность всех мало-мальски важных предприятий регулировалась государством: Берг- и Мануфактур-коллегиями. Во-вторых, само понятие частной собственности применительно к таким предприятиям выглядело как-то зыбко. «Имеют оные промышленники рудокопных дел, по данным им привилегиям или жалованным грамотам сим обнадёжены быть, что у

них и у наследников их оные заводы отняты не будут», – говорилось, например, в «Берг-привилегии», законодательном акте 1719 года.

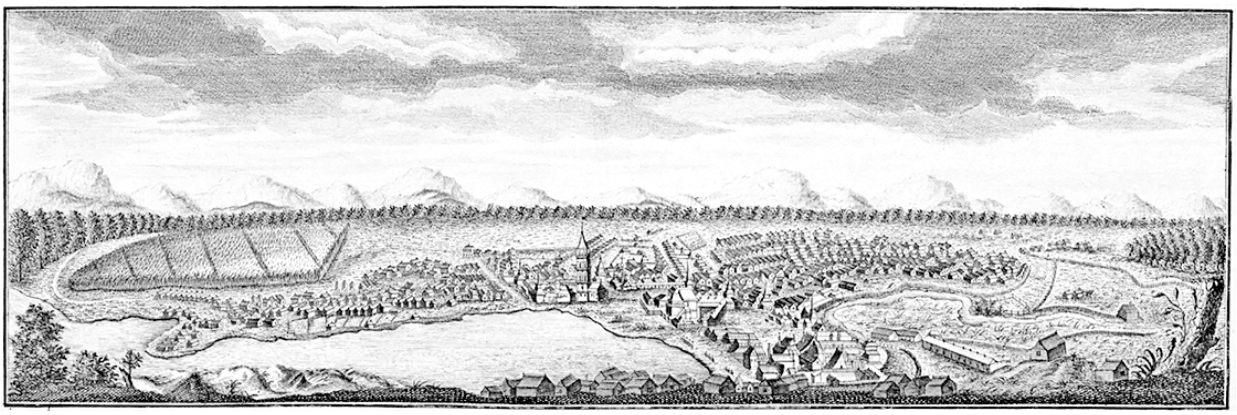
Петр отучил аристократию чураться промышленности и торговли. Учреждение «кумпанств» и заводов стало считаться делом почетным, способом заслужить высочайшее поощрение. Поскольку самыми богатыми людьми в стране были крупные землевладельцы, привлечение их капитала к развитию производства обеспечивало необходимые финансовые ресурсы.

Больше всего государя, конечно, занимали отрасли, напрямую связанные с военным делом. Горнорудная промышленность, прежде находившаяся в зачаточном состоянии, стало одной из ведущих отраслей российской индустрии. Раньше хорошее железо приходилось ввозить из Швеции, меди тоже вечно не хватало.

Рудные богатства Урала были разведаны и разработаны при Петре. Первый железный завод там появился еще в 1699 году. Управлял им тульский оружейник Никита Демидов, основатель прославленной династии промышленников. Двадцать лет спустя на Урале существовало уже больше двадцати казенных и частных заводов, на которых работали 20 тысяч человек.

В год смерти Петра в стране было выплавлено 800 тысяч пудов чугуна – более чем достаточно для удовлетворения внутренних потребностей, так что оставалось и для экспорта.

Железо добывали и в Западной Сибири, в Нерчинске нашли серебро, в Кунгуре и Верхотурье – залежи меди, очень важного стратегического сырья, нужного не только для пушек, но и для чеканки монеты. (Благодаря этому при Петре наконец разрешилась очень давняя проблема разменной наличности.)



Невьянский завод Демидовых. *Гравюра. XVIII в.*

Берг-коллегия завела четыре металлургических округа: тульский, олонецкий, уральский и петербургский.

Одних только армейских пушек (не считая корабельных) при Петре было отлито больше 16 тысяч.

Но армии и флоту требовалось не только вооружение. Кораблям были нужны хорошие паруса, солдатам – мундиры. Ни парусины, ни хорошего сукна в стране в таких количествах не производилось. Парусное производство облегчалось тем, что было много льна. Казенная фабрика, построенная в Москве, научилась делать ткань отменного качества и в таком количестве, что адмиралтейство забирало всего 15 % продукции – остальная поступала в свободную продажу. Но для сукна требовалось много шерсти, а ее не хватало. Мундиры шили из материала, закупаемого в Европе. Пришлось разводить овец и строить мануфактуры. Они были и частными, и государственными, но производили недостаточно сукна – его, хоть и в меньших количествах, чем прежде, продолжали ввозить из Англии и Пруссии. Ведала фабричной отраслью Мануфактур-коллегия.

Развитие других, «мирных», производств тоже не было обойдено вниманием вездесущего монарха.

Бюрократическое государство стало расходовать очень много бумаги, и Петр велел поставить «бумажные мельницы» как в старой столице, так и в новой. Известно, что одна только Красносельская фабрика под Санкт-Петербургом производила до 20 тысяч стоп (почти десять миллионов листов) бумаги в год.

Другим существенным событием было создание собственных сахарных заводов – правда, из привозного сырца.

Благодаря избытку качественного железа появился большой игольчатый завод. Раньше иголки привозили из-за границы, теперь начали экспортировать.

Ткацкие фабрики начали выпускать гражданскую одежду, скатерти, салфетки, полотенца, шпалеры, чулки. Появились русские зеркала.

> Далеко не все промышленные начинания получались удачными и прибыльными. Двое ловких сановников, вице-канцлер Шафиров и тайный советник Петр Толстой, желая

отличиться перед государем, вызвались наладить производство русского шелка. Это было в 1717 году, сразу после французского визита царя – ему очень понравилась парижская шелковая мануфактура.

Петр обрадовался, немедленно запретил ввозить шелка из Европы, а новоявленным фабрикантам, к которым примкнул генерал-адмирал Апраксин, пообещал освобождение от пошлин сроком на 50 лет.

Но дело оказалось технически сложное и хлопотное, вельможные заводчики с ним совладать не умели. Не клеилось и у других предпринимателей, так что скоро пришлось от эмбарго отказываться, иначе страна осталась бы без шелка. Собственное производство при Петре так и не наладилось, хотя несколько маленьких фабрик все же появилось – в основном они копировали рисунки европейского дизайна.

Всё же, несмотря на отдельные неудачи, по уровню индустриального развития Россия 1725 года разительно отличалась от московского царства. Подсчитано, что после смерти Петра в стране работало 233 промышленных предприятия: заводы, фабрики, мануфактуры.

Богатство державы стоит на торговле. Эту древнюю истину знали и прежние правители, но Петр твердо усвоил европейскую идею меркантилизма, одним из основных положений которого был тезис об обязательном преобладании экспорта над импортом. Мы видели, как последовательно царь придерживался этой концепции в своей экономической политике.

Цель тяжелых войн, которые он затеял – сначала с Турцией, потом с Швецией, – главным образом заключалась в открытии новых торговых магистралей, а флот был нужен, чтобы Россия могла экспортировать товары на собственных кораблях, не завися от иностранных компаний.

И вот великая мечта, к которой стремился еще Иван IV, осуществилась. У России появились порты на Балтике, европейские рынки стали и ближе, и доступнее. Петр всячески поощрял предприимчивость отечественных купцов и покровительствовал

торговле, в 1713 году он разрешил свободно ею заниматься всем подданным, какого бы они ни были сословия, однако это вовсе не означает, что русская торговля стала свободной. Как во всем, царь руководствовался здесь одним-единственным соображением: государственной прибылью и, исходя из этого, сам решал, чем, где и как торговать.

Прежде всего это проявлялось в жестком регулировании перечня так называемых казенных товаров, которыми не могли торговать частные лица. Главным стратегическим товаром был хлеб, и правительство гибко распоряжалось этим ресурсом, стимулируя экспорт в урожайные годы и запрещая при недороде. Но ассортимент монопольной торговли сначала был много шире, в него входили самые выгодные товары: «сибирские» (мех и «рыбий зуб»), китайский и персидский импорт, алкоголь, соль, пенька, табак, кожа и так далее. Когда же Петр понял, что государству проще и выгоднее не торговать самому, а получать пошлину за лицензирование, он стал сокращать этот список и в 1718 году упразднил его почти полностью.

Ограничения затрагивали не только виды торговли, но и ее маршруты. Безмерно любя свой невский «парадиз», Петр развивал его не только за счет казны, но и за счет частной коммерции. Прямо в 1713 году, едва учредив новую столицу, царь приказал русским купцам везти свои товары, предназначенные для европейского рынка, туда, а не в Архангельск. Этот указ был развешан повсюду, его читали даже в церквях. Запрет разрушал давно сложившиеся связи, подрывал долгосрочные контракты, разорял всю северную торговлю, но Петра это не остановило. Через несколько лет последовал новый указ, дозволявший возить в Архангельск продукцию только из близлежащих областей и, что окончательно подорвало экспортно-импортное значение беломорского порта, теперь любые договора с иностранными купцами могли заключаться только в Петербурге. Какая уж тут свобода торговли?

Морской город Санкт-Петербург. *Е.Е. Лансере*

С такими привилегиями петербургский товарооборот быстро рос, архангельский же совсем захирел. В 1726 году через прежний главный порт было ввезено продукции всего на 36 тысяч рублей, а через Петербург – на полтора миллиона.

Кроме столицы на Балтике у России появилось еще пять портов: Рига, Ревель, Нарва, Выборг, Пернов. Самым крупным всё же оставалась Рига. Хоть Петр и пытался перенаправить торговые операции оттуда в Петербург, но Рига для европейцев была ближе и удобнее. Известно, что в 1724 году в Петербург пришло 240 иностранных кораблей, а в Ригу – 303.

Новые торговые маршруты не ограничивались морской балтийской торговлей. Товары шли в Европу и сухим путем, через Украину и Польшу, причем не только в Австрию и германские государства. Россия завязала активную торговлю с отдаленными странами – Францией, Испанией, Португалией. Французский импорт был нацелен на удовлетворение изменившихся потребностей русского дворянства, иберийский давал всякие редкие товары вроде драгоценных пород дерева, красителей или оливкового масла. Особенно много завозили вина, к которому русские приобретали все больший вкус, так что с 1723 года в Бордо даже появилось российское консульство.

Подытоживая перемены, произошедшие с экспортом и импортом в первой четверти XVIII, Ключевский пишет: «Из двух задач, какие Петр поставил себе в устроении внешней торговли, успешно разрешена была одна: русский вывоз получил значительное преобладание над ввозом; года через два по смерти Петра Россия вывозила на 2400 тысяч рублей, а ввозила на 1600 тысяч рублей. Но совсем не удалась другая задача – завести русский торговый флот, чтобы вырвать внешнюю торговлю из рук захвативших ее иноземцев: русских предпринимателей на это не нашлось». Добавлю, что в империи, приоритетом которой являлся государственный, а не частный интерес, и не могло получиться иначе. Военный флот в России всегда будет много сильнее коммерческого.

В области внутренней торговли развитие получилось более скромным – прежде всего из-за бедности населения. Однако и здесь произошли перемены.

Еще перед Северной войной, беря за пример Европу, царь ввел новшество – «купецким людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди – компаниями», пояснив смысл непонятного слова следующим образом: «иметь о том всем купецким людям меж собою с общего совета установление, как пристойно бы было к распространению торгов их, отчего надлежит быть в сборах великого государя казны пополнению». Последнее пояснение раскрывало всю суть затеи – государя интересовало не обогащение коммерческих компаний, а выгода для казны. Потому торговые компании и не получили в России такого распространения, как в Западной Европе – государство слишком активно вмешивалось в их деятельность. Не говоря уж о том, что объединение купцов в ассоциации вообще-то должно быть делом добровольным, а Петр, бывало, сгонял людей в «кумпанства» и насильно.

Вмешивалось государство и в контроль качества товаров. В 1718 году для некоторых видов продукции, имеющих особенно важное (главным образом, экспортное) значение, была введена процедура проверки. Ее осуществляли специальные должностные лица – «браковщики». За жульничество полагались суровые кары вплоть до смертной казни.

Попробовал Петр, опять-таки по европейскому примеру, развивать в России торговые ярмарки, но особенного значения они не получили

по той же самой причине – у народа не было денег. Более или менее успешной была только Рижская ярмарка, но она работала и прежде, в шведские времена.

Существовал еще один тормоз для развития торговли помимо низкой покупательной способности населения: вечная российская беда – ужасающее состояние дорог, весной и осенью вовсе непроходимых. Здесь мало что изменилось со времен Владимира Красно Солнышко, когда товары перемещались почти исключительно речными трассами. Строить дороги при таких расстояниях и при такой разбросанности населенных пунктов русскому государству во все эпохи было не по средствам. Не хватало на это ресурсов и Петру. Самая главная сухопутная артерия страны, тракт между двумя столицами, завершенный с огромными издержками в 1718 году, пребывал в ужасающем состоянии. Пишут, что из-за плохо устроенных переправ и непролазной грязи даже иностранные послы при всех положенных проездных привилегиях могли потратить на преодоление этого не столь великого расстояния пять недель (то есть двигались со средней скоростью не более 20 километров в сутки).

Строительство дорог оплачивалось за счет специального налога – дорожной повинности, возложенной на купечество и обывателей, а крестьяне должны были участвовать в этом общем деле своим трудом. Однако рассчитывать на то, что огромная страна покроется сетью коммуникаций, пригодных для перевозки грузов, не приходилось. У Петра возник иной план, менее фантастический, но все равно грандиозный: создать общероссийскую водно-транспортную инфраструктуру. Для этого предполагалось прорыть множество каналов и построить несколько шлюзовых систем.

Надо сказать, что эта идея в ту пору была очень популярна и в Европе – ведь баржа, которую тянула всего одна лошадь, могла перевозить до 30 тонн товаров. Значительная часть континента, от Британии до Италии, в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях покроется разветвленной сетью гидротрасс, соединяющих моря и речные бассейны. Конец европейскому каналостроительству положит лишь изобретение железных дорог.

Петр, с легкостью ввязывавшийся в гигантоманские затеи, приказал вырыть первый канал сразу после Азовских походов,

одновременно с началом строительства Воронежского флота. Артерия должна была соединить Волгу и Дон, то есть Черное море с Каспийским. Десятки тысяч мужиков копали землю и сооружали шлюзы, но потом началась шведская война, и стройка была приостановлена. После поражения 1711 года и потери выхода к Азовскому морю ее вовсе свернули.

Основав Санкт-Петербург, царь загорелся еще более смелым прожектом: соединить Каспий прямо с Балтикой. Особенно нравилась ему перспектива путешествовать из одной столицы в другую, не трясясь по бездорожью в возке, а покачиваясь на волнах.

Двадцать тысяч рабочих потратили четыре года, чтобы связать Волжский бассейн с Волховским, но со временем от неупотребления «слюзы» пришли в негодность, их занесло песком. Этим водным путем оказалось невыгодно пользоваться, потому что он проходил через Ладожское озеро с его внезапными бурями, легко топившими плоскодонные речные баржи. Тогда Петр велел рыть канал в обход Ладоги.

Эпопея с этим обводным каналом заслуживает отдельного описания, она весьма характерна для петровской эпохи.

Дело было казенное, важное – самый главный строительный проект своего времени, поэтому за исполнение взялся лично князь Меншиков, по выражению Ключевского, ничего не понимавший, но во всё совавшийся. Светлейший сгубил воровством на продовольственных поставках тысячи работников, потратил более двух миллионов рублей и продвинулся очень недалеко.

Пришлось вводить специальный налог: по 70 копеек с каждого двора, да 10 % дохода купечества, да выдать подрядчикам таможенные льготы на продажу вина и табака для рабочих (прямой убыток казне).

За пять лет из потребных ста семнадцати километров прорыли двенадцать. Людей не хватало.

Пригнали пять тысяч новых рабочих с Украины. Потом прислали 20 тысяч солдат. Вместо Меншикова назначили на строительство инженерного генерала Миниха, в будущем – одного из ярчайших деятелей российской истории.

Педантичный немец смог завершить работу только через шесть лет после смерти Петра. В дальнейшем канал, обошедшийся в много миллионов рублей и много тысяч человеческих жизней, приходилось все время достраивать, а профункционировал он меньше одного века.

В общей сложности великое гидротехническое строительство Петра дало весьма скромные результаты (из шести начатых каналов был достроен только один) и мало чем помогло развитию торговли.

Сословия

Перепись, устроенная Петром для введения подушного налога, дает нам представление о численности и составе населения страны в 1722 году (когда были наконец сведены данные всех «ревизских сказок»).

Народ России делился на три основных сословия: служилое, к которому относились дворяне, приказные и духовенство; горожане – купцы и посадские; наконец, основной класс – крестьянство, как крепостное, так и «черносошное», то есть принадлежавшее не частным лицам, а государству.

Считали только податных россиян мужского пола – их оказалось без малого 6 миллионов. Если прибавить женщин, дворян, духовенство и не охваченных переписью инородцев, можно приблизительно определить тогдашнее население империи в 13 миллионов человек.

Почти все они, 97 %, проживали в сельской местности. Больших, маленьких и средних городов насчитывалось 340. В стране имелось 761 526 крестьянских изб и только 49 447 мещанских домов.

Если начать разбираться, как в эту переломную эпоху изменилась жизнь каждого из классов, сталкиваешься с удивительным открытием. Петровские преобразования всерьез изменили существование только одного слоя, притом самого тонкого – дворянства, численность которого, по подсчетам Я. Водарского, составляла в 1719 году 140 тысяч мужчин, меньше двух с половиной процентов населения.

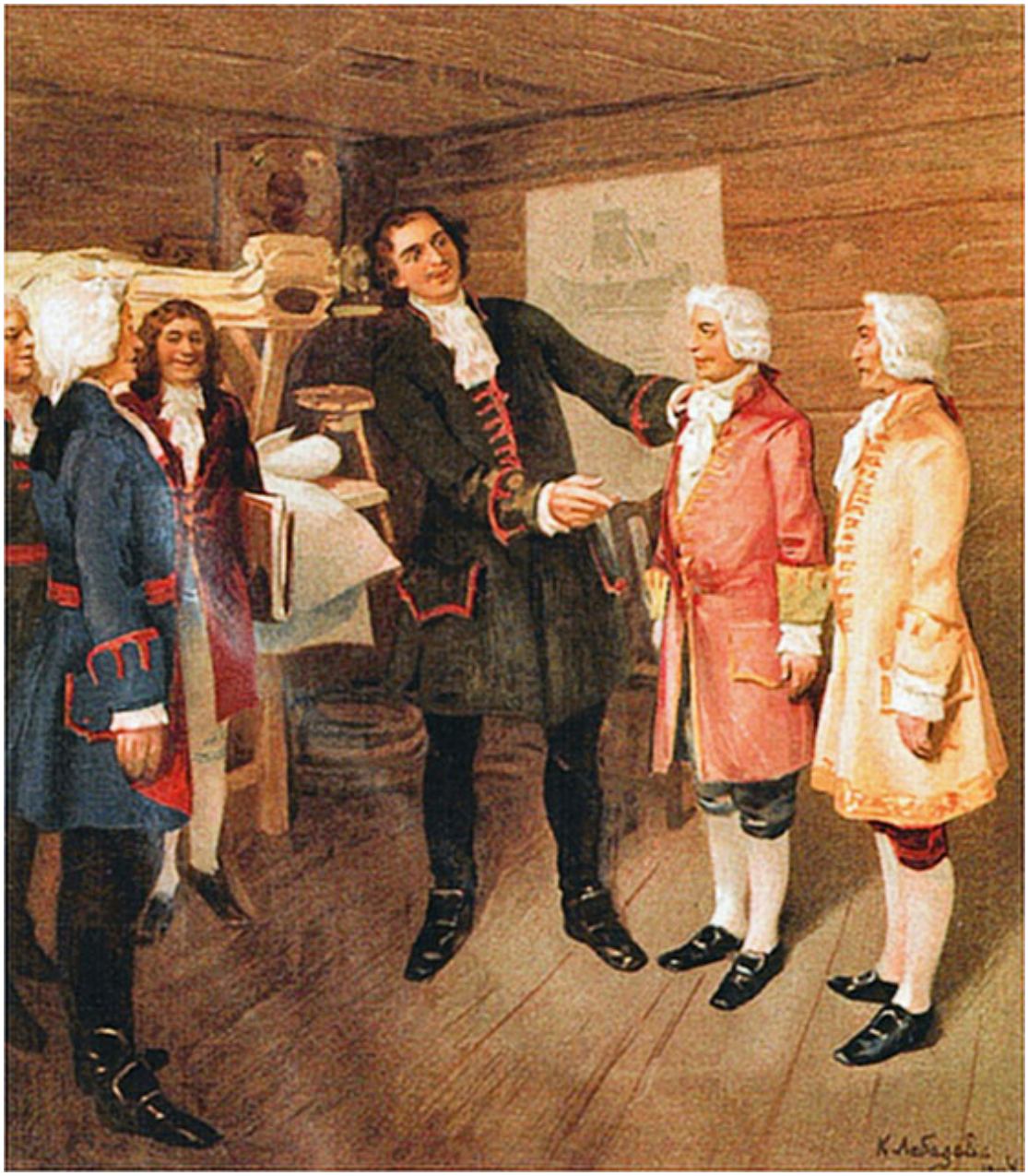
О дворянстве главным образом и пойдет речь в этой главе.

Социальная элита страны действительно подверглась серьезной трансформации. Постепенно исчезла прежняя верхняя прослойка, боярство, и само это слово вышло из употребления. Всех представителей правящего сословия теперь называли просто «дворянством» или же, на польский лад, «шляхетством».

Не следует считать обитателей высшего этажа российской общественной пирамиды хозяевами страны или благополучателями всевозможных привилегий. Они были не намного свободнее своих крепостных, и обязанностей у них имелось больше, чем привилегий. Царь считал всех дворян своими слугами, а слуги должны служить. И, в

отличие от прежних времен, отлынивать от службы теперь стало много трудней.

Петр возвел в ранг государственной повинности даже самое положение помещика. Тот теперь отвечал перед законом за сбор подушной подати со своих крепостных.



Петр экзаменует дворян, вернувшихся из-за границы. *К.В. Лебедев*

В 1714 году появился указ о единонаследии, по которому поместья запрещалось дробить между детьми, ибо от этого происходит «как интересам государственным, так подданным и самим фамилиям падение». Таким образом Петр вводил на Руси нечто вроде майоратного права, существовавшего в большинстве западноевропейских стран, где во избежание разорения и обмельчания аристократии имущество передавалось только старшему наследнику. Была у этой системы и вторая цель, для Петра не менее важная: «кадеты», то есть младшие сыновья, не имея средств к существованию, оказывались вынуждены искать трудоустройства. Если в Европе у них имелся выбор – служить, принимать духовный сан или бездельничать, то русский царь своей «шляхте» подобной воли не дал. Поступать на службу надлежало всем, притом не где пожелаешь, а куда назначат. Вводилось правило, по которому не меньше двух третей сыновей во всякой семье должны были состоять на военной, а не на более легкой гражданской службе, дабы «землю и море не оскудить».

Эту обязанность полагалось исполнять с очень раннего возраста, с 15 лет, причем начинать с нижних чинов – лишь после этого юноша, даже если он принадлежал к знатнейшей фамилии, получал право на офицерское звание. Еще в 1704 году государь лично произвел ревизию недорослей княжеского звания и расписал рядовыми по полкам более полутысячи юных аристократов.

Фактически служба начиналась даже не с пятнадцати лет, а с детства, потому что повинностью стало обязательное образование. До той поры русский дворянин по своему культурному уровню мало чем отличался от простолюдина и даже вполне мог не знать грамоты, поскольку учить своих отпрысков или нет, зависело только от воли родителей. Но Петру невежественные слуги были не нужны. В 1714 году вышли указы о непременном обучении дворянских и дьяческих детей начиная с десяти лет не только грамоте, но и «цифири». По всем губерниям учреждались школы. Для нарушителей вводился серьезный «штраф» – таковым «не вольно будет жениться». Священникам запрещалось венчать тех, кто не прошел учебу. «Плодить дураков» государь не желал.

В 1709 году Василий Шереметев, человек, принадлежавший к высшей аристократии, брат знаменитого фельдмаршала, решил спасти своего сына от учебы за

> границей и для того поспешил его женить. Когда об этом узнал государь, он наказал не юношу (того просто отправили учиться), а родителей. У них «запечатали» все принадлежавшие им дома, а самих заставили трудиться «как простых»: отца – на уличных работах, мать – в прядильном доме.

Стремясь формализовать и регламентировать всё что можно и нельзя, Петр, конечно, позаботился об определении правил принадлежности к главному государственному сословию. В 1722 году была учреждена герольдмейстерская служба, обязанная составить списки всего российского дворянства и проверить правомочность претензий на это почетное звание. Уже после Петра в каждой губернии были введены родословные книги.

В следующем году введением «Табели о рангах» принадлежность к «шляхетству» напрямую увязывалась с государственной службой. Появилось новое дворянство – не по праву рождения, а по полезности, которой Петр придавал больше значения, чем родовитости. Империи были нужны офицеры и чиновники, а не вырождающиеся наследники дедовских вотчин.

Ряды российского дворянства расширились и за счет новых подданных – остзейских немцев, многие из которых отлично проявляли себя на службе, в особенности военной, где со временем они будут занимать до четверти высших и старших командных должностей. Вливание этого элемента способствовало и общей «европеизации» сословия.

В жизни основного русского населения, крестьянства, ничего до такой степени революционного не произошло. Разве что исчезла прослойка холопов, так что остались только люди помещичьи и царские. Тех и других суммарно в 1722 году насчитывалось 5,4 миллиона мужских «душ». По сути они тоже были государственными служащими, низшими чинами империи. Государство и относилось к ним как к солдатам: при необходимости отправляло на принудительные работы, забирало в армию, переселяло с места на место (например, в ходе индустриализации появилась новая категория крестьян – «заводские»). В 1724 году установилась паспортная система. Теперь

никто не мог отлучиться за пределы своего уезда без специального документа.

В целом же крестьянство жило по-прежнему: поставляло государству материальные и людские ресурсы, разве что подати стали тяжелее, а повинности многочисленней.

Было, впрочем, одно изменение к лучшему. Петру не нравились упреки иностранцев, писавших, что в христианской стране людей выставляют на продажу, будто домашнюю скотину, иногда даже разлучая семьи. В 1721 году царь запретил подобную практику. В указе говорилось: «…Крестьян и деловых и дворовых людей мелкое шляхетство продает врознь, кто похочет купить, как скотов, чего во всем свете не водится, а наипаче от семей, от отца или от матери дочь или сына помещик продает, отчего немалый вопль бывает; и его царское величество указал оную продажу людям пресечь; а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то б хотя по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь». Впрочем, это гуманное нововведение не прижилось и после смерти Петра не соблюдалось.

Несколько больше, но тоже незначительно изменилась жизнь горожан. До некоторой степени подняло голову купечество, прежде всего крупное, но и оно не стало играть сколько-нибудь важной общественной роли. Попытки же введения нового городского устройства, вроде магистратов или бурмистерских палат, как мы видели, особенного эффекта не произвели. Не прижились и учрежденные в 1722 году ремесленные цеха. В Европе этот институт прежде всего защищал права его членов, в России же ни о какой защите прав речи идти не могло, и новая организация лишь увеличивала количество норм и запретов. Слабость мещанского сословия объяснялась и его малочисленностью. Из данных, приведенных у Я. Водарского, видно, что мало-мальски значительных городов с населением хотя бы в две тысячи человек на всю страну имелось только двадцать два, и проживало там чуть больше полупроцента россиян.

В существовании инородцев, обитавших главным образом в Поволжье, на Урале и в Сибири, произошло, пожалуй, всего одно новшество, уже упомянутое: свершилась по сути дела принудительная христианизация туземной элиты, что опять-таки расширило состав российского дворянства, поскольку крестившиеся землевладельцы

получали все его права вкупе с обязанностями и через одно-два поколения полностью обрусели.

Итак, перемены в жизни населения России оказались менее глубокими, чем можно было бы ожидать. Петровские реформы прошли по обществу этакой рябью, затронув лишь верхний слой и почти не достигнув народной толщи.

Все дворяне, хотели они того или нет, пошли служить, начали учиться, побрились, переоделись, обзавелись новыми потребностями и привычками (см. главу «Европеизация»), но основная масса существовала всё так же: тяжело трудилась, платила подати, носила лапти и чесала бороды. В результате обозначился разрыв между низами и верхами – к социальному и имущественному неравенству прибавилось новое, культурное, которое со временем будет только усиливаться, так что классы даже станут говорить на разных языках. Российская элита переселилась в санкт-петербургскую империю, внешне напоминающую европейское государство; народ остался жить в старозаветном московском царстве.

Церковь

Важные изменения произошли в отношениях между монархией и церковью. Во времена «третьего» государства, когда после Смуты самодержавная власть ослабела, роль патриархии заметно усилилась. При Михаиле Федоровиче фактическим правителем был патриарх Филарет, при Алексее Михайловиче – патриарх Никон, притом оба титуловались «государями». В 1689 году партия юного Петра одержала победу над партией царевны Софьи, только когда на сторону Нарышкиных перешел патриарх Иоаким, сохранявший огромное политическое влияние вплоть до своей смерти. Его преемник Адриан был единственной инстанцией, смевшей противостоять грозной воле царя. Он отказался постричь в монахини Евдокию Лопухину, а во время ужасных стрелецких казней Адриан ездил к Петру со священной иконой, взывал к милосердию, совсем как митрополит Филипп Колычев, пытавшийся образумить Ивана Грозного в эпоху опричнины. Петр накричал на старика и сказал ему, что лучше знает, чем угодить Богу и Пресвятой Деве.

Судя по всему, это были не пустые слова. Царь действительно считал, что он один вправе судить, какие действия богоугодны, а какие нет. В наставлениях церкви он не нуждался. Главное же – «четвертое» российское государство, которое он строил, военно-бюрократическая империя, не допускало ни малейших разночтений в вопросе о том, кому принадлежит власть: только самодержцу. Сильная церковь неминуемо стала бы тормозом для реформ. Ее авторитет, ее параллельная жесткая иерархическая «вертикаль» во главе со святейшим предстоятелем должны были восприниматься царем как угроза.

Существует правдоподобная версия, что экзотическое петровское учреждение, Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор, было затеяно Петром не просто для буйного веселья, но и с вполне конкретной политической целью, которую очень ясно излагает хорошо осведомленный Франц Вильбуа: «…Первая и главная состояла в том, чтобы представить в смешном свете патриарха и вызвать презрение у народа к сану патриарха, уничтожить который в своей стране этот государь имел веские причины… Это вытекало из стремления этого умного и смелого государя подорвать влияние старого русского

духовенства, уменьшить это влияние до разумных пределов и самому стать во главе русской церкви, а затем устранить многие прежние обычаи, которые он заменил новыми, более соответствующими его политике».

И когда Адриан умер (осенью 1700 года, прямо перед войной), Петр принял одно из самых дерзких своих решений – он упразднил должность патриарха. Вплоть до 1917 года русское православие, единственная из православных церквей, так и будет существовать без предстоятеля.

Реформа церковной власти произошла в два этапа. Поначалу Петр полагал, что будет достаточно лишить патриархию всех атрибутов материального могущества, прежде всего доходов – ведь русской церкви принадлежали огромные богатства и сотни тысяч крепостных крестьян.

По декабрьскому указу 1700 года Патриарший приказ закрывался, все его мирские дела передавались новому, сугубо светскому ведомству – Монастырскому приказу во главе с Иваном Мусиным-Пушкиным, верным сподвижником Петра и будущим сенатором.

Приказ стал управлять всеми монастырскими вотчинами, забирая доход с них в пользу государства, обителям же выделялись средства на содержание братии, весьма скудные: по десяти рублей в год на монаха или монахиню плюс хлебное жалованье и дрова. Если вспомнить, что одному только Троицкому монастырю принадлежало 58 тысяч крестьянских дворов, легко понять, как существенно пополнилась казна благодаря этой мере. Кроме того, Петр распорядился сократить число ртов, кормящихся при монастырях. Он велел пересчитать всех тамошних жителей – их оказалось 25 тысяч человек. Непостриженных велено было выгнать, причем девиц повыдавать замуж; монахов – отставить от любых хозяйственных занятий, пусть молятся. Впоследствии вышел указ, запрещавший постригать молодых людей обоего пола, а на место умерших монахов вселять отставных и увечных солдат. Царь, во всем стремившийся к практической пользе, нашел применение и монастырям – пусть будут богадельнями.

Перемены произошли и в церковной верхушке. Петр стал делать епископами не коренных русских, а украинцев как людей с хорошим духовным образованием и, что еще важней, чужаков в местной среде.

Неукорененность новых архиереев в сочетании с резким сокращением их властных полномочий тоже очень ослабили влияние церкви.

> Глава патриархии теперь назывался экзархом, местоблюстителем. На это место Петр поставил тоже малоросса и, конечно, человека мягкого, послушного.
>
> Стефан Яворский, уроженец Волыни и питомец Киевской академии, ученый богослов, приехал с Украины всего несколькими месяцами ранее, поставленный в митрополиты рязанские. Он всячески отбивался от местоблюстительства, а когда был вынужден покориться царской воле, держался тихо и никаких проблем Петру не создавал, лишь время от времени просился отпустить его домой, доживать на покое. Но царь Стефана никуда не отпустил и продержал на должности до конца жизни, больше двадцати лет. Единственное дело, которым экзарх мог заниматься без ограничений и с царского одобрения, было распространение церковной учености.

Однако со временем государь пришел к убеждению, что и при таких условиях патриархия все же недостаточно контролируется государством. Последовал второй этап реформы.

В 1721 году управление русской церковью было преобразовано. Она превратилась в одно из правительственных ведомств – духовную коллегию или Святейший Правительствующий Синод. Этому, как всегда у Петра, предшествовало составление регламента, подробно определявшего правила существования церкви.

Двенадцать членов Синода должны были приносить клятву, в которой обязывались признавать царя «крайним судией духовным», то есть, собственно, главой русского православия. Императора в новом органе представлял гражданский чиновник, обер-прокурор, который и становился фактическим управителем церкви. Создавалось и фискальное ведомство для наблюдения за духовенством и прихожанами.

Стефан Яворский долго противился подписанию Духовного регламента, но в конце концов, как обычно, уступил давлению и из экзархов стал «президентом коллегии». Вскоре он умер и во главе «религиозного министерства» встал церковный деятель совсем иного

склада – Феофан Прокопович, петровский единомышленник и сподвижник, убежденный сторонник концепции, согласно которой монарх и должен являться главой церкви (позднее этот принцип назовут «цезаропапизмом»).

Стефан Яворский. *Г.А. Афонасьев*

По мысли Петра, помимо управления духовенством, Синоду следовало осуществлять еще несколько важных функций.

Во-первых, создать систему церковного образования, для чего устроить в епархиях начальные школы для поповских детей. Учреждались также «семинариумы» – средние духовные училища, устроенные по казарменному методу. Преподавать там следовало отнюдь не только Закон Божий, но и светские науки вроде грамматики, истории, географии, даже физики. Высшим учебным заведением становилась Духовная академия. Конечно, в полном объеме чудесная

образовательная система работать не могла за неимением достаточного количества преподавателей истории, географии и физики, однако с этого времени уровень образованности русского духовенства, прежде весьма невежественного, начинает повышаться.

Во-вторых, Синод должен был сражаться с суевериями, которые Петр ненавидел всей душой. Вероятно, они возмущали его своей нерегламентированностью. Народу полагалось верить в то, во что ему приказывают, а не выдумывать себе примет, святынь и обычаев по собственному усмотрению – особенно если обычаи были вредные, вроде нежелания делать какие-либо дела в пятницу или таскаться в дальние богомолья, вместо того чтоб работать.

В-третьих, у приходов, раз уж там все равно крестят новорожденных и отпевают покойников, появилась «по совместительству» полезная государственная нагрузка – вести учет численности населения.

Наконец, руководимая Синодом церковь обязывалась наблюдать за состоянием умов и докладывать начальству о всяком неблагополучии. Это извечная мечта всякого тоталитарного режима – контролировать не только поступки, но и душевные движения подданных. Петру казалось, что эта задача тоже может быть решена административно. В 1714 году вышел указ, по которому каждый человек обязывался регулярно ходить на исповедь. Уклоняющихся приходской священник будет вносить в список, передавать его начальству, и виновным придется платить штраф. По мысли царя, это выявляло бы еретиков с раскольниками, а заодно пополняло бы казну. Если же кто на исповеди расскажет об измене или злом умысле против государства, духовник должен был немедленно донести властям. (По-видимому, Петру не приходило в голову, что люди на исповеди, которая перестала быть тайной, тоже начнут что-то утаивать.)

Смысл церковных реформ Петра очевиден. Русская православная церковь окончательно превратилась в государственный департамент, а священники – в служащих, по закону обязанных ставить интересы земной власти выше христианской доктрины. Даже придворный историограф Карамзин признает: «Со времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши уже только были

угодниками царей и на кафедрах языком библейским произносили им слова похвальные».

Дипломатия

В первой четверти восемнадцатого столетия положение России в мире кардинально изменилось. Соответственным образом преобразовалась вся ее внешняя политика и дипломатия. Собственно говоря, российская дипломатия в современном значении этого понятия только при Петре и возникла – если иметь в виду постоянные отношения с великими державами, приверженность европейским традициям и общность протокола.

Движение России и Европы было встречным, совместным. Пожалуй, даже можно сказать, что Запад проявил здесь не меньшую активность. Мы часто поминаем пресловутое «окно», якобы прорубленное Петром в Европу (и еще вернемся к этой метафоре), но на самом деле Московия давно уже проделала в ту сторону если не окно, то окошко, через которое поглядывала на быстро развивающийся Запад недоверчивым, но любопытствующим и все более завистливым взглядом. Это Европа долгое время смотреть в восточную сторону не желала, находя там мало любопытного. И вдруг гигант проснулся, зашевелился, поднялся во весь исполинский рост, и не замечать его стало невозможно. Он оказался и пугающ, и непредсказуем, но в то же время очень интересен сразу в разных смыслах: военном, политическом, торговом. Раньше про Россию думали, что она скорее Азия, теперь стали думать, что она, пожалуй, скорее Европа.

Это была эпоха, когда происходила перетасовка в колоде великих держав. Одни поднимались, другие слабели. Некоторые – Голландия, Швеция, Османская империя – вовсе утрачивали этот статус. Взамен вырастали новые сильные игроки, которые и назывались по-новому: Российская империя и Прусское королевство.

Очень коротко и схематично выход России на международную арену можно разделить на несколько этапов.

На первом, в 1690-е годы, Петр считал основной задачей выход к южным морям, а главным препятствием на этом пути видел Османскую империю, поэтому все усилия Посольского приказа направлялись на составление антитурецкой коалиции.

Когда из этого проекта ничего не вышло, Россия переориентировалась на движение в сторону Балтики. Сначала

вступила в антишведский альянс, потом, когда он развалился, пыталась его восстановить и обрести новых союзников в Европе. Из этого мало что получалось, потому что европейские дворы (в особенности после Нарвского поражения) относились к «русским варварам» пренебрежительно.

Ситуация коренным образом переменилась после Полтавской виктории. Первые европейские державы наперебой стали предлагать Петру помощь, союз, посредничество – всё то, чего он прежде тщетно добивался. Дипломатическая жизнь от этого только усложнилась, и в какой-то момент царь чуть не ввязался в войну с могущественной Англией, которая теперь стала смотреть на Россию как на опасного соперника.

Когда Петр Алексеевич скончался, многие трудные дипломатические узлы оставались неразвязанными, и слабым преемникам сильного самодержца досталось очень непростое наследие.

Царь лично руководил внешней политикой державы, вмешивался в любые мелочи, наконец сам бывал с визитами в иностранных столицах (довольно необычное для той эпохи явление). Повсюду он производил весьма яркое, хоть и не всегда благоприятное впечатление. Под воздействием личности Петра у европейцев надолго сложилось стойкое мнение о русских в целом как о людях порывистых и грубых, ненавидящих условности и размашистых во всех своих проявлениях. Однако русские посланники, «резиденты» и переговорщики были совсем не таковы. Созданная ими дипломатическая школа объединяла новые европейские тактики со старыми московскими навыками, истоки которых уходили в Орду и Византию. Это были сильные и изобретательные оппоненты.

Организационно внешнеполитическое ведомство России менялось вместе со всем правительственным аппаратом.

Посольский приказ просуществовал до административной реформы 1718 года. До 1706 года им руководил Федор Головин, ближайший помощник Петра. Он первым из русской знати сбрил бороду, первым получил звание генерал-фельдмаршала, первым заслужил графский титул, первым стал называться канцлером, а иностранные дипломаты именовали его попросту: первым министром.

После смерти Головина ведомством управлял Петр Шафиров, человек выдающихся и разнообразных способностей. Числился он при этом вице-канцлером – из-за своего низкого происхождения, а также потому, что канцлером стал Гавриил Головкин, соперничавший с Шафировым из-за влияния в дипломатических делах. В конце концов канцлер переиграл вице-канцлера и возглавил созданную в 1718 году Коллегию иностранных дел. Она переняла все функции Посольского приказа и проводила внешнюю политику империи на протяжении всего восемнадцатого века.

Главным новшеством для России стал обмен постоянными представительствами со всеми первостепенными и рядом второстепенных стран. Теперь империя беспрерывно получала сведения о происходящем за рубежом и могла доносить до иностранных правительств свою позицию, а в некоторых столицах (например, в Константинополе) даже влиять на внутреннюю политику государства-партнера.

К концу петровского правления русские посольства имелись при турецком, шведском, французском, английском, прусском, саксонском и датском дворах. В городах, имевших важное значение для торговли, появились консульства: в Венеции, Амстердаме, Кадисе, Бордо, Шемахе и даже в далеком Пекине.

На содержание дипломатической службы тратились немалые деньги, основная часть которых, согласно тогдашним русским понятиям о правильном ведении дел, предназначалась на «дачи», то есть на взятки. При знаменитом своей коррумпированностью султанском дворе эта тактика работала отлично, в Европе много хуже, но и там русские послы пытались соблазнить важных людей деньгами и соболями – подчас небезуспешно. Вспомним, что подобным образом удалось превратить в русского «агента влияния» самого герцога Мальборо, могущественнейшего вельможу. Известно, что даже в 1710 году, то есть в год, когда в казне обнаружился огромный дефицит, Россия потратила на «посольские дачи» почти сто пятьдесят тысяч рублей.

> При Петре у русской дипломатии возникает новая любопытная миссия: контрпропаганда. Это была эпоха, когда в Западной Европе уже издавались газеты и публицистические брошюры; всё большее значение начало

приобретать невиданное на Руси диво – общественное мнение. У Петра не раз была возможность убедиться, что оно способно влиять на политику. К тому же царь очень болезненно относился к личным выпадам в свой адрес. На родине такое, конечно, было немыслимо, а в Европе про Петра писали язвительные памфлеты, рисовали на него карикатуры, даже чеканили обидные медали.

Русский «министр» в Гааге князь Куракин имел задание препятствовать появлению газетных статей, выставляющих Россию в невыгодном свете. Посол пытался объяснить царю, что в Голландии это невозможно: «Относительно газетеров, к моему собственному несчастию, не могу достигнуть желаемой цели; не один я из министров приношу на них жалобы, но предупредить никто этого не может». Однако усвоить идею свободной прессы Петру, конечно, было непросто.

В 1704–1706 годах произошел весьма неприятный инцидент. Бывший воспитатель царевича Алексея данцигский уроженец Мартин Нейгебауэр, недовольный тем, как с ним обошлись в России, вернувшись в Европу, стал выпускать разоблачительные трактаты («Искреннее послание знатного немецкого офицера к одному вельможе о гнусных поступках москвитян с чужестранными офицерами» и т. п.), которые бесплатно рассылались повсюду. Это начинало наносить серьезный вред русским интересам – особенно при найме на службу иностранцев.

Сначала русская дипломатия действовала по-московски: потребовала запретить хождение обидных пасквилей. В Саксонии и Пруссии это даже получилось, но в более свободных странах лишь послужило Нейгебауэру бесплатной рекламой, и он стал писать еще активней.

Тогда царские представители решили лечить подобное подобным и наняли памфлетистов, которые принялись защищать Россию и разоблачать очернителя. Первое такое сочинение вышло в 1705 году и получилось неуклюжим. Через год пришлось издавать еще одно, заказанное новому наставнику царевича барону Гюйссену, доктору

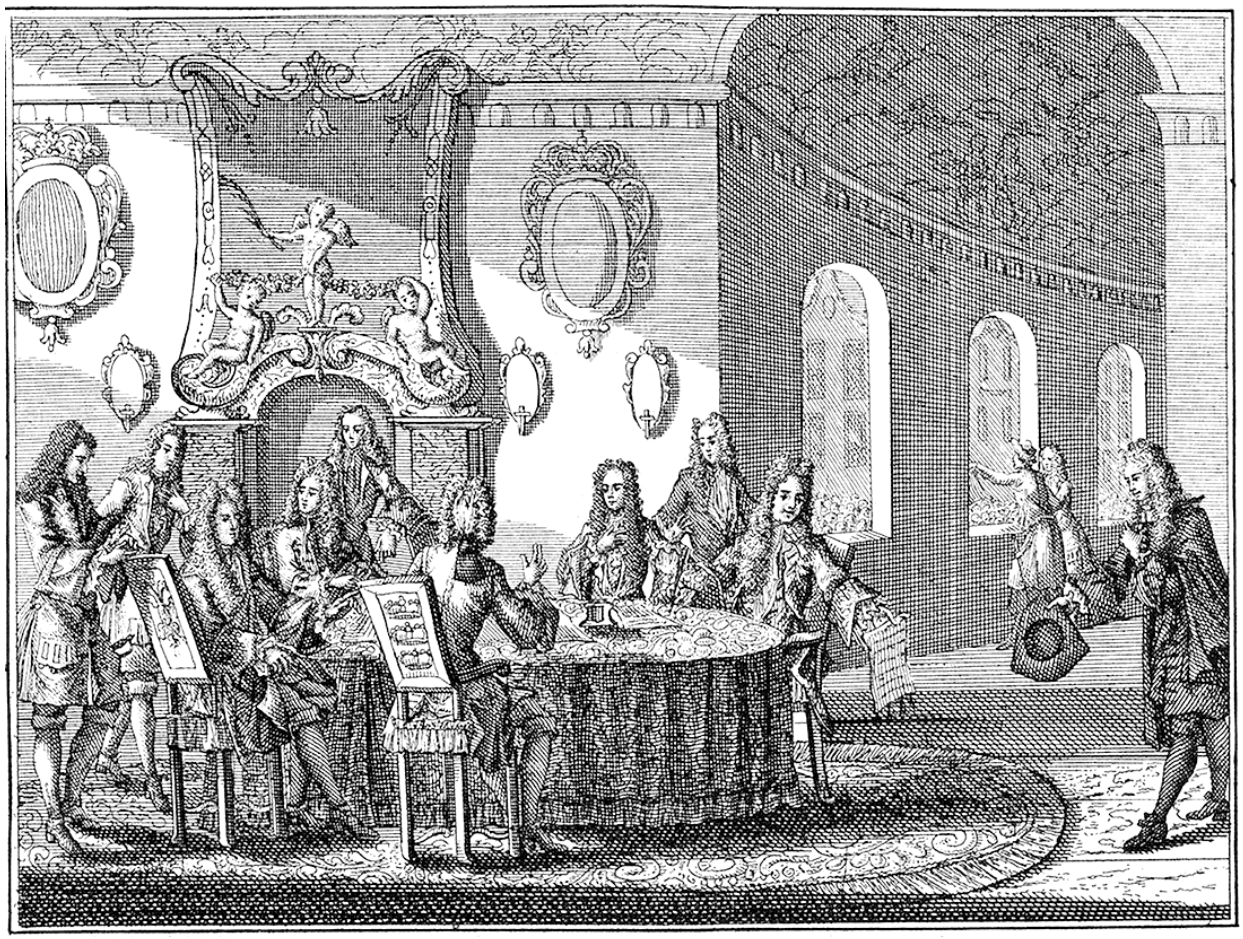
юриспруденции. Ради этого барон даже специально отправился в Германию и выпустил книжку под названием «Пространное обличение преступного и клеветами наполненного пасквиля, который за несколько времени перед сим был издан в свет под титулом: Искреннее послание знатного немецкого офицера» (вторая, обидная часть титула была опущена). Не слишком мудрствуя, автор объявлял, что Нейгебауэр все врет, а сам он негодяй и «архишельма». Нечего и говорить, что «архишельма» такой полемике лишь обрадовался и сочинил новые разоблачения, да еще и получил от шведов приглашение на дипломатическую службу.

На фронте пропаганды российской дипломатии предстояло еще учиться и учиться.

Основные маневры и действия российской дипломатии военного времени были изложены во втором разделе. Мы видели, что в какие-то моменты дипломаты обретали большее значение, чем полководцы, а один раз, на Пруте, даже спасли страну от катастрофы. Триумфом внешнеполитического ведомства стал и Ништадтский мир.

Теперь посмотрим, в каком состоянии находились отношения России с основными ее оппонентами и партнерами на исходе петровского царствования.

В прежние времена для Москвы важнее всего были контакты с традиционным соперником – Речью Посполитой. Но в начале нового века Польша утрачивает всякое политическое влияние. Во время войны русские и шведские войска беспрепятственно и бесцеремонно перемещаются по ее территории; вопрос о том, кому быть польским королем, решается не поляками, а шведским королем и русским царем. Бывшая великая держава, сто лет назад завоевавшая Россию, была обречена. Скоро ее поглотят и разделят между собой хищные соседи.



Подписание Ништадтского мира. *П. Шенк*

Другим аутсайдером нового европейского порядка после поражения стала Швеция. Истощенная войной, оставшаяся без армии и флота, она тоже потеряла всякое величие и перестала представлять для России опасность. При этом Петр сохранил к упорному врагу большое уважение и желал жить со Стокгольмом в дружбе. За год до смерти царь заключил с Швецией оборонительный союз, две страны обязались приходить друг другу на помощь в случае агрессии со стороны третьего государства.

Ситуация с третьим важным соседом, Турцией, выглядела нетриумфально. Попытка Петра утвердиться на южном море была во всех смыслах дорогостоящей и ни к чему не привела. Пропускать русские корабли через проливы на средиземноморские рынки Константинополь отказывался, а для того, чтобы добиться этого оружием, у России пока не хватало сил. Эту задачу Петр должен был

оставить своим преемникам. В 1720 году Россия и Турция подписали договор о «вечном мире» («вечность» продлится 15 лет).

В начале своего царствования Петр из всех зарубежных стран больше всего интересовался Голландией, потому что голландцев было много в Немецкой слободе, они научили любознательного юношу ремеслам и привили ему любовь к флоту. Петр заочно полюбил Голландию, выучил язык и в 1697 году осуществил свою мечту – поехал в Нидерланды. Эту привязанность он сохранял и в дальнейшем, даже взял голландский флаг за образец для российского, переменив местами цвета. На первых порах самый видный российский дипломат Андрей Матвеев был размещен в Гааге, ведая оттуда всеми европейскими связями, но впоследствии и царю, и его советникам стало ясно, что большая политика делается в иных местах, и отношения с Соединенными Провинциями сделались по преимуществу коммерческими. Россия даже не держала в Голландии постоянного посольства.

Если говорить о большой европейской политике, то у нее в 1720-х годах было три центра: Вена, Париж и Лондон.

Сначала для России важнее была Австрия, поскольку император активно участвовал в восточноевропейских делах и тоже враждовал с Портой. Император Леопольд в 1698 году к «московитскому царю» всерьез не отнесся, совершенно разбив планы Петра об антитурецком союзе. Посланнику Петру Голицыну, прибывшему в Вену вскоре после нарвского разгрома с просьбой о мирном посредничестве, пришлось еще труднее. Он жаловался, что все над ним потешаются, а главный министр не хочет и разговаривать. Нужна хотя бы «малая виктория» над шведами, чтобы к русским стали относиться с уважением, писал Голицын.

После «большой виктории» 1709 года венский двор начал смотреть на Россию иначе – как на потенциально ценного союзника. Романовы породнились с Габсбургами: Алексей Петрович и Карл VI были женаты на сестрах. Однако когда царевич сбежал в австрийские владения, свояк фактически заставил его вернуться домой, на гибель. Хорошие отношения с Петербургом для Вены были важнее. У обеих держав были общие интересы в противостоянии с Турцией, во многом

совпадали они и в Европе. В последние годы Петр желал расширить союз с Швецией, присоединив к нему и Австрию, но довести дело до конца не успел. Две империи договорятся о политическом альянсе уже после смерти царя, в 1726 году, и это соглашение окажется удивительно прочным – оно продержится до середины XIX века, став одним из важных факторов европейской политики.

Франция, несмотря на неудачный для нее исход Войны за испанское наследство, все равно оставалась первой по могуществу страной континента. Долгое время, в том числе и после Полтавы, Версаль занимал враждебную позицию по отношению к России. Тому было две причины. Во-первых, Франция поддерживала Турцию, которая оттягивала на себя силы Австрийской империи, поэтому послы Людовика XIV, а затем и Людовика XV всячески интриговали в Константинополе против русского влияния. Во-вторых, французы сделали ставку на Карла XII, надеясь перетащить его на свою сторону или, во всяком случае, пугать австрийцев и англичан такой перспективой. Однако, когда мир в Западной Европе восстановился, между Францией и Россией началось некоторое сближение. В 1717 году Петр побывал с визитом в Париже, после чего отношения стали почти сердечными (даже возник проект обручить маленького короля с царской дочерью Елизаветой). Французы пытались устроить мирные переговоры между Стокгольмом и Петербургом, а затем пробовали посредничать в русско-английском дипломатическом конфликте.

Отношения с Англией были очень сложными, зигзагообразными. Они сильно испортились в 1708 году, когда Карл XII повернул на восток. В Лондоне не сомневались, что шведы скоро победят, и признали польским королем Станислава Лещинского. Когда же русский посол Андрей Матвеев после этого собрался уезжать, с ним обошлись так, как с иностранными дипломатами не поступают: под предлогом невыплаченного долга грубо задержали и посадили в тюрьму. За этот безобразный инцидент англичане впоследствии (разумеется, уже после Полтавы) принесли извинения от имени королевы Анны и парламента.

Англия тоже, как и Франция, претендовала на роль посредника между Швецией и Россией, и сильный британский флот служил гарантией того, что при таком арбитре мир будет соблюдаться. «Шведский след» в якобитском заговоре, раскрытом в 1717 году,

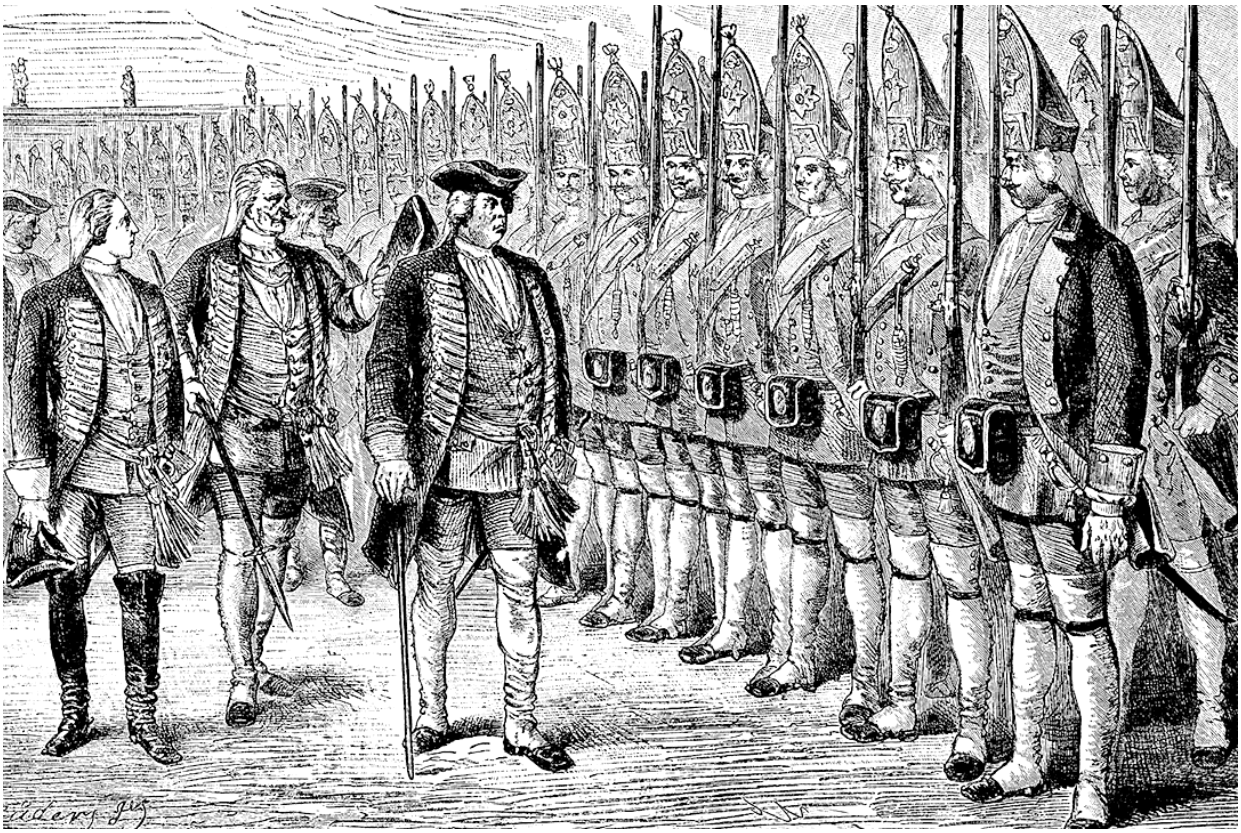
рассорил англичан с Карлом XII, но у них имелись основания подозревать и Петра в связях к претендентом – небезосновательные, поскольку царь действительно симпатизировал Стюартам. Когда Карл погиб, у Лондона не осталось причин враждовать с Швецией, зато намерения Петра касательно балтийской торговли и его продолжающиеся контакты с эмигрантской партией побуждали Британию держаться антироссийского курса. На последнем этапе Северной войны русско-английские отношения настолько ухудшились, что балтийскому флоту пришлось опасаться нападения эскадры адмирала Норриса. До выстрелов не дошло, но дипломатические контакты были разорваны, когда Англия отказалась признать за Петром императорский титул. Французы, тогда не заинтересованные в обострении европейской ситуации, несколько смягчили это противостояние, однако при жизни Петра отношения так и не восстановились.

Королевство Пруссия, образовавшееся из Бранденбургского курфюршества в 1701 году, с самого начала было в дружеских отношениях с Россией, поскольку рассчитывало поживиться за счет континентальных шведских владений. Рачительный и осторожный Фридрих-Вильгельм I (1712–1740), которого Петр находил «зело приятным», дождался момента, когда Швеция совсем ослабеет, и потом присоединился к русско-датско-саксонскому альянсу, значительно увеличив свои земли и в благодарность признав все российские приобретения на Балтике. Со временем прусские интересы в регионе столкнутся с русскими, но это произойдет уже не при Петре.

> Царь тоже умел быть приятным по отношению к ценным союзникам. У Фридриха-Вильгельма была идея-фикс: он мечтал набрать полк гвардейцев исполинского роста и, хоть был баснословно скуп, не жалел на это никаких денег. Его «потсдамские гиганты» должны были иметь рост не ниже 188 сантиметров – в восемнадцатом веке таких верзил рождалось немного и обходились они дорого. Известно, что за ирландца ростом 2 метра 17 сантиметров король выложил 6000 фунтов стерлингов.
>
> Пытаясь сэкономить, Фридрих-Вильгельм насильно женил своих великанов на очень высоких женщинах, но эти

генетические эксперименты не всегда удавались и больно уж долго приходилось ждать результата. Петру ничего не стоило оказать другу ерундовую любезность. Довольно было разослать по губерниям приказ собрать «больших мужиков». Каждый год в Пруссию отправлялись партии таких живых подарков, и отношения двух стран были превосходными. Всего царь презентовал королю 248 своих подданных.

Среди прочих дипломатических интересов России стоит упомянуть о папском престоле, поддержка которого требовалась Петру в польском вопросе. Но понтифик хотел, чтобы Петр разрешил в своем государстве свободное исповедование католицизма, а на это русские пойти не могли.



Прусский король Фридрих-Вильгельм и его великаны. *Гравюра. XVIII в.*

Еще царь с 1723 года завел посольство в Мадриде – кажется, в расчете использовать эту страну против Англии, но и из этого ничего не

вышло, поскольку Испания находилась в жалком состоянии и ни с кем воевать не могла.

На развитие азиатских связей (если исключить Персидский поход, имевший мало отношения к дипломатии) у Петра времени не хватило. С великим дальневосточным соседом, Цинским Китаем, посольские дела велись лишь в связи с разметкой границы и с торговлей. Последняя, впрочем, развивалась очень активно, так что в 1719 году в Пекине даже поселился русский консул Лоренц Ланг (плененный под Полтавой швед, поступивший на русскую службу).

В начале восемнадцатого века империя еще не стремилась стать евразийской, ей пока хотелось быть европейской.

Европеизация

В течение нескольких веков Русь вела календарь по византийской системе – от сотворения мира, который, согласно расчетам богословов, был создан 1 сентября, за 5508 лет до рождения Христа. Русский 7208 год начался с осени европейского 1699 года и продолжался всего 4 месяца. 20 декабря вышел указ жить по-западному: с 1 января начнется новый 1700-й год. «Известно великому государю, что не только во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною православною нашею церковью во всем согласны, как волохи, молдавы, сербы, далматы, болгары, и самые великого государя подданные черкасы и все греки, от которых вера наша православная принята, – все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова», – говорилось в указе. На фоне недавних стрелецких казней и множества других диковинных нововведений, которые царь обрушил на подданных после заграничного путешествия, календарная реформа была воспринята равнодушно, против нее воспламенились только упрямые старообрядцы, продолжавшие вести отсчет времени по-старому. В раскольничьем антипетровском сочинении «Собрание от Святаго Писания о Антихристе» говорится, что Петр «возобнови по совершенном своея злобы совершении новолетие янусовское [январское]».

Переход на западное летоисчисление весьма выразительно продемонстрировал твердое намерение Петра существовать в одном времени с Европой. Правда, царь сохранил в употреблении юлианский календарь, к XVIII веку отставший от григорианского на одиннадцать дней, но в те времена так же отсчитывали дни самые главные для Петра страны – Голландия, Швеция и Англия.

Немедленно последовало приказание обязательно праздновать первое января с по-петровски подробной инструкцией, как это надлежит делать: служить в церквах молебны, украшать ворота хвойными ветками, снимать которые запрещалось в течение недели, обязательно поздравлять друг друга с новым годом, ну и, конечно, пускать ракеты и палить из пушек – у Петра без этого не бывало.

В новом 1700 году россиянам было велено и одеваться по-новому. 4 января вышел еще один указ, произведший гораздо больший шок, чем

календарная встряска. Царь приказал: «Боярам, и окольничим, и думным, и ближним людям, и стольникам, и стряпчим, и дворянам московским, и дьякам, и жильцам, и всех чинов служилым, и приказным, и торговым людям, и людям боярским, на Москве и в городех, носить платья, венгерские кафтаны, верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних, тем же подобием». Повсюду были выставлены образцы разрешенной одежды. Мужчинам всех сословий, исключая лишь духовенство и пахотных крестьян, предписывалось брить бороды – потому что со времен Людовика XIV в Европе повсеместно распространилось брадобритие. Король-солнце, начав лысеть, установил еще и моду на накладные волосы, так что европейцу мало-мальски заметного социального положения стало неприлично появляться вне дома без парика. Петр позаимствовал и этот обременительный, негигиеничный обычай. Сам он, правда, «перруку» почти никогда не надевал, но дворян, а затем военных и чиновников принудил покрывать голову женскими волосами (нижние чины, правда, из-за дороговизны натурального продукта обходились паклей).

У государя к бородам была какая-то патологическая ненависть. Вероятно, они ассоциировались у него со всем косным, московским, упрямым. Реформатору очень хотелось побрить не только служивых, но всё население, и эта мечта не оставляла царя до конца жизни. Он вводил плату и штрафы за бороды, велел не принимать челобитных от необрившихся, в 1722 году даже приказал им носить особый зипун с нелепым воротником, но переодеть и побрить удалось лишь верхнее сословие, которым было легче управлять. В конечном итоге оно одно и европеизировалось, хотя бы внешне. Дворяне не превратились в европейцев, но стали *выглядеть* европейцами. Петру, менявшему фасад, но не архитектуру государства, собственно, только это и требовалось.

Еще одно важное отличие Европы от Московии, замеченное молодым монархом во время заграничного путешествия, состояло в том, что на Западе все читали книги и газеты, а на Руси привычки к печатному слову почти не было. Сам Петр особенным книгочеем не являлся, у него не хватало на это ни времени, ни усидчивости, но, затеяв переделку своего царства на европейский лад, государь не мог оставить в стороне типографское дело. В указе 10 февраля 1700 года о книгопечатании довольно простодушно на первом месте указывается,

что делается это «к славе нашему превысокому имени и всему Российскому нашему царствию, меж европейскими монархи к цветущей наивящей похвале» и лишь затем упоминается об «общей народной пользе» и «обучении всяким художествам».

Поскольку с типографиями на родине было плохо, заказ на печатание книг, «чертежей» и «персон» получил амстердамец Иоганн Тессинг, равно как и пятнадцатилетнюю льготу на книготорговлю по всей России. Должно быть, к этому времени Петр уже познакомился с вольностями, которые позволяла себе европейская печать касательно властей, потому что в указе специально оговаривалось: в изданиях не могло содержаться «пониженья нашего царского величества превысокой чести и государств наших славы». Тессинг с заказом не справился, пришлось заменить его на другого издателя, Илию Копиевского, который и напечатал в Голландии самые первые (и, должно быть, самые нужные) петровские книги: по грамматике, морскому делу, арифметике и истории. Одновременно оживилось и типографское дело в Москве, где просветитель Леонтий Магницкий тоже выпустил учебник по арифметике, а также русско-греческо-латинский лексикон.

Важным культурным событием стала реформа шрифта, осуществленная в 1708 году. Литеры русского алфавита были стандартизованы и приняли привычный для нас современный вид, а вместо путаного буквенного обозначения чисел вводились арабские цифры. Две первые отечественные книги, напечатанные по-новому, тоже были практического свойства: «Геометрия славенски Землемерие» и «Приклады, как пишутся комплементы разные» (инструкция по эпистолярному этикету). Больше всего издавалось книг по любимому царем морскому делу и картографии. Почти вся продукция шести российских типографий была переводной – страна училась всевозможным премудростям у Европы, но одно сочинение, для Петра главнейшее, писалось изначально по-русски: «Гистория Свейской войны». Царь желал оставить потомству собственную версию этой эпопеи и лично, каждую субботу, готовил этот труд к публикации.

ГЕОМЕТРІА

СЛАВЕНСКІ

SEMLEMѢРІЕ

Isgadeся новопітографскімъ тісненіемъ.

повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя
нашего царя, і великаго князя,

Петра Алексіевіча,

Всея великія і малыя і бѣлыя россіи самодержца.

прі благороднѣйшемъ государѣ нашемъ царевічѣ
і великомъ князѣ

АЛЕКСІІ ПЕТРОВІЧѢ.

Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ.

Въ лѣто міросданіа 7216. Отъ рождества же по плоті бога
слова 1708. Індікта перваго.
мѣсяца Марта.

Первая книга, набранная гражданским шрифтом

Однако наибольший эффект с точки зрения европеизации россиян дала книга совсем не амбициозная – «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» (1717). Это тоже был перевод, вернее компиляция из нескольких иностранных источников. «Зерцало» учило молодых дворян жизни: каких придерживаться нравственных законов, как правильно себя вести, что можно делать в обществе и что нельзя. Книга рекомендовала молодым людям, желающим добиться успеха, обучиться иностранным языкам, танцам, фехтованию, конной езде и красноречию, а также побольше читать и упражняться в «красноглаголании» и «добром разговоре». Эта инструкция выдержала несколько переизданий, ею руководствовались воспитатели на протяжении большей части восемнадцатого века.

Надо сказать, что плохому она не учила. Вот некоторые из ее рекомендаций:

«Не прилично руками или ногами по столу везде колобродить, но смирно ести, а вилками и ножиком по тарелкам, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать, но должны тихо и смирно, прямо, а не избоченясь сидеть».

«Не облизывай перстов и не грызи костей, но обрежь ножом. Зубов ножом не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой рот, когда зубы чистишь; хлеба приложа к грудям не режь. Ешь, что пред тобою лежит, а инде не хватай».

«Над ествою не чавкай, как свинья, и головы не чеши; не проглотя куска не говори, ибо так делают крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять не пригоже».

«Еще же зело непристойно, когда кто платком или перстом в носу чистит, яко бы мазь какую мазал, а особливо при других честных людях».

«И сия есть немалая гнусность, когда кто часто сморкает, яко бы в трубу трубит, или громко чихает, будто кричит».

Исполнение этих предписаний несомненно украсило светскую жизнь русского дворянства.

Содержались в «Зерцале» и советы абсолютно вневременные, непреходящей ценности:

«…Празден и без дела отнюдь не бывай, ибо от того… добра никакого ожидать не можно, кроме дряхлого тела и червоточины, которое с лености тучно бывает».

«Никого не уничижать, себя ни для какого дарования не возвышать, но каждому в том служить, охотну и готову быть».

«…Никого бранить или поносительными словами попрекать, а ежели то надобно, и оное они должны учинить вежливо и учтиво».

Было в книге и гендерное разделение. Одни указания адресовались юношам: «В церкви имеет оной очи свои и сердце весьма к богу обратить и устремить, а не на женский пол, ибо дом божий, дом молитвы, а не вертеп блудничий». Другие – девушкам: «Непорядочная девица со всяким смеется и разговаривает, бегает по причинным местам и улицам, разиня пазухи, садится к другим молодцам и мужчинам, толкает локтями, а смирно не сидит, но поет блудные песни, веселится и напивается пьяна. Скачет по столам и скамьям, даст себя по всем углам таскать и волочить, яко стерва. Ибо где нет стыда, там и смирение не является». Если старомосковские женщины неумеренно пользовались косметикой, то девушкам новой формации краситься не рекомендовалось: «Един токмо цвет в девицах приятен, то есть краснение, которое от стыдливости происходит».

Так молодые дворяне и дворянки учились быть европейцами – и в общем довольно скоро в этом преуспели, во всяком случае по внешнему виду и по манерам (они в ту эпоху были грубы и в Европе).

Впрочем, «книжным бумом» случившееся оживление издательского дела можно назвать разве что по сравнению с предыдущим периодом, когда во всей России работала только одна типография, печатавшая почти исключительно церковную литературу. С введения нового шрифта до смерти Петра в стране было выпущено лишь 320 книг – меньше двадцати названий в год.

Зато начала выходить настоящая газета, а не прежние рукописные «куранты», предназначенные только для царя и его свиты.

Общественной потребности в периодической печати, разумеется, не существовало, но раз уж европейцы имели ее, как же было Петру не обзавестись собственной газетой?

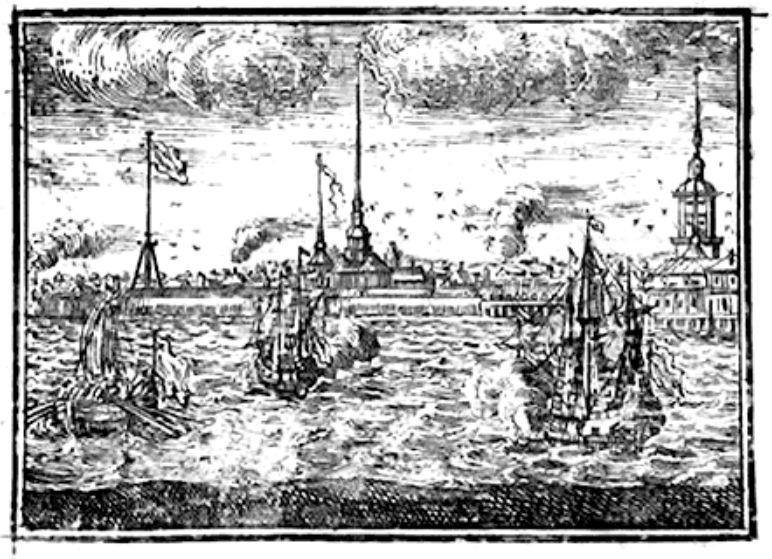
В декабре 1702 года было постановлено выпускать листок с длинным названием «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах». Известия действительно в основном были военные и, как положено, бодро-назидательные. Времена для русского оружия были тяжелые, но в первом же номере рассказывалось о похвальной инициативе олонецкого попа Ивана Окулова, который собрал отряд добровольцев, «ходил за рубеж в Свейскую границу», побил там шведов многое число, чем принес выгоду не только государю, но и себе, поскольку «взял запасов и пожитков… и тем удовольствовал солдат своих». В газете находилось место и для мирных известий – например, что в Москве за месяц родилось мужеского и женского полу 386 человек или что «в Китайском государстве езуитов велми не стали любить за их лукавство, и иные из них и смертию казнены» (здесь чувствуется явное одобрение, поскольку иезуитов не любили и в России).

Это было не вполне периодическое издание, поскольку выходило оно нерегулярно. За 1703 год вышло 39 номеров. Не был определен и тираж, который варьировался от 150 до 4000 экземпляров. «Ведомости» иногда продавались за деньги, а иногда раздавались бесплатно. Вообще-то газета походила на европейские только внешне, поскольку печатала не мнения, а отобранные и одобренные правительством новости. Ее так и воспринимали – как официальный бюллетень.

Европеизации, конечно же, могло поспособствовать образование, которое прежде состояло главным образом из чтения и зубрежки религиозных книг, а теперь стало светским, с упором на естественные науки.

13го Марта 27го

ВѢДОМОСТИ.



ИЗЪ АНДРІАНОПОЛЯ въ 2 день, февраля, 1713.

Сверхъ моего предъ двумя днями отправленного пїсма, нынѣ вскорости вамъ объявляю, что съ турецкои стороны по прїбытїю въ бендеръ буяка емїтгорса съ королемъ швецкїмъ до країности дошло, ибо онои, понеже сея зїмы оттуды вытти попротївїлся со всѣми при немъ обрѣтающїмїся шведами, и козаками, и воеводы кїевского людми, такїмъ образомъ окруженъ, [и понеже онои отъ тамы отрѣзанъ, и коммунїкацїи ни правїанту имѣть не можетъ,] что ни едїнои человѣкъ не смѣетъ въ мушкетнои

Газета «Ведомости»

Первая общеобразовательная школа такого направления появилась в Москве в 1703 году, ее открыл пленный пастор Глюк (тот самый, в услужении у которого состояла будущая императрица Екатерина). В школе отроков обучали как наукам, так и полезным для юного дворянина вещам вроде танцев, верховой езды и «французских учтивств». Но широко такие учебные заведения распространиться не могли из-за недостатка педагогов. Частные школы и пансионы станут в России обычным явлением лишь к концу столетия. Государство всерьез тратилось только на училища военного и прикладного профиля, а усилия по внедрению народного образования предпринимались в основном на бумаге. Выходили указы, повелевавшие повсеместно учить грамоте и «цифири» не только дворянских недорослей, но людей всякого чина. Однако школ так и не возникло. То родители отказывались отдавать детей, а когда вышел приказ набирать учеников насильно, выяснилось, что их некому учить, и пришлось выпускать маленьких горожан на волю.

Причина неуспеха объяснялась тем, что государство выделяло на образование слишком мизерные средства в 1724 году – 0,3 % бюджета (согласно М. Богословскому). Поэтому во исполнение указа в провинцию были отправлены лишь по два учителя на губернию, то есть человек двадцать на всю Россию.

Сдвиги по части образованности происходили лишь в самом верхнем слое общества, дворянстве, которому теперь вменялось в обязанность заниматься учением детей под угрозой ограничения прав и невозможности служебного роста. С этого времени в России появляются домашние учителя-иностранцы, которых постепенно будет становиться все больше. Иногда эти немцы или французы были весьма сомнительной образованности, но по крайней мере они могли научить своему языку и, должно быть, сделали для европеизации дворянства больше, чем любые указы. Классическая схема образования к середине XVIII века выглядела так, как описано в комедии Фонвизина «Недоросль»: «Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка,

один отставной сержант, Цыфиркин… По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман».

Зато в России с 1724 года появилась собственная Академия наук, правда, лишь отчасти похожая на французскую, так понравившуюся Петру во время парижского визита. Идея была несколько странная – завести подобное учреждение в стране, где не было высших учебных заведений (если не считать немецкоязычного Дерптского университета), но царь разрешил парадокс по-своему: Санкт-Петербургская академия сама стала чем-то вроде университета, занявшись не столько научной, сколько педагогической деятельностью. Академия брала студентов и обучала их философии, праву, медицине, астрономии, механике, физике, ботанике и «знатным художествам». Однако там проводились и публичные ассамблеи – род конференций, на которых делались научные сообщения. Правда, началось всё это уже после смерти императора.

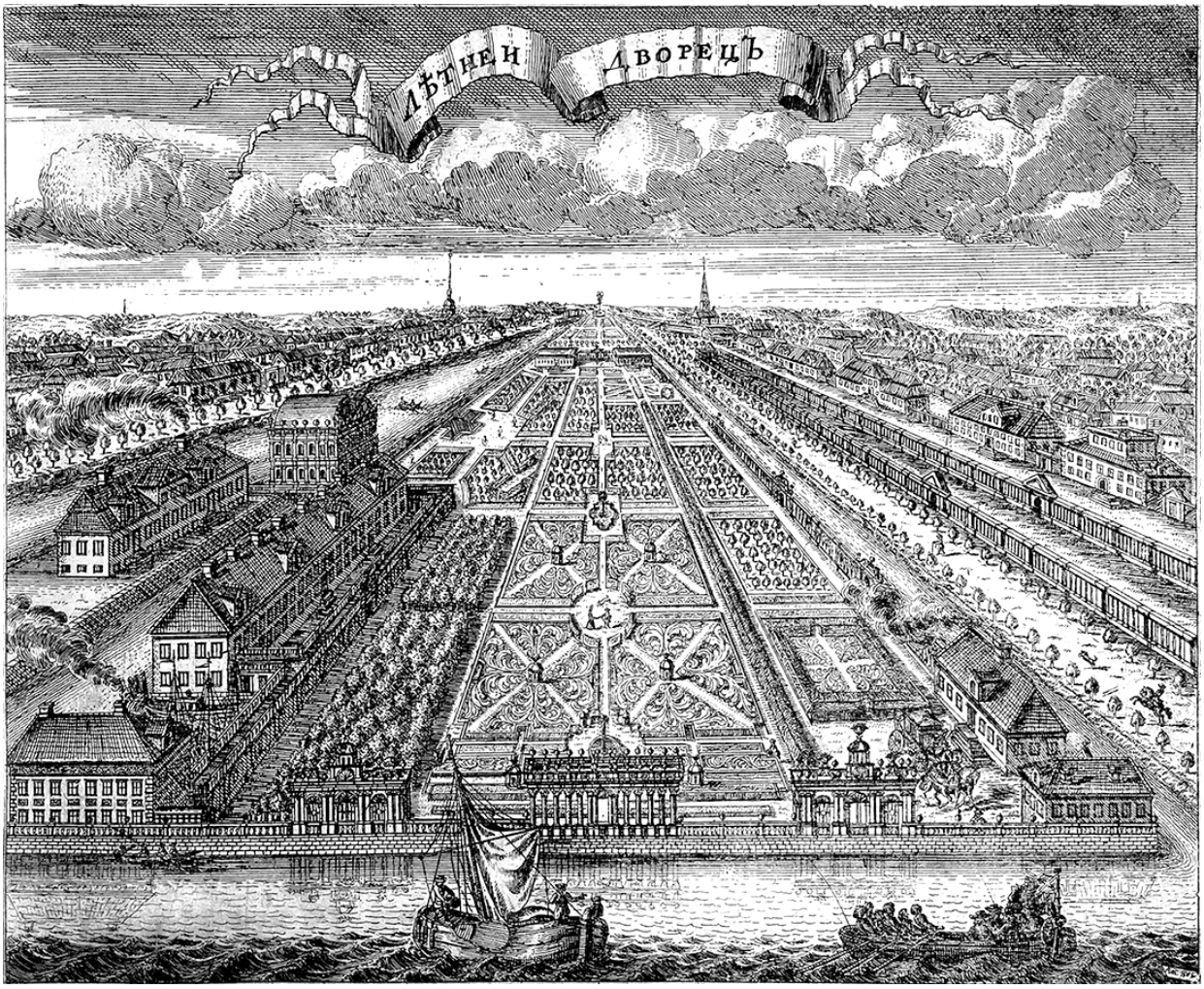
С государственной точки зрения важнейшим актом европеизации было создание новой, по-западному устроенной столицы. Санкт-Петербург был самым дорогим и трудоемким проектом всего петровского царствования. Подсчитать в точности, во сколько обошлось строительство города на болотах, вдали от населенных областей, вряд ли возможно, тем более что значительная часть затрат не имела денежного выражения. Можно сказать, что столицу строила не казна, а вся страна. В первое десятилетие там ежегодно трудилось в среднем около 20 тысяч человек. После Полтавской победы количество их возросло, темпы ускорились. Известно, что на содержание одного работника расходовалось по рублю в месяц, а размер этой трудовой армии иногда достигал 40 тысяч. Притом на стройку доставляли лучших мастеров – каменщиков и плотников. Смертность при такой скученности и в таких условиях, конечно, была очень высокой. Ключевский пишет: «Едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге и Кронштадте. Петр называл новую столицу своим “парадизом”; но она стала великим кладбищем для народа».

С 1714 года таким же приказным манером город стали наполнять постоянными жителями. Здесь предписывалось селиться придворным, военным, чиновникам, купцам, а также людям низших слоев – по

разнарядке, от всех губерний. Провинциальное начальство норовило сплавить по вызову тех, кого не жалко: стариков, бедняков, бобылей, поэтому в 1717 году последовал грозный указ присылать в Петербург только «первостатейных» поселенцев. Столица должна была собрать у себя всё лучшее, что только имелось в России.

В 1725 году население города достигло внушительной цифры в сорок тысяч человек – больше было только в Москве. Конечно, по сравнению с главными тогдашними столицами, Парижем и Лондоном, где имелось по 600 тысяч жителей, это скромно, зато свежевыстроенный петровский «парадиз» во многих отношениях выглядел более европейским, чем сама Европа.

Это впечатление создавалось благодаря правильной планировке и нарядности застройки, которая осуществлялась строго по регламенту. Начиная с 1714 года в центральной части Петербурга разрешалось строить только кирпичные и каменные дома. На окраинах дозволялось ставить мазанки, но непременно на каменном фундаменте. Улицы мостились и обсаживались деревьями – за счет домовладельцев.



Сад Летнего дворца. *А.Ф. Зубов*

В 1724 году вышел новый указ. Крупным помещикам (таковыми считались владельцы пятисот и более душ) под страхом конфискации имущества предписывалось строить на Васильевском острове дома определенного размера, в зависимости от состояния. Так у зажиточного провинциального дворянства зародилась традиция вести не только деревенскую, но и столичную жизнь.

Город очень сильно отличался от остальной России не только населением и архитектурой, но и уровнем благоустройства. Улицы обрамлялись каменными тротуарами, на которых с 1721 года появились масляные фонари (неслыханная прежде роскошь). В 1718 году была учреждена столичная полиция, следившая, чтобы жители не дебоширили, не развратничали, не играли в азартные игры, соблюдали противопожарную безопасность. На ночь проходы перегораживались

шлагбаумами. Нищим, которыми кишели все русские города, в Петербурге места не было. Царь повелел брать пять рублей штрафа со всякого, кто станет подавать милостыню.

Столице полагалось быть витриной империи. Так оно и получилось, потому что город постепенно становился главными морскими воротами страны. Большинство иностранцев, прибывавших с товарами на кораблях, ничего другого в России и не видели.

Таким образом, сделать Европой всю страну у Петра не получилось, но европейскую столицу он себе все же создал. И население этого дворянско-чиновничьего города усердно училось соответствовать царскому идеалу.

Но основная масса российского дворянства эти изыски усвоит еще не скоро. Американский историк Аркадиус Кахан подсчитал, что у дворянина средней руки траты на «европейский образ жизни» (одежду, обстановку, воспитание, досуг, светские обязанности) должны были отнимать больше трети дохода, и позволить себе такую роскошь могли лишь помещики, имевшие хотя бы сотню крепостных. Однако 60 % дворян были мелкопоместными, то есть владели меньше, чем двадцатью душами, и продолжали бытовать по старинке.

Избранной публике, жившей или бывавшей в «парадизе», предстояло дать пример всему высшему сословию державы, что такое жить по-новому.

Петр приложил много усилий, чтобы вышибить из дворян ненавистный старомосковский дух. По тем мерам, которыми царь этого добивался, легко вычислить, какие именно черты не устраивали его в собственных подданных: угрюмость, невежливость, неумение пристойно веселиться, непривычка к светской беседе, азиатская манера запирать женщин под замок.

Сам государь, по-видимому, был уверен, что он-то искусством веселья и приятного общения отлично владеет, хотя жертвы безобразий, устраиваемых Всешутейшим Собором, вероятно, были на этот счет иного мнения. Кощунства и похабства, которым Петр предавался со своими собутыльниками, существовали в его сознании как-то отдельно от «приличного» времяпрепровождения.

Вскоре после возвращения из-за границы, одновременно с введением европейской одежды, царь приказал дворянам устраивать собрания с музыкой и танцами, куда полагалось привозить с собой жен

и взрослых дочерей. Уклоняющимся грозил немалый штраф. За тем, как проходят эти непривычные для московских дворян мероприятия, Петр наблюдал лично.

Потом началась война, и заниматься организацией светской жизни стало некогда. Вновь у царя дошли руки до этой заботы не первой важности, лишь когда он более или менее покончил с кочевым существованием и наконец поселился в Петербурге, то есть в 1718 году. Не кто-нибудь, а столичный обер-полицмейстер (что подчеркивало нешуточность начинания) опубликовал извещение об ассамблеях, которые отныне будут поочередно устраиваться в домах знати. «Ассамблея есть слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать – вольное, где собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела, где можно друг друга видеть и переговорить или слышать, что делается». Главным правилом объявлялась неформальность: приходить мог кто угодно вплоть до купцов и «начальных мастеровых людей», безо всякого приглашения; хозяин никого не встречал и не провожал, а лишь готовил помещение, причем в одном зале полагалось танцевать, в другом курить и беседовать, в третьем мужчины играли бы в карты и шахматы, в четвертом дамы могли развлекаться незнакомой им забавой – фантами. Закусывать и выпивать разрешалось, но умеренно. Вести себя предписывалось непринужденно.

Судя по запискам молодого голштинца Бергхольца, оказавшегося в Петербурге в 1720-е годы, непринужденность давалась плохо. Танцевали русские неохотно и неуклюже, беседу вели с запинкой, женщины вообще помалкивали и держались особняком: «все сидят, как немые, и только смотрят друг на друга». Удивляться этому не приходится – трудно веселиться из-под палки, тем более что за строгим соблюдением регламента надзирал не кто-нибудь, а грозный генерал-прокурор Ягужинский, нареченный «царем балов».

В ассамблеях могла участвовать лишь крошечная часть верхнего сословия, находившаяся в непосредственной близости от государя, но две важные новации коснулись уже всего дворянского общества и начали действительно менять его ментальность.

Первое новшество, плоды которого проявятся еще очень нескоро, касалось самоощущения русского человека. Именно с петровской эпохи зарождается представление о человеческом достоинстве. В московском

царстве такого понятия не существовало: дворянин блюл достоинство своего рода, но не личное. Самоуничижаться, распластываться перед вышестоящими было частью общепринятого этикета. 30 декабря 1701 года вышел указ, в котором Петр вводил в обиход европейские нормы поведения. Отменялось коленопреклонение перед вельможами и даже перед царем. «Менее низкости, более усердия к службе и верности ко мне и государству – сия то почесть свойственна царю», – поучал подданных государь. Упразднялся древний обычай использования в документах уменьшительных форм имени. «Его величество, отменяя старинные обряды, изъявляющие униженности человечества… запретил, чтоб не писать и не называть уменьшительными именами вместо полнаго имени Дмитрия Митькою или Ивашкою», – рассказывает царский токарь Нартов. Кроме того, опять-таки по европейскому образцу, среди дворянства вводилось вежливое обращение на «вы».

На ассамблее. *Рисунок И. Сакурова*

Пройдет еще почти целый век, прежде чем диковинное понятие о чувстве собственного достоинства приживется на русской почве, поскольку одними указами подобный переворот в сознании произвести невозможно, но с петровской эпохи начинает уходить в прошлое демонстративное подчеркивание неравенства положения внутри дворянского класса. По крайней мере внутри одного сословия с людьми перестают обращаться, как с холопами, только потому что их статус или чин ниже.

Вторая метаморфоза, более стремительная, произошла в положении женщин. Дворянки недолго пугались европейской одежды и дичились непривычной обстановки на балах. Скоро новое общественное положение русским женщинам стало нравиться, поскольку открывало перед ними совсем другую жизнь. Раньше их прятали от посторонних, обращались с ними деспотически. Женщины были всего лишь «слабым полом», теперь же они объявлялись еще и «прекрасным полом». Новые правила предписывали говорить дамам и барышням комплименты, выказывать им знаки почтительности. Революция в статусе женщин повлияла не только на мир моды и увеселений. Выйдя из терема, русская дворянка начала играть активную роль в общественной и даже в политической жизни страны. Восемнадцатое столетие останется в истории под названием «века женщин» отнюдь не только из-за четырех императриц.

Из-за галантного отношения к дамам и сближения полов существенно смягчились нравы и вошло в повседневное употребление новое понятие, которое поначалу называли иностранным словом «амур». Романтическая любовь, конечно, существовала и прежде, но о ней не писали и на людях не говорили, уж во всяком случае ей не поклонялись. Князь Щербатов в своем трактате «О повреждении нравов в России» описывает это так: «Страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начала чувствительными сердцами овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувств произошло. А сие самое и учинило, что жены, до того не чувствующие свои красоты, начали силу ее познавать, стали стараться умножать ее пристойными одеяниями и более предков своих распростерли роскошь в украшении. О коль желание быть приятной действует над чувствиями жен!»

Вместе с нравами и жизненными реалиями заметно меняется язык, всегда чуткий к подобным вещам. Появляются явления, предметы и понятия, соответствия которым на русском раньше не существовало, к этому прибавляется мода щеголять всем иностранным.

> Больше всего, конечно, лексическое поветрие влияло на речь того класса, который единственный европеизировался – дворян, военных и служащих. Часть этих заимствований потом органично вошла в русский язык. Например, у публициста Ивана Посошкова можно встретить совершенно современную терминологию: «У нас самой властительной и всецелой Монарх, а не аристократ и не демократ». Однако многие речевые маннеризмы не прижились и сегодня звучат курьезно.
>
> Вот как рассказывает о своем любовном приключении в Венеции князь Борис Куракин, иногда даже вписывая что-то латиницей: «И в ту свою бытность был инаморат [это он не знает, как по-русски назвать состояние влюбленности] в славную хорошеством одною читадинку [горожанку], называлася signora Francescha Rota, которую имел за медресу [любовницу] во всю ту свою бытность. И так был inomarato, что не мог ни часу без нея быть, которая коштовала [стоила] мне в те два месяца 1000 червонных. И разстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот amor не можетъ выдти и, чаю, не выдет. И взял на меморию [память] ея персону [портрет], и обещал к ней опять возвратиться». (Не возвратился, но привез из странствий массу новых слов, которыми испещрены его записки даже и об отечественной истории: «И начала она, царевна София Алексеевна… подтверждать аллиансы с своими соседственными потенции».)

Если попытки привить на Руси европейские повадки привели в целом к довольно скромным результатам, объясняется это извечным петровским отсутствием чувства меры. Царь всегда требовал слишком многого и немедленно, никогда не знал, где следует остановиться.

Получилось, конечно, много меньше, чем мечталось Петру. Не удовлетворившись тем, что в немецкую одежду нарядились дворяне,

царь стал добиваться того же от простолюдинов: запретил продажу русского платья, поставил у столичных ворот специальных людей, которые брали огромный штраф с нарушителей. За небритие бороды можно было угодить на каторжные работы. Но следить за тем, чтобы все мужчины страны брились, было, конечно, невозможно.

Точно так же не вышло заставить всех строить дома по единому регламенту – заведомо невыполнимая установка.

М. Богословский пишет, что в 1723 году вышел совсем уже сумасбродный указ о том, что ассамблеи должны проводиться и в монастырях – тоже с музыкой, картами и шахматами. Подобные перегибы вызывали недовольство даже в самых апатичных слоях общества. «Его [Петра] деспотическая мера, внушая омерзение в массе народа ко всему иностранному, только способствовала упорству, с которым защитники старины противились всякому просвещению», – пишет Костомаров. Основная часть народа не желала переиначивать свою жизнь на европейский лад – и виноват в этом был сам реформатор.

В итоге культурной революции, произведенной Петром, Россия переоделась лишь отчасти: сверху – маленькая голова в парике, треуголке, с бритой физиономией, ниже – огромное тело в сермяге, портках и лаптях. Таким гибридом империя, в общем, и просуществует все два века «четвертого государства», вплоть до революции 1917 года.

Соратники

Многочисленные начинания и преобразования, походы и стройки – вся гигантская, хаотичная работа, произведенная Петром, конечно, не

могла бы осуществиться без большого количества помощников «в пременах жребия земного, в трудах державства и войны». В том же фрагменте поэмы «Полтава» Пушкин называет их «товарищами и сынами» Петра, «птенцами его гнезда», но большинство этих ярких людей походили на птенцов разве что своей неуемной прожорливостью – они обладали хищными клювами и стальными когтями.

Деловые качества царских соратников оцениваются историками по-разному. Скажем, Н. Павленко, главный отечественный исследователь эпохи, считает, что Петр хорошо умел угадывать таланты и не следовал вредному совету, который некогда дал Ивану Грозному старец Вассиан: «Аще хощеш самодержцем быти, не держи собе советника ни единаго мудрейшего собя»; Петр-де, наоборот, говорил: «Короли не делают великих министров, но министры делают великих королей».

В то же время В. Ключевский, перечисляя главных петровских помощников, отзывается о них весьма уничижительно. Меншиков у него «отважный мастер брать, красть и лгать», адмирал Апраксин – «ничего не смысливший в делах», Петр Толстой – умелец «всякое дело выворотить лицом наизнанку и изнанкой на лицо», Ягужинский – «трагик странствующей драматической труппы», Остерман – «робкая и предательски каверзная душа».

Примиряя эти противоположные суждения, можно сказать так: ассистенты Петра были столь же противоречивыми и неоднозначными личностями, как их вождь, соединяя в себе и выдающиеся, и низменные черты.

Воистину: каков царь, таков и псарь.

«Забавной и роскошной»
Франц Лефорт (1656–1699)

Один из петровских любимцев стоит особняком и не похож на прочих. На него единственного царь смотрел не сверху вниз, а пожалуй что и снизу вверх, во всяком случае на первых порах. Да и сам Лефорт сильно отличался от других фаворитов – не столько даже происхождением, сколько принципиально иным типом натуры. Остальные петровские помощники – при всех своих различиях – были людьми действия, Лефорта же вполне можно назвать заправским бездельником.

Ничего выдающегося он собою не представлял, никаких великих дел не совершил, к тому же еще и рано умер – и все-таки его историческая роль иная, чем у любого из «птенцов», потому что во взаимоотношениях Лефорта и Петра «птенцом» как раз был последний. Франц Лефорт во многом сделал своего питомца тем, кем тот стал. Для юного Петра кукуйский собутыльник олицетворял собой самое Европу – нарядную, элегантную, просвещенную, умеющую жить и веселее, и ловчее, и лучше. Подружившись с блестящим Лефортом, восемнадцатилетний царь возмечтал сам стать европейцем.

Франц-Якоб (по-русски Франц Яковлевич) Лефорт, которого часто называют швейцарцем, на самом деле был родом из Женевы, в то время вольного города, еще не вошедшего в Швейцарскую конфедерацию. Семья была торговой, среднего достатка, и Францу как младшему из семи сыновей на многое рассчитывать не приходилось. Известно, что начинал он всего лишь учеником в москательной лавке. Но юноше хотелось приключений. Эта страсть побудила его вопреки родительской воле поступить на военную службу. Сначала он послужил кадетом в Марселе, потом отправился в Голландию, где тогда шла война. Лефорт проявил себя храбрецом, получил ранение при штурме крепости Граве, но шансов на карьеру у безродного и безденежного женевца не было. Поэтому в 1675 году он отправился в Россию, польстившись на обещание капитанского чина (в голландской армии он был всего лишь прапорщиком).

Однако обещание исполнено не было. Добравшись до Москвы, иноземец места не получил и долгое время жил в Немецкой слободе без постоянных занятий. Русский язык Лефорт толком так и не осилил – об этом можно судить по его письмам. В 1697 году, через двадцать с лишним лет жизни в России, он так докладывает царю о своих переговорах с голландцами: «А мы рады адсуды посскора в Абстердам [Амстердам] быть, можно быть, еще одна конференци на тум неделе будет, и отпуск нашу. Будет ли добра, Бог знать. Ани не хотят ничаво давать» (в оригинале это еще и написано латинскими буквами).

Один талант у Лефорта все же имелся: он обладал незаурядным обаянием, умел нравиться. С этим капиталом (другого не было) молодой человек выгодно женился – на кузине известного и влиятельного генерала Патрика Гордона. Лишь после этого, в 1678 году, женевец получил капитанское звание и начал потихоньку расти в чинах – опять-таки главным образом благодаря своей обходительности. Он сумел понравиться оберегателю Василию Голицыну, под началом которого без особых отличий участвовал в обоих крымских походах. Но своей фортуной Лефорт был обязан другому Голицыну, Борису Алексеевичу, воспитателю Петра. Дело в том, что Лефорт держал в Немецкой слободе открытый дом, где радушно принимал как иностранцев, так и русских вельмож. «Склонный к питию» Борис Голицын тоже там бывал – у Лефорта умели пировать и веселиться.

Политическим предвидением Лефорт не обладал, поэтому никаких попыток сблизиться с подростком Петром не предпринимал. Лишь когда Нарышкины победили и вчерашний «младший царь» вдруг стал настоящим государем, полковник Лефорт начал его обхаживать. Первое упоминание об их встрече относится к сентябрю 1690-го, когда после переворота миновал уже целый год.

В это время Борис Голицын начал возить своего воспитанника веселиться в Немецкую слободу. Больше всего Петру понравилось в доме у Лефорта, а в статного, сильного, ловкого хозяина царь просто влюбился. «Помянутой Лефорт был человек забавной и роскошной или назвать дебошан французской. И непрестанно давал у себя в доме обеды, супе [soupers – ужины] и балы», – пишет Куракин.

В несколько недель скромный офицер сделался очень важной персоной. Прямо сразу он получил чин генерал-майора, а в начале 1691 года современник пишет: «Его царское величество очень Лефорта

любит и ценит его выше, чем какого-либо другого иноземца. Его чрезвычайно любит также вся знать и все иностранцы. При дворе только и говорят о его величестве и о Лефорте. Они неразлучны. Его величество часто посещает его и у него обедает. Оба они одинаково высокого роста с той разницей, что его величество немного выше и не так силен, как генерал». Царь и генерал стали неразлучны.

Никаких заслуг кроме умения развлекаться у Лефорта не было. Вскоре, правда, появился еще один магнит. «И тут в доме первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземскими обходиться и амур начал первой быть к одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова», – пишет князь Куракин. Свел Анну с Петром, по-видимому, Лефорт.

К 1692 году собрания так разрослись, что для них пришлось строить новый большой дом с парком – конечно, на царские деньги. Теперь за столы могли рассесться две с половиной сотни человек. Пиры, танцы, шумные празднества, фейерверки не прекращались.

Благодаря Лефорту юный царь пристрастился к выпивке, чего прежде за русскими государями не водилось. «Тут же в доме началось дебошство, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дня запершись в том доме бывали пьяны, и что многим случалось оттого умирать. И от того времени и по сие число и доныне пьянство продолжается, и между великими домами в моду пришло» (Куракин).

Подражая Лефорту, царь стал наряжаться в европейское платье – и скоро заставит переодеться все русское дворянство.

Самое главное – слушая рассказы старшего друга о войнах, морских плаваниях и европейских порядках, Петр напитывался новыми идеями и преисполнялся великих замыслов. Заслугой Франца Лефорта было то, что он пробудил в российском самодержце жажду величия. С. Соловьев пишет: «Очевидно, что Петр как преобразователь в известном направлении окончательно определился в тот период времени, к которому, бесспорно, относится близкая связь с Лефортом».

Ко всякому новому важному делу Петр непременно старался пристроить своего бесценного друга, на которого все время сыпались новые должности и сопряженные с ними обязанности. В 1693 году Лефорт уже полный генерал, в следующем году он – капитан первого русского корабля, а скоро станет и адмиралом, притом что ни водить корабли, ни командовать войсками женевец не умел.

Даже на «потешных» маневрах, которыми в ту пору развлекался Петр, у Лефорта мало что получалось. Во время Кожуховского похода 1694 года, когда полки европейского строя осаждали фортецию, занятую стрельцами, Лефорт, напившись пьян, затеял незапланированный штурм и чуть не погиб, когда ему в голову попала глиняная «бомба».

Примерно так же воевал он и на настоящей войне – в первой Азовской кампании. Сама идея нападения на Турцию (недальновидная и бесплодная, как покажут дальнейшие события), по мнению С. Соловьева, исходила от Лефорта. В 1695 году Франц Яковлевич командовал одним из четырех осадных корпусов и так неудачно расположил свои части, что они понесли наибольшие потери. Как и под Кожуховым, Лефорт все время рвался штурмовать крепость, дважды уговорил царя – и оба раза это ни к чему кроме больших потерь не привело.

Франц Лефорт. Портрет написан в 1698 году во время Великого посольства. *М. ван Мюссер*

Во втором походе, в 1696 году, адмирал Лефорт командовал речным флотом. Он построил себе какой-то особенный корабль «со светлицей и с мыльней», на котором и просидел вплоть до турецкой капитуляции, ничем не отличившись, однако во время победного въезда в столицу был осыпан почестями, будто главный триумфатор.

Никакие оплошности не могли подорвать веры Петра в лефортовские таланты. Когда после Азовской виктории царь засобирался с Великим посольством в Европу, создавать антитурецкую коалицию, Франц Лефорт был назначен главой этого монументального предприятия. Не вызывает сомнений, что и сам замысел беспрецедентного путешествия тоже принадлежал фавориту.

Как известно, с дипломатической точки зрения, то есть именно в той части, за которую отвечал Лефорт, посольство завершилось полной неудачей. Ни с Голландией, ни с австрийским императором послы ни о чем не договорились, но и это фиаско не омрачило отношений между царем и его другом. Когда из России приходит тревожное известие о стрелецком бунте и Петр спешит домой с несколькими спутниками, средь них, конечно, и Лефорт, хотя ему по должности первого посла следовало бы оставаться в Вене для переговоров.

Незыблемость лефортовского положения при дворе, по-видимому, объясняется двумя факторами. Во-первых, характером Петра, который мало кого любил, но, если уж привязывался, то прочно и надолго, прощая предмету своей привязанности всё кроме предательства. А во-вторых, Франц Лефорт, судя по свидетельствам современников, действительно являлся личностью симпатичной и безусловно был искренне предан Петру, подчас отстаивая его интересы даже с риском для себя. Несколько раз, во время знаменитых приступов петровской ярости, женевец кидался спасать приближенных, которых царь в ослеплении был готов убить на месте. Каждый раз доставалось самому Лефорту, потому что во время припадка Петр бил не разбирая.

Австриец Корб был свидетелем того, как царь чуть не заколол генерала Шеина за ерундовую провинность. «Воеводе готовился было далеко опаснее удар, и он, без сомнения, пал бы от царской десницы, обливаясь своей кровью, если бы только генерал Лефорт (которому одному лишь это дозволялось) не сжал его в объятиях и тем не отклонил руки от удара. Царь, возмущенный тем, что нашелся смельчак, дерзнувший предупредить последствия его справедливого

гнева, напрягал все усилия вырваться из рук Лефорта и, освободившись, крепко хватил его по спине».

Нартов рассказывает, что лишь благодаря заступничеству Лефорта избежала смерти опальная царевна Софья, которую Петр после стрелецкого бунта хотел убить. «Франц Лефорт удержал его от этого, напомнив, что она сестра ему и что только турки убивают своих родных».

Когда царь устроил кровавую расправу над бунтовщиками, рубя их собственной рукой и заставив всех приближенных делать то же самое, у Лефорта чуть ли не единственного хватило твердости отказаться. Корб пишет: «Генерал Лефорт, приглашаемый царем взять на себя обязанность палача, отговорился тем, что в его стране это не принято», – малоубедительная отговорка из уст российского генерала и адмирала, но Петр отступился.

Наконец, была у Лефорта и еще одна привлекательная, даже раритетная черта: он не казнокрадствовал и вообще не отличался алчностью. После него не осталось ничего кроме долгов, да и те для такого вельможи были весьма скромны, менее 6000 рублей.

С сорокалетнего возраста Лефорт много хворал, все больше расшатывая здоровье разгульной жизнью. Несмотря на уговоры врачей, он продолжал веселиться и пьянствовать до самого конца, пока не свалился. Уже не вставая с постели, то и дело теряя сознание, он велел оркестру играть музыку. Когда пришел пастор с последним напутствием, умирающий попросил: «Много не говорите».

1 марта 1699 года Франц Лефорт скончался, «а болезнь была фибра малигна» [«злая лихорадка»]. Царь, находившийся в это время на верфях в Воронеже, примчался в Москву, горько плакал и восклицал: «Уж более я не буду иметь верного человека; он один был мне верен. На кого теперь могу положиться?!» (Корб).

И действительно: потом у Петра было много помощников гораздо более толковых, но ни одного, кого он мог бы назвать своим верным другом.

«Либсте камарат»
Александр Меншиков (1673–1729)

После смерти Франца Лефорта главным царским фаворитом становится и в течение четверти века, почти до самого конца, таковым остается деятель совершенно иного склада – Александр Данилович Меншиков, которого, по выражению придворного токаря Нартова, «государь любил отлично» (то есть отличая от всех прочих). Помимо отличной царской любви Меншикова выделяла и сказочная причудливость биографии. «Не было другой личности, которая возбуждала бы до такой степени всеобщее внимание Европы странными поворотами своей судьбы», – пишет Костомаров.

Второй человек в империи, «полудержавный властелин», как назовет его Пушкин, вышел из низов жестко иерархичного московского общества. Существует две версии касательно меншиковского происхождения. Согласно одной, он родился в семье придворных слуг и приблизился к царю обычным для подростков этой среды образом – был записан в «потешные». Но другая версия, «пирожная», гораздо более популярна – возможно из-за своей колоритности.

Один из самых ранних и подробных рассказов встречается в записках адмирала Вильбуа.

«Его отец был крестьянин, который зарабатывал на жизнь тем, что продавал пироги на Кремлевской площади, где он поставил ларек. Когда его сыну Александру исполнилось 13 или 14 лет, он стал посылать его по улицам с лотком и пирожками, чтобы продавать их. Большую часть времени тот проводил во дворцовом дворе, потому что там ему удавалось продавать больше своего товара, чем на других площадях и перекрестках города. Он был, как говорят, довольно красивым молодым человеком веселого нрава или, лучше сказать, был проказником и поэтому веселил стрельцов из охраны Петра I, который был еще только ребенком того же возраста, что и Меншиков. Его шутки часто веселили молодого государя. Он видел его из окон своей комнаты, которые выходили на царский двор, где молодой продавец пирожков постоянно шутил с солдатами охраны.

Однажды, когда он закричал от того, что один стрелец его слишком сильно потянул за ухо, царь велел сказать солдату, чтобы тот прекратил это, и приказал привести к себе торговца пирожками. Он появился перед царем без всякого смущения, и, когда тот задал ему несколько вопросов, отвечал остроумными шутками, которые так понравились царю, что тот взял его к себе на службу в качестве пажа. Царь приказал сейчас же выдать ему одежду. Меншиков, переодетый в чистое платье, показался царю достаточно приятным, чтобы сделать его камердинером и своим фаворитом в италийском вкусе». (Здесь пересказывается сплетня о гомосексуальной связи между Петром и Меншиковым, распущенная многочисленными врагами последнего).

Подтверждение «пирожной» версии можно найти и у хорошо осведомленного Нартова, который рассказывает, как Петр, осердившись на светлейшего, однажды крикнул: «Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние, чем ты был! Тотчас возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам, кричи: пироги подовые! как делывал прежде. Вон!» И Меншиков якобы потом ходил с кузовом пирогов и кричал: «Пироги подовые! Пироги подовые!», чем вызвал у царя смех и заслужил прощение. Правда, токарь Александра Даниловича не любил и понаписал про него немало гадостей.

В «пирожной» легенде есть еще одна вариация, в частности приводимая Костомаровым: что мальчишка-разносчик привлек внимание не самого царя, а Лефорта, который взял весельчака в услужение, и что Петр обратил внимание на бойкого слугу, пируя в Немецкой слободе.

На самом деле точные обстоятельства и даже время, когда Меншиков приблизился к юному государю, неизвестны. Первое упоминание о петровском любимце относится только к 1698 году, когда Иоганн Корб отмечает «царского фаворита Алексашку», который «вознесен до верха всем завидного могущества из низшей среди людей участи».

С. Соловьев описывает Меншикова так: «Наружность фаворита была очень замечательна; он был высокого роста, хорошо сложен, худощав, с приятными чертами лица, с очень живыми глазами; любил одеваться великолепно и, главное, что особенно поражало иностранцев, был очень опрятен, качество, редкое еще тогда между русскими. Но не одною наружностью мог он держаться в приближении: люди

внимательные и беспристрастные признали в нем большую проницательность, удивлялись необыкновенной ясности речи, отражавшей ясность мысли, ловкости, с какою умел обделать всякое дело, искусству выбирать людей». Во время заграничного путешествия голландский художник Михаэль ван Мюссер написал не только «великого посла» Лефорта, но и сделал замечательный портрет 25-летнего царского фаворита «Алексашки». На картине мы видим умного, хитрого, живого, нахального парня, хорошо знающего себе цену.

Портрет Александра Меншикова. *М. ван Мюссер. 1698 г.*

Никакого образования Меншиков не получил. Некоторые авторы утверждают, что он был вовсе неграмотен и умел лишь подписываться, но при общем невысоком уровне тогдашней российской учености это не являлось большим препятствием в делах. В любом случае он был очень сметлив, всё полезное схватывал на лету и умел худо-бедно изъясняться на нескольких иностранных языках.

Главное его достоинство заключалось в умении предугадывать царские желания и моментально их исполнять, так что вскоре Петр уже не мог обходиться без этого своего денщика. Всюду, куда отправлялся молодой царь, ему сопутствовал Алексашка, помощник и соратник в любых делах – серьезных, несерьезных, мелких, крупных. Закадычнее приятеля у государя за всю его жизнь не было. В письмах царь обычно обращался к нему на иностранный манер, что обозначало особую привязанность: «мейн бесте фринт» и «майн либсте камарат», «майн герц» и «мейн герцекин» (в смысле «дитя сердца моего»), даже «мейн брудер», хотя «братом» тогда монарх называл только другого венценосца. Правда, в отличие от Лефорта, к Алексашке царь относился попросту, безо всякого почтения.

Первое место подле царя Меншиков занял не после смерти женевца, а после падения Анны Монс. Если верить Нартову, эта опала произошла в результате меншиковской интриги: «Он [Меншиков] безпокоился еще тем, что видел себе противуборницу свою при его величестве Анну Ивановну Монс, которую тогда государь любил и которая казалась быть владычицею сердца младого монарха», и лишь оттеснив немку, ловкач «сделался потом игралищем всякаго счастия и был первым государским любимцем».

Меншиков вообще отлично понимал важность женского влияния и умел пользоваться этим инструментом. Прочность положения фаворита стала двойной, когда его бывшая любовница Марта Скавронская стала сначала царской метрессой, а затем и царицей. Александр Данилович сохранил с нею прекрасные отношения, с самого начала поведя себя очень умно. Когда Петр бесцеремонно отобрал красавицу у своего слуги, Меншиков не только склонился перед волей монарха, но и подарил «пошедшей на повышение» деве шкатулку с бриллиантами.

Будучи безродным выскочкой, Меншиков был жаден на титулы, чины, должности. Со временем пирожник станет графом и князем

Священной Римской империи, российским светлейшим князем, герцогом, адмиралом, генералиссимусом.

Еще сильнее была страсть к деньгам. Меншиков всю жизнь не мог насытиться богатствами: золотом, поместьями, дворцами, драгоценностями, крепостными. Ему мало было официальных наград и милостей, он выискивал поживу во всем, за что брался. Алчность Александра Даниловича не знала пределов. Он воровал подрядные деньги, обкрадывал армию, которую брался снабжать, обворовывал огромные стройки, которыми руководил, забирал себе выморочные имения, присваивал чужих крепостных, хапал взятки, пускался в финансовые авантюры.

К концу жизни Меншиков владел шестью городами, бессчетным количеством деревень и 90 000 душ. В банках на его имя лежал 1 миллион 300 тысяч рублей, и примерно на такую же сумму числилось ювелирных изделий, на которые фаворит был особенно падок. Богаче во всей России был только императорский дом.

Свои аферы Меншиков проворачивал так нагло, что неоднократно попадался. Царь его собственноручно колотил, штрафовал на огромные суммы, но всякий раз прощал, говоря: «Он в беззакониях зачат, во грехах родился и в плутовстве скончает живот свой» или: «Вина немалая, да прежния заслуги более».

Последняя причина всё и объясняет. Пороки и злоупотребления Александра Даниловича безусловно омрачают, но отнюдь не затмевают его свершений.

Прежде всего они заметны на военном поприще. Из разбитного слуги со временем получился превосходный полководец. Сначала Петр видел в Алексашке только лихого рубаку, бесстрашно бившегося при штурме Нотебурга или в морском бою на Неве. Но Меншиков оказался способен на большее.

Видя это, Петр перестает держать его неотступно при себе, начинает доверять большие самостоятельные задачи, и обычно Меншиков с ними успешно справляется.

В 1706 году, командуя собственным корпусом, он разгромил шведско-польское войско под Калишем – это была первая большая победа русского оружия в полевом сражении. Потом были и другие виктории, но главной из них стал меншиковский бросок после Полтавы к Переволочненской переправе. Напомню, что хоть шведы и понесли

тяжелые потери во время самой Полтавской битвы, все же почти две трети армии смогли оторваться и, если бы Карлу удалось привести в порядок свои разбитые части, еще неизвестно, чем закончилась бы кампания. Но Меншиков догнал отступающего противника, прижал к Днепру и вынудил капитулировать. Не будет преувеличением сказать, что именно Переволочна решила судьбу всей Северной войны.

По тому, где и когда находился Меншиков, легко судить, какой фронт деятельности в тот момент Петр считал самым важным. Когда царь начал давать своему любимцу не военные, а гражданские поручения (с 1714 года), это означало, что боевые задачи перестали быть главными.

В качестве администратора Александр Данилович проявил себя существенно хуже, чем на полях сражений. Он строил Санкт-Петербург и Кронштадт, корабельные верфи, пушечные заводы, рыл каналы, брался за устройство промышленно-торговых компаний и многие другие дела, но всюду мешала его забота о собственном кармане.

Наивысшего могущества светлейший достиг в начале 1720-х годов, когда он был столичным генерал-губернатором и одновременно президентствовал в Военной коллегии. Меншиков оставался в Петербурге и возглавлял правительство во время длительного отсутствия императора, отправившегося в Каспийский поход.

В самый последний год жизни Петра положение временщика пошатнулось. Произошло это по нескольким причинам. Во-первых, в мирное время от Меншикова было больше вреда, чем пользы, и «вины» начинали перевешивать «прежние заслуги». Во-вторых, из-за тяжелой болезни царь вообще сделался очень гневлив и раздражителен, набрасываясь на самых близких людей. Наконец, после скандала с Виллемом Монсом испортились отношения между императором и императрицей, и Меншиков лишился всегдашней заступницы. В 1724 году он теряет свои основные посты – сначала генерал-губернаторство, а затем и президентство в Военной коллегии. Очень вероятно, что опального фаворита ждала бы печальная участь, если бы царь не умер. Только на смертном одре Петр позвал к себе старого друга – попрощаться.

После ухода многолетнего покровителя меншиковская судьба сделает новый зигзаг. Самый блистательный взлет баловня Фортуны произойдет, когда Петра не станет.

«Монстра»
Федор Ромодановский (1640?–1717)

Среди сподвижников Петра был один, отличавшийся от всех прочих исключительностью своего положения. Царь не любил его так сильно, как Лефорта, и не был с ним так близок, как с Меншиковым, но безусловно относился к этому человеку с большим уважением и очень его ценил. Невозможно представить, чтобы Петр поднял на него руку, как на «сердечного друга» Франца или на «Алексашку».

Князь Ромодановский занимал особое место и в государстве, где носил небывалый титул «князя-кесаря», и в петровской разгульной «компании», которая должна была даже во время безобразий Всепьяннейшего Собора воздавать Федору Юрьевичу больше почестей, чем царю.

Пример этому подавал сам Петр, всегда относившийся к Ромодановскому с утрированным пиететом. Все, включая государя, должны были вставать, когда Федор Юрьевич входил в помещение. Никто не смел въезжать к Ромодановскому во двор верхом или в повозке – даже Петр перед воротами спешивался.

Нартов в своих записках описывает эпизод, красноречиво демонстрирующий уникальные взаимоотношения «кесаря» с «князь-кесарем».

«Случилось государю летом идти из Преображенского села с некоторыми знатными особами по Московской дороге, где увидел он вдали пыль, потом скачущаго ездового или разсыльщика, машущего плетью и кричащего прохожим и едущим такия [слова]: “К стороне, к стороне! Шляпу и шапку долой! Князь-цесарь едет!” ‹…› Государь, остановясь и не снимая шляпы, сказал: “Здравствуй, мин гнедигер гер кейзер!” ‹…› На сие не отвечая князь ни слова, при сердитом взгляде, кивнув только головою, сам продолжал путь далее.

‹…› Князь отправил… к нему грозного разсыльщика с объявлением, чтоб Петр Михайлов явился к ответу. Государь, догадавшись тотчас о его гневе, пошел на свидание. При вшествии его величества Ромодановский, не вставая с кресел, спрашивал сурово так: “Что за спесь, что за гордость! Уже Петр Михайлов не снимает ныне

цесарю и шляпы! Разве царя Петра Алексеевича указ не силен, которым указано строго почитать начальников?” – “Не сердись, князь-цесарь, – сказал Петр Великий, – дай руку, переговорим у меня и помиримся”».

Разумеется, в подобных сценах проявлялась петровская склонность к шутовству, но Федор Юрьевич отнюдь не исполнял карикатурную роль «царя» Симеона Бекбулатовича при Иване Грозном. Ромодановский был вторым по могуществу – и первым по грозности – лицом в государстве, с Петром он держался весьма независимо. Князь не только имел право без доклада входить к царю в любое время, не только давал ему советы по всем сферам управления, но и позволял себе спорить с гневливым монархом. Например, известно, что Федор Юрьевич осудил брак Петра на безродной полонянке Екатерине – и не попал за это в опалу.

Чем же объяснялось почтение, с которым грубый, мало кого уважавший монарх относился к Ромодановскому?

Конечно, не знатностью, хоть князь происходил по прямой линии от Всеволода Большое Гнездо, а стало быть, от Рюрика. И не почтенными летами – государь с легкостью унижал вельмож, бывших старше Ромодановского и родом, и возрастом.

Больше всего Петр ценил в людях полезность, и в этом смысле князь-кесарь не имел себе равных. Это был единственный человек, кому молодой царь доверял управление государством во время длительных отлучек.

Имел значение и масштаб личности Ромодановского. Будучи сам натурой крупной, Петр ценил это качество и в других.

Кроме того, Федор Юрьевич не брал подношений и не пользовался своей почти бесконтрольной властью для личного обогащения.

Тот же Нартов рассказывает еще одну занятную историю.

Сразу после Нарвского поражения, в самые тяжелые для страны дни, когда Петр был в отчаянии, не зная, откуда при пустой казне взять средства для снаряжения армии, князь-кесарь отвел царя в некую тайную палату и отдал сокровища, оставленные Алексеем Михайловичем на черный день. «При конце жизни своей, призвав меня к себе, [царь] завещал, чтоб я никому сего из наследников не отдавал до тех пор, разве воспоследует в деньгах при войне крайняя нужда. Сие его повеление наблюдая свято и видя ныне твою нужду, вручаю столько, сколько надобно…» Далее автор заключает: «Сия-то великая

заслуга поселила в сердце Петровом благодарность такую к князю Ромодановскому, что он пред всеми прочими вельможами князя Ромодановскаго, которому отменное почтение монарх оказывал и доверенность, более любил». Возможно, этот анекдот является легендой, но во всяком случае он свидетельствует о той репутации, которой пользовался при дворе Федор Юрьевич.

Думается, что ореол, окружавший Ромодановского, объяснялся и еще одной причиной. Петр очень хорошо понимал золотое правило всякой диктатуры: всегда должен быть некто, более страшный и жестокий, чем сам правитель – точно так же Иван IV нуждался в Малюте Скуратове.

Федор Ромодановский. *Н. Иванов.*

Что-что, а наводить ужас Ромодановский умел очень хорошо. Он был страшен и видом, и нравом. «Сей князь был характеру партикулярнаго [особенного]; собою видом, как монстра; нравом злой

тиран; превеликой нежелатель добра никому; пьян по вся дни; но его величеству верной так был, что никто другой. И того ради… оному [царь Петр] во всех деликатных делех поверил и вручил все свое государство», – пишет Борис Куракин.

Даже когда князь-кесарь бывал весел и развлекался у себя дома, ходить к нему считалось делом небезопасным. У Ромодановского было своеобразное представление о юморе: дрессированный медведь заставлял вошедших осушить огромную чарку, а если кто-то не мог, зверь начинал его драть. Однажды Яков Брюс, один из близких Петру людей, пожаловался, что Ромодановский спьяну опалил его огнем. «Зверь! – сердито написал князь-кесарю Петр. – Долго ль тебе людей жечь? И сюда раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ивашкою [имелся в виду Ивашка Хмельницкий, то есть алкоголь]. Быть от него роже драной». Федор Юрьевич бестрепетно ответил: «Неколи мне с Ивашкою знаться – всегда в кровях омываемся. Ваше то дело на досуге стало знакомство держать с Ивашкою, а нам недосуг!»

В этом и состояла главная функция князь-кесаря: он *омывался в кровях*, то есть исполнял самую жестокую государственную работу – берег безопасность державы. На этом поприще и выдвинулся.

Ближний стольник юного Петра Алексеевича, он считался у Нарышкиных человеком надежным, поэтому после переворота 1689 года получил ответственное задание – надзирать за арестованной царевной Софьей, главным врагом государства. Кроме того Федор Юрьевич возглавлял скромный приказ, который вел дела Преображенского загородного дворца, и в этом качестве управлял потешными полками. Но когда подмосковное село стало фактической резиденцией главы государства (то есть с 1694 года), функции приказа сущностно изменились. С этого времени название «Преображенский приказ» начинает звучать грозно. В 1696 году ведомство князя Ромодановского берет на себя охрану порядка и следствие по важным делам, а несколько лет спустя и вообще по всем политическим преступлениям, вплоть до мелких доносов.

Так в России возникает, а вернее, возрождается очень важный институт абсолютизма – тайная полиция. «Третье» российское государство, просуществовавшее почти весь XVII век, как мы видели, несколько отошло от жестких принципов «ордынскости» и не имело

настоящей «спецслужбы», какою был опричный корпус Ивана Грозного или доносное ведомство Семена Годунова. Петр I, воскресив и многократно укрепив тотальную централизацию власти, исправил этот дефект. Отныне чингисханов «кэшик», «черный тумен», будет обязательной и очень важной компонентой империи, лишь меняя свои названия.

Таким образом, настоящей основой огромного влияния князь-кесаря было то, что на протяжении долгого времени он был царским оком и карающей десницей.

В качестве главы вездесущего Преображенского приказа Ромодановский славился крайней жестокостью. В его застенках подозреваемых истязали чудовищными пытками, а выбив признание, подвергали мучительным казням. Петр, и сам не отличавшийся мягкостью, недаром называл князя-кесаря «зверем». Во время следствия 1698 года Федор Юрьевич руководил следствием, почти не вылезая из застенка, а в день самой массовой казни лично отрубил головы четырем стрельцам.

На попечение этой «монстры» царь оставил страну не только когда ходил в Азовские походы, но и на более длительный срок, на целых полтора года, когда ездил с Великим посольством в Европу. Точно так же его отец полувеком ранее доверял государственное управление патриарху Никону.

В 1701 году, когда вся Москва выгорела от ужасного пожара, а царь в основном занимался военными заботами, восстанавливать столицу тоже было поручено князю-кесарю.

Умер он в 1717 году, по понятиям того времени в глубокой старости, но до последних дней продолжал заниматься делами. В память о покойном Петр передал громкий титул и должность главы Преображенского приказа сыну Федора Юрьевича князю Ивану, хотя тот не отличался отцовскими дарованиями и никак себя на этом важном посту не проявил.

После смерти Федора Ромодановского «спецслужбы» начинают размножаться. Появляется Тайная канцелярия, возникают фискальная, а затем еще и прокурорская системы. Возможно, это произошло из-за того, что после смерти верного помощника Петр уже никому так не доверял, но вообще-то в государствах подобного типа дублирование

«тайных полиций» является обычной практикой: одно «око» приглядывает за другим.

Незаменимый
Федор Головин (1650–1706)

Большим человеком в первую половину петровского царствования был еще один человек старшего поколения – Федор Алексеевич Головин.

В отличие от большинства деятелей новой эпохи, вошедших в силу только после нарышкинского переворота, Головин летал довольно высоко и при прежнем режиме. Его ценили и Софья, и оберегатель Василий Голицын. При них Федор Алексеевич совершил важное историческое деяние: ездил на Дальний Восток и заключил там в 1689 году первый русско-китайский договор, определивший границу между двумя странами. Поездка растянулась на пять лет, так что посол вернулся уже при новой власти и был оценен ею по достоинству – сделан сибирским наместником.

Головин был с давних пор близок к Нарышкиным. Существует предание, что царь Алексей, умирая, поручил нескольким дворянам, включая Федора Алексеевича, беречь младшего сына «яко зеницу ока» и что во время кровавого стрелецкого бунта 1682 года именно Головин увез мальчика из мятежного Кремля в безопасный Троицкий монастырь. По этой ли причине или по какой-то другой, но в 1690-е годы Федор Алексеевич становится одним из ближайших соратников царя. Этот зрелый, опытный муж славился обстоятельностью и дотошностью – качествами, которые Петр очень ценил и мало в ком обнаруживал. Головин отличился во время второго, успешного Азовского похода – не как военачальник, а как генерал-комиссар, глава военного интендантства. Снабжением армии и флота он продолжал ведать и в дальнейшем, но все время получал новые должности. В ранние годы правления Петр, сам хватавшийся за сто разных дел, точно так же поручал надежным помощникам сегодня одно, завтра другое – в зависимости от требования момента. Идея о том, что каждым видом деятельности должен заниматься специалист, сформируется позднее, по мере усложнения государственного аппарата.

После Азова царь увлекся затеей с большим европейским посольством и отобрал для него самых компетентных и лично

приятных ему людей. Головин занял в этой мощной экспедиции весьма видное место: второго (после Лефорта) «великого посла»; третьим был лучший из московских дипломатов дьяк Возницын. Каждый из них имел свой круг обязанностей. Лефорт по большей части представительствовал и демонстрировал «европейскость» новой России, Возницын занимался повседневной дипломатической работой, а на Федоре Алексеевиче лежала организация всего громоздкого предприятия, найм иностранцев на службу и закупка необходимого военного снаряжения.

Федор Алексеевич Головин. *П. Шенк-Старший*

Но за время путешествия Головин научился разбираться в европейской политике, поднаторел в западных обычаях («решпекте») и даже, пишут, стал охотно «пресыщаться устрицами». Кроме того – и это наверняка особенно понравилось царю, – он переоделся в европейское платье, нацепил парик и первым из русских бояр сбрил бороду. Когда весть об этом дошла до Москвы, многие, включая князь-кесаря Ромодановского, осудили Федора Алексеевича за «безумство», но скоро им самим пришлось расстаться с бородами, так что Головин оказался дальновиднее.

После возвращения в Москву звезда Головина поднимается еще выше. На него обрушивается поток царских милостей. Он становится первым кавалером высшего российского ордена Андрея Первозванного, генерал-адмиралом флота, главой внешнеполитического ведомства («президентом посольских дел», именовали его и канцлером), а заодно возглавляет еще полдюжины приказов, Монетный двор, Оружейную палату и так далее. Иностранные дипломаты не очень хорошо понимают, что такое Ромодановский, в европейской практике аналогий должности «князь-кесаря» нет, а с Головиным проще – в реляциях его обычно именуют «первым министром».

Еще в Вене Федор Алексеевич получает графское достоинство (от австрийского императора и, по-видимому, за деньги). Можно сказать, что это он и Меншиков, первые графы, ввели моду на диковинный для русского уха титул.

В 1700 году главной государственной задачей становится подготовка к войне с Швецией, и это многотрудное дело тоже поручается Головину. Он снаряжает и собирает армию, а затем и возглавляет ее в качестве первого российского генерал-фельдмаршала.

Именно Федор Алексеевич приводит к Нарве это сырое войско. Но у фельдмаршала боевого опыта не больше, чем у его наскоро мобилизованных солдат. Это отлично понимает и Петр, который накануне сражения передает командование герцогу де Круи, а сам поспешно покидает свою обреченную армию. Из лагеря царь забирает с собой только тех, без кого обходиться не может. Таковых двое: Меншиков и Головин.

После Нарвской катастрофы главная работа Федора Алексеевича – дипломатическая: восстановление разваливающегося антишведского альянса. Карл увяз в Польше, и нужно продержать его там как можно дольше, уговаривая и подкупая ненадежного Августа.

В 1706 году Карл наконец поворачивает на восток. Кажется, что настал час решающего столкновения с грозным противником. Петр с армией находится на Украине и отступает, лихорадочно собирая все лучшие силы.

Срочно вызывает он и Головина, который в это время вел переговоры о союзе с Пруссией. Но канцлер до ставки не доехал. В дороге он заболел и 2 августа скончался в городке Глухов.

«Сея недели господин адмирал и друг наш от сего света посечен смертию в Глухове», – сообщает в письме царь, подписавшись «печали исполненный Петр».

После смерти Федора Головина, совмещавшего высшие должности в армии, флоте и Посольском приказе, в правительстве произойдет перераспределение обязанностей. Оказалось, что в государстве нет человека, способного ведать одновременно тремя важнейшими областями, поэтому головинские «портфели» были поделены. Военное ведомство оказалось в ведении сразу нескольких сановников, иностранные дела принял Гавриил Головкин, морские – Федор Апраксин.

Сухопутный адмирал
Федор Апраксин (1661–1728)

Федор Матвеевич Апраксин вышел на первые роли лишь после кончины Головина, хотя с самого начала своей придворной карьеры входил в ближний петровский круг. Это был родной брат царицы Марфы, последней и кратковременной, всего на два месяца, жены царя Федора, то есть по свойству Петр приходился Апраксину племянником. Несмотря на то что родственная связь с правительницей Софьей у Апраксина была еще ближе (та ведь, как и покойный царь, считалась «из Милославских»), молодой человек пристал к «нарышкинскому» двору и состоял при маленьком Петре комнатным стольником. Они вместе играли в «потешных солдат», вместе строили «потешный флот», а когда в 1693 году Петр увидел в Архангельске настоящие корабли и заболел морем на всю жизнь, он назначает своего друга архангельским воеводой, поручает строить первое русское судно. В письмах этого времени царь называет Апраксина «мейн герр губернатор Архангел». Федор Матвеевич и в дальнейшем останется одним из основных корреспондентов Петра.

Большинство последующих назначений Апраксина были так или иначе связаны с военно-морским ведомством.

Он руководил воронежскими верфями, а после взятия Азова стал тамошним губернатором – с тем чтобы создать будущий черноморский флот. Как известно, флот построили, но он не пригодился, а после неудачной войны 1711 года пришлось срыть и все приморские крепости. Однако Апраксин без дела не остался. Еще с 1700 года он возглавлял Адмиралтейский приказ и основное время находился не в Азове, а на Балтике, где тоже строил корабли и порты.

В 1707 году он сделан адмиралом. Теперь Федору Матвеевичу приходится много воевать. В качестве военачальника (правда, армейского) он оказывается совсем неплох. В самое тяжелое для России время, в 1708 году, когда центр войны переместился в Белоруссию, шведы предприняли отвлекающий маневр: корпус финляндского губернатора Либекера нанес удар по Петербургу. Король Карл знал, как дорого Петру это его детище, и расчет строился на том, что царь

перебросит на север часть своих сил. Русскими войсками на этом театре военных действий командовал Апраксин. Несмотря на преимущество в численности, он долго избегал сражения, изматывая шведов мелкими стычками. Оставшись без провианта, Либекер был вынужден отступать. Тут Апраксин наконец ударил по ослабевшему противнику и изрядно его потрепал. Петербург был спасен.

В 1709 году Федор Матвеевич получил чин генерал-адмирала и титул графа – не австрийского, а российского, что тогда котировалось выше. Графское достоинство в это время вообще ценилось гораздо больше, чем княжеское, потому что князей на Руси были сотни, в том числе множество захудалых, а графов – единицы, и каждый находился в особой милости у государя.

Еще раз Апраксин отличился в 1710 году при взятии Выборга, где генерал-адмирал номинально командовал осадным корпусом, хотя все решения принимал лично Петр. Тем не менее после капитуляции крепости Федор Матвеевич получил орден Андрея Первозванного, еще один знак принадлежности к самому высшему разряду государственных людей.

Управляя военными силами по всему побережью Финского залива, Апраксин продолжал строить корабли (в основном гребные, которыми русские пока управляли лучше, чем парусниками) и в 1712–1713 году занял почти всю Финляндию, совмещая сухопутные и морские операции, но сражаясь с шведами только на суше.

К этому времени Федор Матвеевич занимался флотскими делами уже двадцать лет, но еще не побывал ни в одном морском бою, заслужив обидное прозвище «сухопутного адмирала». Он действительно был скорее администратором, чем флотоводцем. В 1714 году при Гангуте эскадра под общим командованием Апраксина, правда, одержала победу над шведским флотом, но тоже на «сухопутный манер» – абордажем и штыками. С этого времени генерал-адмирал начинает водить корабли в морские походы по Балтике, плавает к шведским берегам, высаживает десанты на острове Готланд и близ Стокгольма, но Гангут так и останется его единственной морской победой.

На Апраксина все время сыплются новые чины. С 1718 года он – президент Адмиралтейской коллегии плюс к тому Ревельский губернатор, затем еще и командующий Балтийским (собственно,

единственным тогда) флотом. Во время Персидского похода 1722 года Федор Матвеевич руководит и морскими операциями на Каспии, но там сражаться было не с кем, и флот занимался лишь транспортировкой войск и провианта.

Личные таланты этого виднейшего деятеля петровской эпохи, кажется, не вполне соответствовали его головокружительной карьере. Апраксин не обладал сильным характером, часто бывал нерешителен и плохо контролировал своих подчиненных, за что неоднократно попадал под следствие. Его несколько раз штрафовали, понуждая возвращать средства в казну, а в 1718 году по суду даже приговорили к конфискации имущества и наград, но царь пожалел своего любимца.

Ф.М. Апраксин. *Неизвестный художник. XIX в.*

Именно этим, царской привязанностью, в первую очередь, по-видимому, объяснялась прочность апраксинского положения. Петр мало кого любил так, как этого своего старинного друга. В письмах к нему

подчас читается неподдельная, очень редкая для государя нежность. «Пожалуй, государь Федор Матвеевич, не сокруши себя в такой печали», – утешает он овдовевшего Апраксина. В другой раз пишет: «Пожалуй, побереги себя, воистину ты надобен». Даже – совсем уже нетипично – ставит здоровье адмирала выше интересов дела: «Не езди, подлинно погубишь себя, – отговаривает царь хворающего дядю от поездки в Москву. – Конечно, дай покой, и когда доктор совершенно безопасно увидит, тогда поезжай».

Федор Матвеевич был силен еще и своим несметным богатством, доставшимся ему при не вполне тривиальных обстоятельствах.

В 1715 году скончалась его сестра царица Марфа, которой от покойного мужа, царя Федора, осталось огромное состояние. Детей у нее не было и не могло быть, поскольку смертельно больной государь, женившийся совсем незадолго до кончины, не успел, как говорилось в прежние времена, «вступить в права супружества», а впоследствии вдова славилась безупречной нравственностью. Известный знаток старины (и собиратель всяческих скандальных историй) князь Петр Долгорукий в своих «Записках» сообщает, что царь вздумал лично проверить, действительно ли его невестка была столь целомудренна. Он якобы лично произвел осмотр мертвого тела и, убедившись, что Марфа умерла девицей, расчувствовался – передал все ее имущество брату. Правдив этот неприятный анекдот или нет, неизвестно (при знаменитой петровской бесцеремонности и любви к анатомии всё возможно), но так или иначе в 1725 году после смерти царственного племянника Федор Апраксин оказался среди самых влиятельных и богатых людей империи, от которых теперь зависела ее дальнейшая судьба.

Герой «Малой войны»
Борис Шереметев (1652–1719)

Борис Петрович Шереметев принадлежал к одному из шестнадцати «великих» родов, представители которых по местническим привилегиям имели право на боярский чин, и достиг этого высшего старомосковского отличия уже к тридцати годам. При Василии Голицыне он выполнял поручения большой важности – участвовал в переговорах с Польшей о «Вечном мире» и потом был послом в Польше, но со сменой власти надолго ушел в тень и впоследствии поднялся уже на ином, не дипломатическом поприще.

Он не входил в число царских приятелей; будучи человеком тихим и набожным, не участвовал в безобразиях Всешутейшего Собора и даже – редкая привилегия – был освобожден от обязанности осушать Кубок Большого Орла. Этого своего соратника Петр не столько любил, сколько ценил. И было за что. В самый тяжелый период Северной войны, когда русская армия еще только училась боевой науке, Борис Петрович оказался самым способным учеником. Его нельзя назвать выдающимся полководцем, но это был лучший боевой генерал, каким страна располагала в то время.

Вероятно, оно и к лучшему, что посольская карьера Шереметева оказалась недолгой. Это был человек не мира, а войны. В 27 лет он стал товарищем воеводы «большого полка», а затем получил и самостоятельное командование на южном, степном рубеже страны, сражался с турками.

Туда же Борис Петрович вернулся после того, как перестал быть послом. В первой половине 1690-х годов он служил белгородским воеводой, отражая набеги крымских хищников. Как военачальник, хорошо знающий эти края, Шереметев во время первого Азовского похода получил задание возглавить вспомогательный днепровский фронт, задачи которого были сугубо демонстративные: изобразить, будто главные силы идут на Крым. Войско у Бориса Петровича было большое (25 тысяч дворянского ополчения и стрельцов плюс 35 тысяч казаков гетмана Мазепы), но все лучшие части царь забрал с собой. Тем

не менее Шереметев со своим пестрым воинством повоевал много лучше, чем Петр с полками нового строя. Те ушли от Азова несолоно хлебавши, а боярин взял четыре турецких крепости.

С этого момента государь и начинает отличать Бориса Петровича, хотя по-прежнему поручает ему командовать только соединениями, воюющими по старинке. Во время нарвской кампании 1700 года Шереметев начальствует над дворянской поместной конницей, которая демонстрирует совершенную неспособность противостоять дисциплинированному, хорошо обученному шведскому войску и в панике бежит после первого же натиска. Зато командир благополучно уводит ее из нарвской западни. Возможно, именно поэтому царь и назначает Бориса Петровича командующим всеми уцелевшими после катастрофы силами.

Упорная, изнурительная «малая война» 1701–1704 годов – звездный час Шереметева. Он не только удерживает шведов, но и начинает наносить по ним все более чувствительные удары, имея в своем распоряжении пока еще малоопытную армию, которая под его руководством дерется все лучше и лучше.

Борис Петрович был очень осторожен, избегал лишнего риска и вступал в сражение, только если обладал серьезным превосходством над противником. Через год после Нарвской конфузии, имея шестикратное численное преимущество, он наконец сошелся с Шлиппенбахом под Дерптом, при Эрестфере, и одержал победу. В стратегическом отношении она была скромной, но Борис Петрович доказал, что русские могут бить «богов войны» шведов и даже брать их в плен. Царь был вне себя от счастья и осыпал триумфатора наградами: дал чин генерал-фельдмаршала и орден Андрея Первозванного.

В 1702 году Шереметев вновь дрался с Шлиппенбахом при Гуммельсгофе, уже всего лишь с трехкратным перевесом, и опять взял верх.

Однако главным достижением фельдмаршала были не победы в поле, а стратегия, которой он придерживался. Борис Петрович чередовал опустошительные рейды на вражескую территорию с постепенным «ползучим» наступлением, в ходе которого занимал все новые и новые опорные пункты. Так он прибрал к рукам всю Ингерманландию, взяв крепости Мариенбург (где в плен к нему попала будущая императрица Екатерина), Ниеншанц, Нотебург. В 1704 году

фельдмаршал добрался до Дерпта, но взять большой, сильно укрепленный город не сумел.

Эта неудача сильно повредила Борису Петровичу в глазах государя и стала концом шереметевского взлета. К этому времени Петр уже не очень боялся шведов, ему хотелось повоевать самому. Шереметев с его медлительностью стал царя раздражать. Лично явившись к Дерпту, государь объявил, что осада ведется из рук вон плохо и что фельдмаршал только «туне людей мучил». Штурмом руководил сам Петр, город взял и после этого уже не считал Шереметева единственным и незаменимым.

Б.П. Шереметев. *И.П. Аргунов*

На время главным человеком в русской армии становится «настоящий полководец», генерал имперской службы Огильви, что ужасно оскорбляет Бориса Петровича. Таких обид было немало и в дальнейшем.

Еще одним ударом по престижу фельдмаршала стало сражение при Гемауэртгофе в Курляндии (июль 1705 года). Борис Петрович изменил своей обычной осторожности и вступил в бой с небольшим преимуществом, да еще атаковал. Левенгаупт, один из лучших шведских генералов, устоял и заставил русских отойти, нанеся им чувствительные потери.

Главный фаворит Меншиков, оказавшийся хорошим кавалерийским начальником, норовит оттеснить стареющего фельдмаршала на второй план. В конце концов Петр делит командование: первому поручает конницу, второму пехоту. Это было довольно странное решение, не способствовавшее согласованным действиям армии.

Из-за плохой координации в июле 1708 года русские понесли серьезное поражение при Головчине – в значительной степени по вине Шереметева, который не привел главные силы на помощь дивизии Репнина.

«Большая война» удавалась фельдмаршалу хуже, чем «малая». Петр назначает его как самого заслуженного русского полководца главнокомандующим и во время Полтавской битвы, и в Прутском походе, но должность эта номинальна, поскольку все решения царь принимает сам. Когда же Борис Петрович получает важное самостоятельное задание – взять Ригу, то застревает под ней на целых 9 месяцев.

Столь же вяло командует он экспедиционным корпусом, отправленным в Германию в 1715 году. Правда, к этому времени Борис Петрович уже был сильно нездоров, мучился водянкой. В 1717 году царь наконец отпустил старого фельдмаршала со службы болеть и умирать дома.

В литературе и кинематографе Шереметева обычно изображают осколком старомосковских времен, нелюбителем иностранцев и иностранщины, этаким тюфяком, у которого наглый Алексашка отбирает прекрасную полонянку Марту. На самом же деле Борис

Петрович, судя по некоторым его неординарным поступкам, был личностью весьма яркой.

В 1697 году, будучи уже очень важной персоной и большим военачальником, Шереметев по собственному желанию отправляется в длинное европейское турне – одновременно с царем, но по собственному маршруту. Борису Петровичу было ясно, что за время длительного отсутствия государя никаких военных предприятий не будет, и этот сильно немолодой по тогдашним представлениям человек решил посмотреть мир. Он побывал в Польше, Германии, Австрии, Италии и даже на Мальте, «где пребывают славные в воинстве кавалеры», встречался с королем Августом, с императором Леопольдом, с римским папой и с мальтийским Великим магистром, который посвятил русского вельможу в командоры. За время поездки Борис Петрович проникся европейским духом и по возвращении явился к царю в немецком платье, при шпаге, с мальтийским крестом на груди. Этому боярину насильно брить бороду не пришлось.

В бою Шереметев отличался большой храбростью. Во время несчастной битвы при Гемауэртгофе он был ранен, под Полтавой ему прострелили рубаху, а на Пруте старый фельдмаршал однажды вернулся под турецкий огонь, чтобы спасти отставшего солдата.

Это был человек глубокой и искренней веры. Его европейское путешествие помимо любознательности было вызвано еще и намерением совершить паломничество по святым местам, а после шестидесяти Борис Петрович стал мечтать о том, чтобы удалиться от ратных дел и стать монахом Киево-Печерской лавры. Но когда в 1712 году фельдмаршал обратился с этой просьбой к царю, тот ответил отказом, да еще и заставил давно вдовевшего Бориса Петровича снова жениться. Судя по тому, что в этом браке Шереметев произвел на свет пять детей, идти в монастырь ему действительно было рано.

Борис Петрович надеялся упокоиться в своей любимой Киево-Печерской лавре хотя бы после смерти, но Петр и с мертвым Шереметевым обошелся так же своевольно, как с живым. Царь пренебрег последней волей покойного и велел его торжественно похоронить там, где подобало лежать российскому генерал-фельдмаршалу: на парадном погосте столичной Александро-Невской лавры.

«Прямой старик»
Яков Долгоруков (1639–1720)

Самым пожилым из ранних петровских помощников был князь Яков Федорович Долгоруков. Подобно Апраксину, он состоял при мальчике-царе комнатным стольником, но, как человек зрелый и знатный, скоро получил от царевны Софьи почетное и важное задание: был отправлен послом в очень далекие страны – Францию и Испанию, чтобы склонить их к участию в антитурецком союзе. Задача была заведомо безнадежной, поскольку Франция дружила с султаном, а испанское королевство пребывало в плачевном состоянии, да и дипломат из упрямого, негибкого Долгорукова вышел никудышный – он умудрился разозлить своей спесью даже политесный версальский двор. Яков Федорович в Европе ничего не добился и политическую миссию провалил, так что отличиться перед Софьей Алексеевной у князя не вышло, и все же в карьерном смысле поездка получилась очень удачной. Долгоруков привез младшему царю в подарок астролябию и тем навек завоевал его сердце. Во время противостояния 1689 года Яков Федорович одним из первых перешел в лагерь Нарышкиных и тем окончательно обеспечил свое положение при новом режиме.

Как проверенный и надежный слуга престола, он получил важную должность судьи Московского судного приказа, в 1695 и 1696 годах сопровождал царя в Азовских походах, потом в качестве белгородского воеводы приглядывал за Украиной, а в начале 1700 года, когда началась активная подготовка к большой войне, получил весьма ответственное назначение – возглавил новообразованный Приказ военных дел, который занимался набором, организацией, финансированием и снабжением регулярной армии, то есть ведал самым важным на тот момент направлением государственной деятельности. Генерал-комиссар (так называлась должность главы этого приказа) вместе с генерал-фельдмаршалом составляли высшее командование вооруженных сил страны.

С началом боевых действий князь Яков находился при действующей армии, отвечая за интендантство, и вместе со всем

русским генералитетом угодил в нарвскую ловушку. Как старший по должности (герцог де Круи к тому времени уже сдался), он вел переговоры с победителями и согласовывал условия, по которым русские оставляли шведам всю артиллерию и военное имущество в обмен на свободу. Однако генерал-комиссар приказал тайно вывезти из лагеря армейскую казну, и за это разозлившийся Карл оставил всех русских генералов в плену.

Яков Федорович был увезен в Швецию. На этом его служба надолго прерывается. Больше десяти лет он провел в неволе.

Яков Долгоруков. *Ш. Лебрен*

Петр не забывал своего соратника, слал ему деньги и даже заочно переименовал в генерал-кригскомиссара, но возможность освободить пленных у царя появилась лишь после Полтавы. За Долгорукова царь

соглашался отдать прославленного фельдмаршала Реншильда, и в мае 1711 года из Швеции даже отправился корабль, на котором князь Яков и еще четыре десятка пленников должны были проследовать до места размена. Однако переговоры сорвались, и шхуна повернула обратно. Дальнейшие события напоминают приключенческий роман. 72-летний Долгоруков организовал мятеж и завладел кораблем. Вот его собственный рассказ: «…Мы могли капитана и солдат, которые нас провожали, пометать в корабли под палубу и ружье их отнять, и, подняв якорь июня 3 дня, пошли в свой путь и ехали тем морем 120 миль и, не доехав до Стокгольма за 10 миль, поворотили на остров Даго. И шкипер наш и штырман знали пути до Стокгольма, а от Стокгольма чрез Балтийское море они ничего не знали и никогда там не бывали и карт морских с собою не имели; и то море переехали мы без всякого ведения, управляемые древним бедственно-плавающих кормщиком, великим отцем Николаем…»

Кондратий Рылеев век спустя воспел это приключение в поэме «Яков Долгорукий», для пущего героизма превратив скромную шхуну в фрегат:

Вдруг Долгорукий загремел:
«За мной! Расторгнем плен постыдный!
Пусть слава будет нам удел
Иль смертию умрем завидной».
Лилася кровь, сверкал булат,
Пал неприятель изумленный,
И завоеванный фрегат
Помчался в Ревель покоренный.

По возвращении в Россию у Якова Федоровича началась новая жизнь, про которую он, вслед за пушкинским Пименом, мог бы сказать: «На старости я сызнова живу». Бодрый ветеран женился, получил место в недавно созданном Сенате и специально учрежденную должность с невообразимым названием «генерал-пленипотенциар-кригс-комиссар» (то есть всё тот же начальник армейского интендантства). Но к этому времени военные заботы для страны постепенно перестали быть главными, и Долгоруков больше

прославился как глава Ревизион-коллегии, следившей за правильностью государственных доходов и расходов.

Этим кругом обязанностей Яков Федорович и занимался до конца своих дней, заслужив репутацию контролера сурового и честного. Умер он 81 года от роду от «грудной водянки», причем лечением старика занимался лично император (что, возможно, сократило дни больного).

Большая прижизненная и посмертная слава князя объясняется особым положением, которое он обеспечил себе в отношениях с государем. Яков Федорович, не побоявшийся захватить шведский корабль, так же мало страшился и грозного монарха, переча ему и дерзя. Однажды выведенный из терпения Петр даже схватился за шпагу, но Долгоруков спокойно посоветовал ему не пачкать руки, а лучше воспользоваться услугами палача – и царь остыл. Он ценил прямоту в слугах. Нартов передает слова Петра, как-то сказавшего: «Князь Яков в сенате прямой помощник; он судит дельно и мне не потакает, без краснобайства режет прямо правду, не смотря на лицо». У историка В. Татищева есть рассказ о знаменательной беседе между царем и сенатором, состоявшейся в 1717 году. Государь попросил старика «нелицемерно» сравнить свое царствование с царствованием Алексея Михайловича, и Долгоруков якобы дал спокойный, рассудительный ответ: в чем-то лучше преуспел ты, а в чем-то твой отец. Петр не обиделся, а наоборот, расцеловал князя за честность.

Подобных «анекдотов» о придворном бесстрашии Якова Федоровича сохранилось немало. Петр Щебальский, бывший полицмейстер и цензор, ставший историком, описывает умилительный эпизод, когда Долгоруков своей волей остановил исполнение царского приказа о взыскании с крестьян дополнительной подати зерном. Дальше всё по уже знакомому сценарию. Разгневанный царь кидается на ослушника «с поднятой рукой», князь говорит ему «вот грудь моя», после чего следует хэппи-энд: Яков Федорович предлагает взять хлеб не у бедняков, а у вельмож, включая самого себя, и растроганный государь его, разумеется, обнимает.

Еще более знаменита легенда о разорванном царском указе, которую разные авторы излагают по-разному. Суть в том, что Петр издал какое-то несправедливое постановление (то ли отправить и так разоренных крестьян на рытье канала, то ли обложить их дополнительным налогом – неважно), а Долгоруков «по любви его

безпредельной к Государю» нехорошую бумагу разодрал. Царь, разумеется, замахнулся на него шпагой. Долгоруков, естественно, воскликнул «вот грудь моя». Потом объяснил, как решить дело, не мучая народ, и был «разцелован».

«Яков Долгорукий, разрывающий царский указ». *Скульптор М.И. Козловский*. Палка в руке князя – это Факел Истины; под ногами – змея Зла и маска Лицемерия

А.С. Пушкин к этому преданию относился скептически. В своем «Table-talk» он сообщает, что после бурного объяснения князь коленопреклоненно просил у царя прощения, а в стихотворении «Моя родословная» поэт, с гордостью поминая своего предка Федора Пушкина (казненного Петром за участие в заговоре Циклера), противопоставляет ему расчетливую задиристость Долгорукова:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Справедливо ли это суждение, сказать трудно, но верно то, что начиная с павловских времен в России вошел в моду стиль верноподданнического поведения «предан без лести», и легенда о «прямом старике» Долгорукове отлично поддерживала эту традицию. Во всяком случае, место, которое князь Яков занимает в исторической литературе, превосходит его истинные, довольно скромные заслуги.

Надежный исполнитель
Гавриил Головкин (1660–1734)

Потеряв главного помощника Федора Головина, Петр поделил огромный груз обязанностей покойного между несколькими людьми. Внешнеполитическое ведомство досталось другому бывшему комнатному стольнику из Преображенского – Гавриле (или Гавриилу) Головкину.

Ко времени своего взлета, в 1706 году, это был уже весьма немолодой человек, но столь высоких назначений он никогда раньше не получал. Гавриил Иванович был прежде всего царедворцем, очень хорошо знавшим и понимавшим Петра, всегда умевшим ему услужить. Единственное приметное событие его предыдущей карьеры произошло во время переворота 1689 года, когда Головкин был царским постельничьим, то есть среди прочего отвечал за безопасность государя. В страшную ночь 8 августа, когда в Преображенском испугались нападения стрельцов и юный Петр сбежал из дворца в одном исподнем, Головкин сопровождал царя до Троицы. Правда, с ними был еще и какой-то «карла», разделивший с постельничьим сомнительную славу царского «спасения».

Впоследствии Гаврила участвовал в оргиях Всепьянейшего Собора, не занимая и там видных потешных должностей, зато считался царским приятелем и, судя по сохранившейся переписке, общался с государем в том особом шутовско-развязном тоне, который дозволялся только самым близким собутыльникам: «В письме ваша милость напомянул о болезни моей, подагре, будто начало свое оная восприяла от излишества венусовой утехи: о чем я подлинно доношу, что та болезнь случилась мне от многопьянства». При этом он мог назвать царя «мой асударь каптейн», а подписаться попросту «Ганька».

Головкин почти все время находился при царе, был работоспособен и исполнителен, добросовестно выполнял все поручения, а главное – отлично умел угадывать царские желания, чем в конце концов и заслужил высокую должность. Правда, поначалу ему не дали звучного канцлерского титула, вакантного после смерти Федора

Головина, а всего лишь сделали главой Посольского приказа, но это стало началом очень большой карьеры.

Гавриил Иванович был чрезвычайно ловок в околовластном маневрировании. Он благополучно пролавирует меж рифов четырех царствований, оказавшись главным придворным долгожителем этой бурной и опасной эпохи. Его дворцовая ловкость нашла свое применение и во внешнеполитических делах, хотя в подчинении у Головкина находились дипломаты куда более искусные – Шафиров и Толстой. Они интриговали против своего начальника, надеясь занять его место, но в аппаратных играх им было далеко до Гавриила Ивановича, прекрасно умевшего присваивать себе заслуги подчиненных и сваливать на них свои ошибки. Главный, совершенно безошибочный принцип, которым всегда руководствовался Головкин, – угадать истинные намерения государя и затем строго им следовать. Эта тактика сделала Гавриила Ивановича совершенно непотопляемым и позволила ему со временем одолеть всех врагов. Даже там, где усилия не давали результата (например, при попытках посадить на польский престол российского ставленника) или приводили к катастрофе, всякий раз оказывалось, что Головкин всего лишь исполнял волю монарха.

Под «катастрофой» имеется в виду неудачное вмешательство Головкина в малороссийские дела. В 1708 году он получил от царя задание разобраться в деле о доносе Кочубея и Искры на Мазепу, которого ближайшие соратники обвиняли в измене. Гавриилу Ивановичу было ясно, что Петр гетману доверяет и желает его оправдания, поэтому следствие проводилось очень просто: информантов подвергли пытке и заставили отказаться от показаний. В апреле Головкин, добившись желаемого, пишет государю: «Понеже Кочубей зело стар и дряхл безмерно, того ради мы его более пытать опасались, чтоб прежде времени не издох»; в июле обоих московских сторонников предают казни; Мазепа спокойно продолжает сношения со шведами и три месяца спустя переходит на их сторону. Никакой ответственности за такое «расследование» Гавриил Иванович не понес. Напротив, он возносится всё выше и выше.

В 1707 году он становится имперским графом, в 1709-м – российским, а сразу после Полтавы наконец удостаивается канцлерского звания, в прежние времена неформального, а теперь официально утвержденного.

Все демарши отечественной дипломатии, очень активной в это время, осуществлялись под присмотром Головкина – именно под присмотром, а не под руководством, поскольку внешнюю политику государства направлял лично Петр.

К концу Северной войны Гавриил Иванович достиг такого влияния, что выговорил себе почетную и выгодную миссию просить Петра по случаю Ништадтского мира принять титул Отца Отечества и императора всероссийского. В пышной речи, которую Головкин зачитал от имени Сената и народа, звучали те самые слова, которые царь больше всего желал слышать: «Токмо единые вашими неусыпными трудами и руковождением мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены».

Г.И. Головкин. *И.Н. Никитин*

Наградой за усердную и благоразумную службу Гавриилу Ивановичу были не только чины, но громадное богатство. Как и большинство современников, канцлер был нечист на руку. В 1713 году Петр поручил надежному помощнику важнейшее для пустой казны дело – искоренить коррупцию в подрядном деле. Это было задание, с которым Головкин не справился, да и не мог справиться – у него самого рыло было в пуху.

К концу жизни Гавриил Иванович владел 25 тысячами крепостных, а в столице ему принадлежал весь Каменный остров. Притом Головкин слыл чудовищным скрягой. Голштинец Берхгольц пишет: «Одет он всегда как нельзя хуже: большею частью на нем бывает старомодный коричневый кафтан. О скупости его можно бы много рассказать; меня уверяли, что если он не превосходит «Скупого» во французской комедии, то по крайней мере и не уступает ему». Побывав во дворце у Гавриила Ивановича, Берхгольц поразился тому, что главным украшением парадной залы там был повешенный на стену парик, который хозяин никогда не надевал, чтоб не истрепать.

Обычно историки оценивают Головкина как государственного деятеля не слишком высоко, считая его всего лишь исполнителем, а К. Валишевский даже называет канцлера «декоративным ничтожеством», однако этот умный человек вел себя тихо и безынициативно только потому, что при властном, во все вмешивавшемся царе это была самая надежная тактика. Когда Петра не станет, Гавриил Иванович покажет себя по-иному.

Царский спаситель
Петр Шафиров (1669–1739)

Заместитель Головкина подканцлер Петр Павлович Шафиров имел не меньше веса в дипломатических делах, чем его начальник, и уж во всяком случае сыграл более значительную роль в истории.

Это был выскочка, пробившийся на самую вершину государственной лестницы за счет дарований и удачи, – как Меншиков или Ягужинский. По происхождению Шафиров был евреем. Его предки жили в литовском Смоленске и попали в московское подданство, когда этот город был отвоеван войсками царя Алексея, то есть в 1654 году. Отец будущего вельможи в детстве звался Шая, но семья приняла православие, и мальчик получил уже христианское имя – Павел. Впоследствии подканцлер будет говорить, что его фамилия происходит от слова «сапфир», но скорее всего это распространенная ашкеназская фамилия Шапиро.

Чем Петр Павлович занимался в ранней юности, неизвестно. По одной версии, скучной, его отец служил переводчиком в Посольском приказе и пристроил туда же сына. По другой, более интересной, царь Петр, прогуливаясь по московским торговым рядам, случайно разговорился с молодым «сидельцем» (приказчиком), «узнал его разум» и велел идти на службу толмачом, ибо юноша оказался сведущ в нескольких иностранных языках. Так или иначе, с 1691 года в Посольском приказе числится переводчик Петр Шафиров (упоминаний о службе его отца в документах нет). Работал он вначале только с немецким языком, который, вероятнее всего, знал по близости к идишу, но впоследствии выучился латыни, польскому, французскому и итальянскому – это был человек больших способностей.

Первое упоминание о «крещеном еврее», которого держит при себе русский царь, относится к европейскому путешествию Петра. Должно быть, к этому времени государь уже ценил и отличал Шафирова, потому что взял его с собой, когда после известия о стрелецком восстании кинулся в Россию с очень небольшой свитой. Петр Павлович наверняка присутствовал на первой встрече царя с польским королем, когда зарождался будущий антишведский альянс, и потом участвовал в

дальнейших переговорах по оформлению этого военного союза. Он становится важным сотрудником (тайным секретарем) при главе внешнеполитического ведомства Федоре Головине, а в 1706 году, когда Посольский приказ достается Гавриле Головкину – его заместителем, а по сути дела, вследствие чрезмерной осторожности начальника, фактическим руководителем российской дипломатии.

Шафиров – участник всех внешнеполитических деяний этого периода, но выполняет и немало особых поручений. Он хорошо освоил специальность «династического свата»: в 1710 году заключил первый брачный договор между русской царевной (Анной Иоанновной) и европейским принцем (Фридрихом-Вильгельмом Курляндским), в результате чего стратегически важное герцогство стало российским протекторатом; шесть лет спустя Петр Павлович сосватает за мекленбургского герцога другую царевну, Екатерину Иоанновну.

Когда после Полтавской виктории государь щедро награждал своих лучших слуг, Шафиров получил чин подканцлера и тайного советника, а в следующем году новый для России титул барона.

В 1711 году подканцлер сопровождал царя в Прутском походе, где и совершил свое главное историческое деяние. Когда Петр по излишней самоуверенности угодил со всей армией в совершенно безвыходную ситуацию, блокированный огромным турецким войском, казалось, что всё пропало. «Господа Сенат! Сим извещаю вас, что я со своим войском без вины или погрешностей со стороны нашей… в четырехкраты сильнейшею турецкой силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и что я без особливыя Божия помощи ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения или что я впаду в турецкий плен», – в отчаянии писал Петр. Его опрометчивость могла стоить России всех ее трудных завоеваний. Отправляя хитроумного подканцлера просить у визиря мира, павший духом царь позволил ему соглашаться на любые условия, вплоть до передачи шведам Прибалтики и даже Пскова, лишь бы избежать «шклавства» (неволи).

Шафиров совершил невозможное. То ли взяткой, то ли одним только дипломатическим искусством он выговорил у Мехмет-паши свободный пропуск и для царя, и для его армии – в обмен всего лишь на Азов. Петр не верил такому счастью и по возвращении отметил свое спасение как великую победу.

П.П. Шафиров. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Истинный спаситель царя и державы должен был остаться заложником у турок и провел там два с половиной года – очень непростых, потому что при всяком обострении отношений султан имел обыкновение заточать русских уполномоченных в тюрьму. В конце концов, подкупив чуть не половину османских министров и даже мать султана, подканцлер добился от Константинополя мирного договора, тем самым надолго обезопасив южную границу России. Ко времени возвращения Шафирова царь уже подзабыл или не хотел вспоминать Прутскую катастрофу, и Петр Павлович никакой особенной награды за свое кудесничество не получил – более того, дальнейшая судьба подканцлера позволяет предположить, что государь стал его недолюбливать.

Служил Шафиров по-прежнему успешно: вел переговоры, заключал договора, плел дипломатические интриги. Обнаружилось у него и еще одно дарование – публициста. Он издал несколько книг, в которых прославлял царя и Россию. Сочинения эти предназначались главным образом для европейских читателей.

По своей привычке взваливать на всякого толкового помощника как можно больше дел, Петр поручил Шафирову привести в порядок почту. Подканцлер стал по совместительству генерал-почт-директором, и действительно связь заработала много лучше. Между главными городами были организованы почтовые тракты, по которым корреспонденция теперь доставлялась не от случая к случаю, а регулярно (например, из столицы в столицу дважды в неделю, а в Сибирь раз в месяц).

Петр Павлович становился все более важной персоной: получил место в Сенате, орден Андрея Первозванного, чин действительного тайного советника (второй по Табелю о рангах). Он разбогател, держал в Петербурге богатый и гостеприимный дом. Но положение его не было прочным. Отчасти Шафиров был виноват в этом сам. Услужливый и обходительный в ранние годы, теперь он преисполнился сознания собственного величия, стал заносчив и нажил себе влиятельных врагов, первым из которых был его непосредственный начальник канцлер Головкин. В 1723 году Шафиров поссорился и с Меншиковым, что было совсем уже рискованно.

Когда царь находился в Персидском походе, сенатские недоброжелатели обвинили Шафирова в мелких нарушениях и затеяли

по этому поводу разбирательство. Вспыльчивый подканцлер пришел в ярость, причем даже замахнулся шпагой на обер-прокурора, государево «око». Пустяковое вроде бы дело было представлено Петру как вопиющее нарушение приличий, оскорбление его величества и Сената. Жалобщики отлично знали, какое значение царь придает престижу власти и как гневается на всякое нарушение регламента.

Царь издал закон о строгом наказании всех, кто нарушает правила поведения в казенных присутствиях, а скандалиста велел предать суду, и тут уж враги отыгрались на Шафирове сполна. Он был не только лишен чинов и имущества, но приговорен к смертной казни. Учитывая огромные заслуги подканцлера и легкость, с которой Петр прощал близких соратников за куда более тяжелые преступления, трудно объяснить суровость кары чем-то кроме неприязни царя (на ней наверняка и строился расчет шафировских противников).

В день казни бывшего барона положили головой на плаху, но палач ударил топором мимо. В последнюю минуту Петр заменил смерть ссылкой. Тучному старику стало плохо, врач сделал ему кровопускание, и Шафиров сказал, что лучше бы кровь ему пустили топором, потому что «жизнь его все равно истекла».

Но жизнь Петра Павловича еще не истекла. Он поживет ссыльным в Новгороде, на не таком уж нищенском месячном пособии в десять рублей (тогдашнее жалованье среднего чиновника) до смерти Петра, а потом еще вернется.

Мастер темных дел
Петр Толстой (1645–1729)

Еще одним полезным, но не любимым помощником государя был Петр Андреевич Толстой, родоначальник всех последующих ветвей этого важного для российской истории и культуры рода.

В семнадцатом веке это было не слишком знатное дворянское семейство, которое несколько выдвинулось благодаря неближнему родству с Милославскими и Апраксиными. Петр Андреевич начинал с ратной службы, в 1660-е годы воевал с турками под Чигириным, а в 1682 году, когда Марфа Апраксина стала царицей, он получил придворный чин стольника и оказался вовлечен в борьбу за власть. Иван Милославский приходился Толстому дядей, и пронырливый стольник (прозвище у него было Шарпенок, от слова «шарпать» – мародерствовать) будоражил стрельцов, поднимая их против Нарышкиных. Ошибка дорого обошлась «мародеру» – Петр Алексеевич, травмированный детскими переживаниями, потом никогда ему этого не забудет. По рассказу Нартова, много лет спустя, когда Толстой уже неоднократно доказал свою полезность, царь однажды стукнул его по темени и сказал: «Эта голова ходила прежде за иною головою, повисла – боюсь, чтоб не свалилась с плеч». Хитрая голова Толстого, кажется, вообще не давала государю покоя. В другой раз он выразился еще определенней: «Ах, голова, кабы ты не была так умна, давно б я велел тебя отрубить».

Будучи человеком смышленным, Петр Андреевич вовремя перебежал в нарышкинский лагерь, чему способствовал его родственник Федор Апраксин, но это всего лишь уберегло стольника от опалы после падения Софьи. Дороги наверх Толстому не было. При новой власти он попадает воеводой в захолустный Устюг и лишь в 1693 году по счастливому стечению обстоятельств (Петр ехал мимо в Архангельск) снова попадается на глаза царю. Должно быть, воевода сумел чем-то потрафить Петру, потому что вскоре он оказывается уже близ государя, в скромнейшем чине прапорщика – это в пятьдесят-то лет. Но в те времена служба на мелкой должности близ монарха ценилась больше, чем воеводство в глуши.

Толстой очень старается, даже получает поощрение за какие-то успехи во время второго Азовского похода, но карьера все равно не складывается. Тогда он совершает неординарный поступок. Зная, как царь поощряет людей, готовых учиться за границей, пожилой Петр Андреевич едет волонтером в Италию, где старательно обучается морскому делу, столь любимому государем.

Заручившись всеми возможными дипломами и свидетельствами, он возвращается в Москву, и царь наконец оценивает такое усердие. Моряки ему, конечно, нужны, но еще острее потребность в умных людях с опытом зарубежной жизни, да и стар Толстой для корабельной службы.

В 1702 году Петра Андреевича отправляют посланником в турецкий Адрианополь, где находился двор Мустафы II. Идет тяжелая война с Швецией, и резидент в Турции – очень важная должность. Нужно знать, следует ли опасаться нападения Порты, понимать расклад политических сил в султанском правительстве, состояние османской армии и флота. Толстой не только справляется со всеми этими задачами, но и достигает гораздо большего: он становится активным игроком в турецкой политике, интригуя против врагов России и помогая ее сторонникам. Он вербует шпионов и обзаводится «агентами влияния», раздает взятки – вообще чувствует себя как рыба в воде. Его отчеты царю деловиты и точны: «…Визирь нынешний глуп; денежной у них казны ныне малое число в сборе, а когда позовет нужда, могут собрать скоро, потому что без милосердия грабят подданных своих христиан….Ничто такого страха им не наносит, как морской твой флот; слух между ними пронесся, что у Архангельска сделано 70 кораблей великих, и чают, что, когда понадобится, корабли эти из океана войдут в Средиземное море и могут подплыть под Константинополь». (Обратим внимание, что Азовского флота турки не боятся.) Толстому удается даже, действуя через султаншу, сместить главу турецкого правительства на своего доброжелателя.

Служба эта тяжела и опасна – Толстому приходится не раз, иногда подолгу, сидеть в темнице. Хуже всего, что на таком отдалении от царского двора карьеры не сделаешь, и Петр Андреевич все время просится домой, но государю он полезней в Турции.

Только в 1713 году, после того как Шафиров заключает с султаном прочный мир, Петр Андреевич наконец попадает в Петербург. Ему уже

68 лет, в те времена это глубокая старость, но главный взлет Толстого впереди.

Он ведает внешней политикой, но на третьих ролях, после Головкина и Шафирова, выполняя разные дипломатические поручения. Одно из них – сопровождать царя в большом европейском турне 1716 года. Как раз в это время приходит тревожная весть о том, что наследник Алексей сбежал в австрийские владения и нашел убежище в Неаполе. Поскольку Толстой двадцать лет назад бывал в этом городе и знает итальянский, Петр дает дипломату трудновыполнимое поручение огромной государственной важности – вернуть царевича в Россию.

П.А. Толстой. *И. Таннауэр*

Толстой является к Алексею в сопровождении страшного человека Александра Румянцева, гвардейского капитана, прославившегося тем, что незадолго перед тем он похитил в Гамбурге злейшего врага России, мазепинского племянника и преемника Андрея Войнаровского. Люди Румянцева царевича и выследили. Петр Андреевич с беглецом ласков, капитан грозно молчалив – на слабохарактерного Алексея это сочетание действует лучше всего. Главным же орудием Толстого становится завербованная им Евфросинья, беременная любовница царевича.

Всего за восемь дней такой психологической обработки Петр Андреевич склоняет эмигранта к возвращению на родину. Обещает ему полное прощение, мирную жизнь с Евфросиньей, всё, что угодно, – лишь бы «огчаети [изловить] зверя».

Только теперь государь оценивает дарования Толстого в полной мере и находит для них самое уместное применение. Петр Андреевич возглавляет новое учреждение, Тайную канцелярию. Она должна вести дело Алексея, чтобы обезвредить и покарать всех, кто был причастен к бегству. Полномочия Толстого столь велики, что ему разрешается истязать царевича – и того подвергают пытке шесть дней подряд, выколотив все нужные признания, в том числе похожие на самооговор.

Но и когда дело окончено, Тайная канцелярия свою работу не прекращает, она превращается в постоянное учреждение, занимающееся расследованиями по личному указанию монарха. Петр Андреевич еженедельно бывает у царя с докладами. Тогда-то он и сделался истинно влиятельной фигурой. Чины и должности сыпались на него, как из рога изобилия: он стал сенатором, действительным статским советником, да еще и возглавил Коммерц-коллегию, то есть получил под свой контроль всю внешнюю торговлю.

Дальновиднее всего Толстой поступил, постаравшись войти в фавор к Екатерине. Во время Персидского похода, состоя при царской канцелярии, он развлекал скучающую государыню занимательными рассказами и очень ей понравился. Когда в 1724 году она короновалась императрицей, управление торжественной церемонией было доверено Толстому. В новом качестве Екатерина получила право раздавать титулы – и сразу пожаловала Петра Андреевича графом.

Когда царь скончался, милость императрицы сделала графа Толстого одной из самых сильных фигур в правительстве.

Ловкий человек
Андрей Остерман (1686–1747)

При всей любви к иностранцам царь после Лефорта очень мало кого из них допускал на высшие должности в государстве, стремясь к тому, чтобы те доставались исконным российским подданным. Во второй половине петровского правления на самых верхних ступеньках власти находился, пожалуй, только один чужеземец, достигший этого положения благодаря особенным заслугам. Звали этого человека Генрих-Иоганн Остерман, по происхождению он был вестфалец, пасторский сын из Бохума.

В Россию он попал, спасаясь от казни. Шестнадцати лет, учась в Иенском университете, Остерман в припадке пьяного буйства заколол шпагой другого студента и был вынужден бежать. Впоследствии характер Генриха-Иоганна изменится до неузнаваемости, так что невозможно будет вообразить этого расчетливого, холодного человека буянящим. Своим девизом он выберет слова «Nec sol nec frigora mutant» – «Ни жар, ни хлад не изменяют».

Пожив какое-то время в Голландии, беглец нанялся на мелкую должность (то ли подштурманом, то ли помощником рулевого) к вице-адмиралу Корнелиусу Крюйсу, нанимавшему людей на царскую службу. В далекую Россию юноша скорее всего отправился из-за того, что там жил его старший брат, работавший учителем у царских племянниц.

Крюйс взял бывшего студента в личные секретари, но, оказавшись в России, Генрих-Иоганн быстро понял, что в этой стране перед толковым европейцем открываются широкие возможности. Он очень быстро выучил язык и скоро уже был переводчиком Посольского приказа. Русским он овладел настолько блестяще, что, согласно преданию, обратил на себя внимание самого государя: якобы тот однажды спросил, кто это так искусно составил какой-то документ, и, узнав, что молодой немец, всего два года назад приехавший из-за границы, взял Остермана в свою походную канцелярию.

Генрих-Иоганн превращается в Андрея Ивановича, понемногу делает карьеру в Посольском приказе, выполняя все более ответственные задания. Известно, что в 1711 году он помогал

Шафирову заключить Прутский договор с турками, был с дипломатическими миссиями у саксонского, датского и прусского королей, ездил в Гаагу и Париж. Чины у него были средние: тайный секретарь, затем канцелярский советник, но он так дельно и умно исполнял все поручения, что в 1718 году царь доверяет ему представлять Россию на мирных переговорах с Швецией. Там, на Аландском конгрессе, Остерман уступает по статусу генерал-фельдцейхмейстеру Якову Брюсу, но из-за своей инициативности и ловкости, в особенности же благодаря толковым докладным запискам он скоро становится главным переговорщиком. Представленный царю меморандум со скромным названием «партикулярное малоумное мнение» предлагает безошибочную стратегию: тянуть время, продолжая изнурять разоренную Швецию военными действиями. «Надобно и то принять в соображение, – хладнокровно пишет Остерман, – что король шведский по его отважным поступкам когда-нибудь или убит будет, или, скача верхом, шею сломит», а тот, кто унаследует Карлу, неважно сестра или голштинский принц, окажется более склонен к миру.

Очень скоро, в декабре того же года, пророчество Андрея Ивановича сбылось: король Карл отправился в мир иной. Королева Ульрика попыталась изобразить воинственность, но Остерман советовал не принимать это всерьез. «Швеция дошла до такого состояния, что ей более всего необходим мир и особенно с царским величеством, как сильнейшим неприятелем, – писал он Петру. – Если бы теперь царь нанес пущее разорение обнищавшей Швеции, то этим бы принудил шведское правительство к миру».

Царь в точности последовал совету. Первенство Остермана в шведских делах к этому времени уже несомненно. В 1719 году он едет с новыми мирными предложениями в Стокгольм, а в то самое время русский десант разоряет шведский берег, понуждая врага к уступчивости.

На новых переговорах, открывшихся в Ништадте, Андрей Иванович почти солирует, хотя официально делегацию по-прежнему возглавляет Брюс. Условия мира оказываются лучше тех, на которые был готов согласиться Петр, – и это главным образом заслуга Остермана. Например, лишь благодаря его ловкости в самый последний

момент удалось отспорить у шведов стратегически важный Выборг, прикрывавший российскую столицу с севера.

Царь награждает Остермана баронским титулом и устраивает его брак с девицей из рода Стрешневых, близкого и даже родственного царской семье. Эта свадьба очень укрепляет положение вестфальца в среде русской аристократии.

В последние годы петровского царствования Андрей Иванович делается большим человеком. В 1723 году он занимает место своего опального начальника Шафирова в Коллегии иностранных дел, то есть фактически становится у руля всей внешней политики.

А.И. Остерман. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Современники отзывались о личности Андрея Ивановича разноречиво. Все отмечают его ум и необычайную хитрость. При всяком трудном решении Остерман обычно сказывался больным. Набор

его недугов был впечатляющ. Внезапная мигрень не позволяла ему отвечать на неудобные вопросы; обострение подагры в правой руке мешало подписывать документы; ревматизм препятствовал выходу из дома, а в рискованный момент переговоров у страдальца мог случиться и очень убедительный приступ рвоты. Автор «Записок о России» Х.Г. фон Манштейн пишет: «У него была особая манера говорить так, что лишь очень немногие могли похвалиться тем, что поняли его… Все, что он говорил и писал, можно было понимать по-разному. Он был мастером всевозможных перевоплощений, никогда не смотрел людям в лицо и часто бывал растроганным до слез, если считал необходимым расплакаться». Примерно так же характеризует Андрея Ивановича, «производящего себя дьявольскими каналами и не изъясняющего ничего прямо», другой современник – знаменитый Артемий Волынский. Французский посол Кампредон прибавляет: «Ему главным образом помогают ябедничество, изворотливость и притворство».

Однако историк Костомаров, вообще-то суровый к петровским «птенцам», с дистанции в полтора столетия оценивает Остермана очень высоко: «Это был человек редчайшей для России честности, его ничем нельзя было подкупить – и в этом отношении он был истинным кладом между государственными людьми тогдашней России, которые все вообще, как природные русские, так и внедрившиеся в России иноземцы, были падки на житейские выгоды, и многие были обличаемы в похищении казны. Для Остермана пользы государству, которому он служил, были выше всего на свете».

Андрей Иванович действительно не брал взяток и даже не принимал подарков, что было совсем уж диковинно. Известно, что во время Аландских переговоров ему было выделено сто тысяч на дары шведским представителям, дабы сделать их уступчивее (обычная для тогдашней российской дипломатии тактика). Остерман поразил Петра тем, что все непотраченные деньги вернул обратно в казну, хотя контролировать этот расход было невозможно.

Примечательно и то, что при всем карьеризме и коварстве Остерман, в отличие от многих других успешных иноземцев, сохранил верность своей религии, лютеранству, хоть переход в православие сильно упрочил бы его положение в российской элите.

Все эти подробности важны, потому что Андрей Иванович Остерман – один из тех, кому предстояло руководить государством

после Петра.

Государево око
Павел Ягужинский (1683–1736)

Ближе всех к Петру в самые последние годы был Павел Иванович Ягужинский, которого можно назвать «полуиностранцем», потому что его ребенком привезли в Москву из Белоруссии, входившей в состав Речи Посполитой. Отец мальчика Иоганн Евгузинский (так фамилия звучала изначально) получил место то ли органиста, то ли пономаря в лютеранской кирхе Немецкой слободы, где будущий генерал-прокурор и вырос. Но русский язык для него, кажется, был родным, а православие он принял еще в ранней юности.

Как обычно бывает с петровскими «выдвиженцами» из низов, о начале жизни Павла Ивановича почти ничего неизвестно. Каким-то образом он оказался в услужении у генерал-адмирала Ф. Головина, попался на глаза Петру, чем-то ему понравился и около 1701 года угодил в царские денщики. Это были одновременно личные слуги, ординарцы и телохранители государя. Голштинец Бассевич пишет про них так: «Царь брал своих денщиков из русского юношества всех сословий, начиная с знатнейшего дворянства и нисходя до людей самого низкого происхождения. Чтобы сделаться его денщиком, нужно было иметь только физиономию, которая бы ему нравилась. Враг всякого принуждения и этикета, он допускал к себе своих дворян и камергеров только при каких-нибудь значительных празднествах, тогда как денщики окружали его и сопровождали повсюду. Они могли свободно высказывать ему мысли, серьезные или забавные, какие им приходили в голову. Случалось довольно часто, что он прерывал какой-нибудь важный разговор с министром и обращался к ним с шутками. Он много полагался на их преданность, и этот род службы, казалось, давал право на его особенное расположение… Сообразно своим способностям и уму они получали всякого рода должности и после того всегда сохраняли в отношениях к своему государю ту короткость, которой лишены были другие вельможи». В разное время при Петре могло состоять до двадцати денщиков одновременно. Большинство из них так и остались маленькими людьми, но для некоторых особенно способных или удачливых близость к царю открыла путь к

ослепительной карьере. Из этих «чистильщиков царских сапог» вырастет немало генералов, будут даже фельдмаршалы, но выше всех – конечно, не считая Меншикова – поднялся Ягужинский (который в конце концов затмит и Меншикова).

Светлейший Александр Данилович получал звания и титулы, командовал войсками и губерниями, но великие заботы неминуемо отдаляли его от государя, Ягужинский же был силен «постоянным неотлучением от царского величества». Уже в 1710 году прозорливый датский посланник Юль пишет: «Милость к нему царя так велика, что сам князь Меншиков от души ненавидит его за это; но положение [Ягужинского] уже настолько утвердилось, что, по-видимому, со временем последнему, быть может, удастся лишить Меншикова царской любви и милости, тем более что у князя и без того немало врагов». При этом Павел Иванович в это время, по выражению того же Юля, всего лишь «царский камердинер», а Меншиков уже фельдмаршал и светлейший князь. Однако при самодержавии главным фактором влиятельности является близость к государю, и по этому параметру Ягужинский долгие годы занимал одно из первых мест при дворе.

Чем этот молодой человек так полюбился Петру, угадать нетрудно. Он был весел и приятен в обращении, как Лефорт, безудержен в пьянстве и лихачестве, как тот же Меншиков, но в отличие от Алексашки не лжив, а всегда искренен и – главное достоинство в царских глазах – по-собачьи предан.

Понемногу верный человек рос в чинах, доказывая свою полезность не только в услужении, но и в ответственных делах – человека никчемного Петр при себе держать бы не стал. Во время Прутского «сидения» Ягужинский, к этому времени капитан Преображенского полка, бегает в турецкий лагерь от царя к Шафирову и обратно, донося Петру о ходе судьбоносных переговоров. После чудесного избавления от опасности царь на радостях жалует Павла Ивановича званием генерал-адъютанта.

В последующие годы Ягужинский по-прежнему сопровождает государя во всех поездках, но генерал-адъютанту начинают давать и самостоятельные задания, в том числе дипломатические. Нельзя сказать, чтоб Павел Иванович на этом поприще как-то особенно отличился, однако главным его капиталом был не талант. Способных

людей вокруг Петра, в общем, хватало, но никому из них он не доверял так, как Ягужинскому.

При реформе государственного управления, развернувшейся во втором десятилетии XVIII века, скоро стало ясно, что самой острой административной проблемой жестко централизованной власти является контроль за бюрократической машиной. По учреждении коллегий Ягужинский получает довольно странную должность «понудителя» их деятельности. Если воспользоваться терминологией другой эпохи, это что-то вроде комиссара, который, не являясь специалистом, понимает высшие политические задачи, следит за их реализацией и «докладывает руководству». Павел Иванович – надежное «государево око», которым Петр наблюдал за делами, имевшими наибольшую важность. Когда приоритеты менялись, Ягужинский получал новое назначение.

Павел Ягужинский. *Гравюра XIX в.*

Вот открылся Аландский конгресс, на котором решается судьба Северной войны, – и Павел Иванович становится там вторым (после Брюса и выше Остермана) «министром», опять-таки не для ведения переговоров, а для контроля.

Когда с первой попытки заключить мир не получилось, Петр увлекся идеей австрийско-российского союза, который должен был изменить политический баланс в Европе, – и Ягужинский едет чрезвычайным посланником к императору Карлу. Ничего путного из

этой поездки не выходит, и в 1721 году Павел Иванович работает «оком» на втором туре российско-шведских переговоров, где от него опять немного пользы, всё делает Остерман.

Но, как уже говорилось, Петр ценил фаворита не за способности, а за верность, и в конце концов для Ягужинского находится идеальное место.

В 1722 году Павел Иванович получает только что учрежденную должность сенатского генерал-прокурора, задача которого «накрепко смотреть, чтобы Сенат свою должность ревностно отправлял». Генерал-прокурор стоял между государем и высшим органом власти – то есть был выше Сената. «Аппаратный вес» Ягужинского гарантировался тем, что он чаще всех прочих вельмож видел императора и обладал полным его доверием.

Самый сановный из петровских соратников в это время – князь Меншиков, но и он бессилен против Ягужинского. Многолетнее соперничество двух бывших денщиков заканчивается безусловной победой младшего. В последние месяцы жизни Петра старинный царский приятель в немилости, вот-вот угодит в окончательную опалу. Не жалует царь и супругу, в преданности которой после истории с Виллемом Монсом сомневается. Ярче всего в начале 1725 года сияет звезда генерал-прокурора Ягужинского.

Тень, знавшая свое место
Алексей Макаров (1675–1740)

Впрочем, близ царя находился еще один служитель, уже вовсе с ним неразлучный, истинная тень Петра. Род обязанностей этого человека исключал всякую самостоятельность, положение его было очень скромное, почти незаметное, а все же от него зависело многое и никто не осмеливался портить с ним отношений.

Алексей Васильевич Макаров был потомственным подьячим и начинал службу в приказной избе. Сначала у Меншикова, потом – несомненно, по рекомендации Александра Даниловича – попал подьячим же к государю. Это произошло в 1704 году, и с тех пор Макаров состоял при Петре до самого конца.

Государь ценил этого тихого работника за любовь к порядку, честность, идеальную исполнительность и неучастие в придворных интригах. Макаров аккуратно вел всю огромную переписку вечно спешащего Петра, с одинаковым усердием занимался и государственными делами, и личными нуждами царя. Через некоторое время Петр уже не мог без этого помощника обходиться.

При этом существовала и так называемая «ближняя походная канцелярия», которой руководил старый пьяница Никита Зотов, к которому царь был привязан с детства. Зотов пышно именовался «ближней канцелярии генерал-президентом», получил титул графа, но никакого веса не имел. Макаров же в чинах практически не поднимался, его просто переименовывали: из «государева двора подьячего» в «придворного секретаря», затем в «кабинет-секретаря» – однако он был в курсе всех царских дел, мимо него не проходила ни одна бумага, и все знали, что путь к Петру лежит через Алексея Васильевича.

А.В. Макаров. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Нет смысла перечислять круг обязанностей Макарова – всё, чем интересовался и занимался царь, автоматически становилось компетенцией Кабинета, как называлось маленькое ведомство кабинет-секретаря. Помимо прочего оно распоряжалось приватной казной государя, а в ней скапливались немалые суммы. Петр желал подавать своим подданным пример денежной щепетильности и поначалу брал на свои личные надобности только жалование, полагавшееся ему по занимаемому чину (десятника, капитана, потом гвардейского

полковника), но через некоторое время в ту же копилку полились более существенные суммы – например, «подарки» от торговых кумпанств, губернских управлений и так далее. Туда же шел доход от монополии на соль – 600 тысяч рублей в год. Расходовались эти средства по желанию государя на что угодно, бесконтрольно. Ведал такими денежными выплатами Макаров, и деньги к его рукам не прилипали. Он так и не стал богачом, получая весьма нещедрый оклад: сначала 300, потом 600 рублей в год (последний соответствовал чину полковника). Иногда царь награждал секретаря поместьями, но тоже умеренно – не десятками тысяч и не тысячами душ, как других своих соратников, а сотнями. Известно, что для повышения доходов экономный и расчетливый Алексей Васильевич давал ссуды под процент, тоже невеликими суммами.

Отдельного упоминания заслуживает особое задание, которое он получил от государя после Ништадтского мира, – составить «Гисторию Свейской войны». Объяснение тут может быть только одно: эта важная работа должна была вестись в непосредственной близости, чтобы Петр во всякую свободную минуту имел возможность внести поправки и дать указания. К тому же в качестве кабинет-секретаря Макаров, конечно, имел доступ ко всем архивам и документам. Под сухим пером бывшего подьячего труд получился довольно скучным для чтения. Впрочем, занимательность не входила в задачу автора – государю требовалась «правильная» трактовка всех перипетий этой долгой и трудной войны, и с этой целью «Гистория» справилась.

Фигура личного помощника, регулирующего информационные потоки и «доступ к телу» правителя, имеет колоссальное значение во всякой самодержавной системе, а в бюрократической – особенно, поэтому даже нечестолюбивый, бесконфликтный Алексей Васильевич очень быстро сделался влиятельнейшей персоной. Уже в 1706 году сам Апраксин, пересылая царю прошение, обращается к ничтожному подьячему следующим образом: «Пожалуй, мой благодетель, когда вручено будет, вспомози мне о скором ответствовании, в чем имею на тебя надежду». Славный фельдмаршал Шереметев смиренно просит походатайствовать за него перед государем: «Просил я его царское величество о милосердии, чтоб меня пожаловал, отпустил в Москву и в деревни для управления и чтоб успел я отделить невестку свою со внуком».

Макаров знает, когда и при каких обстоятельствах лучше «занести» бумагу к монарху, чтоб не получить отказа; может ускорить или замедлить дело; вовремя напомнить его величеству о чем-то – или не напоминать.

Рост влияния Алексея Васильевича можно проследить по тому, как к нему обращается в письмах первый вельможа страны Меншиков, некогда сам пристроивший к царю своего человечка. Сначала светлейший пишет попросту «господин Макаров» или «господин секретарь», но в 1720-е годы адресация уже иная: «благородный господин кабинет-секретарь».

Отношения между ними все эти годы хорошие, Макаров из тех, кто помнит добро, но постепенно роли меняются, и теперь уже Александр Данилович зависит от кабинет-секретаря, а не наоборот. Особенно важным для Меншикова расположение былого протеже становится в 1724 году, когда Петр отворачивается от своего старинного приятеля.

Дружба Меншикова с Макаровым станет одним из решающих факторов в борьбе за престол.

Чернокнижник с Сухаревой башни
Яков Брюс (1670–1735)

Выходец из Немецкой слободы Джеймс Брюс, несмотря на имя и этническое происхождение, иностранцем в России не считался. Доказательством тому служит назначение его в 1717 году президентом одной из коллегий, возглавлять которые, согласно строгому регламенту, могли только русские.

Яков Вилимович, как его именовали современники, принадлежал к знатному шотландскому роду, в свое время давшему этой маленькой стране двух королей, однако его отец был обыкновенным наемником и в середине семнадцатого столетия завербовался на московскую службу, где умер полковником.

Юный Яков-Джеймс начинал прапорщиком в полку европейского строя, служил под командованием Патрика Гордона. Обстоятельства, при которых офицер попал в окружение молодого Петра, не вполне ясны. Одни авторы пишут, что Брюс был еще подростком записан в «потешные», но более вероятной кажется версия, по которой он привлек внимание царя только в 1689 году, когда гордоновский полк передислоцировался в Троицкий монастырь и тем самым предрешил победу Нарышкиных.

В середине 1690-х «Яшка Брюс» упоминается среди царских собутыльников, а когда он женится, посаженым отцом на свадьбе у него будет сам государь.

Хорошо образованному русскому европейцу, принадлежащему к царской «компании» и к тому же интересующемуся артиллерийским и инженерным делом, карьера давалась легко. В первом Азовском походе он не слишком успешно занимался саперными работами (взорвать стену не получилось), зато во второй кампании проявил главный свой талант – научный: изготовил прекрасную географическую карту Днепро-Донского бассейна, за что был пожалован чином полковника.

Царь не взял с собой Брюса в Европу, но, встретившись с английским королем и получив приглашение посетить Лондон, вспомнил, что у него есть собственный британец, и срочно вытребовал его из Москвы.

Яков Вилимович провел на острове несколько месяцев, с огромной охотой изучая всевозможные науки, и просил государя оставить его подольше. В Москву Брюс вернулся уже не столько военным, сколько ученым. В дальнейшем он будет совмещать два эти занятия – государеву службу и собственные научные изыскания в самых различных отраслях. Брюс был настоящим полиматом, «универсальным ученым», который интересовался всем интересным, от химии до движения светил и от математики до мистики. В ту эпоху граница между физикой и метафизикой, астрономией и астрологией, химией и алхимией была еще зыбкой; Брюс с одинаковой страстью отдавался и серьезным, и шарлатанским наукам. На верхнем этаже самого высокого московского здания, Сухаревой башни, он устроил обсерваторию, откуда наблюдал за звездами. В тогдашней России подобных людей не видывали, и Яков Вилимович прослыл чародеем-чернокнижником, легенды о его колдовских чудесах со временем станут городским фольклором.

Однако свободного времени у Брюса было немного. Царь считал его человеком полезным и все время нагружал работой.

Основная специализация Якова Вилимовича, артиллерийское дело, определилась с 1701 года. Потеряв много начальных людей, попавших под Нарвой в шведский плен, Петр расставлял на освободившиеся посты тех, кого лично знал и кому доверял. Брюсу досталось управление прифронтовой Новгородской губернией, откуда надо было отправлять пушки в лишившуюся всей артиллерии действующую армию. С церквей Новгородчины снимали колокола, срочно отливали орудия. Всего за один год русская артиллерия воскресла, обогатившись тремя сотнями стволов.

В качестве командующего осадными батареями Брюс участвует во взятии шведских крепостей. Петр так им доволен, что в 1704 году назначает временно исполнять должность генерал-фельдцейхмейстера (начальника всей артиллерии) вместо грузинского царевича Александра Имеретинского, томящегося в плену.

Яков Вилимович участвовал во всех последующих кампаниях, ведая не только пушками, но военно-инженерными работами. Под его руководством русская артиллерия становится одной из лучших в Европе и часто решает судьбу не только осад и полевых сражений. При Полтаве именно картечь брюсовских пушек нанесла атакующим

шведским полкам самые большие потери, за что Брюс получил орден Андрея Первозванного.

В 1711 году царевич Имеретинский умер, так и не вернувшись в Россию. С этого времени Яков Вилимович – уже официальный генерал-фельдцейхмейстер, каковым он и останется до смерти Петра. К 1725 году парк российской артиллерии насчитывает пять тысяч пушек (не считая флотских). Брюс командует не только ими, но и всеми крепостями страны. Он, вместе с президентом военной коллегии Репниным и генерал-адмиралом Апраксиным, входит в тройку высших военачальников империи.

Яков Брюс. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Но Петр активно использовал Якова Вилимовича и еще на одном поприще – внешнеполитическом. Главным достоинством Брюса-дипломата, кажется, была представительность. Потомок шотландских королей на русской службе поднимал престиж державы. На свадьбе сына с немецкой принцессой Петр сажает на самое видное место Брюса. С той же декоративной целью назначают его главой делегации на мирных переговорах со шведами, где всей интриганской частью ведает Остерман, а роль «царского ока» исполняет Ягужинский. Яков Вилимович не понимает, что его функция – быть свадебным генералом, жалуется государю на «многие противности от Остермана». В утешение Петр еще до окончания переговоров награждает обиженного графским титулом.

Куда больше прока от Брюса, когда он занимается делами, в которых хорошо разбирается: наймом иностранных специалистов или промышленностью. В 1717 году, уже сенатором, он получает президентство в только что учрежденной Мануфактур-коллегии, а через два года возглавляет еще и Берг-коллегию, то есть сосредотачивает в своих руках управление всеми заводами, фабриками и рудниками. Помимо того, Брюс ведает типографиями, чеканкой монеты, составлением военных артикулов, учреждением артиллерийской и инженерной школ – такое ощущение, что Петр приставлял его ко всякому делу, которое не знал кому поручить. И повсюду Брюс оказывался полезен.

Но душу Яков Вилимович по-прежнему вкладывает только в научные изыскания. Список его достижений на этом поприще впечатляющ. Он изобрел новый сорт пороха, позволивший увеличить точность и дальность выстрела; составил первую русскую логарифмическую таблицу; написал учебник по геометрии; выпустил «Глобус небесный иже о сфере небесной», то есть карту звезд; наконец собрал крупнейшую в стране библиотеку и коллекцию редкостей, впоследствии доставшуюся Академии наук.

Чины и титулы Брюса не радовали, высокие должности не привлекали, он желал только одного – спокойно жить и заниматься науками. Еще при жизни Петра, в 1724 году, он объявил себя больным и перестал бывать на службе и во дворце. Из затворничества Яков Вилимович вышел лишь по смерти императора, и то ненадолго. Он возглавил похоронную комиссию и лично руководил бальзамированием

тела, но в последующей борьбе за власть никак не участвовал, хотя имел для того достаточно средств.

Последние годы Брюс наслаждался уединением в своем подмосковном имении, где построил обсерваторию и лабораторию. В отсутствие неугомонного Петра никто Якова Вилимовича от любимых занятий больше не отвлекал.

Боевые генералы

Россия почти все время воевала, военные нужды составляли главную заботу страны, всё подчинялось интересам армии. Тем удивительней, что самые важные люди войны, боевые генералы, занимали в государстве не слишком видное место. Политическое значение даже фельдмаршала Шереметева, фактически спасшего державу в самые трудные годы, было ничтожно, да и впоследствии, когда число хороших военачальников увеличилось, никто из них по влиятельности и близко не сравнялся с администраторами, ближними царедворцами или дипломатами. Может быть, причина в том, что по-настоящему крупных полководцев так и не выявилось.

Однако молодая российская армия постепенно обзавелась отличными полевыми командирами, и одним из лучших считался **Аникита Иванович Репнин** (1668–1726). Правда, за сорокалетнюю службу он не одержал самостоятельно ни одной большой победы, но в битвах не раз начальствовал над самыми ответственными участками.

А.И. Репнин в молодости и в зрелые годы

Начинал Репнин обычным для петровского окружения образом.

Как отпрыск княжеского рода и сын крупного чиновника (его отец в 1680-е годы возглавлял Сибирский приказ), юный Аникита поступил к «младшему царю» спальником, потом, как водится, оказался в рядах первых «потешных», и во время Кожуховских маневров мы видим его уже подполковником Преображенского полка. Репнин побывал в Азовских походах, но первый раз по-настоящему отличился в бою с соотечественниками: он был одним из предводителей правительственных сил при разгроме стрелецких мятежников в 1698 году. Вероятно, это отличие и поместило Аникиту Ивановича в высший разряд генералитета.

При подготовке к большой войне он получает начальство над одним из пяти «генеральств» (дивизий). Набрав восемь полков, Репнин ведет их к Нарве, но, на свое счастье, из-за осенней распутицы опаздывает к сражению и тем самым избегает участи остальных дивизионных командиров, попавших в шведский плен.

Таким образом, в ноябре 1700 года князь оказался единственным военачальником, сохранившим себя и свои войска. Ему царь и поручил формировать новую армию.

С этой задачей Репнин справился настолько успешно, что уже в следующем году Петр имел возможность отправить королю Августу подкрепление – 20 тысяч солдат. Возглавлял корпус князь Аникита Иванович. Саксонский главнокомандующий фельдмаршал Штейнау пишет о русском генерале так: «Генерал Репнин человек лет сорока; в войне он не много смыслит, но он очень любит учиться и очень почтителен».

Учеником Аникита Иванович действительно был неплохим. Он участвовал во всех последующих кампаниях, всюду проявляя себя храбрым и толковым военачальником, но первое крупное сражение – в 1708 году при Головчине – заканчивается для него плохо.

В это время Карл XII наконец повернул свои главные силы на восток, и русская армия пятилась, уклоняясь от решительного столкновения. Координация частей была нарушена, поскольку пехотой командовал Шереметев, а кавалерией Меншиков, и они плохо между собой ладили. Поэтому когда шведский король все же навязал противнику бой, русские действовали несогласованно. Основной удар пришелся по центральному участку, который обороняли 12 полков Репнина. Помощи от флангов князь не дождался. Часа два он держался

в одиночку, потом его войска дрогнули и побежали, оставив пушки и обоз.

Разгневанный Петр повелел учинить следствие и «накрепко розыскать виновных». Главным виновником конфузии – не вполне справедливо – объявили Репнина, приговорив его к смерти с позорной формулировкой «за бесчестный уход от неприятеля». Казнить не казнили, но разжаловали в рядовые и заставили из своего кармана возместить стоимость потерянного военного имущества.

В нижних чинах Аникита Иванович пробыл всего два месяца. Скоро состоялось еще более крупное сражение при Лесной. Репнин участвовал в нем солдатом, с ружьем в руках, но перед началом боя сумел дать царю совет: поставить позади полков конных казаков и калмыков и приказать им убивать всех, кто побежит. Идея «заградотрядов» по тем временам была свежей, Петру она понравилась, и он поблагодарил Репнина, назвав «товарищем». После победы, на радостях, царь Аникиту Ивановича восстановил в чине. Рассказывают, что заступником выступил главный герой дня Михаил Голицын, о котором речь пойдет ниже. Когда государь спросил Голицына, чем его наградить, тот ответил: «Прости Репнина».

Петр не только простил Аникиту Ивановича, но в генеральной битве под Полтавой опять доверил ему командовать центром русских позиций, на которые обрушился главный натиск шведов. И на сей раз Репнин не подвел, за что был награжден орденом Андрея Первозванного.

На втором, послеполтавском этапе войны Аникита Иванович ничем особенным не блистал, но это и не требовалось, поскольку преимущество все время было у русских. На балтийском театре военных действий Репнин по большей части выполнял роль меншиковского заместителя, став вторым по рангу военачальником. Когда же активные боевые действия переместились с суши на море, князь получил «мирное» назначение: пост рижского генерал-губернатора.

Следующий карьерный взлет Репнина произошел не по заслугам, а потому что в опалу угодил главный российский военный Меншиков. В начале 1724 года Петр снял Александра Даниловича с должности президента Военной коллегии и поставил на его место Репнина. В том

же году Аникита Иванович получил высший армейский чин генерал-фельдмаршала.

В борьбе за власть, разгоревшейся после смерти Петра, Репнин и Меншиков окажутся в противоположных партиях.

Следующий по старшинству генерал, **Михаил Михайлович Голицын** (1675–1730), как полководец был даровитее. В «Экстракте о службах генерала кавалера князя Голицына» сказано, что в 7195-м (1687) году, то есть двенадцати лет от роду, он взят из комнатных стольников царя Петра в Семеновский полк, где «за малолетством был в науке барабанной». Из этого же документа узнаем, что он и дальше повсюду следовал за Петром – в 1689 году, солдатом, был в Троицком монастыре, строил корабли на Плещееве озере, участвовал «под Кожуховым на потехе», при взятии Азова, уже в чине поручика, был ранен стрелой, но не покинул боя и за это произведен в капитан-поручики.

Михаил Голицын отличался большой отвагой. В 1700 году под Нарвой он опять ранен «в ногу насквозь, да в руку слегка». При штурме сильной крепости Нотебург князь был в первых рядах. Когда атака захлебнулась и царь дал приказ отступить, Голицын не подчинился, крикнув, что он уже «не Петров, а Богов», – и повел солдат на стены. Петр пожаловал молодого храбреца в гвардейские полковники и с этих пор относился к нему особенным образом.

Скоро князь был произведен в генералы и получил командование над всей лейб-гвардией, а в 1708 году он одержал первую победу во главе отдельного корпуса.

Большой вражеский контингент (его вел один из лучших шведских генералов барон Роос) несколько отдалился от основных сил, и Голицын, под прикрытием тумана пробравшись через болота и форсировав две реки, неожиданно ударил по неприятелю близ села Доброе – редкий случай, когда русские войска не оборонялись от шведов, а активно их атаковали. Прежде чем король Карл пришел на выручку Роосу, русские успели изрядно потрепать противника, даже захватили несколько пушек и знамен, после чего безнаказанно отошли. Победа была невеликой, но она очень воодушевила Петра, который радостно написал жене: «Правда что я, как стал служить, такой игрушки не видал, однако сей танец в очах горячаго Карлуса изрядно станцовали». Голицын получил орден Андрея Первозванного.

Так же прекрасно он проявил себя в более важной битве при Лесной, где, как уже было сказано, стал главным героем дня и проявил особое благородство, попросив царя вместо награды простить Репнина. (Награду он, впрочем, все равно получил – звание генерал-поручика, не считая имущественных пожалований.)

При Полтаве Михаил Михайлович командует гвардией, на которую пала чуть ли не основная тяжесть этого кровопролитного сражения, однако главная его заслуга – преследование расстроенного, но пока еще не уничтоженного шведского войска. Голицын с передовым отрядом догнал врага у Переволочны и задержал до подхода Меншикова с основными силами, после чего Левенгаупту пришлось капитулировать.

В последний период войны Голицын действовал против шведов в Финляндии, где первым придумал в зимнее время ставить солдат на лыжи.

М.М. Голицын. *Неизвестный художник. XVIII в.*

В конце зимы 1714 года он командовал русской армией в битве при Лапполе, близ города Ваза. Войско генерала Армфельдта потеряло половину людей убитыми, ранеными и пленными, после чего шведы

утратили контроль над Финляндией. Это было последнее большое сухопутное сражение Северной войны.

Но Михаил Голицын умел биться и на море. В том же году он участвовал в корабельном бою у Гангута, а в 1720 году даже командовал флотом при Гренгаме, воюя на воде так же, как на земле – не маневрами и пушечным огнем, а лихой штыковой атакой.

После войны генерал-аншеф Голицын «имел вышнюю команду над Санкт-Петербургом и прочими принадлежащими к нему крепостями», что было знаком высшего доверия со стороны государя и приобрело исключительную важность в 1725 году, когда решался вопрос о престолонаследии. Сам Михаил Михайлович, кажется, был далек от политики, но в подобных делах он привык слушаться старшего брата Дмитрия, в то время президента Камер-коллегии и давнего недоброжелателя Екатерины.

Прибыльщики

При Петре появился особый род государственных помощников, получивших название «прибыльщиков», они же «вымышленники». Это были хитроумные люди, «вымышлявшие» новые способы пополнить вечно несытую казну. Государь такого рода деятельность всячески приветствовал и поощрял.

Почин возник еще в 1699 году, когда в Москве неизвестный подкинул в Ямской приказ пакет с надписью «поднесть благочестивому государю, царю Петру Алексеевичу, не распечатав». Внутри, вопреки обыкновению, оказалась не петиция и не кляуза, а деловая записка, очень заинтересовавшая государя: предлагалось все юридические бумаги писать только на «орленой бумаге», продаваемой по установленной таксе. Оказалось, что автор письма – маршалок (дворецкий) Бориса Петровича Шереметева, сопровождавший своего господина в европейской поездке и узнавший там о существовании гербового сбора. Приметливого человека звали Алексеем Курбатовым. Он обратился к царю со следующим прошением: «Повели мне где мочно учинить, какие в котором приказе прибыли или какие в делах поползновения судьем, наедине доносить безбоязненно, в чем усердие мое обещаюся являти тебе, государю, яко самому богу».

Петру идея чрезвычайно понравилась, и скоро образовался целый разряд штатных и внештатных доброхотов, старательно изыскивавших способы «чинить государю прибыль». Большей или меньшей известности достигли человек двадцать, но прибыльщиков разного уровня и разной успешности было гораздо больше. Многие вышли из грамотных боярских дворовых, которые из-за близости к большим людям и большим делам обладали кругозором и сметливостью.

Самым активным и известным из прибыльщиков так и остался Алексей Александрович Курбатов (1663–1721), беспрестанно изыскивавший новые возможности пополнения казны. Некоторые его «доносы» (так назывались просто донесения) были мелкими: например, он обнаружил, что английские учителя в Навигацкой школе «по своему обыкновению почасту и долго проспят», или разоблачил в Серебряном ряду фальшивомонетчика, или присоветовал отобрать у разгульных купцов припрятанное богатство, ибо они его все равно «небрегут и

пьянством своим истощают». Однако некоторые инициативы Курбатова имели серьезное государственное значение.

Спопий копиа 3

Божиею милостию

мы Елисавет первая императрица
и самодержица всероссийская.

и прочая, и прочая и прочая

Известно и ведомо да будет каждому что мы Чуея Чуеева
который нам прапорщиком служил для его оказанной в
службе нашей ревности и прилежности в наши порутчики
тысяща седмь сот четыре десят четвертого года
Генваря 10 дня всемилостивейше пожаловали и учредили
яко же мы сим жалуем и учреждаем повелевая всем
нашим помянутого Чуея Чуеева за нашего порутчика
надлежащим образом признавать и почитать напротив
чего и мы надеемся что он всем ему от нас
тож всемилостивейше пожалованном чине так верно
и прилежно поступать будет как то верному и доброму
афицеру надлежит во свидетельство того мы сие нашей
государственной военной коллегии подписать и государ
ственною печатью укрепить повелели. дан в Санктпетербурге
лета 1745 октября 2го дня на подлинном подписано тако
фельтмаршал князь Долгорукой генерал маиор Иосиф
Гампф; генерал маиор Иван Кавидорф; обер секретарь
Аврам Маловицкой; секретарь Стефан Тарасов; в военной
коллегии записан по № 395 приписании в коллегии
иностранных дел № 539 положена на подлинном патенте
печать красного воску: у подлинной копии подписано
тако; помощник Гаврила Сафонов читал канцелярист
Кирила Ларионов; Агафон подьячих

Списка читал регистратор Илья Харламов

Документ на гербовой бумаге. *Середина XVIII века*

В конце 1700 года, когда умер патриарх Адриан, прибыльщик посоветовал царю не торопиться с выборами нового главы церкви, а лучше «учредить особливый расправный приказ для сбора и хранения [церковной] казны». Время было лихое, посленарвское, Петр отчаянно нуждался в деньгах, и совет пришелся кстати. Церковное имущество перешло под управление государства – Монастырского приказа, а патриархов в романовской монархии больше не будет.

Еще одну ценную рекомендацию государю Курбатов дал в 1709 году, когда по всем областям дьяки начали выколачивать из крестьян недоимки за многие годы. Прибыльщик написал царю: «Ежели вашим призрением [должники] ныне вскоре отсрочкою помиловани не будут, то в сих последних сего года месяцех премногое приимут разорение и, бог весть, будут ли впредь инии даней ваших тяглецы». Царь хоть и нуждался в деньгах, но умному совету последовал, повелев ограничить податные претензии только двумя последними годами.

В награду за усердие Петр продвигал полезного человека по службе. Сначала Курбатов числился дьяком Оружейной палаты, в 1705 году стал ратушным обер-инспектором (по определению Ключевского – «министром городов и финансов»), а в 1711 году получил пост архангельского вице-губернатора. Эта должность была очень важна, поскольку через Архангельск шла основная часть экспортно-импортных операций, и значительная часть денег прилипала к рукам нечистоплотных распорядителей.

Курбатов с пылом взялся за дело, рассчитывая вскоре выслужиться в губернаторы (царь ему это обещал). Алексей Александрович довольно быстро вышел на главных лихоимцев, братьев Соловьевых, которые ведали казенными продажами. Как выяснилось, они наворовали чуть не на 700 тысяч рублей. Но Соловьевым покровительствовал сам Меншиков, а такой противник прибыльщику был не по зубам. Его самого отдали под следствие, благо было за что (Курбатов тоже приворовывал, хоть и в не сопоставимых с Соловьевыми размерах – сущие пустяки, 16 тысяч). Дело тянулось целых семь лет, и до его окончания знаменитый прибыльщик не дожил, так и умер под следствием.

Немногим веселей была судьба другого прославленного «вымышленника» Василия Семеновича Ершова (1672–1729?), который поднялся по чиновной лестнице еще выше. Это тоже был дворовый человек, слуга князя Михаила Черкасского, одного из предводителей нарышкинской партии.

Ершов обратил на себя царское внимание «рационализаторскими предложениями», эффект от которых современники оценивали в 90 тысяч рублей. Покровительствовал Ершову сам Меншиков, с которым, в отличие от Курбатова, Василий Семенович никогда не ссорился и сделал головокружительную карьеру.

В 32 года бывший холоп уже судья дворцовой канцелярии; затем возглавляет Конюшенный приказ, а в 1711 году получает в ведение Московскую, в ту пору еще столичную, губернию. Правда, вскоре безродного Ершова спускают в вице-губернаторы, но он остается фактическим хозяином Москвы, однажды даже свалив очередного начальника губернатора А. Салтыкова.

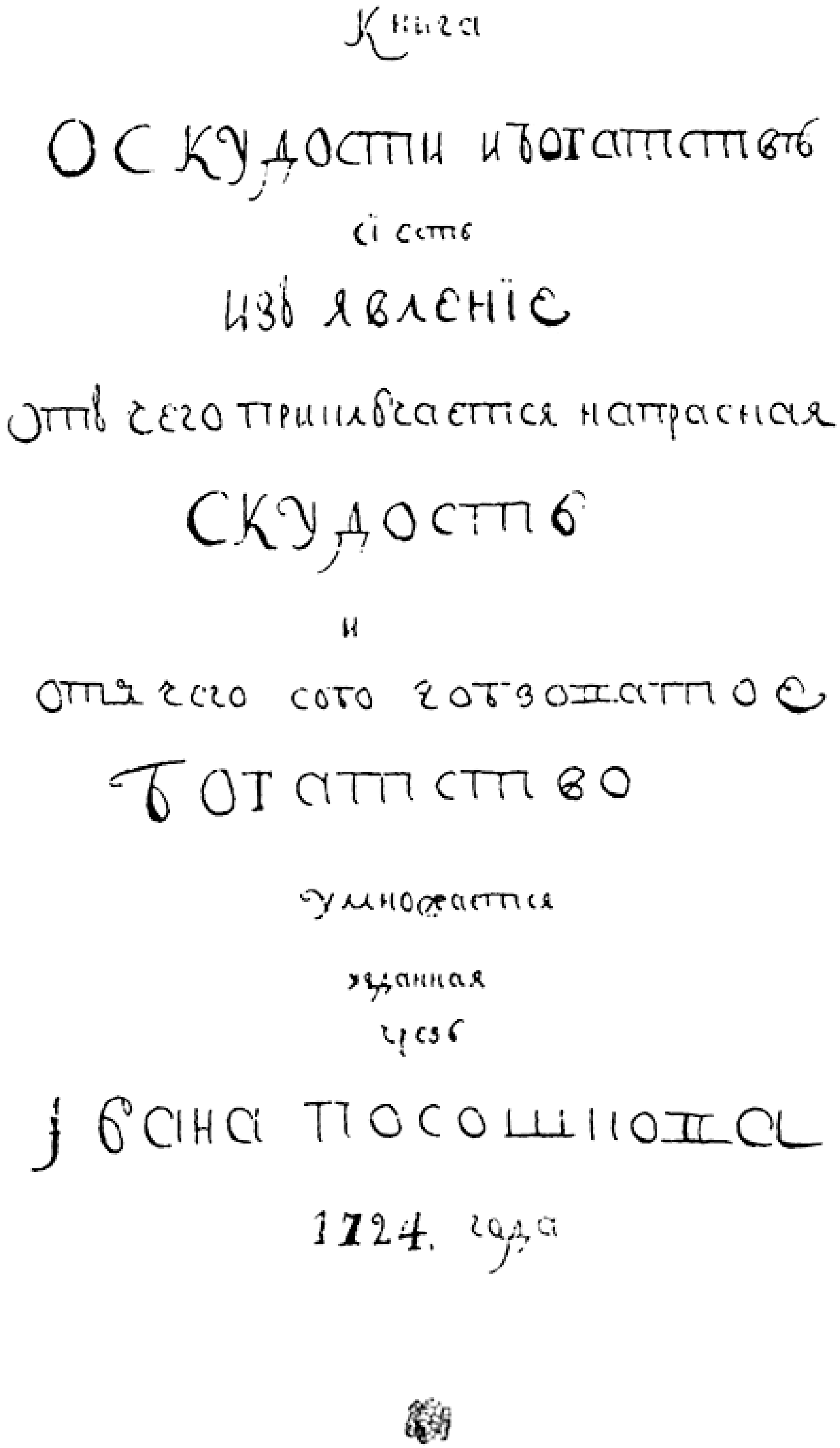
Следующим назначением деятельного администратора и опытного финансиста стало главенство в Монастырском приказе, то есть управление огромным церковным хозяйством, в котором одних только крестьянских дворов насчитывалось полтораста тысяч.

Закончилась карьера Ершова так же, как у Курбатова – опалой и следствием. Единственное различие заключалось в том, что Курбатова погубила вражда с Меншиковым, а Ершова, наоборот, близость к временщику. Когда закатилась звезда светлейшего, сгинул и его ставленник. В виде особой милости Ершову дозволили удалиться в монастырь, где бывший начальник всех монастырей и умер.

Существовала еще одна разновидность прибыльщиков – прожектеры, то есть люди, которые занимались не практической деятельностью, а представляли наверх прожекты, нацеленные на пользу государства. Самым известным из подобных теоретиков является Иван Тихонович Посошков (1652–1726), вся слава к которому, впрочем, пришла посмертно.

Он служил при Курбатове, когда тот начальствовал в Оружейной палате, и тоже пытался придумать что-то полезное, но по мелочи и без особого успеха: изобретал какие-то сошки для мушкетов, пробовал наладить казенную добычу серы, что-то исправить в чеканке

серебряной монеты, однако на этом поприще выдвинуться не сумел. Несколько лучше получались у Посошкова коммерческие затеи – он брался печатать игральные карты, служил «водочным мастером», завел винокуренное дело, так что какого-никакого достатка достиг. Но больше всего он любил составлять прожекты, которые подавал в разные инстанции. Самый важный из них, озаглавленный «Книга о скудости и богатстве», Посошков в 1724 году вручил самому царю.


Книга

О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ

сие есть

ИЗЪЯВЛЕНІЕ

отъ чего приключается напрасная

СКУДОСТЬ

и

отъ чего гобзовитое

БОГАТСТВО

умножается

зданная

чрезъ

Іоанна Посошкова

1724. года

Титульный лист посошковского сочинения

Это была всеобъемлющая, смелая программа не просто повышения казенных доходов, но перестройки всей системы власти. Некоторые положения «Книги» звучат злободневно и сегодня: «У нас вера святая, благочестивая и на весь свет славная, а судная расправа никуда не годится: какие указы ни состоятся, все ни во что обращаются, но всяк по своему обычаю делает. И пока прямое правосудие у нас в России не устроится и все совершенно не укоренится, никакими мерами богатым нам быть, как в других землях, нельзя, также и славы доброй нам не нажить, потому что все пакости и непостоянство в нас чинятся от неправого суда, от нездравого рассуждения, от нерассмотрительного правления и от разбоев». Иными словами, речь шла не более не менее как о создании правового государства, в котором властвовал бы закон. «Неправда вкоренилась и застарела в правителях, от мала до велика все стали быть поползновенны – одни для взяток, другие боясь сильных лиц. Оттого всякие дела государевы неспоры, сыски неправы, указы недействительны», – совершенно справедливо указывал прожектер на хронические болезни «ордынского» государства.

Не похоже, что Петр хоть как-то заинтересовался подобной идеологией. В любом случае царь вскоре умер, а публицисту пришлось расплачиваться за свое вольнодумство. Старика забрали в Тайную канцелярию и заморили в темнице. Правовое государство в России строить никто не планировал.

О петровских радетелях государственного дохода историки обычно пишут одобрительно, считая их деятельность полезной. Однако чего в ней было больше – пользы или вреда – вопрос неочевидный.

Да, прибыльщики были активны и изобретательны – не только из честолюбия, но и ради собственной выгоды, поскольку получали четверть, а то и треть новопридуманного барыша. При этом почти всегда придумки сводились к одному и тому же: как бы похитрее урвать еще кусок от торговли, или от промышленности, или от крестьян с посадскими.

В. Ключевский, относившийся к «прибыльщичеству» критически, пишет: «Новые налоги, как из худого решета, посыпались на головы русских плательщиков. Начиная с 1704 года один за другим вводились сборы: поземельный, померный и весчий [на вес], хомутейный,

шапочный и сапожный…, с извозчиков – десятая доля найма, посаженный [с садов], покосовщинный, кожный…, пчельный, банный, мельничный, с постоялых дворов, с найма домов, с наемных углов, пролубной [с прорубей], ледокольный, погребной, водопойный, трубный…, с плавных судов, с дров, с продажи съестного, с арбузов, огурцов, орехов, и “другие мелочные всякие сборы”». Некий Парамон Старцев, возглавлявший Медовую канцелярию, бравшую подать с пчеловодов, придумал еще облагать нехристиан специальным налогом за иноверческие свадьбы. И конца этому повальному вымогательству не было.

Креатив прибыльщиков сильно раздражал людей, а настоящего дохода давал не так уж много. Хваленый гербовой сбор, про который так много написано, в 1724 году, то есть через четверть века после своего введения, дал в казну всего 17 тысяч рублей, примерно 0,2 % бюджетных поступлений. Налог на бороды, еще одно громкое обирательство населения, дал вовсе смехотворные 297 рублей 20 копеек.

В сущности ничего принципиального во всей этой суетливой деятельности не было. Боярская дума и в допетровские времена, без всяких прибыльщиков, постоянно ломала голову, каким бы косвенным налогом обложить население дополнительно – и все время что-то придумывала.

Просто Петр с его любовью к регламентации и указотворчеству отрегулировал подобное вымогательство и возвел его в доблесть, потому что главный девиз петровской России можно было бы сформулировать так: «Наивысшее благо – польза государства». А пожалуй, что и единственное.

Заключение. Россия становится империей

Попробую дать оценку событиям этой эпохи, настолько изменившей жизнь страны, что мне кажется правильным называть постпетровскую Россию «четвертой» по счету модификацией государства.

Предыдущая, «третья» Русь несколько отклонилась от классической «ордынской» системы, созданной во второй половине пятнадцатого столетия Иваном III. Девиация объяснялась рядом объективных причин. Прежде всего – кризисом царской власти. Из-за пресечения династии трон существенно подрастерял ореол сакральности, совершенно необходимой для державы чингисхановского извода. Первым Романовым пришлось поделиться властными полномочиями сразу с несколькими институтами, чей престиж очень поднялся во время освободительной войны: во-первых, с боярством, выдвинувшим в цари одного из своих представителей; во-вторых, с церковью, духовно возглавившей сопротивление; в-третьих, с Земским собором, потому что настоящими героями национального возрождения были земцы-ополченцы.

Возникшая после Смуты гибридная конструкция, стоявшая одной ногой в Азии, другой – в Европе, оказалась довольно шаткой. Высокая мобилизирующая способность и строгая «вертикальность» управления, несущие опоры «ордынской» модели, расшатались, но не привились и новые европейские тенденции со ставкой на рост городов, промышленность, торговлю и, шире, частную инициативу.

В семнадцатом веке Московское государство успешно действовало только там, где не сталкивалось с серьезным сопротивлением: на пустых просторах Сибири да в борьбе с разваливающейся Речью Посполитой. Всё заметнее становилось отставание России от быстро развивающихся западноевропейских стран, всё острее ощущалась потребность в выходе к торговым морям. На решение последней задачи требовались силы и ресурсы, которых не хватало.

К концу столетия всем умным людям в России стало ясно, что необходимы коренные преобразования. Нужно было выбирать между

двумя путями. Для каждого из них требовалось серьезно перестроить государство: сделать его или более «азиатским», то есть лучше управляемым сверху, или более «европейским», то есть активнее развивающимся на низовом уровне.

Путь, который я очень условно называю европейским (хотя им тогда шли очень немногие европейские страны), строился на концепции, согласно которой богатство государства зависит от богатства его обитателей. Приверженцем этой логики был Василий Голицын. Об этом можно судить по сохранившимся сведениям о его программе, которая называлась «Книга, писанная о гражданском житии или о поправлении всех дел яже належат обще народу». Князь-оберегатель планировал «обогатить нищих», «дикарей превратить в людей», заменить для крестьян государственные повинности «умеренным налогом», посылать дворян для обучения за границу, создать профессиональную армию «бравых солдат» и так далее. При этом он, кажется, не собирался покушаться на национальное своеобразие русских – скажем, брить им бороды и нахлобучивать на них треуголки.

Однако в результате политической борьбы к власти в России пришла другая сила, сделавшая ставку на возвращение к прежней «ордынской» системе, хоть и с многочисленными технологическими поправками в духе времени.

Напомню, что четырьмя главными признаками такого государства являются:

1) предельная централизация и концентрация власти; все мало-мальски важные решения принимаются одной инстанцией – самим государем;

2) все подданные считаются состоящими на службе у государства, которое объявляется высшей ценностью; не государство существует ради народа, а народ ради государства;

3) фигура самодержца священна и находится выше всякой критики;

4) все законы условны, ибо они обязательны только для населения, но не для верховной власти.

Нетрудно заметить, что реформы Петра I были направлены на то, чтобы укрепить все эти четыре столпа.

Административная реорганизация правительства и регионального управления чрезвычайно усилила и упорядочила властную «вертикаль». Самодержавие восстановилось в пределах, каких Россия не видывала со времен Ивана Грозного, и более не ограничивалось ничем: ни патриаршеством, ни думой, ни тем более какими-то собраниями народных представителей.

Все сословия теперь были привязаны к исполнению государственных повинностей еще жестче, чем прежде. Дворян в принудительном порядке заставляли учиться и служить; крестьяне и посадские не только несли на себе всю налоговую тяготу, но по воле начальства должны были беспрекословно идти в солдаты, матросы или рабочие – на очередное казенное строительство.

Царь стал императором, да еще и фактическим главой церкви, которая в новой модели окончательно превратилась в департамент государства.

Бурная законотворческая деятельность ставила своей целью отнюдь не верховенство права, а лишь регламентирование сложной системы повинностей и запретов, при этом из юридической компетенции был выведен даже главный в самодержавном государстве закон о передаче власти. Отныне император и этот ключевой вопрос решал по собственному произволу.

В стране, живущей по подобным принципам, населению необязательно и даже вредно быть зажиточным, поскольку народ, все помыслы которого не сосредоточены на добывании куска хлеба, начинает слишком много о себе понимать, а это создает проблемы для власти.

Если в России и произошла европеизация, то исключительно фасадная, декоративная, а внутренняя архитектура государства, наоборот, была перепланирована на «азиатский» манер. Страна отнюдь не стала частью Европы, а лишь «отворила в нее окно». Окно – не дверь, оно существует для того, чтобы через него смотрели, а не ходили. И смотреть на Европу через окно, да еще зарешеченное (для выезда за границу требовалось разрешение), Россия будет еще долго, продолжая жить своей собственной «ордынской» жизнью.

Зададимся вопросом: велик ли был Петр Великий?

В значении масштаба, исторической значимости – вне всякого сомнения. И лучше всего об этом сказал он сам (в пересказе

брауншвейгского посланника Фридриха Вебера, слышавшего эту речь собственными ушами при спуске очередного корабля): «Кому из вас, братцы мои, хоть бы во сне снилось лет тридцать тому назад, что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать, и в одеждах немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране, воздвигнем город, в котором вы живете; что мы доживем до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышлеными; что увидим у нас такое множество иноземных художников и ремесленников, доживем до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи?»

Продолжим словами Карамзина: «Он… исправил, умножил войско, одержал блестящую победу над врагом искусным и мужественным; завоевал Ливонию, сотворил флот, основал гавани, издал многие законы мудрые, привел в лучшее состояние торговлю, рудокопни, завел мануфактуры, училища, академию, наконец, поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы».

Князь Щербатов еще в восемнадцатом веке составил трактат с длинным, очень интересным названием «Примерное времяисчислительное положение, во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в каком она ныне есть в рассуждении просвещения и славы». По расчетам князя получается, что если бы правительство обходилось без петровских эксцессов, а действовало умеренно и «без самовластия», то на создание новой армии ушло бы лет тридцать; потом еще тридцать на завоевание выхода к морю, строительство портов и флота; затем наступило бы время промышленного строительства, развития торговли, «рудокопательного искусства» и прочее, и прочее, так что Россия достигла бы должных результатов только к 1892 году. В этой альтернативно-исторической проекции примечательно то, что составил ее стародум, ностальгировавший по московским временам, – даже он отдавал должное петровскому величию.

Но это величие обошлось стране очень дорого – может быть, даже слишком дорого.

Выше уже говорилось о тщетности огромных, многолетних трат на воронежский флот и о том, что в результате варварской вырубки

вековых лесов изменилась вся экология верхнего Дона.

Напрасными оказались все жертвы, людские и финансовые, потраченные на попытки зацепиться за Черное море. Невыполненная задача перешла по наследству петровским преемникам.

Но и за успехи – там, где они были достигнуты, – пришлось заплатить ужасающе высокую цену. Плохо задуманная и авантюристически начатая Северная война совершенно разорила и истощила население. Сотни тысяч молодых мужчин погибли в походах и на скверно организованных стройках.

Болезненный, калечащий удар был нанесен по веками формировавшейся национальной культуре, в чем не было никакой необходимости. С Петра русская культура делится на два отдельных потока – народный, сохранивший природное своеобразие, но никем не оберегаемый, и элитарный, изначально подражательный по отношению к Западу и лишь век спустя начавший генерировать нечто ценное.

«Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? – размышляет Карамзин. – Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных породою на бесплодие и недостаток… Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действо сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах».

Итак, петровские новшества были приобретены чудовищно дорогой ценой. Но посмотрим на дело с исторической дистанции, ведь с прошествием времени раны заживают, могилы зарастают, горести забываются. Мало кто сегодня, глядя на красивый город Санкт-Петербург, печалуется, что он «основан на слезах и трупах». В истории часто бывало, что суровый правитель, которого современники считали кровопийцей и тираном, оценивается потомками совсем иначе – потому что будущим поколениям достаются плоды с посаженных этим садовником деревьев.

Посмотрим безэмоционально и объективно, что получилось и что не получилось у Петра Великого.

Главное, самое заметное и несомненное изменение коснулось международного статуса России. Возникла новая великая держава, с которой остальному миру отныне придется считаться – из-за ее размеров, ресурсов и военной мощи. Как писал Соловьев, «что бы ни

задумывалось теперь на Западе, взоры невольно обращались на Восток; малейшее движение русских кораблей, русского войска приводило в великое волнение кабинеты; с беспокойством спрашивали: куда направится это движение?»

Промышленность по сравнению с семнадцатым веком, конечно, выросла, но все же осталась слабой – за исключением заводов военного значения. Что такое двести фабрик и мануфактур для страны с пятнадцатимиллионным населением? Сильной промышленности и не могло появиться там, где частное предпринимательство вело рептильное существование, а основным заводчиком было государство, не самый рачительный и толковый хозяин. Мало развивалась и торговля, опутанная многочисленными ограничениями и не защищенная от чиновничьего произвола. Богатство России по-прежнему почти полностью зависело от крестьянского труда.

Из городов быстро рос только Санкт-Петербург, ради строительства и обустройства которого обиралась вся страна.

Образование, очень скромное, коснулось только самой верхушки общества, а вся масса народа осталась неграмотной и невежественной – притом что в Европе как раз наступил Век Просвещения. «Он велик без сомнения, но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян…» – вздыхает Карамзин, очевидно адресуя эту рекомендацию царю собственной эпохи, в которую эта ситуация нисколько не изменилась.

Получается, что реформы удались лишь в тех областях, которые относительно легко регулировать сверху: в сфере управления и военного комплекса. В остальных отношениях Россия изменилась мало, а значит, по-прежнему была обречена на экономическое, техническое, культурное и социальное отставание от быстро эволюционирующего Запада.

Итак, для макроистории главным итогом петровской деятельности стало то, что Россия превратилась в военную империю.

Кажется, Петр не ставил перед собой задачу создания именно империи. Он хотел всего лишь получить выход к морю, но для этого пришлось подчинить все интересы государства военному строительству.

Эта задача, как уже было сказано, вполне осуществилась. Россия превратилась в огромную машину, работавшую прежде всего на армию и флот (вспомним, что к концу петровского правления, то есть в мирное время, эти статьи поглощали четыре пятых бюджета). Сначала военная мощь была нужна, чтобы отвоевать новые территории; потом – для того, чтобы их удерживать. Вооруженные силы стали позвоночным столбом России. «Во всем свете у нас есть только два верных союзника – армия и флот», – будет говорить Александр III и через полтора с лишним века после Петра.

Сама структура и логика военизированного, по-армейски централизованного государства обрекала его на имперскую судьбу.

Первым отличительным признаком всякой империи является уже поминавшаяся «газообразность», то есть стремление занимать всё доступное пространство.

Благодаря Петру I (или по его вине – в зависимости от точки зрения) «четвертая» Россия преобразовалась в империю и теперь была обречена расширяться.